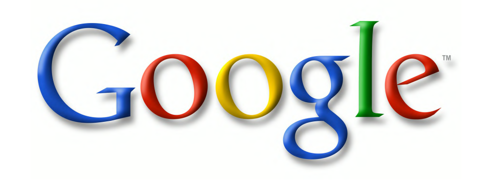
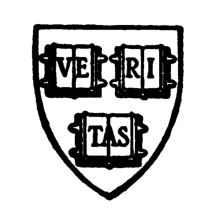

FILOLOGICHESKIIA ZAPISKI

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

1876.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіяхъ: Н. Д. Гольдштейнъ
и
Губернскаго Правленія.

Дозволено Цензурой. Москва, 11 Февраля 1876 г.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

въ 1876 году.

(Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Нар. Пр. и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній и Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній.)

Изданіе „Филологическихъ Записокъ“ будетъ продолжаться и въ 1876 году по той же программѣ и съ тѣми же задачами, которыя Редакція поставила себѣ цѣлью, а именно—сообщать разныя сужденія и изслѣдованія по языку и литературѣ, сравнительному языкознанію, классической древности, миѳологіи, русской старинѣ и народности, славянскимъ нарѣчіямъ и вообще разработывать разные лингвистическіе и грамматическіе вопросы, сообщать отдѣльныя чѣмъ-либо замѣчательныя лекціи, а по возможности и цѣльные разработанные учебники и пр. и пр.

Живое участіе, какое принимали и принимаютъ въ нашемъ изданіи авторитеты науки и спеціалисты, профессоры университетовъ и преподаватели гимназій, служитъ прямымъ ручательствомъ за состоятельность этого единственнаго филологическаго органа въ Россіи и свидѣтельствомъ нашей скромной дѣятельности. Въ подтвержденіе того, что труды наши обратили на себя вниманіе спеціалистовъ и людей науки, мы приводимъ недавній отзывъ о насъ кн. Вяземскаго (П. П.). Въ своихъ „Замѣчаніяхъ на Слово о Полку Игоревѣ,“ вышедшихъ въ настоящемъ году, въ предисловіи къ читателю (стр. XIV), говоря о сравнительномъ изученіи народной словесности, почтенный авторъ замѣчаетъ: „Превосходные труды по

изслѣдованію народной словесности гг. Аѳанасьева, Буслаева, Веселовскаго, Грота, Миллера, Минаева, Пыпина, Стасова, Тихонравова и издателей и сотрудниковъ „Филологическихъ Записокъ“ пролагаютъ и у насъ путь къ живоносному источнику.“

Вотъ имена нашихъ почтенныхъ сотрудниковъ— изъ профессорской корпораціи:

Н. Я. Аристовъ, Ѳ. И. Буслаевъ, А. Н. Веселовскій, А. Д. Галаховъ, Ак. Я. К. Гротъ, А. И. Кирпичниковъ, М. А. Колосовъ, А. А Котляревскій, А. А Кочубинскій, П. А. Лавровскій, Н. А. Лавровскій, О. Ѳ. Миллеръ, И. С. Некрасовъ, И. М. Николичъ, А. Аѳ. Потебня.

Изъ преподавателей Гимназій и частныхъ лицъ: В. А. Андреевъ, Н. И. Баталинъ, А. Д. Бемъ, П. А. Гильтебрандтъ, К. Г. Говоровъ, М. Х. Григоревскій, И. М. Желтовъ, Н. П. Задерацкій, Н. И. Карѣевъ, Г. К. Кайзеръ, П. С. Козловскій, Д. А. Лавренко, В. А. Лебедевъ, В. П. Лобановъ, М. П. Лисицынъ, Н. Д. Мизко, С. П. Микуцкій, П. О. Морозовъ, И. Ю. Некрасовъ, М. Ѳ. де-Пуле, П. Е. Понырко, П. А. Стремлеръ, Ю. О. Стовикъ, А. И. Смирновъ, А. Н. Чудиновъ, М. М. Шапиро, Г. А. Янчевецкій и др.—Въ настоящее время, изъявили желаніе принимать участіе: Кн. П. П. Вяземскій и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Ближайшее же и постоянное участіе въ дѣлахъ Редакціи, въ качествѣ соредактора, принимаетъ А. Н. Чудиновъ.

Представляя различные самостоятельные труды по исторіи литературы и языка, мы постоянно удѣляли мѣсто въ изданіи и переводнымъ статьямъ. Кромѣ небольшихъ переводныхъ статей, мы представили въ переводѣ цѣльныя капитальныя произвденія, а именно—**Макса Мюллера**, „Наука о языкѣ,“ 2 выпуска,—**Гейзе**, „Система языковѣдѣнія,“ 2 части,—**Ренана**, „О происхожденіи языка,“ **Тэна**, „Философія искусства и объ идеалѣ въ искусствѣ,—искусство въ Италіи и Нидерландахъ,—искусство въ Греціи,“ 3 выпуска. Въ настоящее время, Редакціей начаты и будутъ продолжаться переводы образцовыхъ классическихъ иностранныхъ произведеній: Скандинавской поэзіи (коей вышелъ уже I томъ), Романской, Германской, Итальянской, Англійской и Славянской. Изданіемъ такихъ произведеній, а равно памятниковъ на-

роднаго творчества, отечественныхъ и европейскихъ, Редакція стремится удовлетворить какъ педагогическимъ требованіямъ, такъ и любознательности просвѣщенныхъ лицъ. А потому полагаемъ, что каждый преподаватель словесности и языковъ—отечественнаго, древнихъ и новыхъ, каждый студентъ историко-филологическаго факультета, и ученики высшихъ классовъ учебн. заведеній, и школьный учитель, готовящійся къ высшей учительской дѣятельности, и человѣкъ просвѣщенный, интересующійся успѣхами науки,—найдутъ въ нашемъ изданіи обильный матеріалъ для удовлетворенія своей любознательности и пособіе для научныхъ кабинетныхъ занятій.

Потребность въ филологическомъ и классическомъ образованіи въ настоящее время признана настоятельною не въ однихъ лишь классическихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и семинаріяхъ; реальное образованіе равнымъ образомъ требуетъ основательнаго и отчетливаго изученія отечественнаго языка и литературы, слѣд. тоже не можетъ обойтись безъ филологическихъ требованій относительно изученія ст.-Славянскаго и родственныхъ ему языковъ. При такомъ положеніи учебнаго дѣла, изданіе особаго филологическаго органа, полагаемъ, нельзя не считать существеннымъ научно-педагогическимъ пособіемъ и для другихъ реальныхъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній, какъ-то—военныхъ гимназій и прогимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, женскихъ учеб. заведеній и уѣздныхъ училищъ Интересомъ науки связаны не только среднія учеб. заведенія, но и низшія, а потому думаемъ, что наше спеціальное изданіе не чуждо и этимъ послѣднимъ. Наука движется впередъ, слѣд. и учителя уѣзд. училищъ должны так-же слѣдить за успѣхами науки, освѣжать и пополнять свои знанія, а не оставаться на одной точкѣ замерзанія.

Въ заключеніе, мы обращаемся къ начальствамъ тѣхъ изъ учебныхъ заведеній, прежнихъ и вновь открытыхъ, которыя еще не выписывали нашего изданія, и просимъ удостоить оное своимъ вниманіемъ и выпискою, въ виду научныхъ и педагогическихъ цѣлей, для библіотекъ своихъ заведеній. Гг. директоровъ народныхъ училищъ также просимъ оказать содѣйствіе къ распространенію нашего изданія въ подвѣдомственныхъ имъ уѣздныхъ училищахъ.

Въ Редакціи имѣются слѣдующія отдѣльныя изъ Филологическихъ Записокъ изданія:

Э. Ренана. „О происхожденіи языка." Ц. 1 р.

Макса Мюллера. „Наука о языкѣ." Вып. I и II. Ц. 2 р. 50 к. за оба.

Тэна: Искусство въ Италіи и Нидерландахъ, вып. II и Искусство въ Греціи, вып. III. Ц. за оба 1 р. 60 к.

О юморѣ въ сравненіи съ сатирой. Цѣна 35 к.

„**Сборникъ** классическихъ иностранныхъ произведеній въ переводахъ русскихъ писателей," подъ редакціей А. Н. Чудинова, I томъ котораго составляютъ: „Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи." 1875 г. Сборникъ этотъ удостоенъ высокой чести посвященія Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны и рекомендованъ для пріобрѣтенія въ библіотеки Гимназій и ученическія. Цѣна 2 р. за экз.

Желающіе пріобрѣсти полное изданіе „Филологическихъ Записокъ" за прежнее и по настоящее время могутъ обращаться въ Редакцію съ своими требованіями и при этомъ воспользоваться уступкою, пока еще есть небольшой запасъ экземпляровъ.

„Филологическія Записки" издаются въ **Воронежѣ**; выходятъ безсрочными выпусками,—по 6 выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **ШЕСТЬ** рублей, съ перес.

Подписка преимущественно принимается въ Редакціи Филологическихъ Записокъ, **въ Воронежѣ**; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель—Редакторъ **А. Хованскій**.

Дозволено Цензурой. Москва, 1 Декабря 1875 г.

Воронежъ. Въ Типогр. Губ. Правл.

КЪ ИСТОРІИ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА. *)

Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка съ XI по XVI столѣтіе, М. Колосова. Варшава 1872.

Starobulharská fonologie se stálým zřetelem k jazyku Litevskému. Sepsal dr. Leopold Geitler. V Praze. 1873.

I.

Нарѣчія въ древнемъ Русскомъ языкѣ.

«Насъ могутъ упрекнуть въ томъ», говоритъ г. Колосовъ, «что нами вовсе обойденъ важный въ исторіи Русскаго языка вопросъ о времени раздѣленія его на два главныя нарѣчія. На это мы отвѣтимъ, что несчитаемъ возможнымъ, со стороны кого бы то ни было, рѣшительно въ настоящее время отвѣтить на этотъ вопросъ» (Оч., VIII). Дѣйствительно, это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, коихъ при такой задачѣ, какова задача г. Колосова, нельзя обходить безнаказанно, такъ какъ, обойденные, они мстятъ за себя неопредѣленностью и ошибочностью дальнѣйшихъ выводовъ. Нужно имѣть смѣлость встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу, недожидаясь, когда эти вопросы найдутъ будто бы такое рѣшеніе, которое невызоветъ сомнѣній и отрицаній. Окончательныхъ рѣшеній въ такихъ случаяхъ и небываетъ, а временныя и для насъ не только возможны, но и необходимы. Нужно же изслѣдователю исторіи Русскаго языка съ первыхъ письменныхъ памятниковъ дать себѣ отчетъ, о какомъ именно языкѣ онъ говоритъ: объ

---

*) Главы I—VII этого соч. были уже напечатаны въ Жур. М. Н. Пр. (X, 1873 г. и III, IV, X 1874). Здѣсь онѣ перепечатываются въ исправленномъ видѣ, съ значительными поясненіями и прибавленіями, сдѣланными авторомъ, какъ-то: о времени исчезновенія *глухихъ гласныхъ* ъ, ь въ Русск. языкѣ, о словѣ *человѣкъ* и пр.

Ред.

общемъ ли Русскомъ, если таковой ему кажется существующимъ въ изслѣдуемый періодъ времени, или объ одной изъ его вѣтвей? Здѣсь дѣло вовсе не въ томъ, когда именно произошло раздѣленіе языка. Обособленіе этнографической единицы, это—не рожденіе ребенка и не паденіе яблока, о которыхъ при наблюденіи можно сказать, что они произошли во столько то часовъ, минутъ и пр. Здѣсь возможно опредѣлять только столѣтія, позднѣе которыхъ немогло произойдти раздѣленіе языка. Въ этомъ смыслѣ и былъ до сихъ поръ рѣшаемъ упомянутый вопросъ. Мнѣніе мною высказанное, и сколько знаю, неопровергнутое, было таково, что «раздробленіе Русскаго языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII вѣка находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого Велико-Русскаго нарѣчія на Сѣверное и Южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже существованіе Малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга». (Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка. 138). Ниже я постараюсь разъяснить, что въ языкѣ Остромирова Евангелія встрѣчается Сѣверно великорусская черта, именно долгота и пр. Прибавивъ къ этому два другіе Свр. признака, именно смѣшеніе *ц* и *ч*, е и ѣ (Триодь Новгород: Софійск. до 1100. Срезн. Пам. Рус. Письм. 151 слѣд.) можно теперь навѣрное сказать, что раздѣленіе Русскаго языка древнѣе XI вѣка и вся исторія его, основанная на свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣетъ діалектологическій характеръ и есть исторія русскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и нарѣчій письменныхъ, къ коимъ принадлежитъ и нынѣшній литературный нашъ языкъ. Послѣдній неможетъ быть названъ областнымъ только потому, что люди, органомъ коихъ онъ служитъ, разсѣяны по лицу всей Русской земли. Если бы они были скучены, то немогли бы густо населить и одной губерніи, и съ этой стороны (но не вообще) каждое изъ остальныхъ крупныхъ дѣленій Русскаго языка важнѣе русскаго литературнаго. Ни одно изъ этихъ нарѣчій не-

должно быть принимаемо за субститутъ всѣхъ или нѣсколькихъ. Языкъ неесть такое дѣлимое, чтобы можно было безнаказанно брать изъ него для изслѣдованія часть вмѣсто цѣлаго. Такое утвержденіе могло бы быть названо слишкомъ пошлымъ, если бы нельзя было доказать, что у насъ, въ примѣненіи къ языку, pars pro toto безсознательно считается чуть-ли не правиломъ.

Изслѣдователь долженъ помнить, что съ первыхъ памятниковъ письменности онъ имѣетъ дѣло съ образцами не всего Русскаго языка, а лишь нѣкоторыхъ его частей. Пусть о многихъ частяхъ цѣлыя столѣтія небудетъ никакихъ свѣдѣній, все-таки вышеупомянутое сознаніе окажется для выводовъ не безразличнымъ, а весьма важнымъ.

Итакъ, г. Колосовъ оправдывается тѣмъ, что считаетъ вопросъ о времени раздѣленія Русскаго языка въ настоящее время неразрѣшимымъ. Это во-первыхъ. «Во-вторыхъ», говоритъ онъ, «мы имѣли въ виду только Великорусскій языкъ въ его послѣдовательномъ развитіи» (Оч., VIII). Но если такъ, то, стало быть, онъ разрѣшилъ для себя вопросъ о времени раздѣленія Русскаго языка также, какъ рѣшаемъ его и мы. Это и хорошо, но нехорошо то, что г. Колосовъ невполнѣ признаетъ вытекающія отсюда послѣдствія и несвободенъ отъ упомянутаго выше пріема обобщать частныя явленія. Такъ напр., въ числѣ особенностей древняго Русскаго языка (всего), отличающихъ его отъ старославянскаго, онъ приводитъ замѣну *ѣ* черезъ *е* (о чемъ скажемъ ниже), мѣну *у* и *в*, «сравнительно позднее измѣненіе ъ на *о* (ый—ой) и ь на *е* (ій—ей)» (Оч., 14). О предпослѣднемъ сказано, что оно «является (въ XIV вѣкѣ) какъ законъ, дѣйствующій въ Русскомъ языкѣ и до сихъ поръ» (Оч., 104). Изъ этого слѣдовало бы, что понятіе Русскаго языка столь тѣсно, что исключаетъ не только малорусскіе говоры, но и западную часть южно-великорусскихъ, начиная съ юга Тверской губерніи. Позволитъ ли г. Колосовъ дѣлать такіе выводы изъ его словъ? На стр. 108 онъ говоритъ: «Если

1*

имѣть въ виду только *обще-русскія* звуковыя видоизмѣненія, то слѣдуетъ сказать, что фонетика XIV вѣка представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе тѣхъ чертъ, которыя уже были намѣчены въ предыдущемъ столѣтіи. Ново лишь слѣдующее (между прочимъ) отвердѣніе *т* въ оконч. 3 го л. *ть*». Но это черта, какъ извѣстно, не только не обще-русская, но и не обще великорусская и и не обще-малорусская.

«Можно упрекнуть насъ», говоритъ г. Колосовъ, «за отсутствіе сравненія звуковъ и формъ Русскаго языка съ звуками и формами другихъ Славянскихъ нарѣчій и за отсутствіе такого же сравненія съ данными, представляемыми говорами современнаго нашего языка. На послѣднее отвѣтимъ: 1) разработка народныхъ говоровъ у насъ еще въ зародышѣ; 2) древніе памятники почти ничего недаютъ для характеристики діалектическихъ различій Русскаго языка; 3) мы невидѣли особой пользы для нашей цѣли въ сопоставленіи фактовъ современнаго Русскаго языка съ соотвѣтствующими фактами древняго. Положимъ, напримѣръ, что форма *во лузяхъ*, какъ архаизмъ, можетъ служить указаніемъ на существовавшую нѣкогда переходную смягчаемость гортанныхъ; но и безъ такихъ указаній мы знаемъ по памятникамъ, что такое смягченіе существовало въ древне-русскомъ. Отъ настоящаго *можно* заключать къ прошедшему; но *должно* лишь тогда, когда это прошедшее само непредставляетъ намъ достаточно данныхъ для сужденія о немъ». (Оч., VIII—IX).

Мнѣ кажется, г. Колосову, неслѣдовало заранѣе оправдывать возможныхъ недостатковъ своего труда, потому что дѣлая это, онъ къ упомянутымъ недостаткамъ, каковы бы они ни были, заставляетъ прибавить еще ошибочность своихъ оправданій. Извѣстно, что изслѣдователю весьма трудно воспользоваться для своей цѣли всѣми средствами, какія могутъ быть замѣчены его современниками со стороны, и эта трудность служитъ для него самымъ лучшимъ оправданіемъ, между тѣмъ какъ, отвергая цѣлесообразность и даже сущ ствованіе

средствъ, которыми онъ непользовался, авторъ убѣдитъ этимъ лишь тѣхъ, которые вѣрятъ на слово.

Что жь изъ этого, что наша діалектологія находится еще въ зародышѣ? Еслибъ она созрѣла, то намъ пришлось бы заниматься вопросами языкознанія менѣе элементарными. Но во всякомъ случаѣ, она даетъ намъ кое-что. Никто не въ правѣ требовать отъ г. Колосова, чтобъ онъ оставилъ старинные памятники и взялся за изслѣдованіе современныхъ нарѣчій; но есть общедоступныя діалектологическія свѣдѣнія, которыми легко можно воспользоваться, если чувствуется въ этомъ надобность. *)

Мнѣнію г. Колосова, что древніе памятники почти ничего непредставляютъ для характеристики нарѣчій Русскаго языка, мы противопоставляемъ другое упомянуто выше: уже въ началѣ русской письменности языкъ нашъ является лишь совокупностью русскихъ нарѣчій, народныхъ и одного, а потомъ и двухъ, литературныхъ; слѣдовательно, за вычетомъ того, что̀ не только попало въ эту письменность извнѣ, но и осталось въ ней неусвоеннымъ и случайнымъ, все, что̀ ни даетъ она, ближайшимъ образомъ характеризуетъ не Русскій языкъ вообще, а русскія нарѣчія. Правда, что многимъ мы до сихъ поръ неумѣли пользоваться; но для насъ важно убѣжденіе, что всякое новое, хорошо направленное усиліе должно открывать намъ на этомъ полѣ опредѣленныя, замкнутыя очертанія тамъ, гдѣ донынѣ мы видѣли толь-

---

*) Этими свѣдѣніями отчасти пользуется и самъ г. Колосовъ, напр. Оч. 64 (*ц* изъ *ч* въ памят. XI в.) и въ болѣе позднемъ своемъ сочиненіи «Матеріалы для характеристики Сѣверновеликорусск. нар.» (Варш. Ун. изв. 1874), напр. стр. 17. Здѣсь тоже кое-что вызываетъ на споръ, но изъ своихъ возраженій я немогу, неотклоняясь въ сторону, вставить въ эту свою статью лишь немногое. Въ 1875 г. уважаемый авторъ предпринялъ путешествіе для изслѣдованія сѣвернорусскихъ говоровъ на мѣстѣ. Въ настоящее время это путешествіе еще неокончено. Оно продолжится, какъ извѣстно уже, до мая.

ко тьму или безобразное смѣшеніе линій. Авторъ говоритъ, что невидитъ особой пользы въ сопоставленіи фактовъ современнаго и древняго Русскаго языка; а намъ кажется, что польза этого сопоставленія ничѣмъ незамѣнима, и что памятники прошедшаго, сами по себѣ, безъ сравненія съ настоящимъ, никогда не бываютъ достаточно ясны. Изъ примѣровъ, подобныхъ тому, какой приведенъ г. Колосовымъ, видно слѣдующее: что бы ни говорили намъ древніе памятники русской письменности, мы до тѣхъ поръ можемъ сомнѣваться въ томъ, что явленія представляемыя ими, дѣйствительно составляли принадлежность народнаго языка (какъ сомнѣвались, напримѣръ, нѣкоторые относительно *г*, *ѣ*), пока въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ непайдемъ явленій, или такихъ же, или предполагающихъ такія же. Если представляется возможность основать заключеніе на двухъ или нѣсколькихъ посылкахъ, то-есть, въ настоящемъ случаѣ—на нынѣшнемъ языкѣ и на свидѣтельствѣ памятниковъ, то основываясь на чемъ-нибудь одномъ, мы во всякомъ случаѣ остаемся въ накладѣ. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы г. Колосовъ былъ вѣренъ своему рѣшенію несравнивать древняго языка съ нынѣшнимъ. Такая послѣдовательность потребовала бы значительныхъ усилій. Г. Колосова можно упрекнуть только въ томъ, что онъ сравнивалъ не вездѣ, гдѣ сравненіе само напрашивалось.

Извѣстно, что по неизбѣжному закону мы объясняемъ себѣ отдаленное близкимъ, то есть, судимъ о другихъ по себѣ, о прошедшемъ по настоящему, и т. д. Въ поясненіе того, въ какой зависимости находятся наши заключенія о древнемъ языкѣ, который можетъ быть извѣстенъ только посредственно, т. е. по памятникамъ и изъ заключеній отъ памятниковъ, отъ сравненія съ современнымъ, съ которымъ возможно болѣе близкое знакомство, который мы отчасти сами создаемъ, я приведу одинъ—другой примѣръ.

«Не было ли,» говоритъ г. Колосовъ, «предполагаемымъ общерусскимъ звукомъ, смѣнившимъ *ѣ*, *іе* (то есть, *je*)? Допущеніемъ такого посредствующаго звука

можно бы въ равной степени объяснить, какъ великорусское *е* (изъ *ѣ*), такъ и малорусское *і* (изъ *ѣ*). Послѣднее могло развиться въ Малорусскомъ вслѣдствіе преобладанія въ вокализмѣ этого нарѣчія небнаго элемента». Дѣлая это предложеніе, г. Колосовъ самъ считаетъ невозможнымъ доказать его на основаніи памятниковъ, такъ какъ въ послѣднихъ «на мѣстѣ *ѣ* является или *ѣ*, или *е*, но никогда *іе*» (Оч. 38). Но могутъ ли насъ здѣсь стѣснять памятники, когда мы знаемъ навѣрное, что теперь во многихъ мѣстностяхъ на мѣстѣ *ѣ* встрѣчается ѥ, котораго, однако, въ азбукѣ нашего литературнаго языка вовсе нѣтъ? Невѣроятность предположенія можетъ быть доказана инымъ путемъ. Понятію «великорусское *е* изъ *ѣ*» въ его всеобщности несоотвѣтствуетъ ничто дѣйствительное, потому что основное *ѣ* является въ Великорусскихъ говорахъ весьма различно: въ однихъ оно=ѥ, или *е* послѣ небныхъ согласныхъ, и=*э* послѣ согласныхъ, недопускающихъ небности, какъ, напримѣръ, мѣстами *ц*; въ другихъ *ѣ*=частью ѥ (*е* послѣ небныхъ согл.), частью *и* (*і*). Хотя я не могу пріурочить къ опредѣленной мѣстности произношенія *ѣ*, какъ *эі* (то-есть, какъ *э* наклонное къ *и*, напоминающее *еи*, хотя отнюдь не двогласное), но я его замѣчалъ у многихъ Великороссіянъ (не только въ *цэна*, но послѣ согласныхъ, въ другихъ случаяхъ способныхъ стать небными, напримѣръ, *бэлый*), и недумаю, чтобъ это было слѣдствіемъ посторонняго вліянія (хотя такъ произносятъ иногда и Нѣмцы) или явленіемъ совершенно личнымъ. Стало быть, понятіе «великорусское *е* изъ *ѣ*» есть лишь ошибочное отвлеченіе, съ которымъ нечего и дѣлать. Въ Малорусскомъ *ѣ*=не только *і*, но и=*е*=*э*. Что же касается того, можетъ ли предполагаемое ѥ изъ *ѣ* объяснить всѣ замѣны этого послѣдняго въ русскихъ говорахъ, то отрицательное рѣшеніе этого вопроса вытекаетъ, между прочимъ, изъ того, что малорусское *меди* (род. отъ *мідь*) отнюдь непредполагаетъ ѥ. Но какъ бы ни было, во всякомъ случаѣ рѣшеніе будетъ зависѣть отъ наблюденія надъ современнымъ языкомъ.

Г. Колосовъ, на основаніи нѣкоторыхъ случаевъ заключивъ, что знакъ *ѣ* имѣетъ значеніе=*е*, распространяетъ такое толкованіе на многіе другіе случаи изъ другихъ памятниковъ, и притомъ, во многихъ мѣстахъ своей книги. Такъ въ памятникахъ XIV вѣка *и* смѣняется на *е* не только передъ *й*, но и будучи конечнымъ звукомъ въ словѣ: взял*ѣ*, доконцял*ѣ*, был*ѣ*, Ростовц*ѣ* (Оч., 105); творил*ѣ* есмя, дали есме был*ѣ* (Оч. 114); въ XV вѣкѣ измѣненіе *и* въ *е* часто, какъ и въ предыдущемъ столѣтіи, имѣетъ мѣсто въ концѣ словъ и въ срединѣ передъ гласнымъ: Дмитреевъ и Климушт*ѣ*, володѣт*ѣ*, запродал*ѣ*, и пр.» (Оч. 132); «*е* въ Ипатьевскомъ спискѣ нерѣдко заступаетъ мѣсто *и*: истеннаго (въ Лавр. сп. ист*и*н.), Казимеру (Лавр.—м*и*ру), не створ*ѣ* (Лавр.—ри), пригвозд*ѣ* (Лавр.—д*и*) и пр.» (Оч., 152); именит. падежъ существит., прилагат. и мѣстоим. въ Ипат. часто оканчивается на *ѣ*=*е*, вслѣдствіе стремленія измѣнять конечное *и* на *е*: языц*ѣ* (Лавр.—ци), чес*ѣ* (Лавр.—си), добр*ѣ*и человѣц*ѣ* (Лавр.—ии,—ци), сам*ѣ* (—ми), тѣи (тии), (ib. 155). Сюда же и нѣкоторые примѣры на стр. 156—7, 163 (просил*ѣ*, не пролѣйта, Василѣи и др.), 165 (полц*ѣ*), 166 (Русьстѣи, им. мн.; которѣи, тоже).

Здѣсь скучены весьма различныя явленія, и дѣйствительные факты фонетики (напримѣръ, удержаніе *ѣ* въ видѣ *е* въ непролѣйта, о чемъ см. въ моихъ Замѣткахъ о Малорусскомъ нарѣчіи 17; замѣна *и* въ *ѥ*, изображаемое посредствомъ *ѣ* въ имевахъ на *ий*) неотличены отъ случаевъ ошибочнаго написанія. Такъ, авторъ считаетъ *ѣ* въ именит. пад. мн. ч. муж. р. причастія *лѣ* (дали есме был*ѣ*) за фонетическую замѣну, равносильную съ *е* (или *ѥ*?), тогда какъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ мнѣ, ни одно русское нарѣчіе, въ коемъ произносилось бы был*ѥ* и т. п. Еслибъ авторъ зналъ такое нарѣчіе, онъ долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ; если жь онъ незнаетъ, то почему онъ неруководится слѣдующими соображеніями, для которыхъ всѣ данныя находятся, по видимому, у него въ рукахъ: въ настоя-

щее время во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ произносится здѣсь или *и* (были), или звуки очевидно предполагающіе это *и*—*і* (Мр. булй): основной языкъ и вмѣстѣ древнѣйшіе памятники русской письменности имѣютъ тоже *и*: слѣдовательно, «былѣ» есть только написаніе, а не произношеніе. Откуда взялось такое написаніе, это ясно изъ отмѣченныхъ у г. Колосова многочисленныхъ случаевъ замѣны *ѣ* посредствомъ *и*, между прочимъ въ Ипатьевскомъ спискѣ (Оч., 151 и др.): писецъ ставилъ *ѣ* тамъ, гдѣ произносилось *и*, потому что привыкъ знаку *ѣ* придавать значеніе *и*—явленіе мѣстное, и если рѣчь идетъ объ Ипатьевскомъ спискѣ, сѣверное. Если г. Колосовъ неразсуждаетъ вмѣстѣ съ нами такимъ образомъ, то виною тутъ лишь предразсудки, которые онъ самъ себѣ создалъ: эмбріональность нашихъ діалектологическихъ свѣдѣній и безполезность сравненія древняго языка съ новымъ. *)

Случаи такіе, какъ *ѣ* въ родит. ед. женск. доброѣ и добрыѣ, землѣ и въ винит. множ. своѣ, получаютъ смыслъ для исторіи языка лишь тогда, когда будутъ ближайшимъ образомъ опредѣлены не только на основаніи другихъ данныхъ памятника, въ коемъ встрѣчаются, но и на основаніи живаго языка той мѣстности, къ которой относится памятникъ. Что такое опредѣленіе не всегда легко, о томъ и говорить нѣчего (sic). Однако, если во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и западной Руси донынѣ слышится своѥ́—сваѥ́ (=древ. своѩ), и если удается отнести древній памятникъ къ тѣмъ же

---

*) Въ соч. «Матеріялы и пр.» г. Колосовъ, указывая на случаи—правда узятѥ, перелъ судияниѥ (Смол. Гр. 1229, по Рум. сп.), люде (Ип. л.[2] 300), какъ на доказательства замѣны *и* посредствомъ *е* въ древ.-Русскомъ, говоритъ: «если г. Потебнѣ такая смѣна все-таки кажется невѣроятною, то онъ долженъ бы дать свое объясненіе подобнымъ случаямъ» (стр. 12, прим. 3). Но я говорю только о частномъ случаѣ былѣ. Я вовсе неутверждаю, что *е* изъ *и* невѣроятно, а нахожу лишь ошибочнымъ приписывать его какому то древнерусскому языку, непоясняя, что

мѣстностямъ, то небудетъ сомнѣнія, что въ этомъ памятникѣ слѣдуетъ читать *свпъ*, какъ своѥ, а не какъ свои. **)

«Въ Актахъ Западной Россіи», говоритъ г. Колосовъ «встрѣчаемъ явленіе, обратное опущенію j въ судя (вм. судья), именно встрѣчаемъ ја вм. *а* со смягченіемъ предыдущаго согласнаго звука (то есть, ья вм. *я*): *жеребьяти* вм. *жеребяти*. Явленіе это несоставляетъ исключительной особенности языка Актовъ Зап. Россіи. Есть подобные случаи и въ Новгородскихъ памятникахъ. Такъ, въ 1-й Новг. лѣтоп. по Академ. списку находимъ формы Устьюгъ (=Устјугъ), устьюскии князи» (Оч. 135). Автора поражаютъ эти формы своимъ сходствомъ съ *жеребьяти*, потому что онъ ошибочно принимаетъ позднѣйшую сокращенную и затемненную въ этимологическомъ отношеніи форму *Устюгъ* за болѣе древнюю; но извѣстно, что слово *Усть-югъ* (то-есть, устье Юга,

---

именно подъ нимъ разумѣть Я и прежде (Два изсл. 77) считалъ Гр. 1229 г. сѣверновеликорусскою по языку, и теперь неимѣю ничего противъ сближенія, дѣлаемаго г. Колосовымъ (Матер. 12) формы суданиѥ съ нынѣшн. Олонец. «села со поселками» (Рыбн. III 372) Прибавлю сравненіе: неуцѥрати (Гр. 1229) съ Сит. уцѥраемся (Два изсл. 75), Онеж. добсрается, забералъ (Матер. 10). Другое дѣло фор. *люде*, гдѣ *е* могло возникнуть не только изъ *и* (люди), но и изъ *иѥ*, или ьѥ. Ср. им. мн. печате (Mikl. V. Gr. III. 47) и четыре при четырьѥ.

**) На мнѣніе мое, что въ Свр. и Бр. своѥ уста, маѥ дѣтки, тваѥ ключи ѥ есть непосредственная замѣна ѧ (Два изслѣд. 83), г. Колосовъ возражаетъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ звука ѧ никогда и небыло Въ моихъ словахъ слѣдуетъ вычеркнуть «непосредственная», ибо ѥ вѣроятнѣе примыкаетъ здѣсь къ я изъ ꙗ, а впрочемъ все вѣрно. Подобно тому, какъ оконч именит. мн. сред. р. прилагат. членныхъ сравнялись во всѣхъ русскихъ говорахъ съ мужск. и женскими (добрыи дѣла изъ ыѥ, а это изъ *ыя*=*ыꙗ*; ср. мыты давныя пошлыи въ Грам. Дм. Ив. 1381); такъ и именит. винит. мн. ч сред. р своѥ уста и свои уста неесть форма равная этимологически древнѣйшей Слав. своя уста, но возникла изъ формы=винит. м. р. и именит. винит. ж. р. своꙗ.

или по памятникамъ XV вѣка съ род. на *у* Юсу-рѣки *), образовано, какъ *усть-Лугъ* (нынѣ Устилугъ), Устьсысольскъ, Устьмедвѣдицкъ, такъ что отдѣленіе небнаго *т* отъ слѣдующаго *ю* въ *усть-югъ* этимологически необходимо. Между тѣмъ, отдѣленіе небнаго *б* отъ *я* въ *жеребьяти* неорганично и составляетъ діалектическую особенность. Авторъ довольствуется здѣсь общею ссылкою на 1-й т. Актовъ Зап. Россіи, но, вѣроятно, форма *жеребьяти* взята имъ изъ записи о Ржевской дани (Акты Зап. Росс. I, № 71, послѣ 1479 года). Хотя эта запись имѣется въ болѣе позднемъ спискѣ изъ метрики Литовской, но первоначальный ея языкъ врядъ ли значительно измѣненъ. Она писана, безъ сомнѣнія, Ржевитиномъ и заключаетъ въ себѣ весьма интересныя данныя для сличенія нарѣчія XV вѣка въ западнорусскихъ мѣстностяхъ, на границѣ Новгородскихъ владѣній, съ нынѣшнимъ говоромъ той же мѣстности, образцы коего мы имѣемъ. Вырванная изъ своей этнографической связи, форма *жеребьяти*, сходная съ нынѣшними бѣлорусскими и малорусскими, повела автора къ тому, что онъ такія же формы приписалъ сѣверновеликорусскимъ памятникамъ. Кромѣ того, въ вышеприведенномъ мѣстѣ авторъ говоритъ о языкѣ Актовъ Западной Россіи, какъ о чемъ то единомъ, тогда какъ одинъ внимательный разборъ упомянутой записи могъ бы убѣдить его въ противномъ.

«Смягченіе гортанныхъ встрѣчается нерѣдко и въ памятникахъ XV вѣка, но, вѣроятно, въ живомъ языкѣ оно было уже утеряно». Слѣдуютъ примѣры, именно: «на рѣцѣ» и тутъ же «на рѣчкѣ». «Случаевъ смягченія (въ *з*, *ц*, *с*), какъ видно изъ этого, немало, но едва ли они не представляютъ собою только книжную установившуюся форму: въ грамотѣ 1451—1452 гг. «о *лихе*», въ послѣдующихъ же «о *лисѣ*» (Оч., 135). Шаткость этой догадки видна какъ изъ того, что въ нѣко-

---

*) *Югъ* — финск. juga, joki, рѣка. *Гротъ*. Филологич. розыск. 259.

торыхъ, собственно великорусскихъ говорахъ, неговоря уже о бѣлорусскихъ, формы «на Оцѣ рѣцѣ» и т. п. живутъ донынѣ (Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка, стр. 67—8), такъ и изъ того, что въ тѣхъ же мѣстностяхъ, а равно и въ нѣкоторыхъ малорусскихъ, рядомъ съ ними, частью какъ правило, частью какъ исключеніе, живутъ и формы съ гортанными: на ріці= на рѣцѣ и «на річкі=рѣчкѣ».

«Шипящіе и *ц* (въ XV вѣкѣ) хотя и соединяются съ мягкими, но чрезвычайно рѣдко; на оборотъ, сочетаніе ихъ съ твердыми сдѣлалось правиломъ; оно встрѣчается въ памятникахъ даже и тамъ, гдѣ, быть можетъ, въ живомъ говорѣ и неслышалось». Слѣдуютъ примѣры: селищо и пр. «Изъ этихъ примѣровъ видно, въ какой степени ничтожно количество случаевъ употребленія шипящихъ съ мягкими, сравнительно съ количествомъ случаевъ употребленія ихъ съ твердыми. Встрѣчая въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и притомъ, въ однихъ и тѣхъ же грамотахъ шипящіе и *ц* съ твердыми и мягкими и замѣчая громадный перевѣсъ на сторонѣ сочетаній перваго рода, имѣемъ полное право заключить, что въ *живомъ языкѣ шипящіе и ц сочетались въ XV столѣтіи только съ твердыми*» (Оч., 135—6). Здѣсь тотъ же способъ разсматривать явленія огуломъ, въ произвольномъ ихъ обобщеніи. Прежде всего сообразимъ, какой такой можетъ быть одинъ живой языкъ въ XV столѣтіи? Неужели еще и въ это время свидѣтельства памятниковъ недостаточны для того, чтобъ убѣдить насъ, что передъ нами не одинъ Великорусскій языкъ, а нѣсколько, хотя и близкихъ между собою нарѣчій, или, если угодно, говоровъ? Затѣмъ, имѣется ли основаніе разсматривать въ указанномъ выше отношеніи шипящіе звуки и *ц* вмѣстѣ, и полагать, что гдѣ тверды шипящіе, тамъ твердо и *ц* и на оборотъ? Подтверждается ли свидѣтельствомъ современныхъ нарѣчій мнѣніе, что шипящіе и *ц* сочетались въ XV вѣкѣ только съ твердыми? На оба послѣдніе вопроса отвѣчу вмѣстѣ. Донынѣ есть великорусскіе говоры, гдѣ шипящіе небны (хочю и пр.),

но въ тоже время *ч* твердо, и наоборотъ, есть такіе, гдѣ шипящіе тверды почти постоянно, а *ч*, кромѣ опредѣленныхъ случаевъ, какъ *царь* и др., мягко. Здѣсь врядъ-ли авторъ найдетъ основанія заподозрить показанія моей статьи (Два изслѣд., 86—8). Такое различіе между нарѣчіями замѣчается не позже, какъ съ XVI вѣка. Въ XV вѣкѣ во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь *ч* твердо или тверды шипящіе, или то и другое, могла существовать еще мягкость этихъ звуковъ, что, я полагаю, можетъ быть и доказано. Даже относительно одного *ч*, или однихъ шипящихъ сумарчность выводовъ не умѣстна. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ восточномъ Малорусскомъ *ч*, постоянно соединяясь съ *я*, *ю*, *і*, никогда не сочетается съ *ы*, но всегда требуетъ твердаго *е*=*э*; что въ одномъ и томъ же Малорусскомъ говорѣ шипящіе въ однихъ случаяхъ тверды (жук, шуба) въ другихъ—мягки (держять, 3 е л. мн. ч.). Самое утвержденіе автора, что въ памятникахъ, на которые онъ ссылается, громадный перевѣсъ сочетаній шипящихъ и *ч* съ твердыми, могло бы получить для насъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы была предварительно опредѣлена мѣстность памятниковъ; но и въ такомъ случаѣ настоятельно нужна повѣрка. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ XV вѣка не только нѣтъ такого перевѣса, но совсѣмъ наоборотъ, *ч* почти постоянно мягко, такъ что отклоненія отъ этого правила можно бы приписать литературному вліянію; въ другихъ почти постоянно находимъ сочетанія *чъ*, *чя*, *чю*.

II.

Для характеристики древняго Русскаго языка сравнительно со Старославянскимъ, г. Колосову кажутся важными слѣдующіе звуковые признаки: *о*=ст.-сл. *ю* (*олень*); *я*, *у*=юсамъ; полногласіе; *ж*, *ч*=*жд*, *шт*; мягкость шипящихъ; глухіе передъ *р*, *л* (търгъ); замѣна *ъ* черезъ *е*; мѣна *у* и *в*; *ой* изъ *ый* и *ей* изъ *ий*.

Послѣдніе четыре признака, конечно, ошибочно внесены въ характристику *всего* древ.-Русск. яз. Что же касается замѣны *и* передъ гласною звукомъ *ь* (Лавровскій, О язык. Сѣв. русск. лѣтоп. 44) и близости глухихъ *ъ* и *ь* къ *о* и *е* (при чемъ авторъ ссылается на мое сочиненіе, Два изслѣд. 138), то эти признаки г. Колосовъ считаетъ несущественными: «Сокращеніе *и* въ *ь* имѣетъ мѣсто и въ памятникахъ, неносящихъ на себѣ признаковъ русскаго письма (напримѣръ, въ Супрасльской рукописи); на близость же *ъ* къ *о* и *ь* къ *е* нельзя, думаемъ, указать, какъ на отличіе Русскаго отъ Старославянскаго, такъ какъ мы незнаемъ, какую замѣну получили бы глухіе въ послѣднемъ, еслибъ исчезли въ немъ: быть можетъ, ту же, что и въ Русскомъ» (Оч. 14). Я попытаюсь сказать два слова въ пользу этихъ забракованныхъ признаковъ.

Во-первыхъ, нужно условиться относительно значенія, какое придаемъ мы Старославянскому языку въ подобныхъ случаяхъ. Когда въ непрерывномъ теченіи явленій славянскихъ языковъ бываетъ нужно опредѣлить разстояніе одной точки отъ другой, и когда въ извѣстныхъ случаяхъ эта послѣдняя берется изъ старославянскаго языка, то мы очень хорошо знаемъ, что этотъ языкъ, подобно всякому другому, измѣнялся, стало быть, согласно съ дѣйствительностью могъ бы быть изображенъ только исторически, а не описательно. Но въ такихъ случаяхъ намъ нужно не теченіе этого языка, а взятая въ немъ для сравненія точка, принимаемая за неподвижную. Согласно съ этихъ мы отвлекаемся отъ мысли о подвижности этого языка; мы идеализируемъ его на время, допускаемъ условную ложь, то-есть, дошедши до познанія извѣстныхъ правилъ, принадлежащихъ, по нашему мнѣнію, къ одному и тому же слою языка и гармонирующихъ, какъ намъ кажется, одно съ другимъ, мы временно оставляемъ безъ вниманія отклоненія отъ этихъ правилъ. Такъ, напримѣръ, въ извѣстныхъ случаяхъ мы считаемъ необходимыми *ъ* и *ь* на такомъ-то мѣстѣ, хотя въ памятникахъ, которые мы можемъ назвать

не иначе, какъ старославянскими, или, какъ другіе говорятъ, староболгарскими, въ этихъ случаяхъ можемъ встрѣтить и чистые звуки, или и глухой звукъ, но на другомъ мѣстѣ. Можетъ ли быть безъ неудобства устранена эта фикція, это—вопросъ другой. Достаточно, что она можетъ стать совершенно безвредною. Понимаемому въ этомъ смыслѣ Старославянскому языку мы можемъ приписать только сочетанія *ие*, *иа*, *ию* и проч., а не ье и проч. послѣ согласныхъ. Старинные русскіе памятники, конечно, даютъ намъ и формы, совершенно тождественныя со старославянскими (*братия*); но такъ какъ формы *братья* и т. п. съ первыхъ временъ весьма часты, то возникаетъ предположеніе, что первыя уже въ эти времена были литературнымъ заимствованіемъ, и что вторыя показываютъ намъ дѣйствительную исходную точку русскаго просторѣчія, по памятникамъ. Возможно, что форма *братья* возникла въ разныхъ русскихъ нарѣчіяхъ самостоятельно; но необходимость такого предположенія недоказана, а это-то и нужно, чтобъ имѣть право выкинуть сочетанія ье, ья и проч. изъ числа признаковъ древняго общерусскаго языка. *)

Какое дѣйствительное значеніе имѣло начертаніе *братья* въ XI—XII вѣкахъ на Руси? Составляло ли здѣсь ь слогъ (бра-ть-я), было ли оно глухимъ гласнымъ? Быть можетъ; но нисколько неподрывая положенія, что глухіе гласные дѣйствительно существовали въ это время въ Русскомъ языкѣ, можно думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже тогда знаки ъ, ь имѣли другое значеніе. Быть можетъ, уже къ тому времени слѣдуетъ отнести произношеніе, частью сохраняемое всѣми русскими нарѣчіями, за исключеніемъ тѣхъ, которыя въ этомъ отношеніи могли подвергнуться польскому

*) Здѣсь рѣчь идетъ только объ *ье*, *ья* на концѣ словъ. Внутри словъ *ия*, *ие* отчасти остаются до нынѣ (сідетъ). Ср, въ Лужск. у. Петерб. губ. *и* передъ ударяемымъ я: ші-яяка, ші-яной, Таті-яна (Зап. Геогр. Об. по отд. Этн. IV 248); въ Тв. г. Осташк. у. ші-явица.

вліянію, именно *братьја* (*т* небно, за нимъ ј явственно), откуда пошло вост. М.-р. *братьтя* (оба *т* небны, йоты отдѣльно неслышно), Зап. В.-р. *брацьця* (=*цьця* оба *ц* небны). Произношеніе *братьја* характеристично для Русскаго языка и по отношенію къ Польскому bracia (то есть, ća) и сербскому браћа, въ коихъ ј изъ *и* совершенно исчезло какъ самостоятельный звукъ, превративъ предыдущую согласную въ небную. Врядъ-ли можно думать, что уже въ основной формѣ *ти* одно сосѣдство съ *и* обратило предшествующій согласный звукъ въ небный: *ти* можетъ быть произнесено такъ, что *т* въ немъ останется часто зубнымъ: конецъ языка прикладывается къ концу или къ основанію переднихъ зубовъ. Не думаю, чтобы когда либо въ Польскомъ существовали формы braćija sędźija, предположенныя для этого языка въ Beiträge, VI, 25, ибо въ такомъ случаѣ *i* осталось бы донынѣ, какъ осталось это въ kopija, bi-ję, pi-ję при русскомъ: копье, бью, пью.

Во-вторыхъ, то, что̀ говоритъ г. Колосовъ противъ моего мнѣнія о близости глухихъ *ъ*, *ь* въ древнемъ Русскомъ къ *о*, *е*, основано на недоразумѣніи. Если мы незнаемъ, какую замѣну получили бы глухіе звуки въ Старославянскомъ («быть можетъ, ту же, что̀ и въ Русскомъ»), то намъ этого и знать ненужно. Здѣсь рѣчь не о томъ, что *ъ*, *ь* въ Русскомъ замѣнились чистыми *о*, *е*, а о томъ, что они, еще существуя какъ глухіе, склонялись къ *о*, *е*. Это именно объясняетъ, почему русскіе писцы ошибались всегда въ одну сторону, т. е. вм. *ъ* ставили о (и никогда *а* или *и*) и на оборотъ, а вмѣсто *ь* — *ѣ*, *е*, рѣдко *и* и никогда *а*. Въ другихъ славянскихъ языкахъ глухіе звуки до замѣны чистыми должны были склониться не въ ту сторону, что̀ въ Русскомъ, такъ какъ невозможно предположить, чтобъ основныя формы *вълкъ* и *дьнь* разомъ перескочили въ польское wilk и сербское *дан*. Когда я говорю, что наклонность къ *о*, *е* въ *ъ*, *ь* характеристична для древняго Русскаго сравнительно со Старославянскимъ, то предполагаю, что старославянскіе *ъ*, *ь* рѣзко отличались отъ *о*, *е*, а что̀

было бы, еслибы..... о томъ недумаю. Само собою разумѣется, что вмѣсто старославянскаго здѣсь можно поставить доисторическое состояніе, предполагаемое самимъ Русскимъ языкомъ.

III.

Начальное русское о=старо-славянскому ѥ: олень =ѥлень.

Г. Колосовъ старается обойти вопросъ о времени образованія русскихъ нарѣчій, конечно, для того, чтобы, не касаясь сомнительнаго, придать своему изслѣдованію болѣе прочности. Однако, разсматривая звуковые признаки древняго Русскаго языка, г. Колосовъ затрогиваетъ другой, гораздо болѣе трудный вопросъ: о генеалогіи славянскихъ нарѣчій. Это не только не грѣхъ, но даже необходимость, и автора можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ недовольно ясно сознаетъ, куда хватаютъ затрогиваемые имъ вопросы. Въ такихъ случаяхъ труднѣе бываетъ воздержаться отъ прикосновенія къ сомнительному, чѣмъ относиться къ нему смѣло, сознательно дѣлая своею исходною точкою предположеніе, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности замѣнить въ концѣ изслѣдованія такую его основу другою. Если же мы этого нежелаемъ, то намъ остается только заявлять о существованіи такихъ то явленій (напримѣръ, русское *о* въ началѣ такихъ-то словъ=старо-славянскому ѥ), а не спрашивать себя, какъ это дѣлаетъ г. Колосовъ: «что древнѣе: русское ли начальное *о*, или старо славянское ѥ?» (Оч., 15). Еслибы первое оказалось болѣе древнимъ, то двойственное дѣленіе Славянскаго языка стало бы крайне сомнительно, такъ какъ, несмотря на общность ѥ въ ѥлень всѣмъ остальнымъ славян. нарѣчіямъ, другіе признаки непозволяютъ допустить ихъ единства въ то время, когда Русскій языкъ, уже выдѣлился.

Альтернатива, принимаемая г. Колосовымъ, неисчерпываетъ всѣхъ возможностей, такъ какъ связь между

начальнымъ *о* и *ѥ*, говоря *a* priori, можетъ состоять и въ одномъ томъ, что оба эти звука независимо другъ отъ друга возникаютъ изъ третьяго. Для родословія славянскихъ нарѣчій послѣдствія этого были бы тѣ же, что̀ и отъ большей древности *о*.

Согласно съ этимъ это родословіе можно бы представать себѣ двояко: а) согласно съ дѣленіемъ, которое принято было и И. И. Срезневскимъ (Ж. М. Н. Пр. 1845, ч. 48) и по которому Русскій языкъ образуетъ отдѣлъ, соподчиняемый съ отдѣлами югозападнымъ (нарѣчія Церковно Слав., Болг., Серб. Хорв. и Хорут.) и сѣверозападнымъ (нар.: Полаб., Польск., Лужицкія, Чешское со Слов.); б) согласно съ видоизмѣненіемъ этого дѣленія, состоящимъ въ предположеніи, что общеславянскій языкъ сразу распался неменѣе, чѣмъ на 5 или на 6 нарѣчій, именно: Русское, Болгарское (т. е. то, потомки коего суть Церк.-Слав. и Болгар.), Сербо-Хорв., Хорут., Ляшско-Чешское (или же, что менѣе вѣроятно, отдѣльно Ляшское, отъ коего—Полаб., Лужиц., Поль. и Чешско-словенское).

Способы, какими г. Колосовъ взвѣшиваетъ pro и contra своихъ предположеній, вызываютъ на нѣкоторыя замѣчанія.

А) «Хотя *е*, также какъ *о*, соотвѣтствуетъ исконному *а*, но въ градаціи славянскихъ звуковъ *о* стоитъ ближе къ *а*, чѣмъ *е*: первый изъ этихъ звуковъ составляетъ среднюю ступень между *а* и *е*. Можно бы поэтому думать, что начальное русское *о* древнѣе старо-славянскаго *е*, что послѣднее явилось изъ перваго или какъ результатъ ослабленія его (*а-о-е*), или какъ результатъ йотаціи (*а-о* j*о*=*е*-j*е*)» (Оч., 15). При этомъ г. Колосовъ ссылается на Шлейхера, мнѣніе коего усвоиваетъ себѣ и г. Дювернуа (Система звуковъ и формъ, 41). Шлейхеръ (Formenlehre, 90; Compendium, 104, 126) думаетъ, что j*о* переходитъ въ j*е*, такъ какъ формамъ, въ родѣ весомъ, соотвѣтствуютъ формы, подобныя бијемъ. Это у него въ связи съ другимъ положеніемъ, что jъ=ь послѣ небной согласной, такъ какъ формамъ бог-*ъ*

соотвѣтствуютъ формы конь, вой. Незнаю, извѣстно ли уже то, что мнѣ кажется здѣсь существеннымъ, именно, что изъ соотвѣтствія *несомъ* съ *біемъ* никакъ неслѣдуетъ, что въ древнѣйшемъ періодѣ славянскихъ нарѣчій ѥ непремѣнно происходитъ изъ jо. Такъ какъ форма *біjомъ* построена совершенно гадательно, то по меньшей мѣрѣ съ такою же вѣроятностью можно предположить, что ѥ въ біѥмъ возникло непосредственно изъ jа. Славянское *е* во многихъ случаяхъ древнѣе *о*, то-есть, въ то время, какъ внутри *вез*, *нес*, *греб*, *нек* было уже *е*, звука *о* въ *воз*, *нос*, *гроб*, *нок* (въ сл. ѹ-*нок-а*) еще небыло, а на мѣстѣ его стояло *а*, которое и осталось въ Латышско-Литовскомъ. Такимъ образомъ и *е* въ зват. *Боже* древнѣе, чѣмъ *о* въ *бого*-угодьнъ. Самое *е*, при своей большей древности сравнительно съ *о*, возникло не въ одинъ періодъ языка, а въ нѣсколько (Geitler, Fonologie, § 7—8). Такъ, мнѣ кажется, первое *е* въ *вез*-е-те древнѣе, чѣмъ второе, котораго въ Литовскомъ weźate еще нѣтъ, изъ чего слѣдуетъ, что сходство славянскаго глагольнаго характера (или такъ называемой связочной гласной) *е*, въ вез-*е*-те съ греческимъ ε въ ἔχ-ε-τε лишь случайно, то-есть, невосходитъ ко времени единства этихъ языковъ.

Дѣйствительно, въ Русскомъ есть немногіе случаи, въ коихъ jе возникло изъ jо, но они такъ рѣдки и поздни, что ссылаться на нихъ при объясненіи столь древняго явленія, какъ *о*=ѥ въ *олень*, было бы черезъ мѣру смѣло. Я говорю объ ѥ въ Ѥвъ (=Іовъ), откуда фамилія *Иевлевъ*, и ѥ въ ѥсипъ (изъ Іосипъ), откуда фамилія ѥсиповъ. Принимая за основную форму *ольха* (польское olcha, olsza, малорусское вільха, лужицкое wolsza, чешское volše, словацкое olsza, хорутанское olša, сербское јоха, јова (изъ *јолха*), велико-русское (Влад., Ват.) ёлха, можно думать, что сюда же принадлежатъ велико-русскія (Нижегородск.) jелóха, то-есть, что и здѣсь ѥ изъ jо; тоже, быть можетъ, и въ хорутанскомъ jelša при olša. Срав. также ѥ въ нижне лужицкомъ jereł, hereł при верхне-лужицкомъ worjeł, орелъ.

Б) Итакъ, предположеніе, что ıелень изъ jоленъ, или изъ еленъ, а это изъ оленъ, и безъ всякихъ другихъ опроверженій, само по себѣ мнѣ кажется мало вѣроятнымъ. Г. Колосову мѣшаютъ на немъ остановиться слѣдующія соображенія:

1) «Уже въ Литовскомъ мы встрѣчаемъ *е* въ *eżis*, ıежъ, русское *ожъ*, elnis, ıелень, русское *олень*». Во-первыхъ, на счетъ примѣра *ожъ*. Современныя русскія нарѣчія указываютъ въ этомъ словѣ только на ту форму, которая свойственна и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, именно ıежъ: ıе предполагается какъ формою *ёж* =*joж*, такъ и малорусскимъ *jiж*, *jiжак*. Форму *ожь* г. Колосовъ, быть можетъ, заимствовалъ изъ Дан. Заточ. по сп. XV в. (Буслаевъ, Хрестоматія, 624: «не звѣрь въ звѣрехъ ѡж»), гдѣ возможно предположеніе, что ѡ— лишь неточное написаніе вмѣсто неизвѣстнаго тогда начертанія ė. Несомнѣнно *о* только въ производномъ малорусскомъ *ожина* (какъ колючій кустарникъ) при великорусскомъ ıежевика и польскомъ jeżyna. Во-вторыхъ, ссылка на начальное *е* въ Литовскомъ имѣла бы здѣсь значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы предварительно было доказано, что это *е* неесть позднѣйшее діалектическое измѣненіе, но восходитъ ко времени единства Литовско-латышскаго и Славянскаго. Я нахожу болѣе вѣроятнымъ, что *е* въ elnis и ıе въ ıелень возникли независимо другъ отъ друга, такъ что литовское *е* здѣсь можетъ быть даже новѣе славянскаго ıе, ибо на мѣстѣ литовскаго начальнаго *е* въ литовско-латышскихъ нарѣчіяхъ до нынѣ встрѣчается болѣе древнее *а*: при южно-литовскомъ elksnis, ольха, въ самомъ же верхне-(или южно)-Литовскомъ около Мемеля и въ Латышскомъ alksnis; при ámalis, ámalas (обыкновенно во мн. ч. amalei, amalai), омела, стоитъ и emalas, emala; при южно-литовскомъ erelis, южно-литовское и жмудское arelis, орелъ; при лит. eżeras, прус. ażaran (acc. sing); прусо. asanis=осень, ıесень; при южно-литовскомъ eszis, ось, жмудское aszis; при eszutas, конскій волосъ, волосень, лѣса—aszutas; при elkunė, локоть,=alkunė; при ėgusżė,

черный тополь, жмудское и около Мемеля apuszis, осина; при erdwas и ardwas, широкій, просторный; (сравненіе eszmû, остріе съ aszmû id. быть можетъ, сюда нейдетъ; по крайней мѣрѣ eszmas, вертел=jëszmas, id. въ коемъ jë=ai (прусс aismis вертелъ); даже при южно-литовскомъ esmi, ѥсмь въ томъ же нарѣчіи мѣстами asu, asiu (Фортунатовъ и Миллеръ, Литовскія пѣсни, 130). Такъ какъ *ладии*, *ладья* и т. п. несомнѣнно изъ алдия, то встрѣчая *е* въ Литовскомъ eldijà, а равно и въ elnis, elnė при *алнний*, *лань*, въ elk-unė при *лакъть*, локоть, слѣдуетъ думать, что *е* возникло уже на почвѣ литовско-латышскихъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, что въ нихъ есть случаи очень поздняго измѣненія начальнаго *а* въ *е*, какъ, напримѣръ, въ ekrutas при akrutas, гдѣ *а* есть литовское отраженіе польскаго *о* въ okręt. Разсматривая этотъ вопросъ, слѣдуетъ также принять во вниманіе смѣну звуковъ *е*, ė и *о* при *а*, напримѣръ, въ églus—oglus, дерево тисъ, при находящемся вѣроятно въ связи съ нимъ литовск. egle—agle, прусск. adle (Beiträge, VI, 445), основная слав. форма—западно славянское ѥдла, ель.

Такимъ образомъ, Литовскій языкъ нетолько неподмогаетъ предложенію, что *о* въ *олень* произошло изъ общеславянскаго ѥ, но скорѣе, напротивъ, можетъ внушить мысль, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ и тамъ, гдѣ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ *о*, это *о* прямо примыкаетъ къ литовскому *а*, какъ въ *оба* при литовскомъ abu; въ *осотъ*, *осока* (какъ рѣзучія растенія) при литовскомъ akotas, ячменная ость, aszaka, рыбья кость, ость; въ *остънъ*, stimulus, при литовскомъ akstinas, колючка и остріе на палкѣ, которою погоняютъ воловъ; въ *олъ*, хорутанское ol при литовскомъ alus, пиво, брага и проч., неговоря уже о множествѣ литовскихъ заимствованій изъ Русскаго, а отчасти и Польскаго.

2) «За исключеніемъ Русскаго, ни одно изъ другихъ славянскихъ нарѣчій нерасходится въ этомъ случаѣ (ѥлень) со старо-славянскимъ». Это положеніе должно быть нѣсколько ограничено: при ѥмела, польск.

jemioła, в.-луж. jemjelina, н.-луж. также, и hemelina, съ измѣненіемъ je въ ji, i (какъ въ ѥсто, -есе testiculus при исто, id.) сербск. имела, чешск jmelí, melí, находимъ нетолько русск. омела, но хорут. omela, также и сербск. (боснійск.) и хорват. по ссылкѣ Линде; ср. также Miklosich, Lexicon, омельникъ; при поль., лужицк., чешск., слов. и по ссылкѣ Линде, сербск. jelito, кишка, внутренности (Линде сравниваетъ съ лат. ile, мн. ilia, кишки)—хорут. olita, мн.; при ѥсень русс. осень, чешск. jeseń и oseń; при ѥдва русск. одва, хорут. (Mikl. Lex.) odvaj, что Миклошичъ сопоставляетъ съ литов. adwôs. Важность этихъ отклоненій должна быть соразмѣряема съ тѣмъ, что и всѣхъ словъ съ начальнымъ ѥ=о немного, едва-ли наберется два десятка: кромѣ вышеупомянутыхъ—ѥдинъ, ѥзеро, ѥжина, ѥже, ѥлень, ѥсе, ѥсетръ и немногія другія. Затѣмъ, допустивъ, что дѣйствительно только Русскій языкъ имѣетъ о=ѥ (олень=ѥлень), обязаны ли мы изъ этого заключать, что о изъ ѥ? О подобныхъ вопросахъ будетъ рѣчь ниже по поводу полногласія.

3) «Слова съ начальнымъ е, заимствованныя изъчужа, измѣняютъ въ Русскомъ этотъ звукъ на о: ἔλαιον—олѣй». Примѣръ выбранъ дурно, такъ какъ олѣй, м.-р. олія есть форма не только русская, но и польская, чешская, хорутанская (olej) и сербская (олај при уље), и, вѣроятно, примыкаетъ прямо къ oleum; но есть значительное число другихъ примѣровъ: Евсевій—м. р. Овсій, Евстафій—м.-р. Остап, Евстратій—Овъстратъ (Новг. I, 31, Син.), Елезаръ—м.-р. Олизаръ, Елевеерій—м.-р. Олихвер, Олихвір (оба послѣднія стали родовыми прозвищами), Емиліянъ—м.-р. Омелян, Евдокія—в.-р. Овдотья, Авдотья (м. р. Явдоха), м.-р Вивдя (то есть, Овдя), кажется, Евдоксія; Елена—Олена; м.-р. Орина изъ ѥрина, Ирина. Можетъ быть, сюда же относится осетръ—ѥсетръ, если это слово заимствовано, какъ полагаютъ, изъ лат. sturio (Miklosich Fremdwörterb.) черезъ посредство формы съ приставочнымъ е, въ родѣ e-stur (франц. esturgeon). Можно думать, что здѣсь

русское *о* изъ jо, а это изъ jе, *е*, то-есть, что, напримѣръ, Овсѣй—изъ Іовсѣй, Іевсѣй, Евсевій, подобно тому, какъ болг. *оште*, при посредствѣ jо, какъ въ серб. j*оште*, хорут. jošče—изъ юще. Относительно опущенія j ср. Осипъ изъ Іосипъ, Акимъ изъ Якимъ. Однако, еще вопросъ: слѣдуетъ ли тѣмъ же путемъ объяснить и всѣ древнія русскія слова съ начальнымъ *о*? Слѣдовало бы, еслибы небыло другаго способа объясненія; но мнѣ кажется несомнѣннымъ, съ одной стороны, что *о* можетъ возникнуть прямо изъ *а*, съ другой —что отъ того же *а* можетъ пойти и ѥ черезъ посредство ꙗ. Такимъ образомъ *ошути*, напрасно, можетъ ближе стоять къ ст.-слав. *ашуть*, чѣмъ къ ст.-слав. ѥшуть. Утвержденіе, что ѥ въ послѣдней формѣ «указываетъ на болѣе древнее *о*, а не *а*» (Schmidt въ Beiträge VI, 131) въ своей исключительности произвольно: ѥшуть могло возникнуть изъ формы, тоже отмѣченной въ памятникахъ, ꙗшуть. Недумаю, чтобы, на оборотъ, можно было доказывать производность ꙗшуть отъ ѥшуть, указывая на такія позднія явленія, какъ м.-р. *Явтухъ* (а не *Овтухъ*, хотя и это встрѣчается въ западно-русскихъ памятникахъ) изъ *Евтихій*, *Ярема* изъ *Іеремія*. Напротивъ, относительно j*а* изъ *а* можно сослаться, между прочимъ, на общеслав. j*аворъ*, заимствованное изъ нѣм. ahorn. Такъ догадывается уже Линде, а нынѣ Миклошичъ (Fremdwörterb.). Въ пользу этого говоритъ и б.-р. jáhор, въ коемъ h я прежде (Два изслѣд., 69) считалъ происшедшимъ изъ *в*. Литовское owaras, яворъ, было бы въ такомъ случаѣ древнѣе, чѣмъ jowaras, и указывало бы на русскую форму *аворъ*. Подобнымъ образомъ хорут.-сербск. j*асика* можетъ быть отнюдъ не изъ j*есика* (хорут.), а прямо отъ *а*, отъ котораго въ другую сторону пошла форма съ начальнымъ *о*: русск. *осика*, *осина*, польск. osika, чешск. osyka (съ у?). Такъ, j*а* въ *ясень*, серб. j*асен*, хорут. jesen, jasan, кажется древнѣе, чѣмъ j*е* въ Польск. jesion, Чешск. jesen, и пошло прямо отъ *а*, откуда й въ Литовск. ůsis, osis, нѣм. esche. Такъ, и въ М.-р.

ялина, ѥль. и *ялівець*, польск. jałowiec, чешск.-слов. jalovec. в.-л. jałowc, н.-л. jalowenc, можжевельникъ, можетъ вовсе не предполагать того ѥ, которое находится въ ѥль, если только эти слова сродны. Незнаю, можно ли приписать большую древность *ja* въ Хорв. jalša (при хорут. olša, jelša)?

Изъ числа старинныхъ незаиствованныхъ словъ съ русск. *о*=ѥ лишь одно, мнѣ кажется, можно съ нѣкоторою увѣренностію объяснять такъ, какъ *Овсѣй*=ѥвсевій, именно—союзъ *оже*, относя его къ мѣстоименному корню *ja* (хотя отъ *иже*, средній родъ и въ русскихъ памятникахъ имѣетъ ѥ, и по *о*: ѥже, понѥ и пр.).

IV.

Мнѣнія о происхожденіи ъ и ь и времени ихъ исчезновенія въ Русскомъ.

«Что глухіе древне-Русскому языку были свойственны», говоритъ г. Колосовъ, «въ томъ нельзя сомнѣваться въ настоящее время» (Оч., 26)—выраженіе не совсѣмъ точное, какъ видно изъ сдѣланной тамъ же ссылки на мнѣнія г. Гатталы. Г. Гейтлеръ, авторъ труда, поименованнаго въ заглавіи этой статьи, былъ, по его словамъ, слушателемъ профессора Гатталы и пользовался при составленіи своей книги совѣтами этого ученаго (Fonologie, VI). Онъ утверждаетъ, что русск. *о*, напримѣръ, въ *полнъ* отнюдь невозникло изъ *ъ*, какъ мы привыкли думать; что, напротивъ, это *о* въ подобныхъ случаяхъ есть звукъ основной для старо-Болгарскаго (=ст.-Слав.) и Русскаго, но не для Польскаго, въ которомъ *е* (pełny), равно какъ *i* въ wilk, суть ослабленія, возникшія независимо отъ ст.-Болг. и Русскаго (Fonologie, § 47). *Ъ*, говоритъ онъ, такъ сказать, «передъ нашими глазами возникаетъ изъ *о*» въ слѣдующихъ случаяхъ:

«1) въ творительномъ пад. ед. ч. муж. и ср. р. склоненія *-а*: *гладъмь*, *дѣлъмь* изъ—*омь*», ибо хотя въ

Остромировомъ Евангеліи постоянно *ѧмь*, но въ Ассеманіевомъ Евангеліи, памятникѣ глагольскомъ. и *по языку, болѣе древнемъ*, постоянно —*омь*»;

2) въ именительномъ ед. муж. того же склоненія, *ъ* именъ муж. (раб-ъ) стоитъ рядомъ съ болѣе древнимъ *о* именъ среднихъ (иг-о); что всѣ мужескія имена нѣкогда оканчивались на *о*, неопровержимо доказываетъ Ассеманіево Евангеліе: древнее *о* вм. *ъ* сохранилось при сліяніи именъ съ указательнымъ мѣстоименіемъ *сь*, *тъ*: *работъ*, *иноплеменикос*—формы, ничѣмъ неотличающіяся отъ среднихъ *лѣтось*, *утрось*.

«Въ сложеніяхъ словъ (бого-въгодьнъ) сохранилось старинное *о*, которое есть не что иное, какъ тематическая гласная въ окончаніи ослабленная въ *ъ*» (Fonologie, § 9).

Остановимся пока на этомъ. Говоря о большей древности Ассеманіева Евангелія и ряда других подобныхъ памятниковъ, разсмотрѣнныхъ г. Срезневскимъ (Древ. глаголич. памятники, 57 и слѣд.), слѣдуетъ отличать случаи, какъ *братръ*, или нѣкоторыя формы аориста, отъ другихъ, сообщающихъ языку Ассеманіева Евангелія характеръ относительной новизны, каковы: смѣшеніе *ъ* и *ь* (кьде, Срезн. 64, посьлахъ 67, сьбрани 68, а съ другой стороны—истинэнъ, 63, брашъна, 65, дождъ и почти постоянно—*тъ* въ 3-мъ л. ед. и мн. наст. вр.); опущеніе глухихъ (что—Срезн. 64, никтоже 67) между прочимъ и на концѣ словъ (живот вѣчьнъи Срезн. 6 ; случаи эти у Гейтлера § 35); смѣшеніе *ь* и *и* (прыѧгъ); постоянное *ѣ* вмѣсто ѩ и въ случаяхъ, когда ѩ этимологически несомнѣнно (девѧтаѣ, въсѣ 66, ѣко 67); *ѣ* вм. *ь* (двѣремъ 68), неправильности въ употребленіи ѩ и ѧ (ѩже вм. ѭже, слъиша-ѭмъ); *ии* вм. *еи* (блажени невидѣвъшиі Остр. -въшеи) и вѣровавшi 69); винительный сходный съ родительнымъ въ случаяхъ, гдѣ въ Остромировомъ Евангеліи онъ сходенъ съ именительнымъ (пригласи мѫжа своего, 66; вѣроуите въ Бога, 67). Нужно особое пристрастіе къ глаголитизму, чтобы въ этихъ отношеніяхъ поста-

вить Ассеманіево Евангеліе наравнѣ съ Остромировымъ, или выше его. Я полагаю, что въ Ассеманіевомъ Евангеліи и подобныхъ ему памятникахъ *о*, *е* въ иноплеменикос (Остр.=иноплеменьникъ сь) денет (Срезн. Глаг. пам., 61=Остр. день тъ) совершенно объясняются тѣмъ же, чѣмъ и подобныя явленія въ русскихъ памятникахъ (хълмотъ) и въ случаяхъ, приводимыхъ г. Гейтлеромъ изъ старо-чешскаго (večeroś) и современнаго болгарскаго (празникот), именно тѣмъ, что конечный глухой звукъ мѣстоименія исчезъ и, вслѣдствіе этого, предыдущій прямой слогъ превратился въ средній, потребовавшій за тѣмъ, при новомъ фонетическомъ складѣ языка, замѣны глухаго звука чистымъ. Это совершенно такъ, какъ въ современномъ Русскомъ въ *сон* и т. п. (Два изслѣд., 56). Тоже о творительномъ *омь*, предполагающемъ, что конечное ь уже невыражаетъ гласнаго звука, вмѣсто Остромировскаго *ъмь*. Если бы въ твор.*-омь* была общеславянская форма болѣе древняя чѣмъ *-ъмь*, то въ мр.-вост. твор. ед. м. р. было бы панім, въ Польск. panom, въ Чеш. panům (какъ въ дат. мн) между тѣмъ, какъ на дѣлѣ—въ Мр. паном, въ Поль. и Чеш. panem.

Мнѣніе, что *раб-в* возникло изъ *раб-о* и что было время, когда въ Славянскомъ языкѣ слова этого рода по звукамъ ничѣмъ неотличались отъ *иг о*, вызвано только желаніемъ доказать, что вообще *в* произошло изъ *о*. Напротивъ, можно думать, что съ самаго того времени, когда возникло различіе родовъ и падежей, именительные мужескаго рода *-ас* и средняго рода *-ам* уже никогда неотождествлялись и въ звуковомъ отношеніи. Положеніе, что Славянскій языкъ потерялъ конечные согласные, если неприкрылъ ихъ новыми суффиксами, вообще несомнѣнно, но не въ томъ смыслѣ, что потеря конечныхъ согласныхъ наступила вездѣ одновременно, стерла прежнія грамматическія различія и заставила языкъ вновь отыскивать эти различія какъ-бы въ потьмахъ. Могло случиться и такъ, что *-м* въ *а-м* изчезло раньше, чѣмъ *с* въ *а-с*, вслѣдствіе чего тематическое *а* въ обоихъ случаяхъ подверглось неодинаковымъ измѣне-

віямъ. Мнѣ кажется, что именно на это указываетъ Литовскій языкъ. Извѣстно, что *с* въ *а-с* уцѣлѣло въ литовско-Латышскомъ донынѣ, и только предшествующее ему *а* уже по раздѣленіи этого языка изчезло въ Литовскомъ въ извѣстныхъ случаяхъ (pon-s, но gars-a-s, Schleicher, Lit. Gram., 82), а въ Латышскомъ во всѣхъ словахъ муж. р. темы *а*. Что̀ случилось съ среднимъ окончаніемъ *ам*, объ этомъ, казалось бы, менѣе всего слѣдовало совѣтоваться съ Литовскимъ и Латышскимъ языками, такъ какъ они потеряли средній родъ; однако, въ Литовскомъ сохранились остатки этого рода въ одной формѣ причастій страд. наст. и прошедш. и причастія необходимости на tina-, въ безличныхъ оборотахъ, отчасти буквально сходныхъ съ такими, какъ *хожено*, *лажено*, польск. mówiono, ст.-чешск. byto (man war): литовск. to dėl sakoma, буквально—того дѣля говоримо, то-есть, потому то и говорится, напримѣръ, въ пословицѣ; taipo nedaroma, буквально: такъ недѣлаемо, то-есть, такъ негодится дѣлать (Библія); ne turėjo tą wakarą but skalbiema (Schleicher, Leseb. 202), буквально—не имѣло въ тотъ вечеръ быть прано, то-есть, не слѣдовало мыть бѣлья; man pawelyta yr, мнѣ повелѣно; tai Déwo żadéta, tai prilikta buwo (Schleicher Gr., 318), это отъ Бога обѣщано, это было допущено (о судьбѣ), szénden eitina (ib. 320), буквально—сегодня идомо, то-есть, необходимо идти.

По видимому, и въ такихъ выраженіяхъ, какъ лит. je rado daug iszwogta, они пашли (что) много выкрадено; jis rado swetimo buta, онъ нашелъ (что) (отъ) чужого быто, то есть, что кто то чужой былъ,—нѣтъ надобности писать этимологически iszvogtą, butą, какъ думалъ Шлейхеръ (Lit. Gr., 319). Окончанія *-м*, общаго въ среднемъ родѣ ед. ч. тремъ падежамъ, давно здѣсь невидно; между тѣмъ знакомъ ринезма, напримѣръ, ą, означается обыкновенно относительно недавняя потеря носовой согласной, которая можетъ быть возстановлена внутренними средствами Литовскаго языка, безъ помощи болѣе обширнаго сравненія. Различеніе, подоб-

ное тому, какое замѣчается между лит. муж. sakomas и среднимъ sakomá, могло лежать въ основаніи славянскаго различія между конечнымъ *ъ* и *о*. Латышскій языкъ при этомъ оставляется въ сторонѣ, такъ какъ въ немъ, въ случаяхъ подобныхъ вышеприведеннымъ, ставится причастіе въ мужескомъ родѣ: déws gan gulêts, буквально—довольно спанъ, то есть, спано (Bielenstein, Lett. Gr., § 770). Сравнительно съ Литовскимъ, это явленіе позднее. Незнаю, на сколько, изложенное мною мнѣніе объ исчезновеніи -*м* въ именит., винит. ед. сред. въ славяно-литовское время можетъ быть ограничено или опровергнуто тѣмъ, чтò Биленштейнъ говоритъ о латышскихъ нарѣчіяхъ на -am, u, im, въ коихъ, по его словамъ, навѣрно сохранились формы средняго рода (Lett. Gr., § 210). Онъ неговоритъ, какой именно падежъ онъ разумѣетъ, такъ что изъ его словъ неслѣдуетъ, чтобъ онъ считалъ латышскія нарѣчія klussam, klussu этимологически равными съ *тихо*. Окончаніе *am* можетъ принадлежать не именительному-винительному, а другому падежу, напримѣръ, дательному ед. ч. въ смыслѣ творительнаго, хотя послѣдній въ ед. ч. въ Латышскомъ языкѣ совпадаетъ не съ дательнымъ, какъ во множественномъ числѣ, а съ винительнымъ. Навѣрное является дательный въ одномъ изъ приводимыхъ Биленштейномъ примѣровъ, именно въ pa maz-am =м.-р. помалу, срав. лит. po mažam (предл. po съ дат. ед.)=по маломъ времени (Schleicher, Lit. Gr., 291) и лит. pamažuy, pamažu, тоже, чтò pamaži=мр. помалу. Мнѣ неясно, какой падежъ въ литовскихъ нарѣчіяхъ palengwà и lengwà, тихо, медленно. Есть ли это сокращеніе изъ lengway=льгъцѣ, или это—тоже, чтò pawilyta, то-есть, именительный ед. ср.?

Что *о* въ *бого-угодьнъ* есть тематическая гласная, или точнѣе, замѣна основной тематической гласной *а*, это такъ; но что изъ этого слѣдуетъ, будто *ъ* въ *Богъ* перешло черезъ ступень *о*, этого невидно: условія, при которыхъ возникло *ъ* въ *Богъ* и *о* въ *бого*, различны.

Было бы долго разсматривать порознь всѣ слова,

приводимыя г. Гейтлеромъ (§§ 9, 3, 4) въ доказательство происхожденія ъ изъ *о*. Вообще чередованіе въ этихъ словахъ ъ и *о* троякаго рода: 1) такое, которое мы относимъ къ случаямъ позднѣйшей замѣны глухаго звука чистымъ, а г. Гейтлеръ наоборотъ, напримѣръ, дождь—дъждь; 2) такое, гдѣ ъ вмѣсто *о* есть или ошибка личная, или діалектическая, то есть позднѣйшая замѣна, напримѣръ въскъ вмѣсто воскъ; 3) такое, гдѣ въ двухъ различныхъ образованіяхъ находимъ въ одномъ *о*, въ другомъ *ъ*, напримѣръ, корень и кърь, при чемъ каждый изъ этихъ звуковъ на своемъ мѣстѣ, по нашему, общеславянскій.

Допуская второй случай, я тѣмъ самымъ признаю, что въ отдѣльныхъ, вообще рѣдкихъ, случаяхъ и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ новоболгарскаго и хорутанскаго (гдѣ это часто), имѣются или имѣлись глухіе звуки позднѣйшаго образованія, и что основное *о* можетъ діалектически переходить въ глухой звукъ и исчезать, какъ въ русскомъ литературн. *ров-ъ—рва* (изъ *ръва*), при основной формѣ *ровъ*, род. *рова*, по аналогіи съ *ротъ*, *рта* (осн. ф. рътъ, *рътa*). Но я слѣдую тѣмъ, которые отличаютъ позднѣйшіе глухіе и позднѣйшіе бѣглые гласные отъ тѣхъ, которые предполагаются всѣми славянскими нарѣчіями.

Рѣшительное доказательство г. Гейтлера заключается въ слѣдующемъ (Fonologie, § 10):

1) «Нѣтъ объективнаго доказательства, что ъ возникло изъ *а*», а между тѣмъ «естественный переходъ отъ ă къ слабѣйшей гласной ъ составляетъ *о*». Естественнымъ г. Гейтлеръ называетъ здѣсь апріорное рѣшеніе, что возможенъ только такой, а не другой переходъ. Мало ли что̀ въ языкѣ считалось невозможнымъ, но оказалось дѣйствительно существующимъ? Въ настоящемъ вопросѣ можно сослаться на то, что южно.-в.-р. именно основное *а*, а равно и *а* изъ *о* неударяемаго въ извѣстныхъ случаяхъ, переходитъ въ глухой звукъ: *г'-варит* (3 слога) не изъ *говорит*, а ближайшимъ образомъ изъ *гаварит* (см. Два изслѣдованія о звукахъ Русск. языка, 61—62).

Въ такой же глухой звукъ такъ же могутъ преходить и всѣ остальные твердые гласные (см. ib.). Поэтому мнѣ нисколько некажется нужнымъ предположеніе, что основное *у*, чтобы стать глухимъ звукомъ, должно было перейдти черезъ ступень *о* (Fonologie, § 12): *ъ* могло прямо образоваться изъ *ў*. Славянскія формы съ *о* тамъ, гдѣ предполагается основное *у* (медо-точивъ, дат. мн. сыномъ), легко объясняются не фонетически, а переходомъ темы -*у* въ тему-*а*, то-есть, тѣмъ, что форма *медо* образована не согласно съ тою темою, которую мы находимъ, напримѣръ, въ звательныхъ *меду*, *сыну*, а такъ, какъ будьто основная форма темы есть madha и suna. Въ иныхъ случаяхъ допущеніе основнаго *у* можетъ быть и ошибочно. Такъ, ошибочнымъ кажется мнѣ мнѣніе, что *о* въ льгота принадлежитъ къ именной темѣ *лаг*hy, а не къ суффиксу (осн. ф. *ата̂*); что первое ъ въ *пѣсъкъ* тоже изъ тематическаго *у*. Въ послѣднемъ случаѣ г. Гейтлеръ напрасно слѣдуетъ за ссылкою Миклошича (Lexicon: пѣсъкъ) на Потта Forschungen, 2, 1, 324, и сближаетъ славянское слово съ санскр. *па̂нсу*, пыль. Правильнѣе было сближено *пѣс-ъкъ* относительно корня съ санскр. *пиш* (VII кл.), растирать (какъ скр. *чу̂рн́а*, пыль, собств. нѣчто растертое), куда тянутъ и славянскія слова *пьшено*, *пьшеница* (Mikl. Pott.), и съ литовск. pais-y-ti, околачивать ячмень, обмолачивать, русск. *опихать* пшено. Суффиксъ -*ъкъ* было бы произвольно дѣлить на *ъ-къ*, или *ъ-к-ъ* вмѣсто—*ък-ъ*. Первое *ъ* здѣсь принадлежитъ суффиксу производнаго слова, а не темѣ первообразнаго.

Въ § 14 и слѣд. г. Гейтлеръ старается доказать, что ѣ ближайшимъ образомъ возникло изъ *е*, каковъ бы ни былъ основной звукъ, предполагаемый этимъ послѣднимъ. Его доказательства здѣсь вообще сходны съ тѣми, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе о происхожденіи ъ изъ *о*. И здѣсь на первомъ планѣ формы Ассеманіева Евангелія, то-есть, то, чтò намъ представляется позднѣйшею замѣною болѣе древняго ѣ, именно формы: денетъ, страненъ, вѣренъ, вѣнець.

Чередованіе между *е* и *ь* въ *странен*, при *страшь-на* приводитъ г. Гейтлера не къ тому заключенію, что въ первой формѣ *ъ* на концѣ уже непроизносилось (Miklosich, Vergl. Gr. I. 72), а къ тому, что въ этомъ чередованіи *е* древнѣе, чѣмъ *ь* (Fonologie, § 19, 4). Чешскія формы den, lehký, pes, а равно и соотвѣтствующія имъ нынѣшнія русскія съ *е* для автора ступенью древнѣе, чѣмъ *дьнь* и пр. (ib. § 20). Точно также и формы родит. множ. *дьнем*, *людем*, *дѣтем* (Ассем. Евангеліе) и такія же нынѣшнія русскія для него древнѣе, чѣмъ *дьним* и пр. Напрасно возражать, что окончаніе *им* не только есть господствующее въ тѣхъ старославянсхихъ памятникахъ, которые мы считаемъ болѣе древними, но и предполагается польскимъ, чешскимъ и сербскимъ, что *ем* является господствующимъ и въ русской письменности далеко не съ самаго ея начала. Г. Гейтлеръ предпочитаетъ заключеніе отъ созданнаго имъ самимъ общаго: «Всякое краткое *и* (*i*) на славянской почвѣ измѣняется въ *е*; слѣдовательно, окончаніе родительнаго множ. *iу* (лит. aka-iu, źwer-iu) перешло сначала въ *ев* *), за устраненіемъ гіятa—въ *ej*ъ, посредствомъ ассимиляціи—въ *ем*, оттуда, вслѣдствіе уже полной ассимиляціи, въ *им*» (Fonologie, § 26).

Для себя я считаю лучшимъ остаться при слѣдующемъ мнѣніи о происхожденіи *ь*, мнѣніи, которое какъ и Гейтлерово, есть только mutatis mutandis, повтореніе мнѣнія объ *ъ*: *ь*, какъ и *ъ*, есть звукъ общеславянскій. Кромѣ позднѣйшихъ отклоненій, чистые звуки, изъ коихъ возникли эти глухіе, относятся не къ славянскому, а къ дославянскому періоду. **) Возникновеніе *ь* предполагаетъ *нѣкоторую* степень палатализаціи предыдущей согласной, а за невозможностью непосредствен-

---

*) N. b. *ъ* послѣ гласнаго звука!

**) По Гейтлеру (Fon. § 27) «даже въ отдѣльныхъ слав. нарѣчіяхъ чистыя гласныя древнѣе глухихъ: «полныя переходятъ въ полугласныя, а *не наоборотъ*».

ной палатализаціи, измѣненіе гортанной въ шипящую. Въ этомъ отношеніи *ь* сходно съ *е*. *Ь* въ конь и *ѥ* въ *полѥ* одинаково предполагаютъ *а* послѣ небной согласной, но возникли при различной обстановкѣ, о чемъ уже сказано выше по поводу *ъ* и *о*. Что глухой звукъ можетъ непосредственно происходить изъ *я* и другихъ йотированныхъ гласныхъ, это видно изъ южв.-в.-р. *пи-р-вя-зй* (4 слога; можно бы написать *пи-рь-вя-зи*) изъ пирявзй, то-есть перевези, и т. п. При такихъ же условіяхъ какъ и въ *конь* (ь=ja-c) *ь*, по всей вѣроятности, возникло изъ j*у* между прочимъ въ тѣхъ именахъ муж. р. на *й*, въ коихъ *ь* на концѣ не писалось, но безъ сомнѣнія, произносилось, и кои соотвѣтствуютъ литовскимъ на jus. Возникновеніе *ь* изъ *е* въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно, но оно ошибочно, какъ общее правило.

При опредѣленіи первоначальной разницы между *ъ* и *ь* за фонетическую единицу должны приниматься не эти гласныя сами по себѣ, а ихъ сочетанія съ предыдущею согласною, независимо отъ коей *ъ* и *ь* были тождественны. Тотъ фактъ, что въ стар. Сербскомъ оба глухіе замѣняются однимъ знакомъ *ь*, а потомъ оба переходятъ въ чистое *а* (сънъ=сан, дьнь=дан), допускаетъ такое толкованіе: при самомъ началѣ обособленія нарѣчіе это *удержало* первоначальное тождество гласнаго элемента еровъ, именно потому, что уже тогда начала въ немъ исчезать разница между твердостью согласныхъ передъ *ъ* и мягкостью передъ *ь*. Въ другихъ нарѣчіяхъ, какъ русс., ляшское, въ тоже время противоположность твердости и мягкости согласныхъ стала увеличиваться, что повело къ разграниченію гласнаго элемента *ъ* и *ь*, а за тѣмъ къ различнымъ ихъ замѣнамъ чистыми. Въ свойствахъ глухихъ звуковъ и ихъ замѣнъ въ Сербскомъ я немогу усмотрѣть основанія для предположенія, что это нарѣчіе обособилось раньше другихъ слав., когда послѣднія составляли еще одинъ языкъ (ср. Jagić, Podmladjena vokaliz. 24, Rad IX).

Мнѣніе мое объ общемъ значеніи *ъ* и *ь* находится

въ связи съ изложеннымъ ниже, въ главѣ «объ этимологичихъ различеніяхъ гласныхъ» мнѣніемъ объ ѫ и ѧ *)

Относительно произношенія ъ и ь въ древнемъ Русскомъ я думаю, что хотя эти звуки незадолго до своего перехода въ *о*, *е* должны были быть близки къ этимъ послѣднимъ, но близость эта, какъ уже упомянуто, небыла тождествомъ. Свойство глухого звука именно и состоитъ въ нѣкоторой неопредѣленности. Быть можетъ, слѣдуетъ придавать нѣкоторое значеніе тому, какъ представлялись эти глухіе звуки ближайшимъ сосѣдямъ Руси. Въ Литовскомъ, при большомъ количествѣ позднѣйшихъ заимствованій изъ Русскаго языка, сохранились и такія, которыя кажутся болѣе древними, чѣмъ исчезновеніе еровъ въ Русскомъ. Если ь въ Литовскомъ grynіczia, gesindestube (то-есть, гридьница) исчезло, то оно сохранилось въ видѣ *i* въ griwina (гривьна), kriwida (кривьда), быть можетъ, и въ triwoga (трьвога), между тѣмъ, какъ triwoti могло возникнуть черезъ зап. и южн. русск. *тривати* изъ поль: trwać (одинъ слогъ). Въ числѣ случаевъ, на которые указываютъ, какъ на подтвержденіе того, что ъ произошло изъ основнаго *у* (*и*), есть такія литовскія слова, которыя мнѣ кажутся прямыми заимствованіями изъ Русскаго языка и въ ко-

---

*) Для сравненія привожу слѣдующ. изъ Разсужд. о Слав. языкѣ Востокова (1820, перепеч. въ Уч. З. Ак. Н. II, 18):

«Полугласныя ъ, ь ничто иное суть, какъ стремленіе воздуха изъ гортани, потребное для образованія всякой изъ пяти гласныхъ а, е, и, о, у, но недостигающее сего полнаго изглашенія, потому что, на половинѣ пути остановленное, ударяется въ небо, вмѣсто того, чтобы устремиться въ отверстіе рта. *Ь* ближе подходитъ къ чистымъ гласнымъ отъ того, что гортанный воздухъ для произношенія его совершаетъ въ устахъ болѣе пути и ударяется въ переднюю часть неба, почти къ деснамъ; ъ, напротивъ того, при самомъ исходѣ изъ гортани въ небо ударяется.... ь или *й* (ибо это одно и тоже) находится и въ другихъ языкахъ подъ именемъ j или у.... Западные Славяне, пишущіе латинскими буквами, неимѣютъ у себя знака для дебелой полугласной, кромѣ Поляковъ, кои *ł* выражаютъ косвенно

нхъ, наоборотъ, литовское *u* передаетъ русское ъ: kumetys=*къметь*, tulkas=*тълкъ*, (въ значеніи толковника), tulkoczus=тълкачь и tulmoczus=idem (вѣроятно тълкмачь, ср. мр. товкмáчити), pulkas=пълкъ (въ разныхъ значеніяхъ, какъ и въ литовскомъ, напримѣръ, полчокъ дѣвокъ, какъ говорится «дѣвокъ табунокъ»), kurtas=хъртъ, stulpas—стълпъ, strustis=тръсть. Слова, какъ *тълкачь*, въ этой формѣ нѣтъ въ Польскомъ (есть tłuczek); будь оно заимствовано хотя и изъ Русскаго, но поздно, когда *ъ* измѣнилось въ немъ въ *о*, то оно имѣло бы въ Литовскомъ *a* (talk), а не *u*.

Съ другой стороны, есть случаи, въ коихъ русскій *ъ* является въ литовскомъ и въ другомъ видѣ. мр. *дбати* на що (польск. dbać na co, обращать вниманіе) предполагаетъ форму *дъбати*. Въ этомъ словѣ ъ въ историческія времена никогда непроизносилось какъ чистое *о*, иначе оно немогло бы исчезнуть. Тѣмъ не менѣе, я думаю, что отъ этого ъ произошло *а* въ Литовскомъ, заимствованномъ daboti, между тѣмъ, какъ лит. atboti

---

перечеркнутымъ l. Прочимъ Славянамъ ненужно теперь такого знака, потому что они потеряли звукъ изображаемый ъ-мъ. Въ богем. словѣ vlk слышенъ полугласный звукъ не дебелый, какъ влъкъ, и не тонкій, какъ вльkъ, а средній, какимъ сопровождается l въ Нѣм. и Франц. Богемцы, Сербы и можетъ быть всѣ южн. Славяне весьма рано утратили.... ежели когда имѣли, дебелый полугласный звукъ ъ-ра.... Сербы и Болгары потерявши ъ, потеряли и составную съ нимъ гласную *ы* или ы, которую нынѣ всѣ Юго-славяне какъ *и* выговариваютъ. Они замѣнили и въ начертаніи сей составной буквы ъ ь-мъ, можетъ быть еще въ X или XI в.

Здѣсь ошибочно различеніе еровъ по степени ихъ чистоты, отождествленіе гласнаго ь съ согласнымъ j, смѣшеніе твердости и мягкости согласныхъ, составляющихъ съ ъ и ь одинъ слогъ съ противоположностью твердыхъ и мягкихъ согласныхъ въ случаяхъ, какъ *ла*, *ля*. Но въ томъ, что Востоковъ называлъ большею близостію ь къ полнымъ гласнымъ и приражевіемъ воздуха къ передней части неба, можно видѣть лишь небность согласной передъ ь.

пошло отъ формы *дбати* уже безъ *з*, но, быть можетъ, снабженной эвфоническою приставкою, какъ въ *авчера*= *вчера*. Въ этой послѣдней литовской формѣ, по недоразумѣнію и въ силу стремленія осмыслить этимологически-неясное слово, at- принято за литовскій предлогъ at и отъ якобы—предложнаго глагола at boju образованъ простой boju—boti=*дбаю*—*дбати*.

О времени исчезновенія глухихъ гласныхъ въ Русскомъ языкѣ г. Колосовъ говоритъ: «глухіе въ XIV вѣкѣ по всей вѣроятности въ рѣчи уже неслышались. Въ томъ убѣждаютъ: частое опущеніе ихъ въ корняхъ и суффиксахъ, замѣна чистыми тамъ, гдѣ, въ слѣдствіе стеченія согласныхъ, совершенное отсутствіе гласнаго невозможно... Слѣды глухаго сохраняются однакоже и въ этомъ вѣкѣ, т. е. является еще нерѣдко на мѣстѣ глухого чистый тамъ, гдѣ впослѣдствіи его уже невстрѣчаемъ, напр. Болопескъ, Можаескъ, царество» (Оч. 102). Въ болѣе позднемъ своемъ соч. г. Колосовъ, какъ и слѣдуетъ, болѣе спеціялизируетъ вопросъ: «Случаи сохраненія слѣда глухихъ въ (новомъ) сѣвер.-влр. наводятъ на заключеніе, что въ немъ глухіе жили долѣе, чѣмъ въ южномъ. Слишкомъ однакоже сомнительно, чтобы даже въ XIV в. они, какъ думаетъ г. Потебня (Два изслѣд. 56), на сѣверѣ произносились еще явственно какъ глухіе. Едва ли въ то время они гдѣ либо въ области Русс. языка еще слышались» (Матеріялы, 20).

Посмотрю еще разъ, великъ ли излишекъ сомнительности въ томъ моемъ мнѣніи, что древніе глухіе вовсе нетакъ далеко остались за нами, какъ думаютъ нѣкоторые, между прочимъ и болѣе радикальные въ этомъ отношеніи, чѣмъ г. Колосовъ.

Во-первыхъ, относительно юівр. Конечно, здѣсь неможетъ быть рѣчи о массовомъ появленіи новыхъ глухихъ звуковъ изъ древнихъ чистыхъ въ юівр. говорахъ

(Два изслѣд. 61, 66); но никто меня неубѣдитъ, что я неслышалъ въ нынѣшней ювр. пѣснѣ (т. е. въ пѣніи) явственныхъ *слоговъ—тъ*, *зъ*: «за рѣшо-тъ-ками, за желѣ-зъ-ными». Равно, никому я неповѣрю, что теперь нельзя услышать «Куреск» (небное р и неявственное *е*) при односложномъ Курск и Курск. Зная обычныя формы «жимши, бымши, богатства, смёртном», за что, если не за survival древнихъ глухихъ гласныхъ, я долженъ счесть формы: жимыши, бымыши (Можайск. у. Кал. пер I, 45), богат*и*ства, ib., бога*те*ства ib. 52, при *се*мёртном часѣ, ib. 97, при *се*мер*а*тным часѣ (ib. Влад. г. уже съ свр. оттѣнкомъ; самьрат...)? А между тѣмъ насъ отдѣляетъ отъ XIV в. полъ тысячелѣтія. Поэтому я нимало несомнѣваюсь въ томъ, что въ русск. кондакаряхъ XII—XIII в. (Срезн. Пам. Русск. письм. 186, 220) заключено несомнѣнное свидѣтельство того, что въ это время въ русск., покрайней мѣрѣ мѣстами, слоги съ глухими протягивались въ пѣніи: «отъ зъъълъхъъъ»=отъ зълъ (по съ графическимъ изображеніемъ того гагаканья, которое и теперь можно услышать въ деревенскихъ церквахъ), «дьььньсььь»= дьньсь. Извѣстно, что стихирарь конца XIV или нач. XV в. съ крюковыми нотами подъ *ъ* и *ь* (въходъ— трехсложно, ликъ—2-хъ сложн., свѣтьлыи—4-хъ сложн., весей=вьсей) далъ основаніе Востокову сказать, что «сіи буквы въ старину слышимы были въ произношеніи, а въ пѣньѣ протягивались также, какъ у Французовъ *e* muet» Вост. Оп. Рум. Муз. стр. 650). Эта «старина» была между прочимъ и XIV-е столѣтіе. Въ позднѣйшихъ стихираряхъ XVI и XVII в. сохраняется тоже живое преданіе, съ тою разницею, что вм. *ъ*, *ь* ставятся чистыя *о* и *е*: «возносяи себе сомирится. Сомиримося предо Богоме мытарескы постоме возывающе»; на недвижимоме камени, святымъ духоме» (ib. 651—4). Я говорю здѣсь объ этихъ памятникахъ не потому, что считаю ихъ ювр-ми, а лишь по поводу глухихъ, слышныхъ спорадически въ нынѣшнемъ пѣніи, конечно, больше, чѣмъ въ просторѣчіи.

Изъ двухъ вышеприведенныхъ мѣстъ видно, что г. Колосовъ видитъ въ формахъ, какъ Болонескъ (XIV в.), не графическое только, но настоящее *е*. Между тѣмъ, такъ какъ опущеніе чистыхъ гласныхъ въ Русск. языкѣ вообще рѣдко, то вся вѣроятность въ пользу слѣдующаго: если бы въ XIV в. или раньше въ именахъ на *-ьскъ* произносилось чистое *е*, а не *ь*, то это *е*, такъ и осталось бы донынѣ, какъ въ человѣческій и т. п. Однако *ь* въ *-ьск* (ъ) исчезло вездѣ, гдѣ только была возможность его выпустить. Отсюда видно, что въ южно-великорусскихъ (по крайней мѣрѣ не новгородскихъ) грам. XIV в. -*ескъ* слѣдуетъ читать: ьск(ъ). Такъ въ Духовной Ив. Калиты 1328 (Соб. Г. Гр. I, № 21) Можаескъ (т. е. Можајьск), при постоянномъ сохраненіи *ь* въ другихъ именахъ на ьск: Коломеньскими, въ Похраньскомъ у., село Рузьское, какъ и въ Дух. Сим. Ив. 1353 (ib. № 24) - у Дрюцьского. Въ послѣднемъ слогѣ *ц* вм. *т* (Дрьютьскъ) показываетъ не исчезновеніе *ь*, а лишь вліяніе *с* на *т'* черезъ *ь*. Въ Догов. и дух. гр. Дм. Ив. 1388—9 (ib. № 33—4)— Можаескъ, Болонескъ при *ь* въ Коломеньскиѣ, Звенигородьскіе и *ъ* въ—Московъскихъ. Въ запад. русск. гр. короля Влад. (Срезн. Пам. Русск. п. 266)—Менескъ, Бобруескъ, Ропошескъ, Логожескъ, Полтескъ. Формы: Логозеская дань и Полоцкомъ допускаютъ такое же толкованіе, какъ и выше Дрюцьского, именно Логозьская, Полоцьскомъ. Изъ написанія Козлескъ (1405 г. Соб. Г. Гр, № 38), при нынѣшнемъ Козел́ск, видно, что и написаніе Козельска (ib.) слѣдуетъ читать четырехсложно. Кто говоритъ *дщан* (а не *чан*), тотъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что въ его произношеніи сохранился *ъ*, послѣ *д*, хотя и не столь явственный, какъ въ стар. дъщанъ. Такимъ образомъ и написаніе: по Тцну, отъ усть Тцны, по Тцнѣ (Дог. гр. Дм. Ив. съ Олег. Ряз. 1381, С. Г. Гр. I, № 32) указываетъ на слѣдъ глухого, потеряннаго въ нынѣшнемъ Цна. Итакъ въ этихъ, а вѣроятно и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, глухіе въ ювр. XIV в. существовали.

Чтожъ тутъ мудрёнаго, если въ подобныхъ случаяхъ они есть и теперь? Что до конечныхъ *ъ*, *ь* въ ювр., то и я того мнѣнія, что въ это время они уже необразовывали слоговъ.

Во-вторыхъ, относительно нѣкоторыхъ свр. говоровъ.

Самъ г. Колосовъ приводитъ замѣчаніе Гильфердинга, что одинъ Пудожскій пѣвецъ вм. *ъ* (на концѣ) произносилъ почти *ы* (идўты=тъ), а вм. *ь* въ -ьск, ьн — почти *и*. Къ послѣднему случаю примыкаетъ то, что и вообще въ Онежскихъ пѣсняхъ, на мѣстѣ *ь* въ суффиксахъ, опускаемаго въ другихъ русск. говорахъ, встрѣчаемъ *и* и *е*: крылеч*и*ко, колод*е*цы, къ обѣдени. См. Колосова, Матеріялы 18—19, а также 20, 38, 43, 45, 46. И прежде было извѣстно, что въ свр. говорахъ записывателямъ слышится на мѣстѣ древняго *ъ* (основного, или происшедшаго изъ *ь*, какъ уже въ грам. 1229 г. отидет*о*=ть)—*о* и *а* (идето и идета, 3 л. ед.), именно въ просторѣчіи, а на мѣстѣ *ь*, неизображавшагося на письмѣ, но существовавшаго въ древнемъ языкѣ въ окончаніи ый, ой, въ пѣсняхъ—то *е*, то *я*, то *ю* (конь косматыĕ, добрыя=ый, правою=ой, дат. ед. ж.). См. мое сочин. Два изслѣд. 74—5. Отсюда мнѣ ясно нетолько то, что нѣкоторые свр. говоры удерживаютъ до нынѣ гласное окончаніе (=древн. ъ, ь), но и то, что это окончаніе—весьма неопредѣленнаго свойства, т. е. что въ немъ слышенъ глухой звукъ, хотя, вѣроятно и не такой самый, какъ въ древнемъ языкѣ. Что такое значитъ заявленіе, что пѣвецъ произноситъ почти *ы* во «Владймерў=меръ, это мы знаемъ по ювр. случаямъ глухого звука (изображаемаго нѣкоторыми посредствомъ *ы*) изъ древняго *о* и пр. напримѣръ, въ г-лава (3 сл.). Встрѣчая въ пѣснѣ, для размѣра, формы послѣ-дь-няя (5 слог.), Владймерў, добрые (=ый), мы не въ правѣ еще сказать, что тоже возможно и въ просторѣчіи. Такъ, слыша въ пѣніи француз. *e* muet (gloire, 3 слога), мы обыкновенно неслышимъ его въ говорѣ. Но пѣсня сама есть проявленіе слова, и между мною и

г. Колосовымъ существуетъ недоразумѣніе, если онъ (Матер. 43) нехочетъ видѣть въ пѣснѣ живаго народнаго языка, потому что у нея свои условія стиха и мѣры. Поэтическія вольности здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, состоятъ лишь въ несовсѣмъ обычномъ удержаніи старины; ибо, какъ трехсложное gloire неесть растяженіе формы gloir, а на оборотъ, такъ и *добрые*—не изъ двухсложнаго *добрый*, а на оборотъ.

Перехожу затѣмъ къ стар. свр. памятникамъ. Уже здѣсь, еще не дошедши до мр. нарѣчія, я сталкиваюсь съ мнѣніями г. Житецкаго. *) Относительно грам. 1229 г. (Срезн. М. объ ист. Русск. яз. 194 слѣд.; прилож. къ Русско-лив. акт.) я держусь того мнѣнія, что въ нѣкоторыхъ изъ изводовъ этого памятника нѣтъ никакихъ слѣдовъ книжно-церковнаго вліянія. Тѣмъ самымъ я признаю ошибочность мнѣнія г. Гатталы (Uváha o Gram. Бусл. 19, Čas. m. kr. č. 1862), повторяемаго г. Житецкимъ (напр. У. И. № 8, 611), что чѣмъ старѣе памятникъ, тѣмъ больше онъ придерживается староболгар. образцовъ, и чѣмъ новѣе, тѣмъ болѣе прибли-

---

*) «Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія». Сочин. это помѣщено въ 2—3 кн. Кіевск. Унив. Изв. 1875. Приложенія—въ кн. 9 и слѣд. Касаясь здѣсь только немногихъ затронутыхъ въ немъ вопросовъ, я вообще, противопоставляя это соч. сжатымъ соч. Колосова и Гейтлера, замѣчу только одно: оно слишкомъ многословно и было бы лучше, если бы было въ нѣсколько разъ меньше. Если бы (допустимъ невѣроятное) ученый, съ такимъ запасомъ данныхъ, какъ Миклошичъ, былъ такъ говорливъ, то онъ, вмѣсто своихъ 4-хъ томовъ Грамматики, долженъ бы написать томовъ сорокъ. Нынче и у насъ время дорого. Я прошу читателя невполнѣ полагаться на г. Житецкаго, когда онъ приписываетъ мнѣ извѣстныя мнѣнія: Напр. на стр. 587 (У. Из. № 7) онъ, ссылаясь на мое сочин. Два изслѣд. 12¹, говоритъ: «устраняя изъ этихъ словъ нѣкоторую неточность въ названіи *ж*, то общерусскимъ, то немалорусскимъ, мы вполнѣ согласны съ г. Потебней въ томъ, что въ мр. нарѣчіи не *ж* образовалось изъ *дж*, а это послѣднее изъ перваго». Между тѣмъ у меня буквально и безъ грубыхъ опеча-

жается къ простонародной русской рѣчи. Тутъ надобно различать двѣ вещи: сознательное устраненіе подражанія и безсознательное подчиненіе народному языку. Отъ послѣдняго менѣе застрахованы древніе писцы, чѣмъ позднѣйшіе, болѣе книжные. Извѣстно мнѣніе Ак. Срезневскаго объ отношеніи правописанія упомянутой грамоты къ произношенію: «Если можно было смѣшивать на письмѣ ь съ *е*=*ѣ* и ъ съ *о*, значитъ и самые звуки ими изображаемые смѣшивались въ произношеніи, т. е.... ь (произносилось) сходно съ е=ѣ, а ъ съ *о*. А что они выговаривались только сходно, это доказываютъ случаи пропуска *е* и *о* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ заступать могли ь, ъ: горда, сербра, смрти, напсати вм. города, серебра, смьрти, напьсати» (Мысли 195). Здѣсь между прочимъ вѣрно то, что пользоваться подобными памятниками можно лишь признавая необходимость ихъ толкованія, сравненія различныхъ написаній въ нихъ самихъ и другихъ близкихъ по времени и характеру. Г. Житецкій другаго мнѣнія: «Мы принимаемъ фактъ, какъ онъ есть: стоятъ чистые вмѣсто глухихъ, мы и понимаемъ ихъ чистыми, а никакъ не глухими» (У. И. № 3, 257). *) Въ грам. 29 г. «неприбѣгая къ натяжкамъ, можно видѣть только равенство ъ

токъ стоитъ слѣдующее: «Господство звука *ж* изъ *дј* (=ст.-слав. жд) въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности служитъ доказательствомъ, что разницею между дж (Мр.) и *ж* (Вр.) было намѣчено раздѣленіе Русскаго языка на нарѣчія не позже X—XI в. *Ж* изъ *дж* въ украинскомъ, вѣроятно, новѣе, чѣмъ *ж* изъ дж въ великорусскихъ говорахъ. кромѣ бр. Невижу возможности предположить, что не мр. *ж*» (т. е. возникло) «изъ сохранившагося въ мр. *дж*, а наоборотъ, послѣднее—изъ общерусскаго *ж*,» т. е. я (и теперь, десять лѣтъ спустя) считаю невозможнымъ предположеніе, что мр. *роджу*—изъ якобы общерусскаго *рожю*; наоборотъ, я думаю, что мр. рожу произошло изъ мрусскаго же *роджу*.

*) Отсюда бы слѣдовало, что въ такихъ памятникахъ, какъ Псалт. Марг. skoczφ, pecus, sczyrpecz sustinere, нужно читать: скоцзон, счырпецз и т. п.

и ѣ гласнымъ *о* и *е*... а никакъ не глухое, древне-славянское произношеніе ъ и ь... Мы несомнѣваемся въ томъ, что ъ и ь очень часто были слышны въ произношеніи, но именно какъ звуки чистые, сообразно съ народной фонетикой, которую писцы неумѣли приспособить къ своему правописанію. Произнося ъ и ь, какъ *о* и *е*, они немогли поладить съ четырьмя буквами, выражавшими два звука, и потому постоянно смѣшивали эти буквы между собою». *) Напрасно несомнѣвающійся авторъ говоритъ (ib. 256), будьто онъ присоединяется въ этомъ случаѣ къ Миклошичу. Слова Миклошича, на которыя ссылается г. Житецкій и раньше его г. Колосовъ (Оч. 17), слѣдующія: «въ гр. Мст. Дав. замѣну ъ и ь на концѣ словъ посредствомъ *о* и *е* слѣдуетъ приписать *или* тому, что здѣсь еще слышался звукъ» (гласн.). «*или*, что вѣроятнѣе, ошибочной аналогіи... Подобное встрѣчается и въ Новг. пам. XIV в.» (V. Gr. I, 381). Какая ошибочная аналогія могла заставить писцовъ нѣсколькихъ столѣтій писать идуто и т. п., а нынѣшняго простолюдина пѣть и говорить идуты̆, идуто, этого я непостигаю.

Грам. 1229 и сродная по языку, но болѣе правильная по написанію грам. 1230 (Срезн. Пам. Русск. п. 223), несмотря на свое отношеніе къ Смоленску, принадлежатъ къ свр. и служатъ коррективомъ и объясненіемъ другъ другу. а) Какъ понимать замѣну и опущеніе глухихъ при *р*, *л* въ случаяхъ: утвѣрдять, смрти (1-я гр.) видно изъ умьрлъ, мьртвъ, утвьрживати (1-я), търгованіе, дългъ, дължьнъ и -енъ, дължьбита (2-я). б) Въ корняхъ при другихъ согласн. притъча, мьзду, почьнѣть (2-я). Случаи: възьметь, въ Ризѣ (ib.) наводятъ на мысль, что, гдѣ писцу 1-ой гр. слышалось *у* (уздумалъ, на устоко, науспять, у Ризѣ), тамъ въ

*) Но вѣдь написаніе «свободьный, вьсѣхо» стоитъ по серединѣ между «свобо-дь-ный, вьсѣ-хъ и нынѣшнимъ «свободный (и-нной, какъ свр. ланно=ладьно) всѣх. Послѣднія формы немогли бы возникнуть, если-бы въ XIII в. ь было=ю, ъ=о,

произношенія было еще *въ*, но съ *е* уже нѣсколько вокализованнымъ. в) Какъ понимать чистые гласные въ суфиксахъ внутри словъ въ 1-ой гр. (латинескымь, свободѣныи и пр.) показываетъ 2-я гр., гдѣ: задьница, нѣмѣчьскому, послушьство, куноемьчи, поемъши. г) Какъ понимать чистые гласные вмѣсто еровъ на концѣ (лѣютѣ=ть, и т. п.; Тумаше, князѣ=зь, языкомѣ, берьго, Ролфо, дългo=ъ, битося=тъся, въ 1-ой гр.), это видно изъ 2-ой, гдѣ дългъ, битъся, гътьскомь, хотя и въсхочети=ть-и. Наоборотъ, основываясь на одной 2-ой гр. и неимѣя въ виду частыхъ случаевъ замѣны конечныхъ еровъ посредствомъ *о*, *е*, *ѣ* въ Грам. 1229 г., можно бы подумать, что въ 2-ой еры на концѣ несоставляли слога, что однако несправедливо. д) Наконецъ коррективомъ употребленія *ъ* и *ь* вмѣсто основныхъ *о*, *е*, *ѣ* служитъ современный языкъ, доказывающій, что ни въ одномъ изъ прежнихъ періодовъ языка немогли произноситься глухіе звуки въ случаяхъ, какъ вѣдомъ (=е), посль (=ѣ), берьго, промьжю, нальзлъ.

Весьма важно, что Гр. 1229 г. стоитъ по характеру правописанія не особнякомъ, но примыкаетъ къ ряду свр. памятниковъ конца XII—начала XV в. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и черта, невстрѣчаемая въ гр. 29 г., именно *е* на концѣ вм. *ъ*. Такъ въ грам. 1192 въдале Варламе при далъ Варламъ (Срезн. Пам. Русс. пис. 183); около 1249—написане (ib. 59); во Въпраш. Кюр. (ркп. XIII в. Калайд. Пам. XII в.)—елико службе (=службъ) 174, аще кто вѣрне есть ib. 177, крестъ честный недошле (=шьлъ) Царя града, егда обрѣтене, 179. Объ этомъ см. Колосовъ, Матер. 17; въ XIV в. id. Очеркъ 103. Но большею частью разница между *ъ* и *ь* выдерживается: Петро, рабо (около 1249. Срезн. Пам. 60); трее дворць (=трејь) въ гр. 1257—63 (Русс. лив. акты); ко кзролевымо мужемо, къ вамо, посъло, молвяше въ гр. 1294—1304 (ib. № 43); путь имъ чисто въ гр. ок. 1300; вьсе.. чинъ, дожде, мо-ножьствомь, обѣщеникомъ (дат. мн.=обьщьникомъ), причащеникомъ, обьтошавшии (=обьтъшавъшии) въ

Служебн. 1250 (Срезн. Пам. 225); кръвавъ муже, познаюети и въ Русс. Пр. по сп. XIII в. (Русс. Дост. I, 33, 4) и пр.

Говоря о XIII вѣкѣ, г. Колосовъ несомнѣвается, что напр. въ Паремейникѣ 1271, памятникѣ Двинского письма, *е* послѣ ј слѣдующаго за гласною и послѣ другихъ согласныхъ есть изображеніе глухого звука (Оч. 88): отьць *моѥ*, въ поко*ѥ* (=ой) *) братъ ваш*е*, уклонит*е*ся (=ться) терпит*е*, раздѣляете. Здѣсь же слѣдовало отмѣтить изъ того же пам. къ*ı* нему, сѣдм*е* тысящъ вел*е*блудъ, и на оборотъ *ъ*, *ь* вм. *о*, *е*: въловныхъ, пирьния (Бусл. Хр. 75—6); Олуферьье, (Срезн. Пам. 235—6). Но когда г. Колосовъ переходитъ въ XIV в., то на него вдругъ находятъ сомнѣнія. Между тѣмъ мое мнѣніе о глухихъ въ свр. въ XIV, нач. XV в. основано на такихъ же данныхъ, какъ и тѣ, которыя онъ находитъ удовлетворительными для XIII вѣка.

Въ купчей 1389 (Срезн. Пам. 268)—за Кузьм*о*кою (Кузьмъкою, нынѣ Куземкою), на Словѣн*о*кѣ (—нъкѣ, нынѣ -нкѣ), пополон*о*ка (попълнъка). Неужели можно думать, что здѣсь *ъ* сначала измѣнилось въ *о*, а потомъ исчезло? Тамъ же: съ путиком*о* (ъмъ или омъ вм. ъмь), оць д(у)ш(е)вно*е* (=ой=ый) игумено. Въ Новг. купчихъ XIV—XV в. (Ак. Юр. 110, 114—6) а) *о* вм. *ъ*: Окынф*о*, Өедор*о*; Жирятиничем*о*, Яков*о*, послух*о*, Дрочил*о* Олексин*о*, Созонъ Илеѣно (И-ль-и-нъ, 4 слога), а псал*о* Олуферій, а стояло у печати Гошкуй; б) *ъ* вм. *о*: а на тъ люди (=а на то свидѣтели), стъялъ, къ зеру (к-оз...), събѣ на чьрьмховъи кустъ (=ой; въ другихъ мѣстахъ—Левушиньской, соцкой, 117); опущено *о* въ Өедровъ; в) *е* и *ѣ* (на письмѣ) вм. *ь* изъ *ъ*: Марк*е*, Констянтине, Смене, Петре, Игнате, Грихне, Павле Труфоновичь; Сидоръ Труфановѣ, Есипъ Өоминѣ, Ти-

---

*) Отсюда видно, какъ ошибочно отъ написанія *краи* (им. ед.) заключать, что въ XI в. во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ было здѣсь на концѣ согл ј безъ гласн. *ъ* (Житецкій, У. И. № 3, 257—8).

моеей Ивановѣ, Перхурей; г) *е* на мѣстѣ основ. *ъ*: Ил*е*ѣно, съ чѣмъ ср. Дементей *де*якъ, деякъ Иванъ (1479—81, Ак. Ю, 3) у Мадяровъ—Деак; Иванович*е*, купиле собѣ одерен*е* (Ак. Ю, 114, но часто одерень, одерьнь); д) *ь* вмѣсто основнаго *е* и опущеніе такого *е*: Сменъ (часто), братья Смене и Ортемья (быть можетъ Ортеме-я вмѣсто -ме-јь, какъ въ новыхъ говорахъ «добрыя»=добрый), Дементьи, Григорьи (=ей, какъ въ Перхурей), черьмховъй (116).

Спрашивается, почему мнѣ иначе судить о написаніи берьг*о* (XIII в.) а иначе о Яков*о* (XV в.)?

Приведенныя здѣсь данныя, по моему мнѣнію, свидѣтельствуютъ, что древніе глухіе звуки во многихъ случаяхъ были живы еще въ XIV—XV, особенно въ свр. говорахъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, между прочимъ на концѣ, въ свр. (спорадически) доходятъ вплоть до нашего времени. Если даже толковать эти данныя согласно съ глубокомысленнымъ принципомъ г. Житецкаго («стоятъ чистыя, мы и читаемъ ихъ за чистыя»); то всеже для насъ остаются поразительными слѣдующія откровенія, полученныя этимъ ученымъ:

1) «Движеніе звуковъ въ мр. нарѣчіи, *какъ и во всѣхъ славянскихъ* нарѣчіяхъ, началось... *) съ потери глухихъ звуковъ *ъ* и *ь*.. которая.. обнаружилась еще на почвѣ праязыка Русскаго... въ прадавнюю эпоху» (№ 3, 251). Къ такимъ признакамъ «общимъ *всѣмъ говорамъ* Русск. праязыка», **) какъ полногласіе, г. Житецкій

*) Вѣроятно тутъ неточность, ибо чтоже дѣлали звуки до того времени, если они недвигались, и откуда въ такомъ случаѣ взялся самъ праязыкъ Русскій?

**) Авторъ придаетъ большее значеніе мысли (по моему, неимѣющей никакой цѣны), повторяемой имъ на разные лады въ 8-хъ (и болѣе) мѣстахъ, что «не форменное однообразіе составляло характеристическую особенность праязыка Русскаго, а та широкая полнота звуковъ и формъ, которая вмѣщала въ себѣ *всѣ* діалектическія разновидности» 2, 192. Это нѣсколько напоминаетъ К. Аксакова: «сущность, духъ, разумъ Русск. языка—свобода» (Соч. К. Акс. II, IX).

находитъ нужнымъ «прибавить еще одну особенность Русск. праязыка, безъ которой немыслимо самое существованіе его, именно—паденіе глухихъ гласныхъ, тотъ знаменательный въ исторіи слав. нарѣчій моментъ, съ котораго началось отдѣленіе ихъ отъ праязыка Славянскаго и который выразительными чертами отмѣченъ уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ древнеславянскаго нарѣчія» (№ 8, 610).

Кромѣ другихъ данныхъ, которыя я считаю нужнымъ объяснять иначе (напр. описка «*Богомъ*» въ Ост. Ев. 180,[a]), г. Житецкій опирается еще на слѣдующія:

а) Вѣроятно, заключая отъ бѣглой гласной въ вр. лед—льду, г. Житецкій видитъ *е* вм. *ь* въ записи Глѣба на Тмуторок. камнѣ 1068: «по леду» (3, 257). Туже ошибку сдѣлалъ *я* (Два изслѣд. 94) и Колосовъ (Оч. 59); но *е* здѣсь общеславянское. Въ тойже записи два случая правильнаго *г*: от(ъ) Тъмутороканя до Кърчева».

б) О заключеніи отъ *краи* см. выше (стр. 43).

в) «Надстрочное изображеніе глухихъ гласныхъ всегда» (въ XI, какъ и въ XVI в.) «означало ихъ отсутствіе въ смыслѣ звуковъ, ниспаденіе звуковъ на степень простаго знака этимологическаго» (№ 3, 259).—Нѣтъ, въ этомъ отношеніи есть разница между столѣтіями. Если напр. въ Остр. Ев. *ъ* есть изображеніе звука въ тълъцѣте, то и ˈ тоже въ тълˈкжщууму.

г) «Встрѣчая въ самыхъ древнихъ памятникахъ отсутствіе *ъ*, *ь* въ предлогахъ и въ предложныхъ словахъ, мы имѣемъ право заключать, что уже очень рано началось паденіе ихъ и въ срединѣ словъ.... Да иначе и быть немогло: звуковыя превращенія въ одной части слова должны были немедлено отразиться на всемъ составѣ его. По мѣрѣ того, какъ конечные глухіе падали, срединные должны были превращаться въ полные гласные: изъ сънъ, дьнь должны были образоваться сон, день» (ib. 259—60).

Дѣйствительно, предлоги съ *з* (без, въз, из, раз), являются безъ *ъ*, откуда—формы въ родѣ, и-чрѣва, ицѣлити, раздрушити (объ этомъ Mikl. V. Gr. I, 211—7;

Срезнев. Пам. Русск. пис. 50; Пам. юс. письма 161, 18 и мн. др. См. ib. указатель; Колос. Оч. 66, 81, 107); но отсюда нельзя заключать не только къ потерѣ глухихъ въ случаѣ търгъ, но и къ другимъ предлогамъ: отъ, подъ, прѣдъ, надъ, въ, съ, обыкновенно сохраняютъ *ъ* (Mikl. ib. 190—1, Lex. pass.), а *об* хотя и встрѣчается безъ глухаго звука, откуда форма, какъ обетшати, но встрѣчается, именно въ русск. памятникахъ, и съ *ь* (и съ *-и*: оби). Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ частнымъ звуковымъ явленіемъ, условленнымъ, быть можетъ, свойствомъ согласной предлога, во всякомъ случаѣ—вовсе нехарактеризующимъ состоянія глухихъ звуковъ вообще.

2) «Начало (эпохи превращенія основныхъ *о* и *е*) совпадаетъ съ паденіемъ глухихъ гласныхъ на концѣ». «Потеря *ъ*, *ь* немедленно должна была отозваться на измѣненіи срединныхъ *о* и *е*.. А такъ какъ глухіе начали исчезать въ доисторическую эпоху, то и *дифтонги на мпстп о, е, появились тогда же*... Признать можно *безспорнымъ*, что *съ дифтонгами вм. о и е Русскій языкъ началъ свое историческое существованіе*» (№ 4, 317). То обстоятельсво, что въ XII—XIII в. двоегласія (т. е. напр. воолъ, вуол=волъ) незамѣтно, «доказываетъ глубокую древность двоегласія, а не его позднее происхожденіе» (6, 611) «Великорусская система стяженныхъ гласныхъ» (т. е. напр. *вол*) выводится изъ подлясскихъ (мр.) дифтонговъ» (ўо, юо и уб, юб? или только *оо*, *ёо*?), которые «*древнпе нарпчій* вр. и мр.» (ib. 612) и «относятся къ праязыку» (ib.). «Характеристическій тонъ русск. правокализма» состоитъ въ «двоегласіи и полногласіи», «въ своеобразной полнотѣ гласныхъ элементовъ», которая появилась въ замѣнъ древней полноты, обусловленной присутствіемъ глухихъ гласныхъ» (ib. 613).

По моему мнѣнію, нѣтъ никакой пользы въ подобной характеристикѣ всего вокализма одною чертою; нѣтъ никакихъ основаній распространять свойство мр. языка не весь Русскій, а тѣмъ менѣе на всѣ славянскіе. Я

остаюсь при своемъ мнѣніи, что то удлинненіе, которое я не совсѣмъ удачно назвалъ вліяніемъ слав. позиціи, появилось въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ независимо и въ разное время (Два изслѣд. 108). Изъ того, что, какъ я выше старался доказать, въ свр. конечное ъ частью вовсе непотеряно, частью потеряно поздно, слѣдуетъ, что удлиненіе гласныхъ *воол* (откуда вуôл, вŷол, вул и пр.) неможетъ быть даже общерусскимъ, а не то что общеславянскимъ явленіемъ. Изъ того, что юврр. относительно потери конечныхъ еровъ сходно съ мр., неслѣдуетъ, что форма какъ *воол* (а тѣмъ менѣе вуол) была и въ юврр.: удлинненіе срединной гласной при превращеніи двухъ прямыхъ слоговъ (во-лъ) въ одинъ средній можетъ быть признано лишь a posteriori. А priori это удлинненіе также ненеобходимо, какъ и превращеніе глухого звука въ среднемъ слогѣ въ чистый: ср. напр. болгар. *сън*, *зъл*, или серб. не только *тр̂г*, но и *тр̂к* (съ болѣе тяжкимъ удареніемъ на краткомъ глухомъ звукѣ, несмотря на потерю конечнаго ъ). Стало быть, почему же въ юврр. и послѣ потери ь немогло остаться краткаго *о* напр. въ конь (серб. кȍњ, род. кòња=русс. коня́)? Кто хочетъ доказать противное, тоже долженъ не высасывать это изъ пальца, а показать въ юврр. столь-же явственные слѣды удлинненія, какъ тѣ, которые намъ извѣстны въ мр. куонь и т. п.

Въ Замѣт. о Мр. нар., 12—13, я говорю, что случаи, какъ мр. *триватu*, «суть не самостоятельныя отклоненія отъ общерусскаго правила, по коему (на мѣстѣ глухихъ звуковъ) должно бы быть *о* или *е*... (тровати или тревати), и лишь *приспособленія* польскихъ словъ къ малорусскому произношенію». Переходя за тѣмъ къ другому отклоненію отъ Русск. правила, къ терватu, трьвати, къвавый (такъ изображаютъ эти слова галицкіе ученые, на отвѣтственности которыхъ лежитъ здѣсь и различіе ъ и ь), я говорю: «несомнѣнно, что въ этихъ говорахъ (между прочимъ у Бойковъ и Лемковъ) глу-

хой звукъ и *е*... не составляютъ правила, а суть скорѣе исключенія и, какъ такія, легко могутъ быть заимствованіями (,) или (=то есть) туземными приспособленіями не русск. произношенія» ib. 14. Передъ *или* пропущена запятая, а въ *нерусскаго не* напечатано раздѣльно. Эти опечатки дали поводъ г. Житецкому утверждать будто я считаю здѣсь глухіе гласныя «*или* заимствованіями, *или* туземными приспособленіями нерусскаго *происхожденія*». Послѣднее вѣроятно опечатка. «Но, возражаетъ г. Житецкій, Карпатскимъ Русинамъ не отъ кого было заимствовать глухихъ гласныхъ, если только они дѣйствительно существуютъ въ ихъ говорѣ, да еще съ тонкимъ различіемъ *ъ* отъ *ь*. Гораздо вѣроятнѣе въ самомъ дѣлѣ, что они явились плодомъ приспособленія мѣстнаго говора къ нарѣчіямъ словацкому и польскому» (№ 3, 251). Если было приспособленіе, то, тѣмъ самымъ, было и заимствованіе. Послѣдняго безъ перваго и небываетъ.

«Въ Волынскихъ памятникахъ XVI в.; говоритъ г. Житецкій, Потебня нашелъ два слова (чернѹгородци и гридѹню) на основаніи которыхъ предполагаетъ, что *ъ въ то время еще слышалось*; но изъ его словъ неясно, слышился ли ъ, какъ звукъ чистый, или же какъ глухой. По нашему мнѣнію, букву *ѹ* никакъ нельзя прочесть глухимъ звукомъ, а ъ нетолько въ XVI в., но и гораздо раньше имѣлъ значеніе чистаго гласнаго» (№ 3, 255). Но изъ моихъ словъ (Два изслѣд. 93) видно, что я вовсе неутверждаю, будьто ъ *вообще* въ то время слышалось. Я говорю только о частныхъ случаяхъ, въ томъ убѣжденіи, что только спеціялизація вопроса ведетъ къ правильному его рѣшенію. Если человѣкъ въ XVI в. пишетъ ъ вм. *о* въ чернѹгородци, то, значитъ, въ немъ сохранилась смутная память близости ъ и *о*. Если онъ пишетъ *гридѹню*, то значитъ, слово это казалось ему трехсложнымъ; но чистаго *ѹ* въ дѣйствительности здѣсь никогда небыло: слѣдовательно буква *ѹ*

изображала здѣсь глухой звукъ, именно ъ изъ ь, ибо само ь такъ бы выражено быть немогло. Эта черта однородна съ упомянутыми выше ювр. спорадическими случаями, какъ жйм̆ши=основ. живъши.

Въ своемъ соч. Зам. о Мр. нар. 11—2 говорю: «безъ сомнѣнія, во всѣхъ русскихъ говорахъ глухіе звуки прежде всего стали исчезать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, въ нынѣшнемъ языкѣ они вовсе непроизносятся; дольше они удерживались тамъ, гдѣ нынѣ они замѣняются чистыми *о* и *е*. Если принять, на основаніи волынскаго сп. Ефрема Сирина, что въ южн. русс. глухіе звуки слышались еще въ XIII вѣкѣ въ такихъ случаяхъ, какъ бъдѣти, лукавество, то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ принять и то, что въ случаяхъ, какъ търгъ, вълкъ, сънъ, дьржати, льнъ, они *внутри словъ* слышны были и въ болѣе позднее время, *приблизительно* до полов. XIV вѣка». Между тѣмъ *о конечныхъ* глухихъ у меня сказано (ib. 14), что въ юж. вр. и мр. въ отличіе отъ сѣввр. они могли быть потеряны еще въ XII в. или раньше». Послѣднее положеніе, какъ увидимъ, нуждается въ поправкѣ.

Теперь, первые слѣды *качественной* замѣны *основныхъ о, е* въ Мр. относятся къ концу XIV вѣка. *Количественныя* замѣны, предполагаемыя этими качественными (напр. *коонь*), должны были появиться раньше. Каково было отношеніе этого явленія къ глухимъ и ихъ замѣнамъ? A priori возможно двоякое предположеніе: а) въ тоже время, какъ появилась форма коон′ (и небное), возникло и чистое *о* изъ ъ въ сон, такъ что разница между срединными звуками этихъ словъ была только количественная; б) во время возникновенія долгаго *о* въ *коон′*, ъ внутри словъ, какъ *сън*, еще удерживалось и разница между ō=основ. *о* и ъ была вмѣстѣ и качественная. Перваго предположенія держится г. Житецкій (№ 4, 307); я-же на основаніи вышеприведеннаго мнѣ-

нія о существованіи глухихъ звуковъ внутри словъ въ мр. XIII—XIV в. счелъ себя въ правѣ допустить только второе предположеніе и сказалъ: «въ то время какъ началось специяльно-малорусское измѣненіе основныхъ *о*, *е*, глухіе звуки внутри словъ, какъ *сънъ*, еще существовали» (Зам. 12), а «если бы въ то время, какъ началось удлинненіе *о*, *е* въ среднемъ слогѣ, глухіе звуки (т. е. внутренніе) въ Мр. *уже* замѣнились чистыми», то они были бы вовлечены въ тотъ же процессъ удлинненія и «мы имѣли бы теперь мр. форму суон—сону, сін—сону, а не сон—сону, сну, сна» (ib. 35—6). Другими словами: такое отождествленіе *о*, *е* происшедшихъ изъ ъ, ь, съ *о*, *е* основными имѣло бы мѣсто, если бы удлинненіе основныхъ *о*, *е*, застало уже въ языкѣ *о*, *о* изъ ъ, ь.

На это г. Житецкій возражаетъ мнѣ, что съ допущеніемъ предположенія о существованіи глухихъ одновременно съ *оо* и пр.=основ. *о*, устраняется причина того, что основное *о*, *е* путемъ дифтонговъ перешло въ *і* (№ 4, 307). *) Это на первый взглядъ кажется вѣрнымъ, ибо, допустивши существованіе ъ въ срединѣ слова *сън*, казалось бы, мы должны бы признать такую форму ошибочною, въ силу того, что удержаніе ъ въ срединѣ предполагаетъ ъ на концѣ: *съ-нъ*. Но форма *съ-нъ* неможетъ существовать одновременно съ *коон́*, а присутствіе конечнаго глухого звука въ *коо-нь* находилось бы въ противорѣчіи съ удлинненіемъ *о* въ этомъ словѣ. Стало быть, остается одно: одновременно съ потерею конечныхъ глухихъ средніе чистые удлиннились. Какъ гармонируютъ съ собою древнія формы *ко-нь*, *съ-нъ*, такъ и новыя *коон́*, *сон*.

Тѣмъ неменѣе я нахожу возможнымъ сказать нѣ-

---

*) Этотъ упрекъ съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесенъ къ моимъ словамъ, что «долгота въ *моой* есть, вѣроятно, явленіе *болѣе позднее*, чѣмъ утрата конечныхъ глухихъ» (въ настоящемъ моемъ соч. стр. 125). Эти слова прошу считать за обмолвку.

что въ пользу возможности одновременнаго существованія въ Мр. среднихъ глухихъ (сън) и удлинненія чистыхъ.

Мы говоримъ о превращеніи двухъ прямыхъ слоговъ въ одинъ (напр. съ-нъ въ сон), о замѣнѣ глухихъ чистыми, объ удлинненіи чистыхъ гласныхъ такъ, какъ будьто бы каждое изъ этихъ явленій совершилось вдругъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ каждое изъ этихъ явленій было длинный процессъ. Предполагаю, что въ моментъ, который можно принять за исходный, оба ъ въ *съ-нъ* были одинаковы. Потомъ началось ихъ различеніе: первое пошло по направленію къ чистому *о*, второе—къ уничтоженію. До полнаго уничтоженія однако дѣло недошло и теперь, если взять во вниманіе, что свойственное многимъ мр. говорамъ удержаніе *л* въ *діл* и т. п. (между тѣмъ какъ *л* въ прич. на *лъ* переходитъ въ *в* или *у* несоставляющее слога) и сохраненіе разницы между конечными звучными и отзвучными (*біб* и *пін*) невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухого звука (Ср. Два изслѣд. 132—4). Два-три столѣтія тому назадъ этотъ остатокъ былъ, конечно, гораздо значительнѣе; слова какъ *сон* были тогда близки къ двухсложности, а между тѣмъ *о* изъ ъ въ нихъ уже существовало. Согласно съ этимъ можно думать, что какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлинненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ. Означая ступень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшнею и древнею, посредствомъ значка ', я представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) ко-нь, съ-нъ; 2) ко̄н', соън' (т. е. о̄ еще далеко отъ двухъ явственныхъ *оо*, близкихъ къ диференцированью въ *уо*, а ъ еще отличимо отъ *о*); 3) коон, сон.—Мнѣ кажется, что Польскій языкъ даетъ основаніе думать, что въ одномъ и томъ же нарѣчіи, въ одно и тоже время конечные глухіе звуки могутъ быть разной силы, смотря потому, какова предшествующая согласная. Фактъ въ томъ, что въ поль. литературн. (кромѣ исключеній) въ среднихъ сло-

гахъ передъ звучными стоитъ ó (изъ *oo*, *ýo*), а передъ отзвучными ŏ: bób и pop, chód и kot, bóg и bok, wóz и kos и пр. Объясненіе, которое кажется мнѣ умѣстнымъ (быть можетъ предложенное кѣмъ либо и раньше меня), состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживался здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ большаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему передъ послѣдними появилось удлинненіе основнаго *o* (и основного *e*, изъ коего—é) въ то время, какъ передъ первыми нѣтъ.

Г-ну Житецкому «*извѣстно*, что основное *o*, *e* образовалось нѣкогда изъ простѣйшихъ элементовъ: a+i =e, a+y=o; слѣдовательно, по своему образованію, *o* и *e*, въ отличіе отъ *a*, *i*, принадлежатъ къ разряду дифтонговъ» (№ 4, 307—8). Это мнѣніе дѣйствительно извѣстно (ср. Hatt. Sr. Ml. 112), но какъ ошибочное. Г. Житецкій (ib. 310) принялъ слова Шлейхера (Comp. § 5), сказанныя объ образованіи скр. ô, ê изъ *ay*, *ai* за равноотносящіяся и къ слав. *o*, *e*; но изъ *ai* въ Слав. можетъ выйти только *ѣ*, *и*, изъ *ay*—только *ов* и *y*, между тѣмъ какъ слав. *e*, *o*, по правилу, непосредственно примыкаютъ къ основному *a*. На такомъ основаніи г. Житецкій строитъ дальше: «*исконная* (!) долгота *o* и *e* съ теченіемъ времени утратилась во многихъ языкахъ, между прочимъ въ древнеславянскомъ, гдѣ гласный элементъ въ концѣ словъ ослаблялъ необходимость долгихъ гласныхъ въ серединѣ словъ» (ib.). Это значитъ, напр. въ *домв о* кратко потому, что на концѣ гласный звукъ *в*, а нѣкогда было долго, потому что по предположенію г. Житецкаго возникло изъ *даум*. На самомъ же дѣлѣ гласное окончаніе слова *домъ* неимѣетъ никакого отношенія къ предполагаемой краткости коренной гласной, которой соотвѣтствуетъ ă: скр. *дăм-ác*, греч. δόμος, латин. dŏmus. Все это нужно г. Житецкому лишь какъ фундаментъ для (ошибочнаго) положенія, что мр. *i* въ *кінь* есть возстановленіе первоначальной долготы *o*.

Въ Королевскомъ разнорѣчіи (Гродн. г. Бѣлост. у.) замѣчены формы коонь, воол. Можетъ быть, говоритъ г. Житецкій, первоначально изъ *оо* образовался дифтонгъ *оу*, соотвѣтственно съ древнеславянскимъ начертаніемъ его; затѣмъ произошла *обычная* (!) въ этихъ случаяхъ перестановка гласныхъ (Hatt. Sr. MI. 118). Чешск. ů изъ оу образовалось именно посредствомъ этой перестановки: здѣсь по вм. долгаго ó въ срединѣ словъ появилось въ послѣдней четверти XIV в., но въ устахъ народа существовало, конечно, несравненно раньше» (№ 4, 310—11). Но вѣдь церк.-слав. *оу* (Греч. *ου*) не только изображаетъ звукъ *у* (въ чемъ, пожалуй нѣкоторые сомнѣваются, читая оу, какъ написано), но и этимологически связано съ *у*, неимѣя отношенія къ слав. *о*. Обычность перестановки есть чистая выдумка, поводомъ къ которой служитъ развѣ предполагаемая перестановка въ *квас*. Чешск. ů возникло изъ uo безъ всякой перестановки. Если проф. Гаттала (l. c.) думаетъ, что это удлинненіе (uo изъ ó есть возвращеніе къ первоначальному ау, отъ коего будьто бы пошло *о*; то это падаетъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ, что слав. *о* происходитъ изъ ау.

Что я стараюсь объяснить мр. *і* изъ *о*, *е* не однимъ вліяніемъ средняго слога (rесp. компенсаціи), но также и долготою (б. м. относительно новаго происхожденія) въ прямомъ слогѣ, объ этомъ въ моихъ соч. Два изсл. 99, 102, 109, Зам. о Мр. нар. 34—5. Говоря объ этомъ (№ 4, 308—9) г. Житецкій приравниваетъ мр. літати къ слав. летѣти (а не къ *лѣтати*, какъ бы слѣдовало; быть можетъ, г. Житецкій, основываясь на нынѣшнемъ правописаніи, побоялся написать *лѣтати* черезъ ѣ), а мр. замітати сравниваетъ съ слав. заметати (слѣдуетъ: замѣтати). Г. Житецкій невидитъ, что въ обоихъ случаяхъ, и въ мр., а въ ст.-слав. стоитъ ѣ, что, стало быть, примѣры эти неимѣютъ отношенія къ измѣненію *е* въ *і* по малорусскому способу (сім—семи), но относятся къ случаямъ, какъ віра=вѣра.

Подобнымъ образомъ г. Житецкому неизвѣстно, что въ празднуимъ, разумѣимъ (I л. мн. повел.) вовсе не *е* переходитъ въ *и*, а *ѣ*; равно и въ твор. ед. зноимь *и*—не изъ *е*, а изъ jь (№ 4, 419).

А. Потебня.

ВОЛКЪ и ЛЕБЕДИ

СКАЗОЧНАГО МІРА.

[1.) Корневой Чувашско-Русскій Словарь, сравненный съ языками и нарѣчіями разныхъ народовъ Тюркскаго, Финскаго и другихъ племенъ. Сост. Н. И. Золотницкимъ, Казань, 1875. стр. VIII†279.—

2.) Uranographie Chinoise ou preuves directes que l'astronomie primitive est originaire de la Chine et qu'elle a été empruntée par les anciens peuples Occidentaux à la sphère Chinoise ouvrage accompagné d'un atlas céleste Chinois et Crec. Par Gustave Schlegel, Dr. en Ph. ancien Interprète du Gouv. des Indes Orientales Néerlandaises, Membre Cor. etc. La Haye et Leyde. 1875. Въ 2-хъ част. gr. in 8°, XIV†929 стр.—

3.) La langue primitive de la Chaldée et les idiomes Touraniens, par François Lenormant. Paris. 1875 gr. in 8°. VI 455 стр.

4.) Български Народни пѣсни. Chansons populaires Bulgares inédites publiées et traduites par Auguste Dozon traducteur des poesies Serbes. Paris. 1875.—XVII†427. Малый in 8°.

5.) Contes populaires de la Grande Bretagne par Loys Bruyere 1875. Hachette. XLVIII+382 стр. in 8°.

6.) Матеріалы для Географіи Азіатской Турціи и Персія.— Путевой журналъ Е. И. Чирикова, русскаго коммиссара посредника по тур.-перс. разгран. 1849-1852. Изд. Кавк. От. И. Р. Геогр. Общ. подъ ред. М. А. Гамазова, бывшаго секр поср. Ком., съ картой и портр. Е. И. Чирикова. С. Петербургъ. 1875. с. C†803.]

„Въ Чувашскомъ Словарѣ г. Золотницкаго упоминается крайне любопытное повѣрье о волкахъ, вполнѣ разъясняющее отношеніе вѣщаго Бретонскаго чародѣя Мерлина къ волку, его пособнику и вѣстнику; самое изреченіе Мерлина, что волчица есть олицетвореніе судьбы, основано на ученіи, сохранившемся у Чувашъ.

„Волкъ у Чувашъ называется Пигамбар-йытты, Пигамбарова собака. По языческимъ понятіямъ Чувашъ прежняго времени, Пигамбаръ—духъ, раздающій людямъ, по опредѣленію Кебе (кебе—духъ, управляющій судьбами человѣческаго рода; якут. кäб, судьба, участь, жребій, доля) душевныя качества и сообщающій йомзямъ пророческія ви-

дѣнія; названіе же его отъ персидскихъ пейгам—вѣсть и бурдень--нести, означаетъ пророка или архангела. Персидскій Пеигӓмбӓръ—пророкъ; у луговыхъ Черемисъ Піамбаръ, младшій жрецъ, приглашаемый на свадьбы и при другихъ домашнихъ случаяхъ для принесенія молитвъ. По представленію же Чувашъ послѣдняго времени, Пигамбаръ—покровитель домашняго скота, охраняющій его отъ хищныхъ звѣрей, надъ которыми онъ имѣетъ власть, такъ что волки называются Пигамбаровыми собаками. При жертвенныхъ моленьяхъ въ керемети ему приносятъ юсман, (тонкая на крови замѣшанная яшная лепешка) и шербеть, (арабскій напитокъ), причемъ говорится: „Помилуй Пигамбаръ! тебѣ приношу юсман и шербет: не дѣлай зла, удерживай своихъ собакъ, не давай имъ воли. Помилуй.“ Здѣсь необходимо, продолжаетъ Н. И. Золотницкій, сдѣлать одно сопоставленіе. У Сбоева между прочимъ замѣчено, что Пигамбаръ у Чувашъ „превратился во что-то похожее на Георгія Побѣдоносца. Св. Великомученникъ Георгій Побѣдоносецъ въ старой Руси извѣстенъ былъ подъ именемъ Ягорія, Егорія Храбраго, Юрія, Юрка и т. п. По народному представленію, Св. Георгій охраняетъ скотину отъ хищныхъ звѣрей, особенно отъ волковъ, которыхъ простолюдины называютъ Юровыми собаками“. Въ статьѣ этой стр. 201 и слѣд. Г. Золотницкій ссылается на Спир. Михайлова, „Крат. Этногр. Описаніе Чувашъ“ стр. 10, и его же „Чуваш. разговоры“ стр. 6, и на „Замѣтки о Чувашахъ“ Сбоева, стр., 104 и 58, и на „Вытъ Русскаго Народа“ Терещенки, VI. Св. Георгій называется Пигамбаръ и у мусульманъ. Мечеть, посвященная въ Мосулѣ Св. Георгію, называется Джирджисъ Пейгамберъ (Чириковъ. стр. L).

Кажущаяся несообразность въ передачѣ русскаго повѣрья о Юровыхъ собакахъ происходитъ несомнѣнно отъ неточности выраженія. Св. Егорій не охраняетъ стада, а согласно повѣрью распоряжается волками. Георгій по-гречески, слово въ слово, земледѣлецъ. Земледѣлецъ оканчи-

ваетъ свои полевыя работы въ позднюю осень съ появленіемъ волковъ, пируетъ, поетъ и отправляется на охоту; лучшимъ помощникомъ ему является волкъ, слѣды коего непремѣнно наводятъ охотника на отыскиваемую дичь, на стада, а хищниковъ на населенныя мѣста.

Г. Золотницкій приводитъ, по словамъ Будагова (I, 228), легенду о магометанскихъ миссіонерахъ, шедшихъ изъ Бухары и наведенныхъ волкомъ (курт) на Башкировъ, прозванныхъ будто бы по этому обстоятельству Башкуртъ. Легенда сама по себѣ, можетъ быть, и имѣетъ историческое основаніе, такъ какъ странствующіе миссіонеры по безлюднымъ мѣстамъ должны были непремѣнно наткнуться на жилыя мѣста, слѣдя за волкомъ. Самое же имя башкуртъ обозначаетъ голову волковъ и потому ближе всего можетъ быть принято въ значеніи передоваго войска.

Перехожу къ замѣчательному и богатому фактами труду Шлегеля. Сравненіе европейской небесной сферы съ китайскою проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе миѳа о волкѣ по отношенію его къ скотоводству и къ прорицанію (стр. 706).—Въ слѣдъ за восходомъ Кентавра, изображаемаго получеловѣкомъ и полубыкомъ или полуконемъ, является небесная Лира. Въ созвѣздіи Кентавра, тоже что нашъ Китоврасъ, одна изъ звѣздъ называется: волкъ, Thérion fera, bestia centauri, пантера, leopardus, canis ululans и другіе хищные звѣри.—Волкъ на нѣкоторыхъ сферахъ называется equus masculus. - На китайской сферѣ Кентавру соотвѣтствуетъ Ту-ссе-кунгъ, надзиратель за полевыми работами, рядомъ съ нимъ ставится конь или быкъ, въ качествѣ сотрудника, что Греки обозначали передовой частью коня или получеловѣкомъ и полуконемъ. Волкъ, по-китайски lang, обозначаетъ конецъ полевыхъ работъ, точно также и у Болгаръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по свидѣтельству Каница (Donau Bulgarien. Leipzig 1875. I. B, стр. 65), начинаются въ южномъ Балканѣ „волчьи праздники."

Созвѣздіе Волка обозначало у Китайцевъ открытіе осенней охоты, такъ какъ волкъ служитъ лучшимъ путеводителемъ для охотника и разбойника, находящихъ по его слѣду звѣрей, стада и населенныя мѣста. „Охотники радуются, говорится въ Pc-ya, встрѣтивъ волка или шакала, потому что его слѣдъ наводитъ на мѣста, гдѣ находится дичь.“ Шлегель на той же 432 страницѣ говоритъ, что названіе волкъ, lang, дается знаменитымъ, свирѣпымъ начальникамъ и созвѣздіе это покровительствуетъ разбойникамъ и ворамъ. Этотъ обычай существовалъ и у Дунайскихъ Славянъ, какъ явствуетъ изъ частаго прозвища волкъ, носимаго историческими лицами. Прозвище это довольно часто встрѣчается въ Лѣтописцѣ господъ сербскихъ [Изборъ Югославянскихъ Достопамятностей, Pamatky и т. д. v Praze. 1873.].

T'-ou-sse-koung, Ту-ссе-кунг на Европейскихъ сферахъ, Кентавръ, изображается часто съ вазой въ рукахъ. T'-ou—sse—koung кромѣ земледѣлія завѣдывалъ повозками, издѣліями изъ дерева и складами вазъ.—Подъ задними ногами Кентавра находится созвѣздіе K'i—fou, магазинъ вазъ; древній знакъ K'i по словарю Chouo-wen объясняется четырьмя вазами, посреди коихъ лежитъ собака.

Это созвѣздіе K'i—fou на китайской сферѣ обозначалось 32 звѣздами, расположенными четырьмя почти паралельными тупыми углами, входящими одинъ въ другой и по объясненію, находящемуся въ Sing—King, это созвѣздіе обозначаетъ складъ музыкальныхъ инструментовъ, по другимъ коментаріямъ этотъ знакъ изображаетъ вообще всякаго рода магазины, гдѣ работники оканчиваютъ свои работы. Мысль остается таже,—окончаніе работъ соотвѣтствуетъ появленію музыкальныхъ инструментовъ, т. е. обозначаетъ наступленіе праздниковъ.

На завѣдующаго полевыми работами было возложено завѣдываніе постройками, снаряженіемъ повозокъ и пир-

шествами, что впослѣдствіи было возложено на Sse—Koung, завѣдующій празднествами.

Болгарская пѣснь о Егоріи осеннемъ (Безсоновъ. Калѣки перехожіе. Москва. 1864. ч. II, в. 6, стр. 42. Изъ Блъгарски книжицы. Царьградъ. 1862. Апрѣль) прямо указываетъ на обрядные пиры по окончаніи осеннихъ работъ, согласно съ указаніемъ на эти празднества въ китайской сферѣ:

Святи Іорги у трапези,
У трапези шестореди,
У трапези вси святии,
Дойдоха му вси святии.
Трапези тѣ шестореди,
Шестореди, осмокраи.

Со всѣхъ сторонъ интересъ европейской, всемірной науки сосредоточивается на земляхъ Славянскихъ; по всѣмъ отраслямъ филологіи, исторіи и археологіи появляются изслѣдованія, способствующія къ разъясненію нашихъ древностей, но находятъ пока у насъ еще мало сочувствія и еще менѣе содѣйствія.

Чувашское ученіе о Пигамбаровыхъ собакахъ вполнѣ поясняетъ довольно загадочное отношеніе волка къ бретонскому вѣщему пѣвцу и чародѣю Мерлину. Китайское ученіе объясняетъ отношеніе волка къ Ивану Царевичу и къ Оросу въ Египетской сказкѣ, въ коихъ волкъ является путеводителемъ и пособникомъ. Сопоставленіе знаковъ, обозначающихъ созвѣздія Кентавра, волка и музыкальныхъ инструментовъ, при чемъ можно припомнить, что и Лира находится въ сосѣдствѣ съ Кентавромъ на Греческой сферѣ, достаточно объясняетъ отношеніе волка къ пѣснопѣнію, предвѣщанію и охотѣ; кромѣ того Кентавръ изображается на европейскихъ сферахъ обучающимъ Ахиллеса игрѣ на лирѣ.

Когда Теенъ-Кау, небесная собака, измѣняетъ свое положеніе, то волки и шакалы распространяются по доро-

гамъ, а потому и въ лѣтнее время назначались охоты, чтобы звѣри и въ особенности волки не мяли колосьевъ.

Тіенъ Лангъ, небесный волкъ или шакалъ, обозначаетъ эпоху, когда волчицы бросаются весной на населенныя мѣста, чтобъ похищать домашнихъ птицъ для кормленія волчатъ.

Это созвѣздіе находится въ сосѣдствѣ съ Hou-chi, лукъ и стрѣлы, состоящіе изъ девяти звѣздъ расположенныхъ въ видѣ натянутаго лука съ стрѣлой по срединѣ.

L'exégèse des souverains célestes dit positivement: l'arc est l'arc céleste; la fleche y est poseé continuellement et semble vouloir percer le chakal.

Приближеніе весенняго солнца къ землѣ обозначаетъ на греческой и египетской сферахъ Горосъ, на китайской Великій Воевода; это объясняетъ, почему волки называются у насъ юровыми собаками, т. е. собаками Небеснаго Витязя. Небесному Витязю соотвѣтствуетъ на землѣ завѣдующій земледѣліемъ. Въ повѣріи русскомъ воспоминанія о весеннемъ Небесномъ Витязѣ и осеннемъ праздновавіи окончанія земледѣльческихъ работъ примѣнены ко днямъ празднованія Св. Георгія въ апрѣлѣ и ноябрѣ.

Народныя примѣты древнѣе астрономическихъ наблюденій; земледѣльцы и кочевые пастухи прежде всего были звѣроловами и потому они смотрѣли на волка, какъ на путеводителя и благодѣтеля и приносили ему въ жертву часть своей добычи или скота, чтобы отвлечь его отъ нападеній на собственныя стада. Подобныя жертвоприношенія въ чащѣ лѣсовъ дѣлаются постоянно кочующими племенами для удовлетворенія духовъ, т. е. преимущественно для отвода волковъ, стремящихся туда, гдѣ они чуютъ кровь. Шлегель слишкомъ неуклонно и, можетъ быть, односторонне преслѣдуетъ свою цѣль—доказать заимствованіе отъ Китайцевъ Египтянами и Греками изображеніе небесной сферы. Вѣрно то, что у Китайцевъ астрономическіе знаки имѣютъ разумный смыслъ. Въ слѣдствіе наблюденій

надъ появленіемъ звѣздъ знаки изображались согласно существовавшимъ народнымъ примѣтамъ. Весьма понятно, что развитіе земледѣлія требовало болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ примѣты поселянъ. Не можетъ входить въ кругъ настоящаго изслѣдованія полное обсужденіе системы Шлегеля, но для нашей цѣли достаточно уже то, что сопоставленіе его, примѣненное къ одиночному русскому повѣрью, способствуетъ къ разъясненію онаго. Эта повѣрка, впрочемъ, уже есть надежное ручательство въ правильности его взгляда.

Болѣе близкое у насъ ознакомленіе съ этой замѣчательной книгой не будетъ потеряннымъ временемъ даже и для тѣхъ, которые занимаются исключительно изслѣдованіемъ русскихъ древностей. Китайскіе знаки соотвѣтствуютъ нашему климату, перенесенные же на сферы египетскую и греческую, они не имѣютъ смысла, что весьма понятно при перенесеніи готовой системы съ одной почвы на другую.

Въ Болгарской пѣснѣ, изд. Безсоновымъ (Калѣки Перехожіе ч. I. в. 2, стр. 503, № 116 изъ Сборника Ѳ. И. Шишкова, и въ изданномъ въ Парижѣ въ 1875 году Сборникѣ Българскихъ пѣсенъ, Chansons populaires Bulgares publiées et traduites par Auguste Dozon.) весьма ясно выражено, какъ въ эпоху Христіанскую примѣняли къ Св. Георгію повѣрья о покровительствѣ земледѣлію, скотоводству и винодѣлію. Св. Георгій поднимается рано осматривать межи и участки „зеленъ синоръ башь-пшеница (συνορον, межа, участокъ, башь, пшеница, голова пшеница, т. е. первый сортъ, башь, по-турецки голова), онъ встрѣчается съ сурой ламіей о трехъ головахъ и отсѣкаетъ всѣ три головы, изъ головъ полились три рѣки: первая для пахаря башь пшеница, вторая для пастуха—прѣсно молоко, а третья для копача (винорадаря)—„руйно вино.“—

Въ одномъ народномъ сказаніи, передаваемомъ Аѳанасьевымъ (Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Москва, 1866 т. I, стр. 710) Егорій храбрый разсыла-

етъ волковъ въ разныя стороны и всякому наказываетъ, какъ и чѣмъ ему питаться. Аѳанасьевъ приводитъ также на стр. 709 подходящую пословицу: „что у волка на зубахъ, то Егорій далъ."—Русская поговорка называетъ Юрья 23 апрѣля голоднымъ, а 26 ноября - холоднымъ. Здѣсь невольно припоминается свидѣтельство Константина Багрянороднаго о выходѣ Русскихъ князей съ дружиной изъ Кіева, въ округа, на зимнія квартиры, и сборъ податей съ ноября по апрѣль мѣсяцъ. Это таже самая система, бывшая и у Аваровъ, находится въ связи съ указаніемъ Китайской сферы и нашихъ народныхъ обрядовъ, пѣсенъ и пословицъ.—Мнѣ не извѣстно, сдѣлано ли было сравненіе нашихъ пѣсенъ и обрядовъ съ древнимъ, Китайскимъ офиціальнымъ сборникомъ народныхъ пѣсенъ. Доставленіе народныхъ пѣсенъ изъ всѣхъ областей было обязательно для ознакомленія китайскаго правительства съ настроеніемъ, желаніями и нуждами подвластныхъ народовъ. Этотъ Сборникъ есть одна изъ пяти основныхъ священныхъ книгъ Китайцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ Кингъ.

Изслѣдованія относительно вліянія Средне-Азіатскаго календаря на календарь Египтянъ, Грековъ и Арабовъ находятся въ прямой связи съ изслѣдованіями Раулинсона, Опперта и Ленормана, относительно принадлежности къ Туранскимъ языкамъ языка древне-Халдейскихъ клинообразныхъ надписей. Запасъ словъ, подтверждающихъ сродство языка Аккадскаго съ Финно-Турецкими и Финскихъ нарѣчій съ Тюрко-Татарскими, пока еще весьма незначителенъ. Настойчивость такихъ изслѣдователей, какъ Раулинсонъ, Оппертъ и Ленорманъ ручается впрочемъ за научное основаніе преслѣдуемой гипотезы. Сближеніе изслѣдованія Шлегеля съ изученіемъ Аккадскихъ памятниковъ даетъ поводъ предполагать, что энергическое изслѣдованіе Халдейскихъ надписей поведетъ къ положительнымъ и важнымъ результатамъ. Въ прошломъ 1874 году Lenormant издалъ въ Парижѣ книгу: La Magie chez les Chal-

déens et les origines Accadiennes.—Здѣсь онъ особенно обратилъ вниманіе на сближеніе нѣсколькихъ древне-Халдейскихъ памятниковъ съ Калевалой и финскими заговорами.

Что касается вліянія Китайскаго календаря на календарь Египетскій и перехода его въ Египетъ и Европу чрезъ посредство Скиѳовъ, то здѣсь нелишне указать на связь между офиціальнымъ Китайскимъ календаремъ и нашимъ народнымъ; связь эта разъясняетъ отчасти споръ объ относительной древности культуры скиѳской и египетской. Роль Китовраса Оаннеса, просвѣтителя Халдѣевъ, совпадаетъ съ распоряженіемъ императора Китайскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что весьма много способствуютъ уясненію перехода китайскихъ астрономическихъ наблюденій въ Египетъ споры скиѳскихъ и египет.кихъ мудрецовъ о древности обоихъ народовъ, упоминаемые Юстиномъ (кн. I. г. 1.). Египтяне основывали свои претензіи на постоянномъ равенствѣ климата и плодотворности почвы, тогда какъ страна Скиѳовъ не могла даже доставлять средствъ для жизни поселенца, пока не изобрѣтены были средства ограждать себя отъ холода и жары и обработывать землю. Люди ранѣе могли появиться тамъ, гдѣ они безъ труда находили средства къ жизни. На это Скиѳы возражали, что природа озаботилась приспособленіемъ органическихъ существъ къ разнымъ климатамъ и почвамъ, и что они, Скиѳы, тѣмъ сильнѣе духомъ и тѣломъ, чѣмъ суровѣе ихъ климатъ. Земля выдѣлилась изъ общей массы, состоявшей изъ огненной или водяной стихіи, въ обоихъ случаяхъ, утверждали Скиѳы, что земля ихъ представила ранѣе возможность заселенія, именно вслѣдствіе вліянія чрезмѣрнаго холода, при коемъ земля остывала быстрѣе, тогда какъ страны южныя продолжаютъ подвергаться невыносимому зною. Если же земля выступила изъ-подъ воды, то части ранѣе высохшія могли ранѣе быть обитаемы. Возвышенность странъ, обитаемыхъ Скиѳами, опредѣляется теченіемъ самыхъ рѣкъ, кото-

рыя всѣ текутъ въ Азовское, Черное и Египетское (Средиземное) море. При этомъ Скиѳы указывали на огромныя и продолжительныя работы въ теченіе многихъ царствованій для отвода Нила. Земли, искуственно поднятыя царями Египетскими и образовашіяся изъ постоянныхъ наносовъ Нила, по заключенію Скиѳовъ, очевидно слѣдуетъ считать позднѣйшими. Египтяне были поражены этими доводами, по словамъ Юстина, и Скиѳы признаны за древнѣйшій народъ. Это показаніе Юстина вдобавокъ весьма важно для опредѣленія, какіе народы преимущественно признаваемы были за Скиѳовъ, рѣчь здѣсь очевидно идетъ о племенахъ Тюркотатарскихъ.

Діодоръ Сицилійскій (кн. I. 3. г. 2) говоритъ, что по преданію, сохранившемуся у Эѳіопянъ, Египетъ заселенъ колоніей эѳіопской, подъ предводительствомъ Озириса; самъ же Египетъ не принадлежалъ материку, но находился подъ моремъ и страна образовалась посредствомъ накоплявшейся, около устьевъ, земли, наносимой Ниломъ изъ долинъ еѳіопскихъ.

Геродотъ разсказываетъ, что онъ слышалъ отъ мемфисскихъ жрецовъ, что во время Менеса вся страна на Сѣверъ отъ Ѳивъ была большимъ болотомъ. Шлегель замѣчаетъ, что, по изслѣдованіямъ Леба и Вилькенсона, съ двухъ совершенно разныхъ точекъ зрѣнія, подтвержденныхъ и геологическими изслѣдованіями наслоеній, лежащихъ поверхъ слоя морскаго песка, оказывается, что тому около 7 или 8000 лѣтъ, весь нижній Египетъ дѣйствительно былъ подъ моремъ.— Египетскіе жрецы были сговорчивые люди и преклонялисъ предъ діалектикой Скиѳской, точно также какъ они убѣдились въ большей древности Фригіянъ на основаніи опыта, сдѣланнаго надъ проголодавшимися мальчиками, никогда не слыхавшами ни одного слова и просившими хлѣба по Фригійски: бекосъ (пекарь и Bäcker).—

Въ монгольской сказкѣ Арджи-Борджѣ, переведенной Ламою Галсанъ-Гомбоевымъ Шалу постоянный спутникъ и

пособникъ Викрамадиты, рожденный отъ дѣвицы и воспитанный среди волковъ, понимавшій ихъ языкъ, поясняетъ значеніе русскаго и чувашскаго повѣрья о Пигамбаровыхъ и Юровыхъ собакахъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказу Синезія о волкѣ помогавшемъ Хоросу противъ Тифона, завладѣвшаго престоломъ отца его Озириса. Свидѣтельство Діодора Сицилійскаго не дозволяетъ сомнѣваться въ древности эпизода о волкѣ, упоминаемаго въ Египетской баснѣ конца IV столѣтія нашего лѣтосчисленія. Обстоятельное и блистательное изслѣдованіе А. Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ" (С.-Петербургѣ 1872), весьма наглядно опредѣляетъ близкое сродство Бретонскихъ сказаній о Мерлинѣ, Еврейскаго сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, Египетской басни объ Оросѣ и Монгольскомъ и Индѣйскомъ сказаніи о Викрамадитѣ. Трудно предполагать, чтобы и наши сказки объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ не принадлежали тому же ученію.—Весьма сожалѣю, что я не ознакомился ранѣе съ замѣчательнымъ трудомъ А. Н. Веселовскаго и смотрѣлъ на блистательно имъ рѣшенный вопросъ какъ на загадочный и подлежащій изслѣдованію.

Переходъ басенъ, относящихся до одного мудреца на другаго, не смотря на разстояніе времени, совершенно въ духѣ ученія гностиковъ. Теорія о вѣчномъ Боянѣ весьма ясно опредѣлена словами, приписываемыми Св. Клименту, папѣ римскому. „Истинный пророкъ отъ начала вѣка мѣняетъ имена вмѣстѣ съ внѣшнимъ видомъ, протекаетъ настоящій вѣкъ до тѣхъ поръ, пока достигнувъ опредѣленныхъ временъ, и бывъ помазанъ за труды елеемъ божественнымъ, получитъ вѣчное успокоеніе." (XVII. 18. Православный Собесѣдникъ т. 2. 1860. Май.) Это тоже ученіе что и проводимое въ Буддизмѣ, выраженное весьма опредѣлительно въ Ойратскихъ книгахъ о Тюрунъ-Музыкаѣ, упоминаемыхъ въ отчетѣ Алтайской духовной миссіи (С.-Петербургъ, 1865. стр. 32. и сл.). Точно такое же без-

предѣльное, во времени и пространствѣ, значеніе имѣетъ Боянъ въ Русской пѣснѣ. Боянъ издревле соотвѣтствовалъ титулу Коганъ, учитель. Помнится Аварскій вождь VI стол., котораго одни называли Каганомъ, а другіе Баяномъ.

Школы пѣвцовъ, передававшія завѣтныя пѣсни и сказанія, повторяли съ древнѣйшихъ временъ почти безъ измѣненія, по лицу всей земли, одно и тоже ученіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ греческомъ миѳѣ Мидасъ, научающійся мудрости отъ захваченнаго опьянѣвшаго Силена, есть тотъ же миѳъ, что и бесѣды Соломона съ Китоврасомъ.— Китоврасъ есть тотъ же Оаннесъ Бероза, выходившій изъ моря для наученія людей художествамъ, письменности, земледѣлію и сооруженію храмовъ. Весьма замѣчательно, что въ славянскомъ названіи Китовраса сохранилась характѣристическая черта древняго Оаннеса: „Hominem fuisse, pisce retulisse, quod c e t a c e a p e l l e indueretur (Arnobius. adversus gentes, или по новѣйшимъ изданіямъ nationes; слова эти цитируетъ патріархъ Фотій Код. 279). Замѣтка эта находится въ M. Greg. Michaelis Notae in Jacobi Gafarelli curiositates. Hamburg. 1676. стр. 49. Въ первомъ изданія Арновія я этихъ словъ не встрѣчалъ.

Одинъ изъ древнѣйшихъ Литовскихъ родовъ имѣлъ въ гербѣ Китовраса. A jako z Eneassem z Trojej do Włoch, tak tez z Palemonem albo P. Libonem do Litwy między oną 500 slachty rzymskiej, cztezy przedniejsze familie wyszły, na cosię wszistki Latopisce zgadzają. Naprzód: Julianus Dorsprungus z herbu Centaurus albo Kytaurus; Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa. 1846. I. 77. На стр. 220 описанъ гербъ Китоврасовъ, соотвѣтствующій вполнѣ нашему Полкану въ лубочныхъ картинкахъ:

Ziwibund Dorsprungowic, Rzymskiej familiej,
Mieszkał na Dziewałtowie i w Wilkomiziej,

Herb Kitaurus z przodkow miał pol konia, pul męża,
A w ogonnego z łuku strzalą mierzy Węża.

Китоврасъ, считавшійся въ Литвѣ корнемъ древнѣйшаго Римскаго рода, тоже что нашъ сказочный Полканъ, Кентавръ Хиронъ, учитель Болгара Ахиллеса, въ нашихъ сказкахъ, одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ представителей силы, враждующій противъ Русскаго племени.

Этотъ Полканъ Кентавръ Китоврасъ есть тотъ же миѳическій Оаннесъ, являвшійся три раза изъ моря для просвѣщенія народовъ и весьма похожій на просвѣтителей народовъ, посланныхъ послѣ потопа императоромъ Китайскимъ во всѣ четыре конца свѣта. Нѣтъ сомнѣнія, что Полканъ и Китоврасъ суть олицетвореніе двухъ образовательныхъ вторженій: коннаго и морскаго. Въ Литву образовательный элементъ проникъ, какъ будто въ слѣдствіе преслѣдованія языческихъ жрецовъ въ Италіи и перенесшихъ свое ученіе въ Литву. Въ Литвѣ слишкомъ много римскихъ преданій и слишкомъ много слѣдовъ, указывающихъ на древнія сношенія Литовскихъ и Романскихъ племенъ, чтобы возможно было ихъ предполагать лишенными всякаго основанія. Императоръ Яо, царствовавшій за 2357 лѣтъ до Р. Х., по свидѣтельству Ху-кингъ, книги признаваемой за достовѣрную, посылалъ во всѣ концы имперіи представителей власти для обученія людей и принятія мѣръ для расчистки лѣсовъ и осушенія равнинъ, заключенныхъ между четырмя горами и остававшимися непроизводительными послѣ потопа. Отожествленіе Оаннеса и Китовраса, Китовраса и Кентавра, и наконецъ Китовраса и Мерлинова волка весьма знаменательно. Китоврасъ Оаннесъ обозначаетъ, что просвѣщеніе въ Халдею проникло съ моря. Брама по написаніи Ведъ поручилъ храненіе ихъ Деветамъ. Книга, похищенная демонами, была скрыта на днѣ морскомъ и весь міръ былъ во тьмѣ. Вишну, обратившись въ огромную рыбу, спускается за Ведами на дно морское.

Эта индѣйская легенда достаточно объясняетъ рыбій хвостъ Оаннеса и имя Китовраса.

Всѣ эти басни принадлежатъ сказаніямъ о каменьщикахъ,—во всѣхъ дѣло идетъ о постройкѣ храма Мудрости. По разсказу о безъимянномъ мальчикѣ въ Бретонской исторіи Неннія и расказу Готфрида Монмутскаго о Мерлинѣ, мальчикъ приводится къ царю Вортигерну для созданія на его тѣлѣ неприступной крѣпости. Въ древнѣйшемъ разсказѣ мальчикъ указываетъ на створчатый сосудъ, находящійся въ озерѣ, въ коемъ шатеръ, а въ шатрѣ два дракона—красный и бѣлый. По разсказу Готфрида Монмутскаго Мерлинъ указываетъ на камень. Древнѣйшій расказъ весьма близко подходитъ къ монгольскому въ Арджи-Боржѣ. Золотой тронъ съ 32 ступенями и 32 женскими деревянными фигурами открывается въ землѣ, по соображенію, что подъ холмомъ, гдѣ произноситъ свои мудрыя изреченія царь-мальчикъ, должна скрываться таинственная сила. Эти басни находятся въ весьма близкой связи съ ученіемъ Тампліеровъ, на сколько можно судить по сохранившимся показаніямъ. Во всѣхъ этихъ басняхъ несомнѣнно проводится мысль, что вѣщая мудрость истекаетъ изъ двухъ началъ—отъ непорочной дѣвы и демона.—Это самое демоническое происхожденіе и объясняетъ отчасти связь этихъ вѣщихъ мудрецовъ съ волкомъ и дѣвами-лебедями. Волки и дѣвы-лебеди изображаютъ два главныя настроенія человѣческаго и творческаго духа: волки—стремленіе къ уединенію въ горы, степь или лѣса, въ слѣдствіе разлада съ общественнымъ строемъ, лебеди, наоборотъ—прославленіе житейскихъ благъ, прелестей міра, торжества искусствъ и наукъ, съ замѣтнымъ стремленіемъ вернуться къ свѣтлымъ источникамъ.

При чтеніи средневѣковыхъ поэтическихъ памятниковъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они къ намъ дошли въ передѣлкахъ и подъ вліяніемъ разныхъ настроеній,—въ нихъ часто встрѣчается направленіе разсказчика

совершенно враждебное къ излагаемому содержанію и къ первоначальной мысли, такъ какъ сказки эти носятъ явные слѣды сродства съ гностицизмомъ и съ ученіями языческими. Св. Ириней прямо говоритъ, что гностики пользовались старушечьими сказками, но ихъ не сочиняли. Первоначальная мысль о рожденіи Мерлина или Марза сохранилась въ колыбельной Бретонской пѣснѣ, приводимой въ французскомъ переводѣ на стр. 485 и сл. моихъ Замѣчаній на Сл. о П. Иг. Пѣвецъ Игоревъ, намѣкая на существующія повѣрія и суевѣрія, касается ихъ свысока и имѣетъ въ виду только одни возвышеннѣйшія стороны древняго языческаго ученія. Поэмы Бретонскія, Скандинавскія и Монгольскія выводятъ мудрецовъ, занимающихся чернокнижіемъ и морочащихъ людей съ помощію значительнаго запаса секретовъ механическихъ, химическихъ и физическихъ. Въ этихъ басняхъ описываются съ любовію продѣлки, шутки, а не самое ученіе мудрецовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, съ другой стороны, что эти старушечьи сказки могли въ теченіи времени подвергаться передѣлкамъ гностиковъ. Сами разсказчики, а равно и художники и ремесленники, въ особенности золотыхъ дѣлъ мастера въ средніе вѣка, явно подчинены вліянію ученія гностиковъ; фокусники, плясуны, люди водящіе медвѣдей--всѣ причастны къ магизму и сохраняютъ преданія, завѣщанныя язычествомъ,—и таковыми обозначены церковнымъ законодательствомъ. Вся лѣстница отъ теозофовъ до скомороховъ сохранилась доселѣ въ орденѣ Дервишей, скитающихся по Средней и Малой Азіи. Эти типичныя фигуры, превосходно изображенныя Верещагинымъ, объясняютъ, почему прозвище бирючей могло быть дано глашатаямъ и въ древней Россіи.

Бродячая жизнь дервишей и факировъ, ихъ нравственное вліяніе на Азіатскія племена, и Черкескіе пѣвцы (о которыхъ ниже) сохраняютъ въ себѣ черты, которыя были общи и славянскимъ и вообще европейскимъ пѣвцамъ,

собиравшимъ разрозненныя племена подъ одно знамя. Дервиши и пѣвцы Черкескіе характеризуютъ ту волчью натуру и ту волчью среду, которыя и въ наше время существуютъ отъ Кавказа вдоль Ефрата до Персидскаго залива и способствуютъ къ объясненію цѣлаго разряда европейскихъ волчьихъ пѣсенъ и волчьихъ миѳовъ въ противоположность къ пѣснямъ лебединымъ.

Въ недавно вышедшей весьма замѣчательной и любопытной книгѣ „Путевой Журналъ“ Е. И. Чирикова, на стр. 167 описываются процессіи двухъ враждующихъ партій въ Испаганѣ, выходившихъ одна противъ другой, согласно повсемѣстному въ Персіи обычаю наканунѣ Кубанъ-Байрама.

......„Такимъ образомъ я въ первый разъ тутъ видѣлъ и самую процессію байрама, и пальбу изъ орудій на скалу. Шуты и балясники и полунагіе атлеты съ гимнастическими тяжелыми балансами, въ формѣ огромныхъ сахарныхъ головъ въ каждой рукѣ, вертѣвшіе ихъ надъ головами своими и около корпуса, дервиши, сантоны, съ металлическими громадными знаменами, на верхнемъ концѣ которыхъ, посреди причудливыхъ арабесковъ, вырѣзаны à jour и чрезвычайно искусно и красиво крупными буквами стихи изъ Корана. У нѣкоторыхъ изъ нихъ на верху, съ каждой стороны, по металлической вѣтви, на которыя взбирались ребята, и алемдаръ (знаменоносецъ), поднимая эту чрезвычайно тяжелую ношу, показывалъ силу мышцъ своихъ; нѣкоторыя изъ знаменъ обвѣшаны были приношеніями или вѣрнѣе заклинаніями отъ болѣзней и бѣдъ мірскихъ въ видѣ дрянныхъ старыхъ тряпичекъ, лоскутковъ одежды. За ними всадники.“..... „Впрочемъ, остановки процессіи повторялись нѣсколько разъ, и въ это время какой нибудь растрепанный дервишъ или присяжный піита декламировалъ стихи или въ честь шаха, или въ честь сипехдара“ ....

. . . „Во время шествія, посреди котораго не были забы-

ты вожаки обезьянъ и всякаго рода дикихъ звѣрей, медвѣдей, тигровъ и даже львовъ, каждый изъ нихъ заставлялъ своихъ четвероногихъ воспитанниковъ показывать разныя штуки; плясуны въ женскихъ юбкахъ, съ распущенными волосами, съ кастаньетками, кружились, вертѣлись, ломались подъ визжанье и стукъ инструментовъ; паяцы кривлялись, атлеты бросали высоко свои деревянные пудовики и ловили ихъ, другіе боролись и обращали борьбу въ драку, которую останавливалъ феррашбаши, разлучая борцовъ своимъ жезломъ; полунагіе дервиши наносили себѣ кинжалами раны, и кровь струилась по ихъ обнаженной груди во славу пророка и Али; псилы вынимали изъ мѣшковъ своихъ змѣй, обвивавшихся около протянутыхъ рукъ ихъ длинными лентами."

На стр. 370 (поѣздка изъ Зохаба) находится другой весьма любопытный разсказъ о продѣлкахъ дервишей: „Прямо передъ нами разстилалась прибрежная равнина Мейданъ; на ней мы остановились лагеремъ, не доходя до деревни этого имени, при впаденіи рѣки Геуасинъ въ Сирванъ. Равнина населена дервишами ордена Моулеви; главный шейхъ ихъ живетъ въ Керкукѣ. Ибрагимъ-паша говорилъ намъ, что дервиши эти „несгараемы," и въ подкрѣпленіе этого разсказа, что онъ былъ въ отрядѣ Керманшахскаго сердаря, присланномъ сюда для воспрепятствованія Азизъ-бею уйги въ Персію отъ преслѣдованія турецкихъ войскъ, и что при этомъ онъ былъ свидѣтелемъ, какъ дервиши эти, сложивъ костеръ, вошли въ него съ женами и дѣтьми; пламя пылало высоко надъ ихъ головами, а они остались цѣлы и не выходили изъ костра, пока онъ весь не истлѣлъ. Сердарь былъ такъ пораженъ этимъ, что донесъ въ Тегеранъ; шахъ, желая ихъ видѣть, приглашалъ ихъ въ столицу и приказалъ дать имъ денегъ на дорогу. Дервиши послали къ шейху просить позволенія отправиться. Шейхъ не далъ разрѣшенія и даже запретилъ имъ на будущее время дѣлать опыты съ огнемъ

въ присутствіи посторонних; оттого и мы не могли этого видѣть. Секта эта, сказывали намъ, живетъ разсѣянно по селамъ, даже въ Зохабѣ, и обработываетъ поля"......

Замѣтки покойнаго Е. И. Чирикова, дневникъ М. А. Гамазова, издателя книги, выписки изъ дневниковъ Вильямса, Раулинсона, Лейерда представляютъ огромный и крайне любопытный запасъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о мѣстности весьма знаменитой и притомъ, особенно у насъ, весьма мало извѣстной. Здѣсь наглядно изображается день за днемъ; переходы по мѣстности, гдѣ разыгрывались всемірныя событія, созидались и сокрушались древнѣйшія всемірныя монархіи, рубежъ, на коемъ сталкивалась греко-римская и средне-азіатская цивилизаціи и нынѣ представляющая любопытное зрѣлище трехъ главныхъ племенъ: Арабскаго, Иранскаго и Туранскаго, живущихъ бокъ-о-бокъ первобытною жизнію съ яркими слѣдами вліянія на нихъ древней столицы восточнаго міра. Книга эта богата фактами, составляющими важный вкладъ въ науку, и носитъ отпечатокъ высокообразованнаго и внимательнаго ума. Самое изданіе книги сдѣлано съ видимой любовью и большимъ знаніемъ дѣла.

Въ „Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера", Москва, 1865, стр. 127,—въ нѣсколькихъ словахъ очерчено значеніе пѣвцовъ и пѣсенъ среди воинственныхъ племенъ Кавказа: „У Черкесовъ часто встрѣчаются странствующіе барды, передающіе пѣсни, преданія старины и импровизирующіе стихи на новыя происшествія. Усѣвшись въ кунахской, посреди круга слушателей, они начинаютъ свой риѳмованный разсказъ довольно медленно, мѣрно ударяя черенкомъ ножа въ какую нибудь звонкую вещь; потомъ тактъ ускоряется, голосъ усиливается, и тихій речитативъ переходитъ въ громкую пѣсень, увлекающую Черкесовъ до безумнаго восторга. Черкесы чрезвычайно впечатлительны и подобно Бедуинамъ легко воспламеняются пѣснью и разсказомъ. Иногда эти барды носятъ съ собой небольшую

семиструнную арфу. Кромѣ ея я видѣлъ у Черкесовъ еще три музыкальные инструмента,—двухструнную балалайку, двухструнную скрипку да свирѣль. Люди, подобно Асланъ—Гирею и Джансеиду, искавшіе завладѣть народнымъ мнѣніемъ и занять степень военныхъ начальниковъ въ борьбѣ противу Русскихъ, имѣли обыкновеніе, задумавъ какое нибудь важное предпріятіе, посылать по Краю сперва этого рода импровизаторовъ, которые прославляя ихъ умъ и дѣла, увлекали за ними народъ. Пѣвцамъ принадлежало, кажется, исключительное право разсказывать подвиги черкесскихъ героевъ: сами они никогда не говорили о нихъ. Черкесы, храбрые по природѣ, съ дѣтства привыкшіе бороться съ опасностію, въ высшей степени пренебрегаютъ самохвальствомъ. Самые смѣлые джигиты отличаются у нихъ необыкновенною скромностію: говорятъ тихо, никогда не хвалятся своими подвигами, готовы каждому уступить мѣсто и замолчать въ спорѣ; за то въ дѣлѣ они совершенно перерождаются и на дѣйствительное оскорбленіе отвѣчаютъ оружіемъ съ быстротою мысли, безъ угрозы, безъ крику и брани.“

Характеристика Черкескихъ витязей живо напоминаетъ характеристику спутниковъ Хаверъ Кинеева въ Маккаме Харизи: Бесѣда о битвѣ: „слыли всѣ спутники въ браняхъ бойцами, храбры какъ львы, словомъ—молодцы молодцами, въ обхожденіи добры и милы словно серны пугливы.“ (Зам. на. Сл. о П. Иг. стр. 249.)

Этотъ очеркъ Черкесскихъ пѣвцовъ поясняетъ, почему въ древней Россіи глашатаи могли называться бирючами. Это названіе вѣроятно перешло отъ древнѣйшаго учрежденія пѣвцовъ и глашатаевъ закона, игравшихъ важную роль среди воинственныхъ племенъ, обитавшихъ около Чернаго моря. Подобные бирючи должны были разсылаться Олегомъ при собираніи имъ всѣхъ толковинъ на Царьградъ. Пѣвецъ Игоревъ съ тою же мыслію пѣлъ свою пѣснь. Онъ задумалъ соединить Русскихъ князей противъ

напора Венгерцевъ на Галицію и Германцевъ на Полоцкое княжество. Весьма можетъ быть также, что онъ уже чуялъ бѣду готовившуюся въ Средней Азіи. Подобные толки предшествовали преемникамъ Чингизъ-хана. Въ Армянской исторіи, оканчивающейся на 1261 году, Киракоса Гандзакеци, писавшаго въ 1241 году, переведенной Паткановымъ, находятся весьма любопытныя свѣдѣнія, опять наводящія на мысль, что подъ именами великаго Хина и Хорса, пѣвецъ Игоревъ намѣкаетъ на Чингизъ-хана: „Имъ (Татарамъ) предшествовала ложная молва, что они маги, исповѣдаютъ христіанскую вѣру и творятъ чудеса, что они пришли отмстить Таджикамъ за угнетеніе христіанъ. Говорили, что у нихъ есть походная церковь, а въ ней чудотворный крестъ; что предъ этимъ крестомъ ставится одна мѣра ячменя, что изъ этой мѣры все войско беретъ ячмень для корма лошадей, и что не смотря на то она не убавляется, и что тоже самое происходитъ съ провіантомъ для продовольствія людей (стр. 2). Тоже самое разсказывается о священномъ Гралѣ въ бретонскихъ романахъ и вѣроятно не пропущено и въ славянскомъ сказаніи объ Индіи богатой, составляющей предметъ тщательнаго изслѣдованія Н. Баталина въ „Филологич. Запискахъ" 1874 и 1875 годовъ.

Граль, по переходѣ въ Среднюю Азію, перестаетъ служитъ нескончаемымъ запасомъ продовольствія за излишествомъ. Съ перенесеніемъ Граля въ Азію назначеніе его состоитъ въ указаніи преемника пресвитера Іоанна Что сказка эта служила пропагандою Чингизъ-хану и его предшественникамъ пресвитерамъ Іоаннамъ, подтверждается тѣмъ, что эта же сказка сказывалась и на мусульманскій ладъ. Свидѣтельство современнаго Армянскаго историка не дозволяетъ сомнѣваться въ этомъ фактѣ.

Г. Паткановъ приводитъ письма царицы Русуданъ и военноначальника ея Ивана къ папѣ Гонорію. Въ этихъ письмахъ говорится, что Татары передъ вторженіемъ слыли

за христіанъ (стр. 111). На стр. 49 Киракосъ Гандзакеци упоминаетъ о покровительствѣ, оказанномъ Сирійцемъ, по происхожденію христіаниномъ, носившемъ титулъ Рабанъ-атъ т. е. отца царя, татарскаго Хагана; Киракосъ Гандзакеци поясняетъ, что по-сирійски Рабанъ значитъ учитель, а ата—отецъ. Довольно любопытно, что настоящій отецъ Чингизъ-хана назывался Дубунь Баянъ. (Абуль-Гази, перев. Саблукова, изд. Березинымъ. Стр. 59, 60.)

Въ Эддѣ вскользь упомянуты интимныя отношенія Одина къ волкамъ, чтобы указать связь ученія объ Одинѣ съ сказаніемъ объ Арджи-Боржіѣ и тому подобными. Не слѣдуетъ также полагать, чтобы въ пѣснѣ о походѣ Игоря волкъ упоминался случайно, какъ простое поэтическое уподобленіе; русскій поэтъ вѣроятно и даже болѣе чѣмъ вѣроятно имѣлъ въ виду тѣже народныя повѣрья. Совѣщаніе Димитрія Боброва Волынца съ волками наканунѣ Мамаева побоища не дозволяетъ сомнѣваться въ существованіи въ Россіи повѣрья о дарѣ предвѣщанія приписываемаго волкамъ. Свойство волковъ перекликаться предъ нападеніемъ, а равно и при отступленіи послѣ похищенія добычи было причиною, почему пѣвцы могли уподобляться волкамъ. Знаніе волчьяго языка существуетъ и доселѣ. Между охотниками есть люди умѣющіе переговариваться съ волками.

Отношенія къ Св. Георгію срока полевыхъ работъ и скотоводства, по повѣрьямъ русскимъ и болгарскимъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ знакамъ китайской небесной сферы. Изъ этихъ сопоставленій довольно опредѣленно оказывается, что дѣло не въ переходѣ преданій и сказаній отъ одного народа къ другому а въ существованіи въ разныя времена у многихъ народовъ отъ Тихаго океана до Атлантическаго тѣхъ же самыхъ повѣрій и обрядовъ. Тоже повѣрье встрѣчается въ видѣ весьма древняго религіознаго преданія у Бретонцевъ, современнаго повѣрья у Чувашъ и въ видѣ

административнаго весьма древняго учрежденія у Китайцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ хронологическія данныя отнюдь не опредѣляютъ, какому племени принадлежитъ происхожденіе повѣрья или преданія. Китайскіе астрономы отмѣчали, тому 4000 лѣтъ, на своихъ небесныхъ картахъ появленіе созвѣздій знаками, соотвѣтствующими народнымъ повѣрьямъ, обрядамъ и обычаямъ. Сохраненіе этихъ преданій у разныхъ народовъ въ полномъ и разумномъ согласіи никакъ не могло произойти вслѣдствіе шаткихъ интерпретацій іероглифическихъ знаковъ. Изъ сопоставленій знаковъ китайскихъ съ египетскими и греческими дѣйствительно оказывается, что при заимствованіи ученымъ путемъ смыслъ знаковъ не сохранялся и не отвѣтствовалъ дѣйствительнымъ потребностямъ народа. Чѣмъ болѣе занимаемся сравнительнымъ изученіемъ народныхъ повѣрій, обрядовъ и сказаній, тѣмъ болѣе приходимъ къ убѣжденію, что международныя состязанія о происхожденіи миѳическихъ цикловъ суть ребяческая забава. На оборотъ, каждый шагъ на этомъ поприщѣ служитъ къ разъясненію и осмысливанію преданій, сохранившихся въ народной памяти. Этотъ результатъ весьма важенъ, хотя и болѣе скроменъ, чѣмъ суетное удовлетвореніе народнаго тщеславія. Современная наука замѣтно освобождается отъ ложнаго взгляда на преемственность языковъ и изустныхъ преданій. Сравнительное изученіе сказочнаго міра уже успѣло указать, какъ восторженное хвастовство въ пользу своего племени каждаго изслѣдователя, занимавшагося спеціально своими народными сказками, оказывается смѣшнымъ при сличеніи. Оказывается, что добродѣтели, исключительно принадлежащія Бретонцамъ, суть тѣже самыя, которыя отличаютъ Германскія племена отъ всѣхъ прочихъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что сказки каждаго народа имѣютъ свой характеръ; такъ наши сказки несомнѣнно отличаются молодечествомъ и беззаботнымъ веселіемъ при тщательномъ соблюденіи ясности и вѣрности основнаго миѳа.

Нѣтъ никакого ни логическаго, ни научнаго основанія предполагать, чтобы народныя преданія, сохранившія явныя архаическія формы, не шли отъ первыхъ временъ человѣческаго общества, безъ всякаго позаимствованія. Заимствованія обнаруживаются сами собой весьма чистосердечнымъ сохраненіемъ чуждыхъ, собственныхъ и географическихъ именъ, но и самое присутствіе инородныхъ названій вовсе еще не доказываетъ, чтобы само преданіе было инородное. Древнія преданія и обряды могли утрачиваться у одного народа и возвращаться къ нему въ чужой одеждѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что преданія сохраняются не у всего народа, а удерживаются на окраинахъ отдаленныхъ отъ общаго движенія народной жизни, находящихся внѣ вліянія развитія новыхъ идей, обычаевъ и интересовъ. Этимъ самымъ объясняется сохраненіе въ Россіи преданій и сказаній въ ихъ первобытной чистотѣ и полнотѣ, поражающей даже иностранныхъ изслѣдователей. Сознаюсь, вопросъ этотъ казался мнѣ крайне тяжелымъ и затруднительнымъ, я обязанъ его разъясненіемъ профессору Петербургскаго университета Е. Е. Замысловскому.

Вся суть въ оригинальности и осмысленности передачи древнихъ сказаній и въ этомъ отношеніи мы положительно играемъ далеко не послѣднюю роль на бѣломъ свѣтѣ. Можно даже утвердительно сказать, что наши пѣсни и сказки составляютъ богатѣйшую и самую художественную часть всей нашей литературы и во многихъ отношеніяхъ могутъ служить образцами и руководствомъ. Изученіе народной литературы представляетъ кромѣ того еще ту огромную выгоду, что для пониманія ея необходимо много учиться, а изученіе способствуетъ самымъ естественнымъ, непринужденныхъ образомъ къ поднятію умственнаго уровня по всѣмъ отраслямъ знанія. Самая же безпредѣльность научнаго горизонта, въ коемъ народная духовная жизнь есть центръ, весьма наглядно ведетъ къ убѣжденію, что

можно избрать лишь весьма ограниченный и определенный кругъ для изученія народныхъ памятниковъ и народнаго быта. Каждая мѣстность, какъ бы она ни была отдалена отъ культурныхъ центровъ, доставитъ навѣрное обильную жатву желающему примѣнить свои научныя свѣдѣнія къ изученію мѣстныхъ говоровъ, обычаевъ, преданій самой мѣстности въ географическомъ и историческомъ отношеніи и тѣмъ самымъ содѣйствовать созданію науки въ обширнѣйшемъ объемѣ. При такой системѣ филологическія науки могутъ соперничать съ естественными и положительными и сами занять въ ряду положительныхъ и точныхъ наукъ почетное и весьма видное мѣсто. Филологія никакъ не можетъ развиваться съ помощію механическаго мышленія и, находясь въ неразрывной связи съ постоянно сосредоточеннымъ вниманіемъ, развиваетъ силу мышленія и его эластичность. Развитіе вниманія и гибкости ума столь же необходимо для работъ кабинетныхъ, какъ на биржѣ, такъ и на полѣ битвы. Только въ дѣлѣ заводскомъ и въ земледѣліи филологія остается на заднемъ планѣ, но и тутъ служитъ твердымъ основаніемъ для спеціальнаго образованія техника.

Loys Brueyre ссылается на любопытныя свѣдѣнія о Дѣвахъ-Лебедяхъ, собранныя Гульдомъ (Gould—curious Myths и на Cox, Mythology of the Aryan nations.) Gould сравниваетъ легенды бретонскія, германскія съ древними греческими и сказками Самоѣдовъ. Онъ видитъ въ этихъ лебедяхъ олицетвореніе облаковъ, блуждающихъ по голубому своду. Эта тема, на которой разыгрывалъ покойный Аѳанасьевъ въ слѣдъ за Гриммомъ, ничего не объясняетъ. За облаками люди даже и въ сказкахъ не гонятся.— Упоминаемыя басни указываютъ на что-то весьма желательное, мимолетное и еще труднѣе сохраняемое, чѣмъ уловляемое,—однимъ словомъ на счастье, власть. Что всѣ призраки уподоблялись облакамъ и мыльнымъ пузырямъ, это несомнѣнно, но изъ этого не разумно заключать, чтобы въ

сказкахъ шла рѣчь о похожденіяхъ облаковъ или мыльныхъ пузырей.

Постоянныя повторенія совершенно безцѣльныхъ наблюденій за теченіемъ и превращеніемъ облаковъ на небѣ суть клевета на нашихъ предковъ.—Славяне издревле отличались крайней раціональностію и утилитарностію своихъ воззрѣній. — Сказки видимо отвѣчаютъ дѣйствительной потребности духа.

Въ первомъ томѣ Поэтическихъ воззрѣній Славянъ на природу, стр. 707, Аѳанасьевъ говоритъ: „23 апрѣля поселяне наши впервые послѣ минувшей зимы, выгоняютъ скотъ въ поле, и выгоняютъ его непремѣнно освященной вербою. При этомъ окликаютъ Егорія, т. е. обращаются къ нему съ такою мольбою:

Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Отъ волка хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго
Отъ звѣря лукаваго.

„Обрядъ этотъ, продолжаетъ Аѳанасьевъ, имѣетъ символическое значеніе; онъ указываетъ на дожденосныхъ коровъ, которыхъ въ весеннюю пору выгоняетъ Перунъ на небесныя луга ударами молніи; въ числѣ различныхъ метафорическихъ представленій молніи, она между прочимъ уподоблялась древесной вѣткѣ“ (Ссылка на XVIII главу). По справкѣ въ XVIII главѣ оказывается, что „отъ представленія молніи цвѣткомъ, выростающимъ на деревѣ тучи, естественно было перейти къ уподобленію ея древесной вѣткѣ или пруту тѣмъ болѣе, что въ разящей молніи, предки наши видѣли наказующій бичъ и кій самобой (дубинку) Перуна. При первомъ весеннемъ выгонѣ коровъ въ поле Индѣйцы употребляли вѣтку дерева parna или samî

(Acacia suma Roxb.). Объ этой акаціи было сказаніе, что она выросла изъ сосуда, въ которомъ принесена на землю молніей. Какъ Индра доитъ небесныхъ коровъ (облака) громовою палицею или молніеноснымъ прутомъ, такъ думали, что и земныя стада, ударяемыя вѣткою священнаго дерева, укрѣплялись и дѣлались обильными молокомъ. Въ Швеціи"..... и т. д.

Вмѣсто источниковъ для поясненія набраны у Аѳанасьева германскія умозрѣнія, лишенныя всякой логической связи между собой и съ текстомъ, вызывавшимъ эти комментаріи. Этотъ наборъ словъ служитъ только для помѣщенія Индры, доящаго небесныхъ коровъ, по указанію г. Куна. Народныя повѣрья не заимствуются изъ многосложныхъ догматическихъ сочиненій, явно созданныхъ на досугѣ, среди роскошной, ученой обстановки индѣйскихъ и другихъ мудрецовъ. Облака, дѣйствительно, въ одной Индѣйской поэмѣ, названы дойными коровами, кормилицами въ благодарность за орошеніе пастбищъ. Подобная тяжелая метафора свойственна санскритской поэзіи, но русская, славянская и вообще народная поэзія не терпитъ подобнаго безобразія.

Объясняя повѣрья и обряды Славянъ, какъ наслѣдство древнихъ Арійцевъ, необходимо въ добавокъ предположить, что Славяне заимствовали ихъ не изъ первыхъ рукъ, утративъ при томъ смыслъ этихъ преданій. Этотъ трудный фокусъ возможенъ, но только при ложномъ, гиперкультурномъ образованіи. Славяне, согласно съ весьма многими другими народами, выгоняя скотъ на пастбища обращаются къ Св. Георгію съ мольбою о предохраненіи скота отъ хищныхъ звѣрей. Верба въ древнѣйшихъ временъ служила символомъ живучести, такъ какъ срѣзанныя вѣтки ивы живутъ и цвѣтутъ безъ корней въ водѣ и землѣ. Акація, по свойству своему быстро разростаться, могла имѣть тоже значеніе. Очевидный весьма простой смыслъ обращенія поселянъ къ Св. Георгію, при выгонѣ скота въ поле, со-

вершенно затемненъ комментаріемъ. Больно смотрѣть, какъ вліяніе Гримма, Макса Мюллера и Куна, но болѣе всего Симрока могло такъ сильно дѣйствовать на воображеніе Аѳанасьева. Эти ученые комментировали и объясняли изучаемые имъ памятники, Аѳанасьевъ же механически примѣнялъ ихъ комментаріи къ русскимъ народнымъ сказаніямъ, которыя могли служить источникомъ, но не наоборотъ, для поясненія индѣйскихъ поэмъ, построенныхъ на народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ. Увлеченный моднымъ направленіемъ и пораженный сродствомъ народныхъ повѣрій всего міра, Аѳанасьевъ насиловалъ смыслъ и ученыхъ гипотезъ и нашихъ первобытныхъ памятниковъ. Если бы Аѳанасьевъ, опасаясь критики, принужденъ былъ обращать не много болѣе вниманія на самые источники, то онъ навѣрное пришелъ бы къ болѣе положительнымъ и полезнымъ результатамъ. — Я весьма высоко цѣню заслуги, дарованія и добросовѣстность Аѳанасьева и если себѣ позволяю настаивать на его ошибкахъ, то это отъ того, что я на него смотрю какъ на жертву школы, господствовавшей въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Ломоносовъ, Татищевъ, Тредьяковскій, Щекатовъ, Озерецковскій, Лепехинъ и многіе другіе учились и подвизались подъ сильнымъ вліяніемъ европейской науки, но они оставили по себѣ труды, свидѣтельствующіе о ихъ самостоятельности и самодѣятельности во всѣхъ вопросахъ, относящихся до роднаго края. Въ позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ можно прослѣдить мысли Гримма и Макса Мюллера, примѣненныя какъ будто механическимъ способомъ, не удостоивая свой сырой матеріалъ не только любви, но даже и вниманія, какъ будто бы все дѣло состояло въ акклиматизаціи у насъ мечтательныхъ, мимоходныхъ, модныхъ теорій и постоянно колеблющихся направленій, прослѣживаемыхъ германскими учеными при ихъ разработкѣ всемірныхъ памятниковъ. Гоньба за этими призраками не могла послужить существенному движенію науки. Нельзя даже назвать подобное стремленіе примѣне-

ніемъ образцовой методы къ изученію родныхъ памятниковъ, потому что германская метода, при всемъ увлеченіи ученыхъ и ихъ склонности къ систематизаціи, основана на изученіи источниковъ; у насъ же система Гримма и Симрока, Макса Мюллера и Куна примѣнялась, на перекоръ нашимъ памятникамъ, и помимо чужеземныхъ.

Въ упомянутомъ Болгарскомъ сборникѣ, изданномъ въ Парижѣ, издатель, ссылаясь на статью въ Revue des deux Mondes 1873, 15 Aôut. Le Theatre en Japon par M. G. Bousguet, говоритъ (стр. 152), что пѣснь № 4 его сборника:

Пасалъ іе Стоя́н телци́—те
На самоди́вски хорища,

а равно № 1 и 2 Сборника братьевъ Миландиновцевъ (Булгарски народни пѣсни собрани одъ братья Миландидиновци. Загребъ 1861. Большой in 8°, стр. VIII+538) весьма схожи между прочимъ и съ японскими сказаніями.

Это болгарское стихотвореніе таже баснь, что и русская сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Василисѣ Премудрой, дочери Морскаго Царя. Лебединая дѣва и лебединыя сорочки являютвя въ германскихъ, славянскихъ и татарскихъ сказкахъ. Болгарская сказка отличается тѣмъ, что она сильно отзывается хожденіемъ учениковъ пресвитера Іоанна по Европѣ. Упоминаемый въ ней св. Іоаннъ, способствующій возвращенію Самодивѣ дѣвственности, по обвѣнчаніи ея съ Стояномъ и крещеніи ея ребенка, не можетъ быть не кто иной, какъ пресвитеръ Іоаннъ романскихъ и татарскихъ сказаній. Весьма можетъ быть, что и самъ Иванъ Царевичъ есть прототипъ Іоанна пресвитера, а Василиса Премудрая не кто иная, какъ Прекрасная Елена тѣхъ же сказокъ. Стоянъ играетъ туже роль что царь Афронъ и царь Далматъ въ нашихъ сказкахъ, король Испанскій въ Еретонской и Менелай въ древнемъ эпосѣ, котораго Сенковскій называетъ весьма основательно Крѣпиміромъ, т. е. тѣмъ же Стояномъ.

Въ шести русскихъ варьянтахъ на сказку о Морскомъ Царѣ и Василисѣ Премудрой (Рус. Нар. Сказки Аѳанасьева кн. II. изд. 2-е, Москва 1873. стр. 313.) встрѣчается этотъ болгарскій расказъ какъ эпизодъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сказокъ Иванъ Царевичь названъ Гостиннымъ сыномъ, что, по моему мнѣнію, архаизмъ. Въ русскихъ сказкахъ, послѣ многихъ приключеній и испытаній Василиса Премудрая возвращается къ Ивану Царевичу и съ нимъ окончательно и охотно соединяется. Эта сказка несомнѣнно принадлежитъ къ миѳу о Понтархѣ Ахиллесѣ (Царѣ Морскомъ) и Еленѣ и циклу сказокъ о Граалѣ.

Въ бретонской сказкѣ о Иванѣ Царевичѣ, Еленѣ и Жаръ — птицѣ (Fire Side Stories of Ireland P. Kennedy) Елена Прекрасная названа просто греческой принцессой, а Иванъ Царевичъ сыномъ садовника, сторожившимъ яблоки. Въ Сборникѣ бретонскихъ сказокъ, изданныхъ въ переводѣ на Французскій языкъ, наша сказка о Василисѣ Премудрой сравнивается (стр. 259) съ бретонской сказкой о Тамарѣ, превратившейся въ рѣку Тамаръ. Но эта бретонская сказка также есть лишь одинъ эпизодъ изъ погони Морскаго Царя вслѣдъ за дочерью, бѣжавшей съ Иваномъ Царевичемъ. Loys Bruyere замѣчаетъ сродство нашей сказки съ легендой о рыцарѣ Лебедя въ Парцивалѣ (послѣднемъ представителѣ пресвитера Іоанна въ Европѣ). При этомъ онъ упоминаетъ La Chanson du Chevalier du Cygne et de Godeffroy de Bouillon pub. par. Aubry, 1874.—Эти рыцари Лебедя сильно напоминаютъ буддійское учрежденіе Контаиджей. Миѳъ о Дѣвахъ-Лебедяхъ встрѣчается въ Нибелунгахъ. Гагенъ Троянецъ, захвативъ пернатыя рубашки купающихся въ Дунаѣ дѣвушекъ, возвращаетъ оныя съ условіемъ, чтобы они ему предсказали будущее. Таже сказка сказывается и въ Эддѣ (Voelundarkvidha). Здѣсь Дѣвы-Лебеди, пробывъ 7 лѣтъ съ тремя сыновьями Финскаго короля, улетаютъ на войну. Два брата улетаютъ въ слѣдъ

за ними. Велундръ, хитрѣйшій изъ братьевъ, остается въ Волчьей долинѣ, убиваетъ обоихъ сыновей Шведскаго короля и соблазняетъ его дочь. Велундръ расказываетъ самому отцу, какъ онъ убилъ его сыновей и затѣмъ улетаетъ. Пѣснь кончается упреками отца дочери. Въ этой пѣснѣ, кажется, миѳическій смыслъ на заднемъ планѣ и имъ пѣвецъ пользуется лишь для украшенія своего болѣе или менѣе историческаго разсказа. Намеки на общеизвѣстныя басни встрѣчаются постоянно въ Иліадѣ, Эддѣ и въ Нибелунгахъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что пѣвцы знаютъ миѳы въ полномъ ихъ составѣ и ограничиваются намеками вполнѣ достаточными для слушателей также знакомыхъ съ миѳами въ полномъ ихъ объемѣ. Пѣвецъ Игоревъ находился несомнѣнно въ томъ же положеніи относительно своихъ современниковъ. Нельзя его винить въ томъ, что черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ его соотечественники признаютъ его намеки на всемірныя сказанія темными и лишенными смысла, и на этомъ основаніи приходятъ къ заключенію, что въ текстѣ, пропуски и искаженія. Эдда Семунда и Нибелунги и сама Иліада возбуждали подобныя же недоразумѣнія.

Loys Brueyre (стр. 259) говоритъ вкратцѣ о персидской сказкѣ изъ „Сада Знанія" по расказу въ Fairy Mythologie (Keightley). Судя по выпискѣ, персидскій разсказъ совершенно согласенъ съ вышеприведеннымъ болгарскимъ. Въ персидской сказкѣ прилетаютъ четыре голубя, они обращаются въ прекрасныхъ дѣвушекъ, странникъ похищаетъ ихъ птичью одежду,—тремъ возвращаетъ одежду и удерживаетъ самую красивую дѣвушку, приживаетъ съ ней дѣтей; не смотря на это, голубка, отыскавъ свою одежду, улетаетъ. Характеристическая черта въ болгарской сказкѣ—это явленіе св. Іоанна, который вѣнчаетъ, креститъ дѣтей и тѣмъ не менѣе способствуетъ удаленію Дѣвы-лебедя; характеристическая черта эта обозначаетъ вліяніе Богумильское, напоминающее отношенія супруговъ между

Катарами Южной Франціи. Та же самая сказка LVI подъ именемъ Mermaid разсказывается на Шотландскихъ островахъ съ тою разницей, что вмѣсто лебедя является тюлень. Найдя свою одежду тюлень разстается съ любимыми дѣтьми, прижитыми на землѣ и соединившись въ морѣ съ первымъ своимъ мужемъ тюленемъ, на прощаніи говоритъ покинутому мужу, что хотя она и любитъ его, но больше любитъ перваго. Въ этой сказкѣ дѣло идетъ о стремленіи души освободиться отъ всѣхъ житейскихъ узъ и возвратиться къ своему источнику. Басвь эта олицетворяетъ и бытовый фактъ, что похищенная жена бросаетъ домъ и уходитъ къ своему дикому вольному племени. Во всѣхъ остальныхъ редакціяхъ миѳъ лебедя изображаетъ поэзію, искусство и всѣ прелести сего міра.—Niörd (Gylfaginning, 23, Сноррова Эдда) говоритъ:

Горы мнѣ надоѣли, долго я въ нихъ прожилъ,
Сряду девять ночей.
Волчій рыкъ мнѣ сталъ ненавистенъ,
То ли дѣло пѣсни лебедей!
Жена его Скади ему отвѣчаетъ:
Не могу я спать въ постели близъ моря
Изъ-за птичьяго крика.
Меня будитъ, прилетая съ берега
Чайка, каждое утро.

Лебеди не играютъ значительной роли ни въ англосаксонской, ни въ норренской поэзіи и еще менѣе въ германской, что весьма понятно, такъ какъ лебеди принадлежатъ Азіи, Восточной Россіи и всему Сѣверу.—У Кастрена (Ethnologische Vorlesungen über die Altasischen Volker etc. въ 4-й самоѣдской сказкѣ расказывается басня о воздушныхъ дѣвахъ, у коихъ похищаютъ одежду во время купанія, женятся на нихъ, достигаютъ, по средствомъ ихъ, преслѣдуемую цѣль, по достиженіи коей облачныя дѣвы удаляются въ высшій надоблачный міръ въ теп-

лое и пріятное мѣсто. Въ татарскихъ сказкахъ Дѣвы-Лебеди изображаютъ подземныя враждебныя, исполинскія силы, что согласно и съ Персидскихъ эпосомъ, по коему Дивы имѣютъ способность обращаться въ Лебедей.

Cox (Mythologie of the Aryan nations vol. II. 136) передаетъ сходный расказъ въ Вишну Пурана: Дѣвы умоляютъ богиню Бгавани сочетать ихъ съ богомъ Кришну. Пока они купаются, Кришну похищаетъ ихъ одежды и они всѣ три должны къ нему тайно являться для выкупа своихъ рубашекъ. Индѣйская литература еще слишкомъ мало извѣстна, чтобы можно было сдѣлать заключеніе о ея относительной оригинальности. Судя по приведенному примѣру, весьма явно, что общенародный миѳъ о Дѣвахъ-Лебедяхъ не понятъ и переданъ весьма пошлымъ образомъ, такъ что расказъ въ Вишну Пурана никакимъ образомъ не можетъ быть принятъ за источникъ этого миѳа. Loys Brueyre говоритъ, что этотъ же эпизодъ встрѣчается въ Kathasaritsagara, переведенной Вильсономъ и въ разныхъ другихъ индѣйскихъ сочиненіяхъ, цитируемыхъ Гульдомъ.

Упоминаніе волка въ Словѣ о Полку Игоревѣ совершенно понятно и согласно съ значеніемъ волка въ народныхъ повѣріяхъ. Волкъ—олицетвореніе одного изъ свойствъ вѣчнаго Бояна, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и путеводитель Всеслава, отыскивающаго отеческое наслѣдіе. Что касается до лебедей, поражаемыхъ соколами: Ярославомъ, Мстиславомъ и Романомъ, то въ пѣснѣ явно указывается на моду, существовавшую въ началѣ XI столѣтія, представлять вражью силу въ видѣ лебедей, поражаемыхъ одиночно летающими птицами, уподобленіе, сохранившееся во многихъ русскихъ пѣсняхъ и былинахъ. Не будь „та преди пѣснь пояше" вмѣсто „тому"—не было бы надобности настаивать на разъясненіи этого мѣста.

Въ первую эпоху христіанства въ Россіи, весьма понятно, существовало стремленіе придавать военнымъ подвигамъ характеръ религіозный и въ врагахъ видѣть невѣр-

ныхъ и весь языческій міръ. При подобномъ стремленіи лебеди изображаютъ правильно вражью силу и могутъ послѣ пораженія пѣть свою лебединую пѣснь въ честь побѣдителя. Подобное уподобленіе встрѣчается въ Шахнаме, гдѣ Дивы являются грозными врагами во всеоружіи, то пѣвцами, то плѣнительными дѣвами для прельщенія Иранскихъ витязей. Пѣвецъ Игоревъ обозначеніемъ лебединыхъ пѣсенъ выражаетъ, что въ мистическихъ пѣсняхъ, бывшихъ въ ходу въ XI столѣтіи, состязаніе добраго начала противъ злаго было воспѣваемо представителями пораженнаго міра.

Пѣвецъ, очертивъ миѳическій складъ пѣсенъ Бояна и мистическій русскихъ пѣвцовъ первой эпохи христіанства, заявляетъ этимъ намекомъ свое предпочтеніе „былинамъ сего времени.“ Мистическія же пѣсни, которыя пѣвецъ Игоревъ могъ имѣть въ виду, должны быть пѣсни въ родѣ басни о Иванѣ Царевичѣ и Василисѣ Премудрой, Скандинавской о Велундрѣ и Болгарской о Стоянѣ. Здѣсь, дѣйствительно, пойманная лебедь могла изображать прославленіе и торжество своего побѣдителя. Пѣвецъ Игоревъ этимъ самымъ желалъ выразить свой взглядъ на суету междоусобныхъ подвиговъ и на суету самихъ пѣсенъ. Пѣсни, которыя пѣвецъ обозначаетъ лебедиными, могли также принадлежать къ разряду богатырскихъ сказокъ, въ коихъ герой, Царевичъ или гостинный сынъ захватываетъ городъ находящійся въ рукахъ невѣрныхъ и освобождаетъ христіанъ.

Слѣдующая статья посвящена будетъ изслѣдованію о значеніи трудныхъ повѣстей, противополагаемыхъ мистическимъ лебединымъ пѣснямъ.

10-го Ноября 1875 г.

Кн. Павелъ Вяземскій.

О СЛОВѢ

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Литература Слова со времени открытія его до 1875 г.

(Продолженіе.)

Въ 1822 году Граматинъ напечаталъ свое критическое разсужденіе о Словѣ (Вѣстн. Евр. 1822 г. № 18); въ 1823 г. онъ вновь припечаталъ это разсужденіе къ новому изданію Слова, которое вышло съ двумя переводами — стихотворнымъ и прозаическимъ. При этомъ изданіи есть предисловіе и примѣчаніе. Въ предисловіи Граматинъ говоритъ о причинахъ, побудившихъ его къ новымъ переводамъ, и о необходимости поправокъ въ текстѣ. Побужденіемъ къ новымъ переводамъ было недовольство Граматина прежними переводами и желаніе сдѣлать Слово общедоступнымъ. „Всѣ они (прежніе переводчики) различно понимали своего автора, хотя сей не столько теменъ, чтобъ всякій могъ понимать его по-своему. Для сей причины, также и для той, что Слово о П. Иг. писано Славянск. языкомъ, съ смѣсью стариннаго Русскаго, которыхъ самая большая часть читателей не въ состояніи понимать, рѣшился я, сверхъ перевода стихами, переложить другой прозою и слово въ слово такъ, чтобъ оный могъ замѣнить подлинникъ, отъ котораго отдѣляла бы его одна грамматика (стран. 3).“ Необходимость проправокъ въ текстѣ Слова Граматинъ оправдываетъ тѣмъ, что первые издатели съ дипломатическою точностью напечатали всѣ ошибки и безъ всякаго правописанія. „Такая книга (съ ошибками) не годится для общаго употребленія (стр. 5). Первый шагъ къ выразумѣнію Слова о П. Иг. есть однообразное правописаніе, коего образ-

цы находятся въ разныхъ произведеніяхъ XI и XII в. и отчасти въ самомъ Словѣ (стран. 6—7); кромѣ правописанія въ семъ изданіи исправлены и грамматическія ошибки автора, особливо ошибался онъ въ употребленіи двойственнаго числа, котораго въ Русскомъ языкѣ нѣтъ, а онъ на сей часто сбивается, какъ на живое нарѣчіе; что подходитъ подъ правила старинной русской грамматики, то оставлено безъ всякой перемѣны, напр. онъ позволялъ выпускать предлоги, и сіе ни мало не препятствовало смыслу." Граматинъ предполагаетъ предлоги при словахъ: временъ (о) усобицѣ преломити (о) конецъ; князю (въ) умъ; телѣги (въ) полунощи, погосаша (въ) вечеру, сами (съ) побѣдами; слово (съ) слезами; (къ) чему? (стр. 7—8).

Разсматривая поправки Граматина въ текстѣ Слова, которыя перечислены и приложены въ концѣ книги (стр. 197—199), мы видимъ, что большая часть изъ нихъ вовсе напрасны. Желая возстановить русское правописаніе XII в., Граматинъ самъ не имѣлъ вѣрнаго понятія о немъ: такъ напр. совершенно правильную фор. туча, имен. пад. множ. ч., онъ передѣлываетъ въ тучи, минула лѣта въ минули лѣта и др. Онъ лишилъ Слово характирестической особенности др.-русск. правописанія, уничтоживъ окончаніе *ть* въ 3-хъ лицахъ прошедшаго времени. Упрекая автора въ ошибкахъ противъ славянскаго двойствен. числа, онъ самъ имѣетъ о немъ менѣе вѣрное понятіе, нежели пѣвецъ Игоря, напр. вмѣсто правильнаго есвѣ ставилъ неправильное, позднѣйшее искуственное въ церковныхъ книгахъ—есма, вм. растрѣляевѣ—растрѣляема. Въ правописаніи Граматина развѣ то можно поставить ему въ заслугу, что онъ невѣрно выведенныя первыми издателями Слова изъ-подъ титла исправилъ, напр. бысть вм. бысь, пѣснь вм. пѣсь и вмѣсто *а* послѣ гласной ставитъ *я*: вѣщія вм. вещіа. Что касается поправокъ въ словахъ, то болѣе удачныя заимствованы Граматинымъ у предшественниковъ, его же собственныя имѣютъ мало вѣроятія.

Въ критическомъ разсужденіи Граматинъ говоритъ, что не смотря на грубость языка, впрочемъ гармоническаго, въ немъ есть красоты, самыя блестящія и долговѣчныя, а именно: красоты мыслей (стр. 11-я). Въ живомъ и вѣрномъ изображеніи природы пѣвецъ не уступаетъ Гомеру и Оссіану (стр. 12-я). Онъ имѣлъ образцомъ своимъ Бояна, современника Всеслава Полоцкаго, съ котораго и начинается русская поэзія (ст. 13—14). Значитъ, муза поэзіи въ древней Руси родилась въ одно время съ музою исторіи и находилась въ самомъ младенчествѣ: Слово о Пол. Иг. при всѣхъ его красотахъ есть дѣтское лепетанье несроднымъ ей языкомъ, грубою прозою (стр. 14). Послѣ этого Граматинъ сравниваетъ пѣвца съ Гомеромъ и Оссіаномъ: а) „тѣ пѣли на языкѣ образованномъ, а пѣвецъ на варварскомъ; б) они вводили въ свои произведенія много чудеснаго, у пѣвца осталось оно только въ именахъ языческихъ боговъ; поэтому Слово можно назвать не эпическою поэмою, а историческою; (15—16);“ в) слѣдуя ложно классической теоріи въ своихъ сужденіяхъ, Граматинъ находитъ далѣе въ Словѣ единство дѣйствія (походъ и возвращеніе—оба полы сего времени), времени (одинъ годъ); г) о единствѣ мѣста говоритъ, что оно было, но не объясняетъ, въ чемъ онъ его полагаетъ (стр. 17—18). За симъ у Граматина слѣдуетъ характеристика дѣйствующихъ лицъ и самого пѣвца: Игоря представляетъ образцомъ благоразумія, твердости, мужества и благочестія, Всеволода—храбрости, Святослава Кіевскаго—нѣжнаго родственника, жену Игоря—супружеской вѣрности, самого пѣвца образцомъ патріотизма (18—22). О пѣвцѣ Граматинъ говоритъ, что онъ былъ современникъ, что къ дарованію стихотворца присоединялъ онъ познаніе всего, что касалось до его отечества. Онъ пріобрѣлъ это познаніе опытомъ. Онъ не былъ какой нибудь презрѣнный домосѣдъ или неизвѣстный простолюдинъ. Можетъ быть, его украшалъ высокій санъ боярства, и онъ бывалъ мирнымъ

посломъ при княжескихъ дворахъ, или почтенъ былъ званіемъ Гридина, и воздвигалъ копіе брани на защиту воюющаго отечества (стр. 22—23). Онъ сходится съ Оссіаномъ въ простотѣ, возвышенности, краткости и живости слога, который чрезвычайно обиленъ смѣлыми и искуственными фигурами, метафорами (битва въ образѣ пира), сравненіями и уподобленіями (волкомъ, горностаемъ) и гиперболами. Въ словѣ о П. Иг. встрѣчается еще родъ сравненія, имѣющаго форму отрицанія, особенно свойственнаго простонародной рѣчи (не десять соколовъ на свои вѣщія персты (стр. 23—31). О размѣрѣ Слова Граматинъ замѣчаетъ: „періоды его кратки, и заключаютъ въ себѣ не только сами, но и части ихъ отдѣльный смыслъ; отъ этого происходитъ гармонія, похожая на нѣкоторый размѣръ (стр. 31 - 32).

Въ примѣчаніяхъ къ тексту, которыхъ у Граматина 171, новаго не много. Онъ большею частію полемизируетъ здѣсь съ Пожарскимъ, которымъ иногда и самъ пользуется; напр. въ 28 прим. при объясненіи словъ „свивая славы оба полы,“ Пожарскій на стран. 42 говоритъ: свивая не значитъ сравнивая, славы не вин., а тв. п.; оба полы означаютъ обѣ стороны, обѣ половины; почти тоже говоритъ и Граматинъ.

Къ чести Граматина нужно сказать, что онъ первый разъяснилъ положительно—отрицательное сравненіе о десяти соколахъ (прим. 14), опровергнувъ всѣ предъидущія толкованія, которыя впрочемъ долго держались и послѣ Граматина (Ист. Р. Н. Полев. т. 2, стр. 269. Шевыр. 10-я лекц., В. М. 1871 г. Сл. о П. Иг.)*)

---

*) Первые издатели перевели «тогда пущаше» и пр.: памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ либо сраженіи, примѣняли оное къ 10 соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ скорѣе долетѣлъ, тому прежде и пѣснь начиналася, либо старому Ярославу, либо и пр. Шишковъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту сказалъ, что соколиная охота въ древности служила къ рѣшенію спора, кому изъ князей или военачальниковъ отдать преимущество. Они въ числѣ не болѣе 10, можетъ быть, выѣзжали въ поле съ соколами въ рукахъ, и чей прежде долеталъ до стада лебе-

Касательно примѣчаній и переводовъ Граматина митрополитъ Евгеній выразился: „Новый толкъ Игоревой пѣсни Граматина индѣ и безтолковый я читалъ. Стихотворный его переводъ размазанный. Послѣ Палицина, Язвицкаго и другихъ, перепѣвавшихъ стихами Игоря, не нужны бы ужъ намъ сіи каррикатуры Игорева пѣснопѣвца (Сб. ст. 2 отд. Ак. Наукъ т. 5, в. 1, стран. 200). Въ Сынѣ Отеч. (1823 г. № 7, Библ. стр. 329) тоже была помѣщена замѣтка, въ которой рецензентъ, признавая мнѣнія Граматина основательными и безпристрастными въ критическомъ разсужденіи, находитъ много лишняго и посторонняго въ примѣчаніяхъ, а стихотворный переводъ считаетъ вовсе ненужнымъ.

Въ 1824 году (въ Запискахъ и трудахъ общества истор. и древ. Рос. при Москв. Унив. ч. II.) Калайдовичъ напечаталъ статью „Библіографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ древностей гр. А. Ив. М. Пушкина“. Въ эту статью Калайдовичъ помѣстилъ касательно Слова слѣдующее: 1) свои вопросы о рукописи и отвѣтъ на нихъ М. Пушкина; 2) отзывъ типографщика Селивановскаго о рукописи; 3) статью о Словѣ изъ Spect. du Nord; 4) мнѣніе Шлецера о Словѣ; 5) свое мнѣніе о языкѣ Слова, которое высказано было имъ въ опытѣ рѣшенія вопроса еще въ 1818 году и сравненіе Слова съ сказаніемъ о Димитріи; 6) приписку къ толковому Апостолу 1307 г., открытую имъ.

1826 г. Н. Арцыбашевъ напечаталъ двѣ статьи подъ названіемъ: „Игорь или война половецкая“ (Вѣст.

дей, тому (князю) первому и приносилось общее поздравленіе. Пожарскій замѣтилъ, что обрядъ пусканія соколовъ соблюдался не князьями, а стихотворцами, не хотѣвшими изъ скромности выставлять себя предъ товарищами. Бутковъ (Вѣст. Евр. 1821 г. № 22, стр. 111—115) къ этому прибавилъ, что пѣвцы древнерусскіе и славянскіе, можетъ быть, составляли между собою сообщества, подобныя сообществамъ, существующимъ и нынѣ на Кавказѣ у пѣвцовъ Кабардинскихъ Черкесовъ.

Евр. 1826 г., т. 147, № 11 іюнь, стр. 177—193 и № 12 іюль, стр. 241—260). Онъ представилъ въ нихъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій о походѣ Игоря, какія у него были тогда подъ руками. И хотя эти извѣстія у него были не всѣ (Кіев. лѣт. въ извлеч. у Карамз. и переводѣ Татищева, Воскр., Радз., Никонов., Лѣтоп. Русск., Новг. лѣтописецъ, Соф. вр., Соф. лѣт.), онъ и по нимъ опредѣлилъ разницу въ показаніяхъ о сыновьяхъ Игоря, участвовавшихъ въ походѣ, (стр. 190), о днѣ второй битвы съ Половцами (стр. 242), о мѣстѣ второй битвы (247). Главная цѣль этихъ статей опредѣлить топографію похода, объяснить, что за рѣки—Сальница, Сюурлія, Каяла.

Въ 1830 г. въ Вѣстникѣ Европы вмѣстѣ съ нападками на всю нашу древнюю литературу, на ея историческую цѣнность, на богатство ея (Вѣст. Евр. 1830 г, № 1, стр. 68, N 8, ст. 287) встрѣчаются нападки и на Слово о П. Иг. Конечно, кроется иронія въ слѣд. отзывѣ о Словѣ: „Нѣкогда безвѣстный ревнитель Бояна, соловья стараго времени, услаждаясь и дымомъ отчизны, не поскучалъ ввѣрить заунывнымъ звукамъ злополучное пораженіе и поносный плѣнъ Игоря“ (Вѣст. Евр. 1830 г. № 2, стр. 146). Въ № 19 и 20 (стр. 286—295) помѣщена цѣлая статья подъ названіемъ литературныя привязки, посвященныя исключительно отрицанію всей нашей древней литературы и вмѣстѣ съ нею, конечно, и Слова о Полку Иг. „Я желалъ-бы, говоритъ С. С., знать, откуда подвижники наши XI в., съ такимъ прилежаніемъ упражнявшіеся въ писаніи, откуда они получали свой пергаментъ? изъ чего и какъ они дѣлали свои чернила? по скольку часовъ они могли трудиться въ своихъ клѣтяхъ безъ каминовъ и трубъ, при мерцаніи дымящейся лучины? Откуда они выписывали стекла или слюду для оконъ? Пѣснь о П. Иг. XII ст. открываетъ намъ какой-то особенный вѣкъ нашихъ трубадуровъ, миннезингеровъ, современныхъ чужеземнымъ! Жаль только, что завистливое время утаило отъ насъ имена, жи-

тіе и подвиги всѣхъ другихъ пѣснотворцевъ, а еще болѣе жаль, что драгоцѣнная пѣснь о Пол. Игор. дошла до насъ написанная новымъ почеркомъ, лѣтъ пятьсотъ спустя, послѣ кончины своего автора" (стр. 288—289). Значитъ, авторъ полагалъ, что оно было написано почеркомъ конца XVII в. на этомъ, можетъ быть, основаніи впослѣдствіи стали приписывать переписку его Димитрію Ростовскому.

Въ 1830 же г. вышла исторія Рус. нар. Полеваго. О Словѣ въ ней говорится во 2 и 3 т.; къ 3 тому приложенъ и самый текстъ, перепечатанный съ перваго изданія, съ поправками самого Полеваго. Во 2 т. Полевой, говоря вообще о народной, русской поэзіи, замѣчаетъ о Словѣ, что оно было древнѣйшій памятникъ русской поэзіи и относится къ началу XIII вѣка. „Въ немъ находимъ мы слѣды другихъ пѣснопѣній, но въ темныхъ и не ясныхъ намекахъ (стр. 261 г. т. 2). Достовѣрность Слова не подвержена никакому сомнѣнію (стр. 262). Пѣвецъ Игоря пѣлъ по примѣру прежнихъ пѣвцовъ. Былъ прежде какой-то Боянъ, пѣвецъ превосходившій всѣхъ и пѣвшій безъ жребія (стр. 269). Въ третьемъ томѣ находится нѣсколько замѣчаній къ поясненію Слова (пр. 108, 109, 112.).

Въ 1833 г. Вельтманъ къ своему изданію Слова присоединилъ прозаическій переводъ и 60 примѣчаній (2-е изданіе 1867 г.). Въ предисловіи къ переводу Вельтманъ, по примѣру предшественниковъ, старается рѣшить вопросъ, предложенный Калайдовичемъ,—на какомъ языкѣ написано Слово. Онъ рѣшаетъ его такъ: „на языкѣ собственно пѣвцу Игоря принадлежащемъ: на соединеніи всѣхъ нарѣчій славянскихъ; на выборѣ словъ звучныхъ, краткихъ, свойственныхъ той гармоніи, которою была наполнена его душа. Сравните Сл. о П. Иг. съ звуками настоящаго Русскаго языка, вашъ слухъ замѣтитъ близкое родство между ними. Кто же исказилъ эту чистую, гордую породу языка какимъ-то дикимъ, грубымъ, ложнымъ славянизмомъ послѣдующихъ столѣтій до XIX вѣка? Читая

подлинникъ Сл. о П. Иг., я понималъ его, или мнѣ казалось, что я понималъ, ибо красоты его трогали душу мою. Читая переводы, я не понялъ ихъ." За симъ въ предисловіи говорится о времени написаніи Слова: „Та (пѣснь) писана современникомъ: несовременный пѣвецъ не обратилъ бы вниманія на ничтожный, по понятіямъ исторіи, походъ Игоря на Половцевъ. Этотъ восторгъ къ подвигамъ его могъ принадлежать только тому, кто зналъ Игоря лично, а не по преданіямъ, кто любилъ его." Въ примѣчаніяхъ Вельтманъ пытается объяснить нѣкоторыя темныя мѣста, но эти объясненія неудачны, объясненія отдѣльныхъ словъ, у Вельтмана основаны большею частію на сличеніи ихъ съ сербскими,—нѣсколько предложенныхъ имъ поправокъ въ текстѣ вовсе неудачны.

Въ томъ же 1833 г., по поводу изданія Слова Вельтманомъ, напечатаны были двѣ статьи: одна принадлежитъ Максимовичу, другая Н. Полевому. Статья Максимовича напечатана въ Молвѣ (1833 г. №№ 23, 24, стр. 89--95). Въ ней Максимовичъ говоритъ сначала о прежнихъ прозаическихъ переводахъ и замѣчаетъ, что они не могутъ дать понятія о той жизни, которою красно сіе Слово, потому что основаны только на грамматическихъ и историческихъ розысканіяхъ. Еще менѣе могутъ дать понятіе о поэзіи пѣвца стихотворные переводы, ибо переводчики были слишкомъ произвольны и небрежны съ своимъ подлинникомъ. Новый переводчикъ старался постигнуть поэтическій смыслъ его своимъ чувствомъ; онъ изъяснилъ Слово во многихъ мѣстахъ естественнѣе и вѣрнѣе (стр. 89). Переводъ его не буквальный, а поэтическій и написанъ тоюже размѣрною, благозвучною прозою, какъ и подлинникъ (стр. 90). За симъ Максимовичъ переходитъ къ разбору мнѣнія Вельтмана о языкѣ Слова. Соглашаясь съ мнѣніемъ Вельтмана, что языкъ Слова древне-Русскій, но принадлежащій собственно пѣвцу Игоря, имъ избранный, какъ у Ломоносова, Карамзина, Пушкина или имъ пересозданный (стр.

90), Максимовичъ ограничиваетъ это мнѣніе тѣмъ, что въ языкѣ Слова замѣтно большое вліяніе тогдашняго книжнаго Церковно-Славянскаго языка. При этомъ вліяніи, говоритъ онъ, видно безпрестанное отступленіе отъ формъ его, несравненно большее, чѣмъ въ Несторовой лѣтописи и другихъ того времени памятникахъ. Такое отступленіе основывалось на стремленіи къ языку природному, живому (стр. 91). Этимъ живымъ языкомъ, второю стихіею Слова, было нарѣчіе южнорусское, изъ коего впослѣдствіи вышелъ языкъ Малороссійскій. Малороссійскій языкъ сохранилъ много словъ и оборотовъ, встрѣчаемыхъ въ древнихъ нашихъ славянскихъ памятникахъ и утраченныхъ въ Великорусскомъ языкѣ. Поэтому многія мѣста въ Словѣ о П. Иг. очень легко объясняются изъ языка Малороссійскаго (стр. 93). Кто сроднился съ духомъ пѣсенъ и думъ украинскихъ и вдумывался въ красоты Слова о П. Иг., тому не покажется страннымъ, если сказать, что въ нихъ есть однородство поэтическихъ характеровъ, что Слово о П. Иг. есть начало южнорусской поэзіи, которая потомъ звучала и звучитъ еще въ думахъ бандуристовъ и во многихъ пѣсняхъ украинскихъ, и что пѣснь Ярославны есть, такъ сказать, тема, которая распѣвается въ дышащихъ любовію женскихъ пѣсняхъ украинскихъ (стр. 94). Послѣ общихъ замѣчаній о языкѣ Максимовичъ переходитъ къ разбору примѣчаній Вельтмана. Изъ нихъ беретъ тѣ слова, которыя, помимо Сербскаго языка, могутъ быть объяснены Малорусскимъ, напр. цвѣлить, стрикусы, туга; статью Максимовичъ заключаетъ сожалѣніемъ о потерѣ трудовъ Тимковскаго, относившихся къ Слову (стр. 96).

Полевой въ своей статьѣ, напечатанной въ Моск. Тел. (1833 г. часть 5-я, стр. 419—442). а послѣ перепечатанной въ Очеркахъ русской литературы (Полеваго, 1839 г. т. 2, 132—150), сначала развиваетъ подробнѣе свое мнѣніе о неподдѣльности Слова, высказанное въ 2 т. его исторіи и о слѣдахъ другихъ древнихъ пѣснопѣній (см.

Ист. Рус. нар. т. 2, стр. 261—262). Слѣды другихъ подобныхъ поэмъ онъ указываетъ въ словахъ Митуси, въ сказаніи о Задонской битвѣ (стр. 424). Слѣды поэтическихъ разсказовъ онъ находитъ во многихъ лѣтописныхъ описаніяхъ до XIII в. напр: въ описаніи смерти Аскольда и Дира, похода Олега къ Царьгороду, смерти Олега и въ другихъ разсказахъ о первыхъ князьяхъ. Въ этихъ разсказахъ онъ находитъ полное сходство съ сагами (425). Характеръ ихъ, по его словамъ, какое-то добродушное, свирѣпое удальство, совершенное удаленіе отъ восточнаго многоглаголанія и витіеватости схоластической, простота образовъ, жаръ души, сила слова, повтореніе одного и тогоже, повтореніе извѣстныхъ нѣсколькихъ выраженій, какъ будто пословицъ и поговорокъ. Со введеніемъ христіанской вѣры миѳическо-героическая поэзія Руссовъ казалась неумѣстной. Ее изгоняли вовсе, почитая язычествомъ или она должна была облекаться въ формы христіанства: вотъ періодъ Слова о полку Игоревомъ. Тутъ являются Хорсъ, Даждьбогъ и Пирогощая Богоматерь; герои христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы, они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ, море смерчами идетъ на нихъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе русскія саги принимали схоластическую и религіозную форму. Поэзія переходила въ религіозно-героическій характеръ и прозаическую форму. Рядъ поэмъ продолжался непрерывно, напр. походъ Мстислава Удалаго на Суздаль, сказаніе о житіи Александра Невскаго, Сказаніе о Задонской битвѣ (426—428). Но послѣднее есть образецъ совершеннаго упадка поэтическихъ разсказовъ, перешедшихъ въ прозу. Въ то время, какъ поэзію гнали изъ княжескихъ чертоговъ и боярскихъ теремовъ, она укрылась въ хижины и шалаши въ видѣ былинъ, сказокъ и пѣсенъ (стр. 429—430). Языкъ, на какомъ писано Слово, есть языкъ Русскій, юга русскаго, коимъ говорили въ XII в. въ Кіевѣ, Черниговѣ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Олеговичей. Но онъ возведенъ въ Словѣ въ ту

поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣснѣ (стр. 432). Слово о. П. Иг. писано метромъ, изъ коего образовались потомъ метръ былинъ и метръ пѣсенъ (433.). Сказавши нѣсколько словъ о сомнѣвающихся и несомнѣвающихся въ подлинности рукописи и укоривши тѣхъ и другихъ въ малодоказательности ихъ сужденій, Полевой переходитъ къ разсмотрѣнію изданія Вельтмана (434—436). Рѣшеніе вопроса о языкѣ Слова Полевой находитъ недостаточнымъ, а переложеніе текста на современный языкъ мѣрною прозою хорошимъ, исключая нѣкоторыхъ изысканностей (стр. 437—438). Разбирая примѣчанія, Полевой даетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ свои объясненія. Новы его объясненія о Троянѣ; зная, что Владиміра называютъ въ одномъ древнемъ русскомъ памятникѣ Трояномъ, говоритъ, не должно ли скорѣе искать тропу Трояна и вѣци Трояни на Руси и у Половцевъ? (438). Кромѣ всего этого Полевой предложилъ нѣсколько поправокъ въ текстѣ. Изъ нихъ одна — горѣ вм. горъ—въ пѣсни Ярославны принята всѣми; другія поправки, если не имѣютъ основательности, все-таки повторяются у послѣдующихъ толкователей.

Въ 1834 г. литература о Словѣ началась съ мнѣній о немъ Глаголева, высказанныхъ въ Умозрительныхъ и опытныхъ основаніяхъ словесности (1834 ч. 4., стр. 17 —25). Онъ признаетъ его драгоцѣннымъ памятникомъ древней русской поэзіи и высказываетъ свой взглядъ на языкъ, слогъ и правописаніе его. Предположеніе нѣкоторыхъ прежнихъ толкователей, что пѣснь написана въ Малороссіи и на нарѣчіи, ближе подходящемъ къ Польскому, нежели къ остальнымъ Славянскимъ, находитъ неосновательнымъ (§ 17). Для отысканія ключа къ языку и нарѣчію древняго памятника, говоритъ онъ, недостаточно однихъ реченій и формъ, нужно еще углубляться въ духъ памятника, во внутреннія его качества (§ 18). Отличительныя черты его тѣ же, что и въ народномъ Русскомъ язы-

кѣ. Онѣ суть: 1, постоянные эпитеты, 2, сравненія, особенно въ творит. падежѣ, 3, символика, 4, сравненія отрицательныя безъ поправленія (не буря соколи занесе чрезъ поля широкая, галици стади бѣжать къ Дону), 5, сравненіе изъ русской природы, 6, изображеніе сраженія въ образѣ брачнаго пира, 7, оттѣнки русскихъ нравовъ, обычаевъ, и суевѣрій (§ 19). Самыя формы ея въ Русскомъ яз. не новыя; наприм. окончаніе 3 л. н. вр. на *ть* употребляется нетолько въ Малороссіи, но и въ губ. Ярославской и Тульской (§ 20).

Почеркъ, по свидѣтельству Калайдовича, бѣлорусскій, а, по свидѣтельству Ермолаева, полууставъ XV в. Правописаніе согласно съ лѣтописями. Итакъ несправедливо было бы по нѣсколькимъ словамъ и оборотамъ заключить о сходствѣ самаго стиля пѣсни съ нарѣчіемъ Польскимъ, тѣмъ болѣе, что въ ней встрѣчаются нѣкоторыя выраженія, употребляемыя въ древнихъ памятникахъ Богемскихъ. Вѣроятно, такіе обороты оставались еще отъ древней славянской поэзіи и принадлежали равно всѣмъ нарѣчіямъ (§ 21).

Въ томъ же 1834 г. высказаны были мнѣнія Строевымъ, Каченовскимъ, Бѣликовымъ, Давыдовымъ, Сенковскимъ, Пушкинымъ, Вутковымъ и Руссовымъ.

Строевъ напечаталъ „Указатель матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и проч.; въ § 14 этого указателя онъ выразился о Словѣ: „Слово о П. Иг. и Слово Данила Заточника проблеммы Русской словесности XII в.“ (Ж. М. Н. Пр. 1834 г. 1. стр. 155). Этою замѣткою Строева открылся рядъ статей скептиковъ, которые выражали недовѣріе къ подлинности Слова. Во главѣ этой скептической школы стоялъ Каченовскій, профессоръ Московскаго университета, который перенесъ споры изъ области эстетики въ область исторіи и имѣлъ огромное вліяніе на своихъ слушателей.

Доводы Каченовскаго противъ подлинности Слова не дошли до насъ непосредственно отъ него самаго. Большая часть ихъ вошла въ нашу литературу чрезъ учениковъ его, особенно Бѣликова.*) Бѣликовъ въ своихъ статьяхъ привелъ нѣсколько подлинныхъ замѣчаній Каченовскаго. Вотъ эти замѣчанія: 1, хочу копіе преломити—фраза—рыцарская 2, чили—слово польское, новѣе XIV в.; 3, Велесовъ внукъ... изъ св. Власія невѣжды сдѣлали небывалаго бога Волоса, или Велеса; 4, туръ—дикій баранъ горъ Кавказскихъ; 5, оксамитъ—шелковая матерія, польское слово греческаго происхожденія; но шелководствомъ начали заниматься въ Венеціи только съ XIV в.; 6, свычая и обычая —слова польскія, новыя; 7, давеча—украдено изъ велико-русскаго просторѣчія новѣйшаго; 8, ногаты—принадлежность сѣвера, а не юга; 9, нѣкоторыя необыкновенныя формы глаголовъ заимствованы изъ Новгородской лѣтописи: учашеть, бяшеть и т. п.

Бѣликовъ свои статьи напечаталъ подъ заглавіемъ: „Нѣкоторыя изслѣдованія о Словѣ о П. Иг." (Уч. Зап. Моск. Унив. 1834 г., ч. 5, стр. 295—308, 449—490). Слово, по его мнѣнію, остается загадкою, потому что не было предметомъ строгаго и безпристрастнаго разбора. Изслѣдователи болѣе восхищались имъ, чѣмъ занимались изслѣдованіемъ (295). Недоразумѣнія касательно подлинности являются отъ слѣдующихъ причинъ: 1, Пѣвецъ совершенно неизвѣстенъ; 2, древнихъ варіантовъ не открыто; 3, постороннихъ свидѣтельствъ не находимъ; 4, неизвѣстно, какимъ образомъ произведеніе XII в. перешло къ XIX; 5, въ древ-

*) Сохранилось свидѣтельство тогдашняго слушателя Каченовскаго, который разсказывалъ Майкову, что Каченовскій въ присутствіи Уварова и Пушкина сталъ уничтожать въ своей лекціи Слово (Майковъ № 1 Зари 1870 г. стр. 106). У этого слушателя удержался взглядъ на Слово до 1870 года, вѣроятно, внушенный Каченовскимъ. что «противъ подлинности Слова говоритъ одинъ аргументъ посильнѣе всѣхъ доказательствъ защитниковъ, это—то уединенное мѣсто, которое оно занимаетъ во всей нашей древней литературѣ Кіевской Руси» (Майк. № 1 Зари. 1870 г. стр. 83).

нихъ памятникахъ о немъ мертвое молчаніе; 6, имъ не воспользовались лѣтописи; 7, пѣвецъ XII в. не могъ говорить ни на какомъ состарѣвшемся языкѣ; писатель XV или XVI в., намѣреваясь оживить словесное преданіе, дошедшее до него подъ одеждой современнаго ему языка или даже иностраннаго, могъ желать написать это преданіе языкомъ старымъ (стр. 297—299. Здѣсь авторъ развиваетъ только прежнее мнѣніе, высказанное митр. Евгеніемъ); 8, логика слаба, много непонятныхъ отступленій,—это можетъ быть слѣдствіе вставокъ и компиляцій изъ разныхъ историческихъ преданій (303); 9, оно не можетъ дать понятія ни о духѣ того времени, ни о жизни Руси XII в, потому что въ немъ есть анахронизмы,—напр. упоминаются леопарды (304). Въ эстетическомъ отношеніи оно возвышается надъ всѣми древними славянскими произведеніями (305). Слогъ пѣсни ниже и грубѣе слога нашихъ древнихъ монашескихъ писаній, а выше и чище слога иныхъ грамотъ; намъ сдается, что онъ больше подходитъ къ слогу нашихъ сказокъ (307). Въ историко-филологическомъ отношеніи—матеріалъ языка Слова о П. Иг. принадлежитъ большею частію къ нашему древнему церковному языку. Одни слова вышли теперь изъ употребленія, другія живутъ (449), есть не много словъ новыхъ, которыя должны возбудить сомнѣніе въ подлинности Слова, каковы: оксамиты, салтаны, сабля, телѣга, кровать тесова, дорога, нынѣшній, давеча (451—452). Въ статистическомъ отношеніи Слово представляетъ смѣсь разныхъ языковъ. Большая часть принадлежитъ Великорусскому языку, но есть южнорусскія слова (болонье), много польскихъ: (зегзица), сербскихъ (стрикусы) и татарскихъ (харалугъ, куръ). Здѣсь тоже раждается сомнѣніе въ подлинности: слѣдовало бы ожидать преобладанія Малорусскаго языка, если, дѣйствительно, Слово написано въ Малороссіи, а выходитъ на оборотъ, преобладаетъ языкъ Великорусскій (452). Въ формахъ замѣчаемъ смѣсь говоровъ и нарѣчій: ы смѣши-

вается съ *и*, полногласныя формы съ неполногласными. Сочетаніе согласныхъ обличаетъ пѣвца малорусскаго: гортанные сочетаются съ грубыми ы, а шипящіе съ двугласными: (скачютъ) (453); прилагательныя имѣютъ и полную форму—позднѣйшую и краткую—древнѣйшую; прошедшее время оканчивается и на лъ и на хъ, дѣепричастіе уже установилось, а не склоняется какъ въ древности (454). Вообще грамматика большею частію великороссійская, исключая словосочиненіе, которое въ иныхъ мѣстахъ совершенно не русское, а потому пѣвецъ представляется переводчикомъ, который не понялъ подлинника, наставилъ русскія слова кое-какъ, по словотеченію иностранному (455). Статья заканчивается драгоцѣнными замѣчаніями профессора Каченовскаго (см. выше) и слѣдующими соображеніями о происхожденіи Слова и авторѣ его: „Пѣснь Игоря не дошла до насъ въ своей первобытной чистотѣ; она чрезъ нѣсколько вѣковъ уже писана пѣвцомъ съ словеснаго преданія, сохранившагося въ сказкѣ, или въ пѣсни, или переложена съ иностраннаго языка. Въ XVI в., когда книгопечатаніе породило въ русскихъ чрезвычайную охоту къ чтенію, нашелся любитель изящнаго, которому понравилась сказка, или пѣсня объ Игорѣ; онъ рѣшился записать ее, и какъ былъ хорошій начетчикъ старыхъ книгъ, вздумалъ изложить оную языкомъ XII в., старыми словами, притомъ языкомъ сочинителя, который, по его мнѣнію, былъ южный русинъ. Это намѣреніе заставило его искать старинныхъ формъ языка, словъ южнаго нарѣчія и почерпать по невѣдѣнію слова изъ Польскаго и Сербскаго языковъ. Безъ сомнѣнія, чрезъ это онъ исказилъ прекрасную пѣснь Игоря, но ему это казалось лѣпымъ. Вѣроятно также, что его же усердіемъ вставлены отступленія о междоусобіяхъ князей, заимствованныя имъ изъ другихъ преданій; можетъ статься, что списатель Слова о Полку Игоревѣ и не былъ его слагателемъ, а только переводчикомъ. Въ XII ст., какъ извѣстно, приходили къ нашимъ князь-

ямъ Норманны, Греки; неудивительно, что изъ сихъ пришельцевъ кто либо, обрусѣвъ, записалъ или воспѣлъ на своемъ языкѣ походъ Игоря, и эти записки дошли до граматниковъ XVI в., которые переложили ее старинныиъ Русскимъ языкомъ, подражая древнѣйшимъ нашимъ писателямъ; но не понимая хорошо подлинника, переводили буквально, пособляя своему неумѣнію словами изъ разныхъ языковъ (459—460).

Давыдовъ въ статьяхъ своихъ „Составныя начала и направленіе древней отечественной словесности" (Уч. зап. Моск. Унив. 1834 г., ч. III, стр. съ 281—307, 490—519.) милоходомъ коснулся и Слова. По его мнѣнію, Слово несходно съ рапсодіями, а похоже на саги Исландскія (298). Изложивши содержаніе Слова, Давыдовъ говоритъ: „до сихъ поръ есть вѣроятность въ разсужденіи нашей поэмы, но филологическая критика, прежде нежели приступить къ эстетическому разбору писателя, испытываетъ достовѣрность его языка (299). Предложимъ нѣкоторыя изъ ея условій. Если встрѣчается сочиненіе, о которомъ не говорятъ писатели послѣдующихъ вѣковъ, то достовѣрность онаго почитается сомнительною,—Слово дошло до нихъ въ одной рукописи. Не приступая къ объясненію или преложенію сочиненія, критикъ старается вывести надлежащій смыслъ, исправляетъ ошибки перепищика, знаки препинанія, смѣшанные слоги и слитныя цѣлыя реченія; на это доселѣ не было обращено вниманія (стр. 300). Далѣе онъ повторяетъ мнѣніе Бѣликова о смѣшеніи формъ краткихъ и полныхъ и о неумѣстности дѣепричастія въ Словѣ, какъ въ древнемъ памятникѣ (301). О Словѣ говорятъ, что оно писано на смѣси всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Но кто могъ говорить разными нарѣчіями? (302) Затѣмъ въ Словѣ встрѣчаются понятія, несвойственныя вѣку—драгія оксамиты. Эти указанія достаточны, чтобы родилось сомнѣніе въ подлинности Слова. Вмѣсто переводовъ и преложеній будемъ ожидать филологическаго оной разбора" (стр. 302).

По поводу книги Глаголева издатель Библіотеки для Чтенія, Сенковскій помѣстилъ въ своемъ журналѣ небольшую статейку (Биб. для Чт. 1834 г., кн. 4, стр. 5—7). Въ ней онъ, говоря о русской филологіи, замѣчаетъ, что она еще находится въ ребячествѣ,—она требуетъ слишкомъ твердаго знанія во 1-хъ, Польскаго языка и его словесности такъ называемыхъ вѣковъ Сигизмундовыхъ, во-вторыхъ, языковъ Моравскаго, Сербскаго, Болгарскаго и Малороссійскато и въ особенности кореннаго Бѣлорусскаго нарѣчія, изъ котораго собственно возникъ Великороссійскій языкъ. Авторъ въ своемъ разсужденіи, не приложивъ духа анализа къ Слову о П. Игор., которое слишкомъ опрометчиво причислено къ источникамъ Русскаго языка, не принялъ на себя труда сравнить его критически съ Гаэлицкою поэзіею почтеннаго Макферсона. Надъ Словомъ носится въ нашемъ умѣ сильное подозрѣніе въ мистификаціи: оно крѣпко пахнетъ Оссіаномъ, его фразы словно выкроены по Макферсоновымъ, его обороты и выраженія большею частію принадлежатъ къ слогу XVIII в.; многія прилагательныя въ новѣйшей польской поэзіи, особенно слово вѣщій въ смыслѣ „поэтическій," весьма поздно созданное для выраженія латинскаго Vates въ переводахъ Горація и Виргилія, быстрая Каяла, серебряныя сѣдины, прилетаніе мыслію издалеча и подоб. выраженія совершенно неизвѣстны среднимъ вѣкамъ и явно заимствованы изъ новаго поэтическаго языка Европейцевъ; наконецъ симметрическія повторенія въ періодѣ нарѣчій—уже, тутъ, изысканное сочетаніе междометія „о" съ неопредѣлен. наклоненіемъ и т. д. напоминаютъ уроки Цицерона и Квинтиліана, а частое употребленіе мѣстоименія „свои," столь рѣдкаго въ старинныхъ слав. писаніяхъ, показываетъ въ сочинителѣ человѣка, напитаннаго Французскимъ языкомъ. Есть даже галицизмы напр. „кричатъ телѣги полунощныя: тутъ и глаголъ и прилагательное не старѣе насъ лѣтами. Самое открытіе Слова въ эпоху энтузіазма, возбужденнаго Оссіа-

номъ, и совершенное отсутствіе всякихъ другихъ списковъ, уже должны были привести осторожнаго критика въ сомнѣніе.

Статьи скептиковъ вызвали рядъ статей въ защиту подлинности Слова. Прежде всего безпощадное отрицаніе подлинности Слова затронуло Пушкина, который своимъ поэтическимъ чутьемъ понималъ невозможность такой поддѣлки. Онъ въ 1834 г. началъ писать свои замѣчанія о Словѣ, но не окончилъ. Видно, другія болѣе спѣшныя работы отвлекли его отъ занятія Словомъ, если принять во вниманіе его работы по собиранію матеріаловъ для исторіи Петра и по изданію Современника, надъ которымъ его застигла и смерть. Анненковъ (Соч. Пушк. 1855 г. т. 1, стр. 478 и Мат. для біогр. Пушкина 1873 г , стр. 467.) предполагаетъ, что замѣчанія его написаны по поводу переложенія Слова Вельтманомъ въ 1833 г. и только приписку въ концѣ признаетъ вызванною статьей въ Библіотекѣ для Чтенія (Анненковъ. т. 1, стр. 487.) Но первое предположеніе произвольно и основано только, какъ видно, на томъ, что въ замѣчаніяхъ приводятся мнѣнія Вельтмана. А. Майковъ въ своей статьѣ о Словѣ (Заря 1870 г. № 1, стр. 105—106) говоритъ: „сказывалъ мнѣ очевидецъ, тогдашній студентъ, что когда Каченовскій читалъ лекцію о Словѣ, графъ Уваровъ привелъ на лекцію Пушкина. Вотъ, господа, сказалъ Уваровъ студентамъ, указывая на Каченовскаго, вотъ передъ вами наука, а вотъ, указывая на Пушкина, само искусство! Каченовскій сталъ читать лекцію о Словѣ и уничтожать его. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своими стихами, не выдержалъ и пустился защищать. Но защита, должно быть, была слаба, говоритъ Майковъ. Это обстоятельство, вѣроятно, и вызвало Пушкина на замѣчанія.

Сказавши нѣсколько словъ о переводахъ Слова, о скептикахъ и очевидцахъ сгорѣвшей рукописи, Пушкинъ приступилъ къ замѣчаніямъ, которыя кончаются на объ-

ясненіи словъ—кмети подъ трубами повити. Засимъ сдѣлана приписка карандашемъ, въ которой онъ возражаетъ на мнѣніе издателя Библ. д. Чтен. Вотъ она: „подлинность самой пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ XVIII в. могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Прочіе не имѣли всѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому бы пришло въ голову взять предметомъ пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ Слав. нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало-бы знаніе всѣхъ нарѣчій Славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ—неужто такая смѣсь естественна!.....

Замѣчанія Пушкина почти не дали ничего новаго для разъясненія вопросовъ о Словѣ. Это зависѣло оттого, что они не окончены, не отдѣланы и составляютъ черновыя наброски. Но и по нимъ можно судить, что Пушкинъ былъ въ состояніи написать дѣльныя замѣчанія. Изъ нихъ видно, что онъ при объясненіи хотѣлъ руководствоваться русской народной поэзіей и сербскими пѣснями. То и другое онъ зналъ и понималъ хорошо. *)

Уже въ Русланѣ и Людмилѣ онъ вноситъ элементы народной поэзіи (Анненк. т. I, стр. 64–65). Внесеніе его увеличивается въ послѣдующихъ произведеніяхъ, по мѣрѣ большаго знакомства съ народной поэзіей (Анненк. т. I, стр. 119–122). Кромѣ слышаннаго отъ Арины Родіоновны, онъ самъ собиралъ народныя пѣсни, составилъ сборникъ ихъ и подражалъ имъ (Ан. т. I, стр. 151—156), изучилъ Русскій языкъ не только по устной народной рѣчи, но и по старой литературѣ (Ан. т. I, стр. 254—256). Изучая отечественную словесность, онъ сдѣлалъ много намѣтокъ, въ которыхъ опредѣлялъ, въ чемъ состоитъ народность поэта и какое значеніе имѣетъ Слово о Пол. Иг. въ древней литературѣ, которая, за исключеніемъ его, представляется ему почти степью (Ан. т. 1, стр. 262—263), Изъ этихъ намѣтокъ видно, что онъ признавалъ Слово произ-

Бутковъ напечаталъ статью „О войнѣ В. К. Святополка съ Половецкимъ княземъ Тугорканомъ въ 1096 г. (С. От. 1834 г., № 52, стр. 616—630). Главная цѣль этой статьи доказать, что сраженіе Святополка съ Тугорканомъ произошло не у Переяславля на Трубежѣ, какъ въ лѣтописяхъ, а на Каялѣ. Каялою онъ считаетъ (стр. 623) Калміюсъ. Выраженіе въ Сл. о Пол. Иг.—съ тояже Каялы Святополкъ повелѣ я отца своего... ко Святой Софіи Кыеву—онъ пріурочиваетъ именно къ войнѣ Святополка съ Тугорканомъ, не замѣчая того, что не кстати бы нехристя везти къ Святой Софіи и что лучше бы похоронить Тугоркана въ его землѣ, чтобы отдать ему честь („съ честію" говорится въ лѣтописи), чѣмъ для этого вывозить въ чужую за 570 верстъ Топографія Игорева похода вѣроятнѣе представлена у Буткова, чѣмъ у Арцыбашева. Въ примѣчаніяхъ къ статьѣ Бутковъ повторяетъ прежнія свои замѣчанія на Слово, упрекаетъ автора статьи Уч. Зап. М. Унив. (1834 г., ч. 1) въ незнаніи лѣтописныхъ пардусовъ и оксамитъ, которые упоминаются подъ годами 1147, 1159 и 1169, тура, встрѣчаемаго въ Поученіи Мономаха (пр. 6 119.).

С. Руссовъ издалъ книжку подъ заглавіемъ—о подлинности древняго русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ Слово о Полку Игоревѣ (1834). Она состоитъ изъ трехъ главъ. Первая глава исключительно направлена противъ мнѣній Сенковскаго, высказанныхъ имъ въ Библ. для Чт. (см. выше); 2-я глава написана противъ статьи, напечатаной въ Учен. Зап. М. У. (№№ 2 и 3); въ 3-й главѣ говорится о трудности поддѣлки Русскихъ старинныхъ памятниковъ.

веденіемъ народнымъ въ полномъ смыслѣ, болѣе народнымъ, чѣмъ сказки и пѣсни, постоянно подновляемыя, сохранившія полуисторическія черты народности (262—263). Знаніе Сербскаго языка у Пушкина видно изъ прекраснаго перевода его Сербскихъ пѣсенъ (Ан. стр. 373—380 т. 1).

На всѣ мнѣнія какъ Сенковскаго, такъ и автора статьи въ ученыхъ запискахъ—Бѣликова Руссовъ представилъ свои возраженія. Хотя они слабы, даже ничтожны и не внесли ничего новаго для разъясненія Слова; но въ общей своей совокупности, какъ статья популярная, они частію могли достигнуть своей цѣли—поколебать нѣсколько вѣру въ несомнѣнность доводовъ Сенковскаго и Бѣликова, особенно при такомъ заключеніи: „по сознанію критиковъ, Слово превосходно и можетъ дать автору почетное мѣсто между литераторами XVIII в., но онъ отказывается отъ сей чести, принимаетъ названіе поддѣлыцика и покупаетъ это очень не дешево: онъ изучаетъ 6 языковъ, или нарѣчій, изучаетъ археологію всей Европы, собираетъ по разнымъ частямъ Россіи и по разнымъ монастырямъ семь древнихъ памятниковъ словесности и, исписывая ими около тысячи страницъ, почеркомъ XV или XVI ст., помѣщаетъ среди ихъ собственное сочиненіе. Этого мало, авторъ для сборника своего отыскиваетъ потребное количество лощеной бумаги XV или XVI ст., что едва ли можно пріобрѣсти сотнею тысячъ рублей" (стр. 26).

Слабая доказательствами статья Руссова вызвала рецензію, въ которой выставлены были на видъ болѣе всего несостоятельныя сужденія или слишкомъ поверхностное отношеніе къ дѣлу защитника Слова. Рецензія на книжку Руссова напечатана въ Сѣвер. Пчелѣ съ подписью Скромненко (Сѣв. Пч. 1834 г. № 294, стр. 1269 1272). Авторъ говоритъ здѣсь, что безспорно, мнѣніе г. Сенковскаго, будто Слово о Пол. Иг. есть поддѣлка XVIII в., не справедливо, а возраженія противъ древности этого Слова большею частію слабы и не заслуживаютъ особаго вниманія; но опроверженія Руссова столь ничтожны, что не могутъ устоять противъ самой ничтожной критики. Напр. 1., На мнѣніе Сенковскаго, что рус. филологія еще теперь въ ребячествѣ, Руссовъ отвѣчаетъ, что она началась съ принятія христіанства при переводѣ книгъ Св. Писанія. Поэтому

нужно признать и отагитскую филологію? 2, Руссовъ утверждаетъ, что Польскій языкъ намъ вовсе ненуженъ; равно и 3., Моравскій, Сербскій, Болгарскій, Малороссійскій и Бѣлорусскій—пусть изучаютъ, у кого есть досугъ и охота... 4, Ему представлялся случай сравнить Слово съ поэмою Макферсона и доказать, что Слово не поддѣлка XVIII в, но вмѣсто этого Руссовъ придрался къ мелочамъ и миновалъ вовсе эту задачу. 5, Ему слѣдовало бы сравнить Слово съ поэмою Оссіана и показать несходство, но онъ замѣтилъ только, что у Оссіана всѣ лица вымышлены. 6, Что обороты и выраженія большею частію относятся къ слогу XVIII в.—это Руссовъ объясняетъ тѣмъ, что авторъ былъ геній, а первое свойство генія опередить свой вѣкъ. Такъ же слабы и возраженія противъ Бѣликова; напр. старый языкъ —это тотъ, которымъ говорили Варяги, пришедшіе съ Рюрикомъ; вѣкъ Трояновъ —это вѣкъ Карла Великаго. Статья кончается сожалѣніемъ, что Руссовъ не опровергнулъ такъ дѣльно своихъ противниковъ по Слову, какъ онъ въ 3-й главѣ мастерски умѣлъ вывести на свѣжую воду поддѣлку записокъ о дѣлахъ московскихъ Гримовскаго.

А. Смирновъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЕ АФОРИЗМЫ.

II.

(Продолженіе.)

Забубенный. Мы считаемъ это слово искаженіемъ малоупотребительнаго нынѣ прилаг. забобонный, означающаго: 1) нелѣпый, 2) распущенный, буйный. Забобонный же происходитъ отъ древне-слав. сущ. забобони (мн. ч.), означавшаго суевѣріе. Ср. поль. zabobony съ тѣмъ же значеніемъ. Первообразную же форму этого сущ. должно искать въ др.-слав. сущ. бабоуни, означавшемъ, между прочимъ, суевѣріе. Эти слова справедливо сближаетъ между собою Миклошичъ. Бабоуни же, безъ всякаго сомнѣнія, произведено отъ баба и первоначально, вѣроятно, означало: бабьи сказки. Изъ всего вышесказаннаго видно, что въ прилагат. забобонный первоначальнымъ значеніемъ долженствовало быть суевѣрный, какъ это и доселѣ мы видимъ въ польскомъ zabobonny. Но такъ какъ всякое суевѣріе нелѣпо, то, по сходству этихъ понятій, забобонный стало употребляться и въ смыслѣ: нелѣпый. Всякая же нелѣпость есть вмѣстѣ и глупость, безразсудство, каковое качество выражалось въ древнеслав. языкѣ прилагат. буй, буя, буе. Въ Русскомъ же языкѣ послѣднее слово, потерявъ первоначальное

свое значеніе:—глупый, безразсудный, въ удлиненной формѣ буйный, приняло значеніе безпокойный. Такимъ же образомъ и уподобленное ему прилагат. забобонный стало употребляться и въ послѣднемъ смыслѣ; искаженная же его форма: забубенный удержала за собою исключительно значеніе: буйный.

Вѣче, по нашему мнѣнію, одного корня съ глаголомъ вѣщать, потому что означаетъ первоначально собраніе народа для сужденія и совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ, и затѣмъ уже самое мѣсто собранія. И латинское forum, кажется намъ, состоитъ въ связи съ глаголомъ fari, говорить.

Витія, витійство, витійствовать, суть искаженныя въ начертаніи формы вмѣсто древнѣйшихъ: вѣтія, вѣтійство, вѣтійствовать, отъ того же глагола вѣщать, или лучше сказать, его корня: вѣт.

Навѣтъ, отъ того же корня, значитъ: наговоръ.

Навѣщать, навѣстить, напротивъ того, происходитъ отъ корня вѣд, откуда и вѣсть, извѣстіе, навѣдываться и т. под.

Восторгъ, восторгаться, восторженный происходятъ отъ др.-слав. глагола тръгати, тръгнѫти, входящаго въ составъ многихъ предложныхъ глаголовъ, исторгать—нуть, отторгать—нуть и т. под. Глаголъ этотъ сохранился въ Польскомъ языкѣ, въ видѣ targać, означающемъ рвать, тягать взадъ и впередъ, поэтому-то восторгъ и означаетъ такое состояніе человѣка, когда невѣдомая сила тянетъ его къ высшему міру, заставляя забывать о земномъ; собственно, возноситься мыслію въ пріятномъ состояніи или радости.

Восхищаться—титься, восхищеніе имѣютъ тоже значеніе, будучи сложены изъ предл. воз и цслав. глагола хыштати, хытити; корень хыт, который входитъ въ составъ сложныхъ похищать—тить и т. под. въ значеніи: тянуть къ себѣ, присвоивать силою.

Ухитить, напротивъ того, мы сближаемъ съ происходящимъ отъ того же корня цслав. прилаг. хытрый (искуственный, искусный). Что это такъ, доказываетъ оборотъ: какъ у него все ухижено и улажено! (т. е. искусно, ловко придумано).

Хижина, дрслав. хыжина, хызина, происходитъ отъ стариннаго сущ. хыжа, хыза, хызъ (м. р.) домъ. Ср. нѣм. Hütte, франц. hutte.

Ковъ, коварный, коварство, кознь, козндѣй. мы сближаемъ съ глаголомъ ковать. Серб. коваран, коварный, хитрый. Замѣчательно, что въ древнеслав. Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, говоря о проискахъ, интригахъ, всегда употребляется этотъ глаголъ. Ср. не куи на свой дроугъ зъла, 1271 г. Притч. III, 29. У Хомякова: куетъ безсильныя крамолы и т. д.; нѣм. Ränkeschmieden, Ränkeschmied.

Торжество, торжественный, торжествовать. Слова эти происходятъ отъ сущ. торгъ, въ смыслѣ торговой площади, такъ какъ встарину всѣ важныя общественныя дѣйствія совершались всенародно на городской площади, служившей въ то же время и торжищемъ. Торговая казнь, потому что совершалась на торгу, т. е. на торговой площади.

Прачка отъ дрслав. прати, въ значеніи мыть. Ср. польск. prać, мыть (бѣлье). серб. прање, мытье.

Убогій—одного корня съ богатый, съ лиши-

тельною частицею у; стало быть, первоначально бѣдный, ср. польское niebogа, латышск. nabags, литовск. ubagas, серб. убог, бѣдный жалкій, убога, нищая.

Прочій отъ сущ. прокъ, первоначально остатокъ. Серб. прочи, другой, прочій; прочить, сберегать, оставлять на другое время.

Портянка, кусокъ холста, тряпка, отъ портъ прътъ, лохмотье одежды: ветхи порты, у пророка Іереміи, 38, 11: veteres panni, старое лохмотье, обноски. Пртиште по-сербски: холстина, lintea у Кроатовъ и Словенцевъ pert—скатерть, салфетка, оттуда прилаг. perten. Въ древнерусскомъ языкѣ слово портъ принимаетъ значеніе не только холщеваго бѣлья, но и одежды вообще. Оттуда и портной. Ср. также портомойный плотъ.

Зодчій отъ здати, строить, а послѣднее отъ зидъ, зьдъ. серб. зид, murus, стѣна. Ср. яко птица, особящаяся на здѣ (т. е. на стѣнѣ). См. Миклошича, Lexicon palaeoslov.—graec.—latinum, pag. 225 и 224, и Востокова, словарь I, стр. 258.

Сажень—отъ корня сяг (до-сягать); ср. польское sąg и sążeń, сажень.

Нюхать отъ жхати, юхати, втягивать въ себя съ воздухомъ пахучее что либо (благо—ухать); ср. польское wąchać, обонять.

Нора отъ нырять—нырнуть.

Сгорѣть до тла. Сущ тло, сохранившееся въ областномъ Русскомъ и Польскомъ языкѣ, значитъ основаніе. Ср. цслав. тло и серб. тло, тла, земля, полъ въ домѣ. См. Миклошича Lexicon pag. 992, а также Востокова, Словарь II, стр. 456 и 474, причемъ послѣдній приводитъ его только во множ. числѣ: тла, тъла.

Кутъ, кутокъ, древнеслав. кѫтъ, польское

kąt, серб. кут, уголъ

Шершавый отъ шерсть.

Вафля, или Waffel, Waffelkuchen.

Кашель, кашлять, древнеслав. кашьль, кашляти. Ср греч. καχλάζω, плескать, журчать.

Канитель отъ нѣм. die Cantillen. родъ металлической нити (шитье канителью); въ област. говорѣ (въ переносномъ значеніи) канитель,— запутанное дѣло, проволочка.

Канифоль, отъ colophonium.

Канфорка, отъ заимствованнаго изъ Англійскаго языка нѣм. сущ. Comfort, въ значеніи лампы для кипяченія.

Необинуясь. Употребляемая въ этомъ выраженіи глагольная форма есть дѣепричастіе наст. вр. отъ црслав. глагола обинутисѧ (вмѣсто: об – вин҄ѫтися, который означаетъ: бояться, страшиться, но первоначально означалъ извиваться, уклоняться; поэтому, необинуясь значитъ: не извиваясь, не кривя душой, прямодушно, безъ всякой хитрости, не уклоняясь Ср. нѣм. unumwunden и польское obwinąć, obwijać, высказывать косвенно. Сюда же относятся реченія: говорить обиняками, безъ обиняковъ.

Верига происходитъ отъ цслав. връвь, вервь, веревка. серб. верига, цѣпь.

Стамна. Встрѣчающееся въ пѣснопѣніяхъ нашей церкви слово это есть древнеслав. стаменъ или стамьна, греч. σταμνος, глиняный сосудъ, кружка для вина.—Въ смыслѣ сосуда же употребляется также въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ и слав. ручка: божественная ручко манны (о Пресвятой Богородицѣ.)

Вретище, мѣшокъ, серб. врећа мѣшокъ. Ср. польское wór, мѣшокъ

Лѣпый, лѣпота, по нашему мнѣнію, одно-

го корня съ латинск. lepidus, lepor или lepos.

Теплый одного корня съ лат. tepidus.

Фуражка отъ стариннаго нѣм. Fouragier—Mutze; ср. польское furažerka, солдатская шапка.

Франтъ есть польское frant, продувной малый, хватъ.

Щеголь есть польское szczygiel, означающее: 1) щеголъ, щегленокъ; 2) продувной малый, хватъ, замысловатый человѣкъ. Замѣчательно, что слова франтъ и щеголь въ Русск. язык. утратили заключающееся въ польскихъ выраженіяхъ представленіе о хитрости и усвоили себѣ исключительное значеніе замысловатости въ одеждѣ.

Товаръ, товарищъ. Слова эти, очевидно находятся въ близкомъ родствѣ, не смотря на нынѣшнее различіе ихъ значеній. Первое изъ нихъ является въ разныхъ слав. языкахъ въ слѣдующемъ видѣ: въ Сербскомъ, Русскомъ и Польскомъ товаръ, въ смыслѣ всего продажнаго, въ словенскомъ же tovor въ смыслѣ: тяжесть, грузъ, кладь, вьюкъ, навьюченное животное. По нашему мнѣнію, послѣднее значеніе есть первоначальное, такъ какъ оно встрѣчается въ памятникахъ древнеславянской письменность: товаръ масла, товаръ пшеница. См. Миклошича, Lexicon, pag. 994. Намъ кажется, что товаръ означало первоначально все подвозимое вообще, а потомъ уже приняло болѣе тѣсное значеніе торговой статьи. Реченіе же товарищъ древнеслав. товарыщь, товаришь, произведено, по нашему мнѣнію, отъ товаръ и, по всей вѣроятности, означало первоначально человѣка, ѣдущаго вмѣстѣ съ другими въ обозѣ, отдѣльнаго члена извощичьей артели; это показываютъ народныя словенскія формы: tovornik, погонщикъ, tovarnik, конюхъ (Ср. Миклошича, Lexicon, p. 994). Обособив-

шаяся же въ раннее время форма товарищъ встрѣчается во всѣхъ памятникахъ слав. письменности исключительно уже въ смыслѣ спутника, сверстника.

Шомполъ есть искаженіе польскаго stępel, нѣм. Stempel (Stössel), отъ глагола stampfen, забивать.

Разъ—отъ глагола разить; значитъ, первоначально: ударъ.

Скорлупа, древнерусское скоролупля (Буслаева, Истор. Гр. § 81), польск. skorupa. шкурка шелуха, оболочка—во всякомъ случаѣ отъ древняго, скора, шкура, и глагола лупить.

Шелуха одного происхожденія съ нѣм Schale.

Шепелять одного корня съ шептать.

Шеренга есть польское szereg, рядъ (въ строю).

Воробы (мотовило) состоитъ въ связи съ глаголомъ воробить (у плотниковъ и каменотесовъ), описывать кругъ.

Ворожить, ворожба, ворожея-йка, очевидно отъ ворогъ, врагъ, въ смыслѣ нечистаго духа, врага рода человѣческаго; слѣд. ворожить значитъ: посредствомъ какой-то темной силы узнавать или предугадывать будущее или уже случившееся.

Дрязги состоитъ въ родствѣ съ польскимъ drzazga, лучина; значитъ, дрязги—собственно щепка, мелочи, пустяки.

Шпенекъ, польское spinek, отъ spinąć spiąć, стягивать, сдерживать.

Запонка отъ запинати—пяти, препятствовать, сдерживать; ср. польское spinka отъ spinąć, spiąć.

Осокорь. Ср. польское sokora, черный тополь.

Щепетильный,--ость отъ **щепá**, значитъ мелочный, мелочность.

Угри (на тѣлѣ), **угреватый**, польс. **węgry, węgrowaty**; нѣм. **Finnen, finnig**. Замѣчательно буквальное сходство польскаго и нѣмецкаго существительнаго съ собственными именами народовъ: Венгровъ и Финновъ.

Брéзжиться отъ сущ. **брезгъ**, древнес. **брѣзгъ**, польск. **brzask**, разсвѣтъ.

Лютня, нѣм. **Laute**, франц **luth**, музыкальный иструментъ, лира.

Урокъ изъ предлога **у** и **рокъ**, отъ глагола **рещи**, собств.—**уговоръ, условіе, постановленіе, сдѣлка, соглашеніе**, плата; вознагражденіе, условленная работа; норма работы, мѣра: сработать урокъ; урочное положеніе—нормальное положеніе для производства работъ; урочный часъ—условленный часъ.

Урочище, мѣстность, извѣстная подъ какимъ либо названіемъ; **пріурочивать**—ить, относить къ извѣстному времени или мѣсту.

Уродъ, цер.славянс. **жродъ**, **ѫродъ**, отъ глаг. родиться съ лишительною частицею у, то есть: родившійся съ какимъ либо недостаткомъ, первоначально, какъ напр. въ цслав. яз. съ умственнымъ, а потомъ, въ новѣйшемъ Русскомъ, и съ физическимъ

Жеребенокъ, цслав. **жребѧ**, молодое животное, по нашему мнѣнію, одного корня съ латышскимъ dsirgs, лошадь.

Финтить, отъ нѣм. Finten machen, увиваться около кого, поддѣлываться, увертываться, хитрить,

Фитиль, мы сближаемъ съ фран. ficelle, бичевка, веревочка, тесьма.

Роскошь, роскошный. Слова эти, встрѣчающіяся въ цславянской письменности въ видѣ **рас**-

скошь, раскошьнъ, сохранили свое первоначальное значеніе въ Польскомъ языкѣ. Польское сущ. roskosz или rozkosz означаетъ: 1) сластолюбіе, 2) наслажденіе, усладу, утѣху, и происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ глагола rozkochać się, влюбиться до безумія. Серб. раскош, радость, утѣха, наслажденіе. Переходнымъ звеномъ отъ польскаго значенія къ русскому служитъ польское прилагательное rozkoszny (roskozny), означающее: 1) сластолюбивый, 2) сладостный, усладительный, весьма пріятный. Русское прилагат. роскошный, между прочимъ, имѣетъ и послѣднее значеніе польскаго слова: роскошныя ночи, роскошныя формы, и затѣмъ уже приняло значеніе: пышный, великолѣпный, посредствомъ перенесенія понятія отъ внутренняго наслажденія на чисто-внѣшнее представленіе великолѣпной житейской обстановки.

Рупоръ, съ нѣм. Rufer, говорная труба.

Нетопырь, летучая мышь, цслав. нетопыръ, мы сближаемъ съ польск. nietoperz или latopérz, и чешскимъ letopyr, т. е. летоперъ, изъ соединенія глаголовъ летати и прати, въ значеніи ferri, носиться, мчаться. Ср. русское областное у-пыръ, упрямецъ, отъ упираться, которое также произведено отъ прати.

Минога есть нѣм. Neunauge.

Перо. Миклошичъ производитъ это сущ. также отъ глагола прати, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться, сближая его съ скр. корнемъ pat, летать, слав. път, оттуда птица, первоначально пътица, птаха, такъ что перо стоитъ вмѣсто пътро. См. Фил. Зап. 1875, вып. II, отдѣлъ библіографіи, стр. 9.

Достигать-гнуть, постигать—гнуть и т. под. отъ цслав. глагола стизати, стигнути, кото-

рый сохранился въ Польскомъ языкѣ: ścigać, ścignąć, преслѣдовать, догонять—гнать.

Покой, покоить мы сближаемъ съ польскимъ глаголомъ koić, имѣющимъ значеніе русскаго сложнаго покоить.

Кошница. Ср. польское kosz, корзина; цслав. кошь. См. Востокова, Словарь, стр. 361. Серб. кош, корзина, родъ житницы, анбара.

Тачка, польское taczki, отъ глагола taczać, taczyć, катать, катить; словенское tačke отъ takati, двигать. Ср. древнеслав. глаголъ такати, agere, ἐλαύνειν.

Ледащій (собственно лядащій). Ср. польское ladaco: чешск. ledaco, 1) нѣчто негодное, ничего не стоющее, 2) негодяй, польс. ladajaki: чеш. ledajaky, 1) первый встрѣчный, 2) самый дурной, польск. ladajáko, чеш. ledajako: какъ нибудь, какъ попало, польск. ladakto, чешск. ledakdo, кто-нибудь, первый встрѣчный. Первообразное слово сохранилось въ чешск. leda, какой-нибудь.

Пружина, упругій отъ пружить, пращти, напрягать; корень праг съ переходомъ одного юса въ другой. Отсюда напружиться—напрячь всѣ силы.

Чепецъ—чикъ есть древнеслав. чепьцъ, чепецъ, польск. czep, czepiéc, czepek, средневѣковое латинск. capa, двхнѣм. chappâ.

Черви (въ картахъ), польск. czerwien, отъ червонный, красный, дрслав. червленъ, чръвенъ.

Пострѣлъ,—ленокъ. Мы сближаемъ эти выраженія съ сущ. стрѣла. Ср. „нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ." Стало быть, пострѣлъ—проворный, скорый.

Високъ—безъ сомнѣнія отъ глагола висѣть, означая: 1) пряди висящихъ съ боку волосъ, 2) боковая часть головы. Первообразное сущ. сохрани-

лось въ выраженіи: на вису, т. е. висмя.

Силокъ, церковнослав. силъкъ, мы сближаемъ съ польск. сущ. sidło, петля, тенето, и глаголомъ sidlić, опутывать.

Штора, стора есть англійское store.

Цоколь есть нѣм. Sockel, франц. socle.

Рѣшето, рѣшотка, рѣшотчатый, рѣшетина мы производимъ отъ прил. рѣдкій, откуда рѣшать, разрѣшать—отдѣлять одинъ предметъ отъ другаго, напр. посредствомъ рѣшета отруби отъ муки, зерно отъ сора.

Руль есть нѣм. Steuer—Rolle.

Тростить (област.)—говорить то и дѣло объ одномъ и томъже, напоминать часто, есть польское troszczyć (troskać), заботиться, принимать къ сердцу.

Тетрадь—отъ греч. τετράς, род. пад. τετράδος, въ значеніи, четвертая доля листа, четвертка.

Пріютъ, уют—ный—ость отъ глагола ити, съ замѣною одного юса другимъ.

Изсякать—изсякнуть, отъ древнеслав. глагола сякнути, вытекать. Ср. польское osiąkać, osiąknąć, лишаться влаги, испаряться, высыхать.

Свадьба не имѣетъ, по нашему мнѣнію, ничего общаго съ глаголомъ сватать, ся, какъ утверждаютъ нѣкоторые, требуя, на основаніи этого, чтобы писали сватьба, хотя мы и видимъ такое правописаніе въ приводимомъ Востоковымъ примѣрѣ: „у сихъ сватьбу творять, а у другихъ мрьтвьца плачутся." Уже рѣшительное различіе представленій, лежащихъ въ основѣ словъ: свадьба и сватать, ся, доказываетъ несновательность такого сближенія. Кромѣ того, въ Польскомъ языкѣ, при существованіи глагола swatać, русское свадьба передается совершенно другимъ словомъ: wesele.—Свататься, сватитися, въ древнерусскомъ языкѣ употреблялось въ

смыслѣ: совѣщаться, сноситься, договариваться и, какъ глаголъ взаимный, требовало послѣ себя предлога съ при твор. пад. „Изяславъ сватится со Всеславомъ. „Этому соотвѣтствуетъ, кромѣ измѣнившагося предлога и падежа въ допол. словѣ, и нынѣшнее, болѣе тѣсное значеніе его, въ смыслѣ предварительныхъ переговоровъ о бракѣ. Свадьба же по нашему мнѣнію, указываетъ на съвада, союзъ, сопряженіе, а послѣднее на съваждати, соединять, сопрягать изъ предлога с и важдати, вторичной формы глагола водити, отъ коей произведены славянскія слова: препровождати, наваждати (откуда и наважденіе) и русскія: повадить,ся, извадить,ся. Стало быть, свадьба совершенно раціонально означаетъ—сведеніе новобрачныхъ для совмѣстнаго жительства.

Глаголъ свадитися имѣлъ въ Славянскомъ языкѣ еще другое значеніе: ссориться, откуда другое сущ. свада, съвада, ссора. Значеніе это сохранилось доселѣ въ Польскомъ языкѣ въ первообразной глагольной формѣ wadzić się.

Гусеница стоитъ вмѣсто жсеница и жсѣница, такъ что буква г является чистымъ придыханіемъ. Ср. польское wąsienica, wąsionka (на ряду съ gąsienica, отъ wąs, жсъ, усъ, вѣроятно, въ слѣдствіе мохнатости тѣла.

Вакса есть нѣм. Wichse.

Скаредъ мы сближаемъ съ польскимъ szkarada (szkaradnica, szkaradnik), гнусный человѣкъ, чудовище. Русское значеніе этого слова: скряга, не возникло ли по сходству звуковъ этого реченія со словомъ Искаріотъ, такъ какъ погубившимъ Іуду Искаріотскаго порокомъ было именно любостяжаніе.

Скряга мы сближаемъ съ глаголомъ скрывать, скрыть, прятать (деньги).

Заусеница отъ сущ. усъ, въ другомъ его значеніи: отпрыскъ.

Карпетка есть искаженіе польскаго szkarpetka, носокъ (обувь).

Шулеръ есть польск. szuler, страстный (плутовскій) игрокъ, обманщикъ вообще.

Крапива есть исковерканное цслав. коприва, польск. koprzywa.

Збожье, въ смыслѣ жатвы, какъ дара Божія, есть польское zboże.

Зябликъ, зяблица, польск. zięba, ziębek, словен. zeba, вѣроятно отъ глагола зябнуть, въ подражаніе латинскому fringilla или frigilla, отъ frigus, холодъ.

Мараковать мы сближаемъ съ польскимъ miarkować, примѣчать, смѣкать, соображать.

Уѣздъ собственно: округъ, подлежащій объѣзду.

Клапанъ есть нѣм. Klappe.

Зазноба, въ значеніи любви или предмета любви, мы производимъ отъ сущ. зной, потому что говорится также зазной или зазноя о предметѣ любви. Ср. нѣм. meine Flamme d. h. der Gegenstand meiner Liebe, предметъ моей любви.

Застить есть не что иное, какъ искаженная форма глагола застѣнивать или застѣнять, отъ цслав. стѣнь, тѣнь.

Мзда, древнеслав. мьзда одного корня съ греч. μισθός, плата, награда, наказаніе, отплата, воздаяніе возмездіе.

Брюква есть фран. brocolis.

Свекла есть греч. σεῦτλον.

Рыхлый мы сближаемъ съ польскимъ ruchać, ruszyć, шевелить, двигать; значитъ, первоначальное значеніе прилагат. рыхлый есть: зыбучій, зыбкій.

Кромѣ того, оно имѣетъ еще другое значеніе для обозначенія качества неплотности, нетвердаго сцѣпленія частицъ, удобно отдѣляемыхъ. стало быть, легко шевелящихся. Въ Польскомъ же языкѣ прилаг. rychły имѣетъ совершенно другое значеніе: ранній, благовременный, скорый.

Досугъ,—жій,—жество, удосужиться мы производимъ отъ досязати, досѧшти, достигать до извѣстнаго предѣла; значитъ, досугъ означаетъ время, достаточное для достиженія какой-либо цѣли. Ср. польск. прилагательное dosięgły: 1) удободостижимый, 2) хватающій, достаточный для чего-нибудь. Въ словѣ досугъ мы видимъ, стало быть, замѣну одного юса другимъ.

Ластиться есть вторичная форма глагола ласкать ся.

Лавка (скамейка) есть уменьшительная форма. Ср. древнеслав. лава, лавица, польское ława и лит. lowa.

Мѣщанинъ, отъ мѣсто въ значеніи польск. miasto, городъ; значитъ—горожанинъ.

Обѣдъ, обѣдать отъ предлога объ и глагола ѣсть (ясти). Ср. польское objad, objadować.

Говѣть, древнеслав. говѣти, 1) быть набожнымъ, ходить во страхѣ Божіи; 2) приготовляться, мы сближаемъ съ латышскимъ gaweht, поститься.

Уксусъ, отъ греч. сущ. ὄξος, винный уксусъ, Церковнославянское же оцьтъ было заимствовано отъ латинскаго acetum.

Пазуха, цслав. пазуха, мы сближаемъ съ существ. пазъ, скважина между досками; такъ точно и пазуха есть скважина, образуемая прорѣзью рубашки на груди, а затѣмъ и полами верхней одежды.

Серьга, сережка есть сокращеніе цславянс. усерязь, готеск. ausahrings, нынѣшнее нѣм. Ohrring.

Каблукъ есть польское kabłąk, дугообразный изгибъ.

Калита есть донынѣ употребительное польское kaleta, денежный кошелекъ.

Присяга, присягать—гнуть отъ глагола **присягнути**, прикоснуться. Ср. древнеслав. сязати, дотрогиваться, и польск. sięgać, простирать руки, доставать руками, потому что при клятвѣ дотрогивались до тѣла. См. Миклошича Lexicon, p. 683, v. **присяга**.

Посягать—гнуть отъ того же глагола съ другимъ предлогомъ и значитъ: простирать замыслы на что нибудь.

Смычокъ, польск. smyczek, уменьш. форма отъ сущ. smyk. Корень—**мък**, откуда **мыкати**, двигать.

Дылда мы сближаемъ съ употребляемымъ только во множ. чис. существительнымъ **дыли**, ходули.

Прорѣха происходитъ отъ прорѣзывать—рѣзать и значитъ собственно: прорѣзь.

Пуговица отъ дрслав. **пжгы**, род. пад. **пжгве**.

Кисетъ есть искаженное франц. cassette, собственно: ящичекъ, шкатулка.

Подхалимъ-ка. Мы сближаемъ эти слова съ сущ. **нахалъ** и полагаемъ, что они произведены отъ одного корня. Противоположность предлоговъ **на** и **под** очень характеристично обрисовываетъ: въ первомъ случаѣ, человѣка дѣйствующаго наступательно, нахрапомъ, а во второмъ, подъѣзжающаго изподтишка, съ лицемѣрнымъ смиреніемъ. Во всякомъ случаѣ эти слова состоятъ въ родствѣ съ глаголомъ **хвалить**, какъ доказываетъ областная форма **подхвалимъ**. См. Миклошича, Vergl. Gram.

Мытный въ связи съ сущ. дворъ происходитъ отъ древнеслав **мыто**, пошлина съ товаровъ. Ср. нѣм. Mauth.

Кляузы, кляузникъ—ица, кляузничать отъ нѣм. Klausel, латинск. clausula, оговорка.

Набалдашникъ отъ балда, толстый конецъ дубинки или палки.

Бечѐва мы считаемъ невѣрнымъ начертаніемъ вм. бичѳва. Ср. бичевка, а не бечевка, отъ сущ. бичъ, которое въ дрсл. языкѣ, кромѣ значенія плети, кнута, имѣло и значеніе: веревки, каната. См. Миклошича, Lexicon, pog. 22.

Балясы есть производная форма отъ бáлы; поэтому, балясничить все равно, что точить балы, которое мы производимъ отъ древнеслав. баяти, баять. Въ связи съ этими словами находится, намъ кажется, и глаголъ баловать, ся

Вѣха—отъ вѣять.

Линекъ мы сближаемъ съ польск. lina, веревка, канатъ, англ. line.

Конецъ происходитъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ сущ. конъ, употребляемаго и до сихъ поръ при игрѣ. Какая же связь этихъ словъ, содержащихъ въ себѣ представленія, по видимому, не имѣющія между собою ничего общаго? Мы объясняемъ себѣ это такъ: конъ, въ теперешнемъ его значеніи, есть очерченное на землѣ или на карточномъ столѣ мѣсто, на которое кладется или ставится предметъ, служащій цѣлью игры, ея ставка. Встарину, вѣроятно, это слово обозначало всякую цѣль вообще. А производное конецъ и до сихъ поръ еще употребляется въ смыслѣ цѣли или намѣренія, напр. „на этотъ конецъ онъ принялъ всѣ мѣры.“ Значитъ, первоначальное значеніе слова конецъ есть та же цѣль, какъ и въ первообразномъ реченіи, и притомъ цѣль первоначально въ пространственномъ смыслѣ, а потомъ уже въ переносномъ. Ср польск. wykonac, доконать, т. е. соверить, завершить—

достигнуть своей цѣли. Но цѣль есть вмѣстѣ и предѣлъ движенія или желанія; такимъ-то образомъ изъ одного значенія развилось другое. Нынѣшнее преимущественное употребленіе слова конецъ въ смыслѣ предѣла, до котораго простирается что либо, не есть впрочемъ исключительное, потому что предѣломъ можетъ быть принято и начало, если считать на оборотъ; такъ мы говоримъ: „въ оба конца, съ обоихъ концовъ“ и т. под. Употребленіе одного и того же слова для выраженія понятій о предѣлѣ и цѣли, основанное на родствѣ этихъ представленій, мы видимъ и въ латинскомъ finis, и въ нѣмецкомъ выраженіи: zu diesem Ende. Поэтому нѣм. сущ. Endziel, Endzweck заключаютъ въ себѣ, подобно нашему: конечная цѣль, совершенно ненужный плеоназмъ, возникшій уже въ послѣдствіи, когда первоначальное значеніе словъ Ende и конецъ въ народномъ сознаніи затемнилось.

Искони, споконь, испоконь происходятъ отъ цс. сущ. конь, начало (см. Миклошича, Lexicon palaeoslov.-gr.-lat. pag. 301).

Скоромный отъ сущ. скоромь, др.-цсл. скрамь, жиръ, сало: поэтому скоромная пища есть жирная пища. Ср. польск. skzróm, заячій жиръ. См. Миклошича, Lexicon, pag. 850).

Рубъ, рубище, рубашка. Ржбъ означаетъ лохмотье, а также и нижнюю одежду, сорочку, ржбъ власянъ; ржбиво мн. одежда, 'похорват. rub, полотно, холстъ: серб. рубина — рубаха. Кор. ржб (ржб-ити).

Рубище отъ рубъ, лохмотье. Серб. рубиште—бѣлье, полотно. Рубаха—шка такъ же отъ рубъ. Ср. Миклошича, Lexicon, pag. 814, 815.

Истуканъ, отъ глагола истукати, выливать изъ металла, ваять (см. Миклошича, Lex. pag. 271.

Ружный, ружная церковь. Отъ древнесл. **руга**, **роуга**, жалованье, содержаніе.

Близорукій сложено изъ нарѣчія **близъ** и формы **рукій** происшедшей не отъ русскаго сущ. **рука**, но отъ скр. ruč, ruči, ročis, свѣтъ, lôk, видѣть. Ср. латышское lûkot, видѣть. Значитъ, близорукій—близкозоркій, въ противоположность дальнозоркому. Ср. Миклошича, Lexicon, pag. 345.

Отецъ древнеслав. **отець**, **отьцъ**, есть умень. форма предположительнаго сущ. **отъ**.—Ср. санскр. attâ, mater, греч. ἄττα, латинск. atta, батюшка, готеск atta, древнѣм. atto. См. Миклошича, Lexicon, pag. 543. Отъ этой предполож. формы произведено древслав. прилаг. отьнь.

Пономарь древнеслав. **панамонарь**, **панамонарій**, **парамонарь**, есть греч. παραμονάριος, отъ глаг. παραμένω, состоять при комъ или при чемъ и означаетъ—состоящій при церкви стражъ церковный, custos ecclesiae. Ср. Миклошича, Lexicon, pag. 553.

И. Желтовъ.

(Продолженіе будетъ).

СОБОРЪ БОГОВЪ. [1])

(Переводъ съ греческаго изъ Лукіана Самосатскаго.)

Зевсъ. Боги, не роптать болѣе и въ кружкахъ по угламъ не шептать на ухо другъ-другу, выражая негодованіе, что многіе недостойные принимаютъ съ нами участіе въ трапезѣ. Но такъ какъ объ этомъ и соборъ назначенъ, то пусть каждый во всеуслышаніе высказываетъ свои мысли и выступаетъ обвинителемъ. А ты, Гермесъ, объявляй подачу мнѣній по закону.—

Гермесъ. Слушай, молчи! [2]) Кто изъ боговъ совсѣми совершенствами, которымъ дозволяется, желаетъ говорить? Вопросъ о поселенцахъ, иностранцахъ и новыхъ.—

Момусъ Я, Момусъ, желаю, если ты, Зевсъ, даруешь мнѣ право слова.—

Зевсъ. Объявленіе уже даетъ; меня, стало быть, просить нечего.—

Момусъ. Итакъ вотъ что: нѣкоторые изъ насъ изъ рукъ вонъ доходятъ до чего: имъ мало самимъ сдѣлаться богами изъ людей, но они воображаютъ, что нѣтъ великаго и важнаго дѣянія, если послѣдователей и служителей своихъ не сдѣлаютъ равночестными намъ. Прошу, Зевсъ, дать мнѣ позволеніе говорить свободно, потому что я не могъ бы иначе; но всѣ знаютъ, какъ свободенъ языкъ у меня и ни о чемъ не умолчу, что бываетъ не по правдѣ. Именно, изобличаю все и открыто рублю, что на умѣ, не боясь ничего и не удерживая мыслей подъ покровомъ скромности; за это у многихъ слыву несноснымъ и ябедникомъ по характеру и про-

---

[1]) Θεῶν ἐκκλησία.

[2]) Относится къ Момусу, который съ нетерпѣніемъ выскакиваетъ съ своими словами и во-время и не во-время.

званъ ими какимъ-то публичнымъ обвинителемъ. При всемъ томъ, такъ какъ дозволяетъ законъ и объявленіе чрезъ герольда, я также и ты, Зевсъ, предоставляешь волю говорить, [3]) выскажусь, ничего не скрывая. Да, повторяю, многіе, недовольные тѣмъ, что сами участвуютъ въ однихъ и тѣхъ же собраніяхъ съ нами и въ равной мѣрѣ пируютъ, будучи при этомъ на-половину смертными, возвели на небо и ложно приписали еще служителей своихъ и собутыльниковъ, [4]) которые наравнѣ надѣляются дарами небесными и пріобщаются жертвъ, не взнося даже ежегодной платы за право жительства.—

Зевсъ. Момусъ, говори не загадочно, но ясно, прямо и поименно. А то доселѣ проведенъ у тебя общій смыслъ, такъ что многіе понимаютъ и относятъ сказанное тобой то къ одному, то къ другому. Либералу нужно нисколько не стѣсняться говорить.—

Момусъ. Хорошо, Зевсъ, что даже поощряешь меня къ свободѣ слова: это истинно по царски и великодушно,—буду отселѣ называть по именамъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ благороднѣйшій Діонисъ [5])—получеловѣкъ и не Еллинъ по матери, а внукъ какого-то Финикійскаго, на границахъ Сиріи, купца Кадма отъ дочери, но такъ какъ удостоенъ безсмертія, то не стану описывать, каковъ онъ по таліи, [6]) пьянству и походкѣ. Всѣ вы, думаю, видите, какой онъ тщедушный, женственный корпусомъ, полоумный, какъ съ ранней зари двошитъ отъ него голякомъ (виномъ). А онъ и всю свою компанію причислилъ къ намъ, съ гурьбою здѣсь, и богами объявилъ Пана, Силена и Сатировъ, мужиковъ какихъ-

---

[3]) Момусъ хотя и правоспособный богъ, но могъ говорить въ собраніяхъ только съ позволенія Зевса, который всегда держалъ несносный языкъ его на привязи.

[4]) Θιασῶται—sodales bacchantes.

[5]) Бахусъ.

[6]) Μίτρα—женская головная повязка и связанный изъ колецъ запонъ, передникъ, завязанный на поясницѣ. По схоліасту, это можно понимать метонимически.

то и большею частію козьихъ пастуховъ, плясуновъ и чудищъ видомъ. Изъ нихъ одинъ съ рогами и почти съ половины до низу походитъ на козу, а длинною бородою немного отличается отъ козла; другой же—плѣшивый старикъ, курносый, ѣздящій по большей части на ослѣ: это—Лидъ, Сагиры—остроухіе и тоже плѣшивые, рогатые,—рѣжки такіе же, какіе подростаютъ у молоденькихъ козлятъ,—какіе-то фригійцы, всѣ имѣютъ и хвосты. Видите, какихъ ставитъ намъ богами его благородіе? Что же мы послѣ того удивляемся, если люди презираютъ насъ, видя такихъ смѣшныхъ и чудныхъ боговъ? Мимоходомъ коснусь, что онъ возвелъ на небо и двухъ женщинъ, одну, какъ любовницу свою, Аріадну, которой и вѣнецъ включилъ въ хоръ звѣздъ; [7] другую, дочь Икарія поселянина. Но, что всего смѣшнѣе, боги, собаку Эригоны [8]—и ту возвелъ, чтобы не скучала дѣвушка, если бы не было при ней домашняго и любимаго ею щенка. Какъ вамъ кажется—не обида это, не безуміе и не смѣхъ? Послушайте же и о другихъ.—

Зевсъ. Момусъ, объ Эскулапѣ и Геркулесѣ ни полслова! Вѣдь я вижу, куда ты метишь. Они: первый лѣчитъ боговъ и поднимаетъ ихъ съ одра болѣзни, и стóитъ многихъ другихъ; Геркулесъ же даромъ что сынъ мой, но купилъ безсмертіе не немногими подвигами; ради того не вооружайся противъ нихъ.—

Момусъ. Для тебя промолчу, Зевсъ, хотя много бы могъ сказать насчетъ ихъ. Впрочемъ, они, если ничего другаго, то знаки божественнаго огня все-таки еще имѣютъ. Но если бы и въ отношеніи тебя можно было воспользоваться свободою, то я многое бы нашелъ осудить.—

---

[7]) Аріадна, посредствомъ нити которой вышелъ изъ лабиринта Тезей; corona Ariadnae inter sidera.

[8]) Икарію, говорятъ, Діонисъ далъ первую виноградную вѣтвь, по которой первый виноградъ и поле, произведшее его, названы Икаріевыми. Эригона дочь Икарія.

Зевсъ. И конечно, въ отношеніи меня наиболѣе можно. Или ты и меня обвиняешь—навѣрно, въ чужеземствѣ?—

Момусъ. Въ Критѣ можно услышать не только это, но тамъ о тебѣ расказываютъ и другое кое-что, могилу даже показываютъ; я же ни Критянамъ не вѣрю, ни Эгійцамъ [9]) Ахайскимъ, что ты подложный. Скажу то, что особенно, по моему мнѣнію, должно обличить. Именно, начало подобныхъ противозаконностей и побудительную причину къ прелюбодѣйству ты далъ нашему обществу, сходя къ смертнымъ, то въ томъ, то въ другомъ образѣ, такъ, что мы боялись, чтобы тебя кто нибудь, поймавъ, когда ты былъ быкомъ, не закалалъ въ жертву, или какой нибудь золотыхъ дѣлъ мастеръ не употребилъ бы въ работу тебя, бывшаго золотомъ, и вмѣсто Зевса не сдѣлался бы ты у насъ ожерельемъ, браслетомъ, или серьгою. Кромѣ того, ты-то и наполнилъ небо этими полубогами: сказать иначе не могу. И пресмѣшная вещь, когда бы кто нечаянно услышалъ, что Геркулесъ произведенъ въ боги, а дававшій ему приказанія, Эвристей умеръ, и вблизи другъ отъ друга—храмъ Геркулеса, слуги, и гробница Эвристея, повелителя его. Опять же, въ Ѳивахъ Діонисъ—богъ, а двоюродные братья его, Пентей, Актеокъ и Леархъ—самые несчастные изъ людей. Съ того времени, Зевсъ, какъ отворилъ разъ ты двери таковымъ и обратился къ смертному женскому полу, всѣ взяли примѣръ съ тебя, и не мущины только, но, что позорнѣе всего, и женщины—богини. Ибо кто не знаетъ объ Анхизѣ, [10]) Тиѳонѣ, [11]) Эндиміонѣ, [12]) Ясіонѣ [13]) и другихъ? Лучше, потому, пройти это молчаніемъ: долго было бы изобличать.—

---

[9]) Эгіонъ—Пелопонезскій приморскій городъ Ахаіи

[10]) Анхиза любила Афродита, плодомъ чего былъ Эней.

[11]) Супругъ Авроры—богини.

[12]) Эндиміона любила Луна, тоже богиня.

[13]) По одному кодексу, это—Иксіонъ, дерзнувшій влюбиться въ Геру....

Зевсъ. О Ганимедѣ, Момусъ, ничего не говори: разсержусь, если огорчишь мальчика упрекомъ относительно рода.—[14])

Момусъ. Стало быть, и объ орлѣ ничего не упоминать, что и этотъ на небѣ сидитъ на царскомъ скипетрѣ и гнѣздится едва не на головѣ у тебя, слывя богомъ? Развѣ и этого оставить для Ганимеда? Но Аттисъ-то, [15]) Корибантъ, [16]) Сабазій [17]) - откуда эти приплетены къ намъ, или Миѳра тотъ, Мидянинъ по одѣянію и тіарѣ, не говорящій на языкѣ Еллинскомъ,—не понимаетъ даже, если бы кто выпилъ за его здоровье? Вслѣдствіе этого, Скиѳы и Геты, видя у нихъ качества эти, пожелавъ намъ долго здравствовать, сами себѣ посвящаютъ безсмертныхъ и избираютъ боговъ, какихъ хотятъ, такимъ же образомъ, какимъ ложно приписанъ и Замолксисъ, [18]) незнаю, какъ-то убѣжавшій рабъ. Однако, боги, этого всего мало.—Ты, собачеголовый, [19]) одѣтый въ саванъ, ты кто, любезнѣйщій, какъ ты—лаешь, а хочешь быть богомъ? Зачѣмъ всякій и пестрый быкъ, [20]) Мемфисецъ, обожаемъ, даетъ оракулы и имѣетъ пророковъ? Стыжусь говорить объ ибисахъ, обезьянахъ, козлахъ и о другомъ, гораздо смѣшнѣе этого, не понимаю, какъ о навязанномъ на небо изъ Египта,—что все какъ вы терпите, боги, видя столько же, или еще болѣе васъ покланяемымъ? Или какъ, Зевсъ, ты сносишь, если у тебя не выросли рога бараньи?—

---

[14]) Ганимедъ—сынъ Троянскаго царя Троса (по Виргилію); стало быть, родъ его безупреченъ. Состоять же въ званіи мундшенка Зевса, отправлять, значитъ, обязанность хотя почетнаго и приближеннаго, но все же мальчика—слуги, самъ Зевсъ сознаетъ безчестнымъ для Ганимеда.

[15]) Бахусъ Фригійскій.

[16]) Корибанты, кромѣ того что жрецы Цибелы, они и воспитатели Зевса на островѣ Критѣ и дѣти Солнца.

[17]) Сабазій—Бахусъ Ѳракійскій.

[18]) Богъ Скиѳскій.

[19]) Анубисъ Египетскій.

[20]) Аписъ.

Зевсъ. Въ самомъ дѣлѣ, срамъ, что говоришь ты о Египтянахъ; но вѣдь многое изъ этого—таинственныя знаменованія, и не слишкомъ нужно смѣяться, будучи профаномъ.—

Момусъ. Да очень нужны намъ, Зевсъ, таинственности, чтобы боговъ принимать за боговъ, длинномордыхъ обезьянъ за обезьянъ!—[21])

Зевсъ. Оставь, говорю тебѣ, о Египтянахъ; въ другой разъ на досугѣ разберемъ о нихъ, о прочихъ продолжай.—

Момусъ. О Трофоніи, [22]) Зевсъ, и что меня болѣе всего оскорбляетъ, объ Амфилохѣ, который—сынъ преступника, матереубійцы, а пророчествуетъ, его благородіе, въ Киликіи, лжетъ большею частію и обманываетъ чарами за два оболи. Итакъ, Аполлонъ, ты болѣе не славенъ, но предказываетъ уже всякій камень и всякая база, которая если полита елеемъ, имѣетъ на себѣ вѣнки и изобиловала кудесникомъ, каковыхъ много теперь. Ужь и статуи атлета Полидаманта въ Олимпіи и Θеогена [23]) въ Тазосѣ исцѣляютъ страждущихъ горячкой; Гектору приносятъ жертвы въ Иліонѣ и Протезилаю въ Херсонесѣ. Съ того времени непремѣнно, какъ насъ стало много, болѣе умножилось клятвопреступленіе и святотатство, благотво-

---

[21]) Циноцефалы.

[22]) Трофоній этотъ, изъ страсти удостоиться почести божеской у Еллиновъ, уморилъ себя голодомъ въ одной пещерѣ, въ Лебадіи Беотійской. Кто входилъ въ эту пещеру за оракуломъ, тотъ выходилъ оттуда съ дикимъ взглядомъ, оставался суровымъ, блѣднымъ и мрачнымъ на всю жизнь; отъ чего объ имѣющихъ суровый нравъ, угрюмыхъ и нелюдимыхъ вошла въ обыкновеніе поговорка: «получилъ оракулъ у Трофонія». Посмерти его, въ пещерѣ обиталъ нѣкоторый духъ и давалъ предсказанія; желающіе пророчествъ входили внутрь ея съ блинами, чтобы, давая ихъ живущимъ тамъ священнымъ змѣямъ, не потерпѣть отъ нихъ никакого вреда. Трофоній и Амфилохъ—*полубоги* пророки; говорятъ, и мѣста, на коихъ они погребены, пророчествовали.

[23]) Философъ, изъ-за проститутки умертвившій себя.

рители вовсе презрѣли насъ. Это о незаконныхъ и ложноприписныхъ. Слыша же многія новыя имена какихъ-то (боговъ), которыхъ и нѣтъ у насъ, которые и вообще не могутъ вступать въ сообщество, очень смѣюсь также и надъ этими. Да гдѣ же именно существуетъ пресловутая Добродѣтель, Природа, Рокъ, Участь, не имѣющія сущности и пустыя имена состояній, измышленныя глупцами—философами? И хотя они скороспѣлы, но такъ увлекли неразумныхъ, что никто не хочетъ даже приносить намъ жертвъ, зная, что если и тысячи гекатомбъ принесетъ намъ, то все таки Участь сдѣлаетъ то, что обречено и сначала назначено каждому. Съ удовольствіемъ спросилъ бы я тебя, Зевсъ: видѣлъ ли ты гдѣ нибудь Добродѣтель, Природу, или Рокъ?—о чемъ вѣдь и ты, знаю, слышишь въ бесѣдахъ философовъ, если только не глухъ, чтобы не слышать, какъ они кричатъ. Много у меня есть сказать еще, но кончу рѣчь. Вижу, по крайней мѣрѣ, что большинство злится на меня за высказанное и шипитъ, тѣ особенно, которыхъ уязвили свободныя слова мои. И такъ, наконецъ, если угодно, Зевсъ, прочту составленный уже мною протоколъ объ этомъ.

Зевсъ. Прочти; потому что не все ты безъ основанія обвинилъ, и многое изъ этого должно воспретить, чтобы больше не было.—

Протоколъ.

Въ добрый часъ.

Седьмаго дня первой декады [24]) происходилъ законный соборъ. Президентъ пританъ [25]) Зевсъ, вицепрезидентъ Посейдонъ, прокуроръ [26]) Аполлонъ, секретарь Момусъ, сынъ Ночи, и членъ—докладчикъ Сонъ.

Поелику многіе изъ жильцовъ, не только Еллины, но и варвары, отнюдь недостойные участвовать съ нами

---

[24]) Каждый мѣсяцъ Греки дѣлили на декады: первую называли μηνὸς ἱσταμένου, или ἀρχομένου, вторую μηνὸς

въ обществѣ, незнаю какимъ образомъ ложно приписанные и прослывшіе богами, наполнили небо, такъ что пиръ боговъ полонъ буйнаго народа, изъ многихъ языковъ [27]) и сброда, то оказался недостатокъ въ амрозіи и нектарѣ, до того что, вслѣдствіе множества пьющихъ, котила [28]) нектара стоитъ мину. [29]) Другіе же, по честолюбію отстранивъ древнихъ и истинныхъ боговъ, присвоили себѣ первенство, вопреки всѣмъ уставамъ предковъ, и хотятъ на землѣ пользоваться предпочтеніемъ. Совѣтъ и народъ должны были придти къ рѣшенію: Созвать соборъ на Олимпѣ въ день зимняго поворота солнца; избрать судьями семь совершенныхъ боговъ, трехъ изъ древняго совѣта Кроносова, а четырехъ изъ двѣнадцати [30]) и въ числѣ ихъ Зевса. Этимъ судьямъ засѣдать, самимъ поклявшись законною клятвою, Стиксомъ; [31]) Гермесу чрезъ кличъ созвать всѣхъ, которые желаютъ участвовать на соборѣ, и являться имъ съ присяжными свидѣтелями и доказательствами происхожденія. Затѣмъ пусть подходятъ по одному; судьи, ревизуя, или рѣшатъ, что они—боги, или отошлютъ ихъ въ ихъ гробницы и прародительскія могилы. Если взойдетъ на небо и схваченъ будетъ какой нибудь изъ подложныхъ и разъ изгнанныхъ судьями, то низверг-

---

μεσοῦντος, третью μηνός φθίνοντος, или παυομένου, или λήγοντος.

[25]) Одинъ изъ пританов, членовъ комитета, называемаго *пританіей*, избираемый въ президенты ея и совѣты, могъ быть президентомъ сената и народнаго собранія.

[26]) Επεστάτει—тоже предсѣдательствовалъ, только какъ инспекторъ, или лицо *прокурорскаго надзора*.

[27]) Языкъ вм. народъ.

[28]) Мѣра жидкостей; стаканъ.

[29]) Мина=22 руб.

[30]) Первокласные боги: Гера, Веста, Паллада, Деметра, Артемида, Афродита, Аресъ, Гермесъ, Зевсъ, Посейдонъ, Гефестъ, Аполлонъ.

[31]) Адская рѣка, клятва которою была страшна и для боговъ.

нуться этому въ тартаръ. Заниматься же каждому своей профессіей: чтобы Аѳина не лѣчила, Эскулапъ не пророчествовалъ и Аполлонъ не брался бы за столько дѣлъ, но, избравши себѣ одно что-нибудь, былъ бы или пророкомъ, или цитаристомъ, или лѣкаремъ. Философамъ повелѣть, чтобы не выдумывали пустыхъ именъ и не говорили вздора о томъ, чего не знаютъ. Кто уже удостоенъ храмовъ или жертвъ, статуи тѣхъ ниспровергнуть, а воздвигнуть на мѣсто ихъ статуи Зевса, или Геры, или кого-нибудь другаго; тѣмъ же насыпать по могилѣ—городу [32]) и поставить памятники вмѣсто жертвенниковъ. Если же кто не послушаетъ клича и не захочетъ явиться къ судьямъ, надъ тѣмъ они должны произнести приговоръ заочный. Это у насъ опредѣленіе.—

Зевсъ. Весьма законно, Момусъ, и кто одобряетъ, пусть подниметъ руку; впрочемъ, пусть такъ будетъ безъ этого, потому что, знаю, большинство не одобритъ. Теперь ступайте, а когда будетъ кликать Гермесъ, то приходите, каждый съ очевидными знаками и ясными доказательствами: объ имени отца и матери, почему и какъ сдѣлался богомъ, о филѣ [33]) и о товарищахъ по цеху. [34]) Коль скоро кто не представитъ этого, то судьямъ не будетъ дѣла, имѣетъ ли кто храмъ на землѣ и почитаютъ ли его люди богомъ.

---

[32]) То есть большую насыпь.

[33]) Четыре разряда гражданъ, на которые они дѣлились съ древнихъ временъ. Солонъ сохранилъ ихъ, раздѣливъ гражданъ еще на четыре класса.

[34]) φράτωρ—contribulis и curialis.

ПРОДАЖА ЖИЗНЕЙ СЪ АУКЦІОНА. [1])

Зевсъ. Ты разставляй скамьи и приготовляй мѣсто для приходящихъ; ты въ указанномъ порядкѣ выводи и ставь жизни, но прежде пріубери ихъ, чтобы казались благообразными и привлекали какъ можно больше охотниковъ. Ты, Гермесъ, кричи и въ добрый часъ сзывай покупателей въ самую ужъ палатку. Будемъ продавать съ аукціона жизни философовъ всякаго рода и различныхъ сектъ. Если кто не будетъ имѣть заплатить наличныхъ денегъ, то уплатитъ въ будущемъ году, представивъ только поручителя.—

Гермесъ. Много собралось; не нужно мѣшкать и задерживать ихъ.—

Зевсъ. Такъ начнемъ продажу.—

Гермесъ. Кого хочешь, чтобы первымъ вывели мы?—

Зевсъ. Того косматаго Іонійца, [2]) потому что онъ и высматриваетъ такимъ почтеннымъ.—

Гермесъ. Эй ты, Пиѳагоръ, выходи и показывай себя собравшимся.—

Зевсъ. Провозглашай же.—

Гермесъ. Самую лучшую жизнь продаю, самую чистую, [3]) кто купитъ?—Кто желаетъ быть выше человѣка? Кто желаетъ знать гармонію [4]) всего и возродиться снова?—

---

[1]) Βίων πρᾶσις.

[2]) Родина Пиѳагора, Самосъ, островъ на Эгейскомъ морѣ, населенный Іонянами.

[3]) Пиѳагоръ первый ввелъ въ философію нравственное начало или мораль.

[4]) Гармоніею или единствомъ души онъ считалъ добродѣтель.

Покупатель. Представителенъ! Что же онъ преимущественно знаетъ?—

Гермесъ. Ариѳметику, астрономію, чудотвореніе, геометрію, музыку, чародѣйство. Первостепеннаго видишь мастера въ своихъ искусствахъ.—

Покупатель. Можно спросить его?—

Гермесъ. Спроси себѣ съ Богомъ.—

Покупатель. Откуда ты?—

Пиѳагоръ. Изъ Самоса.—

Покупатель. А гдѣ образовался?—

Пиѳагоръ. Въ Египтѣ у тамошнихъ мудрецевъ.—

Покупатель. Ну, вотъ, если я куплю тебя, чему меня будешь учить?—

Пиѳагоръ. Ничему не буду учить, а буду напоминать.—[5])

Покупатель. Какъ же будешь напоминать?—

Пиѳагоръ. Сперва сдѣлавъ душу чистою, и отмывъ въ ней грязь.—

Покупатель. Но предположи, что я уже очищенъ; какой способъ напоминанія?—

Пиѳагоръ. Во-первыхъ, долгое молчаніе, нѣмота, и ни одного звука человѣческой рѣчи въ теченіе пяти цѣлыхъ лѣтъ.—

Покупатель. Тебѣ въ пору, любезнѣйшій, воспитывать сына Крезова; [6]) а я-то говорливъ, не хочу быть истуканомъ. Что же, однако, послѣ молчанія и пятилѣтія?—

Пиѳагоръ. Будешь упражняться въ музыкальномъ пѣніи и геометріи.—

Покупатель. Мило, если прежде нужно сдѣлаться цитаристомъ и затѣмъ быть мудрымъ.—

---

[5]) По метемпсихозѣ, вынесенной Пиѳагоромъ изъ Египта въ Грецію, душа прошла уже много степеней существованія въ этой жизни въ другихъ тѣлахъ и потому имѣетъ готовыя познанія, которыя пробуждаются напоминаніями. Само собою разумѣется, что эту мысль Лукіанъ пародируетъ.

[6]) Извѣстно, что у Креза былъ глухонѣмой сынъ.

Пиѳагоръ. Потомъ, далѣе въ счетѣ.—

Покупатель. Считать я и теперь умѣю.—

Пиѳагоръ. Какъ ты считаешь?—

Покупатель. Разъ, два, три, четыре.—

Пиѳагоръ. Видишь, что тебѣ кажется четыре, то—десять и совершенный треугольникъ, и нашъ священный завѣтъ —[7])

Покупатель. Клянусь этою, величайшею, стало быть, клятвою,—четырьмя, я никогда не слыхалъ словъ болѣе божественныхъ и болѣе священныхъ.—[8])

Пиѳагоръ. Послѣ же, иноземецъ, узнаешь о землѣ, о воздухѣ, водѣ, огнѣ, какое они имѣютъ стремленіе, какіе формою и какъ движутся.—

Покупатель. Форму имѣетъ огонь, воздухъ, вода?—

Пиѳагоръ. Даже очень замѣтную. Ибо невозможно движеніе безъ формы и фигуры. И затѣмъ узнаешь, что богъ есть число, душа и гармонія.—[9])

Покупатель. Чудныя дѣла ты говоришь.—

Пиѳагоръ. Сверхъ всего сказаннаго будешь знать, что ты одинъ, думаешь, другимъ кажешься иной въ дѣйствительности.—

Покупатель. Что ты? Я—другой, а не этотъ, что теперь разговариваю съ тобой?—

Пиѳагоръ. Теперь этотъ, а давно отображался въ другомъ тѣлѣ и другомъ лицѣ, современемъ же опять перейдешь въ другое.—

Покупатель. То есть, я буду безсмертенъ, измѣняясь во многіе виды? Но этого довольно. Относительно пищи каковъ ты?—

---

[7]) По ученію Пиѳагора начальная причина называлась единицею, матерія двойственностью, а міръ весь—гармонически устроенное цѣлое, состоящее изъ *десяти* большихъ тѣлъ.

[8]) Покупатель какъ-бы внезапно пораженъ священною таинственностью чиселъ: четыре и десять, которыя доселѣ казались ему очень простыми.

[9]) Божество Пиѳагоръ называетъ душою міра, души людей —его изліяніями.

Пиѳагоръ. Не ѣмъ ничего животнаго, а изъ всего прочаго бобовъ.—

Покупатель. Почему? Или бобы тебѣ отвратительны?—

Пиѳагоръ.. Нѣтъ, но они священны и природа ихъ удивительна Во-первыхъ, они по всему животное произведеніе, и если сорвешь еще свѣжій бобъ, то увидишь фигуру, подобную.... а если сваренный его выставишь на луну въ умѣренныя ночи. то получишь кровь. Во-вторыхъ, и это важнѣе того, у Аѳинянъ законъ—избирать властей бобами.—

Покупатель. Дѣльно все говоришь и религіозно. Но раздѣнься-ка, я желаю взглянуть на тебя и на голаго. А—а! у него золотая лядвія,—богомъ, а не смертнымъ онъ открывается! [10]) Всѣми мѣрами куплю тебя. (Обращаясь къ Гермесу) За сколько продаешь этого?—

Гермесъ. За десять минъ.—

Покупатель. Мой за эту цѣну.—

Зевсъ. Пиши имя купившаго и мѣсто его жительства.—

Гермесъ. Онъ кажется, Италіецъ какой-то, изъ окрестностей Кротона, Тарента, и тамошней Эллады. [11]) Впрочемъ онъ не одинъ, но человѣкъ до трехсотъ въ складчину купили его.—

Зевсъ. Пусть уводятъ. Иного выставимъ.

Гермесъ. Хочешь того пекущагося на солнцѣ, [12]) Понтійца?

---

[10]) Говорятъ, у Пиѳагора на правой лядвіи было оттиснуто изображеніе *золотаго* Феба.

[11]) Италійцы потому являются покупателями, что Пиѳагоръ въ Италіи и Сициліи имѣлъ болѣе всего послѣдователей; школа Пиѳагорейская—иначе *Итальянская*.

[12]) Діогенъ грѣлся на солнцѣ въ то время, когда посѣтилъ его Александръ Великій. Но онъ, какъ рьяный исповѣдникъ цинической философіи, безъ сомнѣнія, и когда бы то ни было равнодушенъ былъ къ солнечному жару.

Зевсъ. Ну да.—

Гермесъ. Эй ты, на которомъ сума виситъ, что плащъ скинутъ съ одного плеча, сюда! и обойди вокругъ собраніе! Продаю жизнь сильную, жизнь самую лучшую и смѣлую, жизнь свободную.—кто купитъ?—

Покупатель. Глашатай, какъ? продаешь свободнаго?—

Гермесъ. Да, такъ.—

Покупатель. Развѣ не боишься, чтобы тебя не судили за порабощеніе, или не потянули бы въ Ареопагъ?—[13])

Гермесъ. Никакого нѣтъ ему дѣла до продажи, потому что этотъ въ мысляхъ своихъ полагаетъ, что онъ свободенъ.

Покупатель. Какую пользу могъ бы кто-нибудь получить отъ него, заросшаго грязью и такъ несчастно изнеможденнаго? Развѣ сдѣлать его землекопомъ или водоносцемъ.—

Гермесъ. Не этимъ только, но если бы ты приставилъ его даже караулить дверь, то онъ служилъ бы вѣрнѣе собаки. Вѣдь и имя ему—собака.—[14])

Покупатель. Откуда онъ и какую работу обѣщаетъ?

Гермесъ. Самого спроси; лучше всего сдѣлать такъ.—

Покупатель. Боюсь суровости его и угрюмости, чтобы не залаялъ на меня, когда подойду къ нему, или, чего добраго, даже не укусилъ бы. Не видишь, какъ

---

[13]) Ареопагу, высшей и, по понятію народа, святой, судебной коллегіи, Солонъ ввѣрилъ и надзоръ за ненарушимостью законовъ.

[14]) Антистенъ, основатель цинической философіи, училъ въ *циносаргѣ*, одномъ изъ Аѳинскихъ загородныхъ гуляній. Впослѣдствіи, когда циники примѣненіе началъ лишенія довели до пренебреженія нравами и приличіями, прозваніе *циникъ* начали производить отъ греческаго слова (κύων—κυνός), значущаго *собака*.

поднялъ онъ дубину, нахмурился, грозно и сердито смотритъ изъ-подлобья?—

Гермесъ. Небось, онъ ручной.—

Покупатель. Во-первыхъ, любезнѣйшій, изъ какой ты страны?—

Діогенъ. Изъ всѣхъ странъ?—

Покупатель. Какъ это изъ всѣхъ?

Діогенъ. Видишь гражданина міра.—

Покупатель. Кому ты подражаешь?

Діогенъ. Геркулесу.

Покупатель. Что же не носишь на себѣ и львиной кожи? Но дубинѣ-то [15]) похожъ на него.—

Діогенъ. Этотъ плащъ у меня львиная кожа. Воюю, подобно ему, противъ удовольствій, не по приказанію, [16]) но добровольно, избравъ себѣ цѣль исправлять жизнь.—

Покупатель. Прекрасная цѣль; но въ чемъ, напримѣръ, ты болѣе всего свѣдущъ? Или какимъ ремесломъ заправляешь?—

Діогенъ. Я освободитель людей и врачъ страстей; вообще я желаю быть пророкомъ истины и свободы.—

Покупатель. Ну, пророкъ, если я куплю тебя, какимъ образомъ будешь выправлять меня?—

Діогенъ. Принявъ тебя, прежде всего нѣгу долой, заключу вмѣстѣ съ бѣдностью и надѣну дырявый плащъ. Послѣ того заставлю работать и трудиться, причемъ спать на землѣ, пить воду и насыщаться чѣмъ попало. Если имѣешь деньги, то, слушаясь меня, самъ бросишь ихъ въ море. Не будешь заботиться о супружествѣ, о дѣтяхъ и отечествѣ: все это вздоромъ будетъ у тебя. Бросишь отцовскій домъ, будешь жить въ гробницѣ, пустой башнѣ или бочкѣ. Сума у тебя не оскудѣетъ волчьими бобами и истрепанными отъ употребленія книгами. И въ такомъ состояніи ты назовешь себя

---

[15]) Иначе *палица*, съ которою ходилъ Геркулесъ.

[16]) Геркулесу Эвристей приказывалъ истреблять чудовищъ.

счастливѣе великаго царя. Если кто будетъ сѣчь тебя или мучить, то ничего такого не сочтешь тяжелымъ.—

Покупатель. Какъ это—не чувствовать боли подъ розгами? Я не черепаха, а также не одѣтъ въ броню рака.—

Діогенъ. Будешь подражать тому Эврипидовскому, съ немногимъ отступленіемъ.—

Покупатель. Чему?—

Діогенъ. Мысль у тебя будетъ страдать, языкъ же будетъ безболѣзненъ. Что же скорѣе всего должно усвоить, то это слѣдующее: должно быть наглымъ и дерзкимъ и поносить всѣхъ за-урядъ. Чрезъ это они обратятъ на тебя вниманіе и заключатъ о мужественности. Рѣчь должна быть непонятная, голосъ безтонный и подобный собачьему; лицо вытянутое, походка соотвѣтствующая такому лицу, и вообще все звѣроподобное и дикое. Стыдъ, приличіе и скромность прочь. Краску съ лица сгладь безвозвратно. Бѣги во многолюднѣйшія мѣста и въ нихъ притомъ находи удовольствіе быть одному, не сообщаясь ни съ кѣмъ, не посѣщая ни своего, ни чужаго. Это самое и есть уничтоженіе власти. Въ глазахъ всѣхъ смѣло дѣлай то, чего никто не сдѣлалъ бы тайно, и любовь избери самую смѣшную. Наконецъ, если заблагоразсудится, то умри, кушая свѣжаго полипа или рыбу—чернильницу. [17]) Вотъ какое счастіе мы тебѣ доставимъ.—

Покупатель. Пошелъ ты съ этими гадостями и нечеловѣческими дѣйствіями!—

Діогенъ. Но они очень легки, по крайней мѣрѣ, незнакомецъ, и всѣмъ сподручны. Ибо не нужно будетъ тебѣ образованія, наукъ и пустословія; за то этотъ же короткій путь къ славѣ. Хотя бы ты былъ простаго званія человѣкъ, кожевникъ, продавецъ солепостей, плотникъ или столяръ, ничто не помѣшаетъ тебѣ сдѣлаться

---

[17]) Рыба, отъ страху выпускающая черный ядовитый сокъ. Полипъ также, вѣроятно, не безвреденъ.

предметомъ удивленія, если только будетъ у тебя безстыдство и наглость и хорошенько выучишься ругаться.—

Покупатель. Больше этого я не прошу тебя. Матросомъ или огородникомъ, пожалуй, годишься быть, и то если этотъ вотъ захочетъ отдать тебя, много—много, за два обола.—

Гермесъ. Бери, твой; съ радостью уступаемъ, потому что безпокоенъ, кричитъ, сплошь всѣхъ обижаетъ и лается.—

Зевсъ. Вызывай иного, Киренейца, [18]) что въ порфирѣ и въ вѣнцѣ.—[19])

Гермесъ. Ну-те же, слушай всякій: драгоцѣнное сокровище, на богатую руку! Жизнь эта самая пріятная, жизнь треблаженная. Кто желаетъ роскоши? Кто покупаетъ самаго веселаго?—

Покупатель. Иди сюда и говори: что умѣешь дѣлать? Куплю тебя, если былъ бы ты полезенъ.—

Гермесъ. Не безпокой его, любезнѣйшій, не спрашивай: онъ пьянъ, потому и не отвѣтилъ бы тебѣ, мѣшаясь языкомъ, какъ видишь.—

Покупатель. И какой благоразумный купилъ бы такъ испорченнаго и невоздержнаго раба? Какими же несетъ отъ него духами! А какъ шатается и спотыкается! Но хоть ты, Гермесъ, скажи всѣ его качества, кромѣ этого и что онъ смыслитъ?—

Гермесъ. Однимъ словомъ, умѣетъ жить компаньономъ, ловокъ пировать вмѣстѣ, любящему и сладострастному господину пригоденъ для кутежа съ флейтщицею; знатокъ и прочихъ конфектъ, равно и опытнѣйшій кондитеръ; короче, мудрецъ удовольствій. Образо-

---

[18]) Кирена была родина Аристиппа, основателя философіи, по имени ея названной *Киренейскою*, сущность которой—соединеніе наслажденія и преимущества научнаго образованія и утонченности обращенія съ страстью къ роскоши.

[19]) Онъ потому съ этими аттрибутами, что его ученіе принято было при дворахъ греческихъ государствъ, возникшихъ изъ завоеваній Александра Великаго.

ваніе получилъ, конечно, въ Аѳинахъ; служилъ между прочимъ въ Сициліи у тиранновъ и былъ довѣреннымъ у нихъ лицомъ. Суть же его призванія все презирать, всѣмъ пользоваться и отовсюду ловить удовольствія.—

Покупатель. Удобное тебѣ время поискать кого нибудь другаго изъ этихъ богачей и денежныхъ людей, а я не расположенъ покупать веселую жизнь.—

Гермесъ. Зевсъ, не проданнымъ, кажется, остается у насъ этотъ.—

Зевсъ. Назадъ его! Иного выводи; лучше же тѣхъ двухъ, смѣющагося изъ Абдеры и плаксу изъ Эфеса. Я хочу, чтобы они продаваемы были вмѣстѣ.—

Гермесъ. Выходите на средину. Двѣ самыя лучшія жизни продаю, съ публичнаго торгу продаю мудрѣйшихъ изъ всѣхъ.—

Покупатель. Вотъ контрастъ! Одинъ не перестаетъ смѣяться, другой же словно оплакиваетъ кого, постоянно слезы льетъ. Что это, эй ты, чему смѣешься?—

Демокритъ. Чему? Мнѣ кажутся смѣшными всѣ дѣла ваши и сами вы.—

Покупатель. Какъ? Ты смѣешься надъ всѣми нами и ни во что ставишь дѣла наши?—

Демокритъ. Такъ и есть; ибо ни одного изъ нихъ нѣтъ существеннаго; всѣ они ничтожны, движенье атомовъ и невѣжество.—[20])

Покупатель. Нѣтъ, но вѣрнѣе всего ты ничтоженъ и невѣжда. О надменность! Смѣйся же весь свой вѣкъ! А ты что плачешь, любезнѣйшій? Я думаю, лучше поговорить съ тобою.—

Гераклитъ. Я считаю, чужеземецъ, человѣческія дѣла жалкими и достойными слезъ, и ни одно изъ нихъ не избѣгаетъ роковаго конца: поэтому я жалѣю васъ и

---

[20]) Демокритъ принадлежалъ къ *Элеаткой* школѣ философовъ, которые первые провели рѣзкую черту между чувственными впечатлѣніями и умственнымъ познаваніемъ и провозгласили обманчивость и призрачность сихъ первыхъ. Демокритъ едва ли не ранѣе всѣхъ училъ *атомистикѣ*.

плачу. И настоящаго я не нахожу великимъ, а будущее въ послѣднее время совершенно печально. Говорю объ истребленіи огнемъ и участи міра. Объ этомъ плачу и о томъ, что ничего нѣтъ прочнаго, но все собирается точно въ смѣшанномъ питьѣ, [21]) и по тому самому наслажденье—горечь, знанье—незнанье, важное—пустое, все вверхъ, внизъ кружащееся и перемѣняющееся въ игрѣ жизни.—[22])

Покупатель. Что же есть жизнь?—

Гераклитъ. Дитя играющее, забавляющееся камушками и капризное.—

Покупатель. А люди что такое?—

Гераклитъ. Смертные боги.—

Покупатель. А боги?—

Гераклитъ. Безсмертные люди.

Покупатель. Загадки, братъ, загадываешь, или шарады составляешь? Просто, какъ Локсій, [23]) ничего не объясняешь.—

Гераклитъ. Я объ васъ нисколько не забочусь.—

Покупатель. Потому никто благоразумный не купитъ тебя.—

Гераклитъ. А я желаю сильно плакать всѣмъ, покупающимъ и не покупающимъ.—

Покупатель. Это зло не далеко отъ сумашествія и я не куплю ни одного изъ нихъ.—

Гермесъ. Остаются и эти не проданными.—

Зевсъ. Иного продавай.—

Гермесъ. Того Аѳинянина, увлекательнаго краснобая, угодно?

Зевсъ. Иди сюда, ты! Честную жизнь, разумную продаемъ. Кто купитъ самаго священнаго?—

Покупатель. Скажи: въ чемъ преимущественно твои свѣдѣнія?—

---

[21]) Κυκεών—ядъ, питье, смѣшанное изъ многихъ растеній.

[22]) Гераклитъ излагалъ *пантеистическое* ученіе.

[23]) Прозваніе Аполлона, котораго оракулы сдѣлались образцами темноты и загадочности.

Сократъ. Я любитель дѣтей и опытенъ въ тайнахъ любви.—

Покупатель. Какъ же я куплю тебя? Мнѣ нуженъ-было педагогъ къ сыну, который хорошъ у меня.—

Сократъ. Кто же былъ бы способнѣе меня обращаться съ хорошимъ? И я вѣдь любитель не тѣла, но руководитель души хорошей. Небось, ничего дурнаго не будетъ.—

Покупатель. Невѣроятно, чтобы ты заботился о чемъ нибудь, кромѣ души.—

Сократъ. Даже божусь тебѣ собакою и яворомъ, что это такъ.—

Покупатель. Вотъ—тебѣ—на, новые боги!—

Сократъ. Новые? Собака не богъ, по-твоему? Незнаешь развѣ Анубиса въ Египтѣ—какъ великъ? Сиріуса [24]) на небѣ и Цербера въ аду?—

Покупатель. Правда твоя, а я ошибался; но какой образъ жизни ты ведешь?—

Сократъ. Живу, самъ себѣ образовавъ государство, ввелъ въ немъ новое правленіе, и законы постановляю свои.—[25])

Покупатель. Желалъ бы я услышать одно изъ твоихъ основныхъ положеній.—

Сократъ. Слушай, самое главное, которое принято у меня о женщинахъ: ни одной изъ нихъ не принадлежать никому одному, но жить со всякимъ, желающимъ супружества.—

Покупатель. Что этимъ ты высказываешь? Что законы о прелюбодѣяніи уничтожены?—

---

[24]) Песья звѣзда.

[25]) Пародируются сочиненія Платона, достойнѣйшаго ученика Сократова: *Политикосъ*, *Политія и О законахъ*. Государство Платона, подобно идеальнымъ представленіямъ всѣхъ человѣческихъ отношеній, такъ далеко отъ дѣйствительности, что выраженіе «республика Платона» до сихъ поръ употребляется для обозначенія фантастической мечты.

Сократъ. И просто-таки всякая пустая бережливость насчетъ этого.—

Покупатель. А что думаешь о дѣтяхъ въ цвѣтущемъ возрастѣ?—

Сократъ. И эти будутъ цѣловать награду знатнѣйшимъ, совершившимъ что нибудь извѣстное и мужественное.—[26])

Покупатель. Экая любовь къ дарамъ! [27]) Какое главное содержаніе твоей мудрости?—

Сократъ. Идеалы и уподобленія существующаго: что ни видишь, землю, что на землѣ, море,—всего этого невидимые образы находятся внѣ міра.—

Покупатель. А гдѣ они находятся?—

Сократъ. Нигдѣ; если бы они были гдѣ-нибудь, то ихъ бы не было.—

Покупатель. Не понимаю того, что называешь уподобленіями.—

Сократъ. И немудрено, потому что ты слѣпъ глазомъ душевнымъ; а я вижу отраженія всего,—и тебя невидимаго, и себя другаго, и вообще все вижу двойнымъ.—

Покупатель. Ну, стоитъ купить тебя, такого мудреца и прозорливца. (Обращаясь къ Гермесу) Объявя-ка наконецъ, что съ меня потребуешь за него?—

Гермесъ. Дай два таланта.—

Покупатель. Купилъ за сколько говоришь; деньги послѣ уплачу.—

Гермесъ. Какъ твое имя?—

Покупатель. Діонъ Сиракузскій.—[28])

---

[26]) Отвѣтъ соединенъ съ отвѣтомъ о женщинахъ. Въ немъ заключается двусмысліе: цѣловать награду, даруемую знатнѣйшимъ за геройскіе подвиги, или награду имъ, дѣтямъ, отъ знатнѣйшихъ....

[27]) Чья любовь къ дарамъ,—опять обоюдность. Знатнѣйшіе ли будутъ любить дарить, или дѣти получать дары. Ни тотъ не про Өому, ни этотъ не про Ерему.

[28]) Діонъ Сиракузскій, другъ Платона и человѣкъ съ философскимъ образованіемъ и принципами.

Гермесъ. Беря съ Богомъ. Эпикура уже вызываю. Кто купитъ его? Онъ ученикъ того смѣющагося и пьянаго, которыхъ мы незадолго предъ этимъ продавали. Больше ихъ знаетъ только то, что не такъ религіозенъ; впрочемъ веселъ и любитъ лакомство.—

Покупатель. Какая цѣна?—

Гермесъ. Двѣ мины.—

Покупатель. Получай; но чтобы знать мнѣ что нибудь,—какія онъ кушанья любитъ?—

Гермесъ. Ѣстъ сладкія, медовыя и особенно сухія фиги.—

Покупатель. Труднаго ничего не представляется; буду покупать ему фиговые шары.—[29])

Зевсъ. Иного зови, остриженнаго вплоть до кожи, того строгаго, Стоика.—

Гермесъ. Слушаю; и-то его, кажется, ждетъ большое множество пришедшихъ на площадь [30]). Самую добродѣтель продаю, жизнь совершеннѣйшую. Кто все одинъ хочетъ знать?—

Покупатель. Что это ты говоришь?—

Гермесъ. Что этотъ одинъ мудрый, одинъ честный, одинъ справедливый, храбрый, царь, ораторъ, богачъ, законодатель и прочее, что ни есть.—

Покупатель. Итакъ, добрѣйшій, и поваръ онъ одинъ? И, клянусь Зевсомъ, кожевникъ, плотникъ и подобное.—

Гермесъ. Вѣроятно.—

Покупатель. Иди, добрякъ, и говори мнѣ, покупателю: кто ты и, прежде всего, не больно ли тебѣ, что продаютъ тебя, и что ты рабъ?—

Хризиппъ. Нисколько; ибо это не отъ насъ, а что не отъ насъ, то случилось безразлично.—

---

[29]) Шары, сплоченные изъ фигъ или винныхъ ягодъ.

[30]) Очень многіе, наслышавшись о необыкновенномъ мудроуміи Хризиппа, сошлись на торговую площадь на дѣлѣ увѣриться въ чудесахъ отъ него, не столько въ это время, какъ ему предстояла продажа съ аукціона, сколько въ то, когда слава его и подобныхъ ему гремѣла въ подлунной.

Покупатель. Не понимаю словъ твоихъ.—

Хризиппъ. Что? Не понимаешь, что одно изъ этого предпочитаемое, а другое отвергаемое?—[31])

Покупатель. И теперь не понимаю.—

Хризиппъ. И естественно, потому что не знакомъ ты съ нашими терминами и не имѣешь постигающей созерцательной способности, но любитель науки, изучившій логическую теорію, знаетъ не только это, но и *симбама* и *парасимбама*, [32]) чѣмъ и какъ они различаются между собою.—

Покупатель. Ради философіи, не позавиствуй—скажи хоть это, что такое симбама и парасимбама; я даже очень—очень пораженъ созвучіемъ словъ.—

Хризиппъ. Зачѣмъ зависть? Такъ, если кто-нибудь хромой, спотыкнувшись о камень тою самою хромою ногой, получитъ скрытную рану, то онъ хромоту имѣлъ симбамой, а рану прибавилъ, въ качествѣ парасимбамы.—

Покупатель. О остроуміе! Но что именно еще лучше всего ты знаешь?—

Хризиппъ. Умѣю сплетать слова, которыми запутываю собесѣдниковъ, заграждаю имъ уста и заставляю молчать, какъ-бы узду накидывая на нихъ. Имя этой силѣ—знаменитый силлогизмъ.—

Покупатель. Ай—ай, онъ какой-то непобѣдимый и жестокій!—

Хризиппъ. Вотъ смотри: есть у тебя дитя?—

Покупатель. Что далѣе?—

---

[31]) Προηγμένα=praelata, о благахъ тѣла и судьбы, ἀποπροηγμένα=rejecta, posthabita, о всякаго рода злѣ,—термины Стоиковъ.

[32]) Σύμβαμα - случай. Предложеніе изъ имени и глагола, образующее полную мысль. Παρασύμβαμα - тоже случай. Но предложеніе изъ имени и глагола, имѣющее не полную мысль. Не переведенными на русскій они остались для удержанія ихъ созвучности, о которой ниже рѣчь.

Хризиппъ. Представь: крокодилъ, увидавъ мальчика твоего, ходящаго на берегу рѣки, схватилъ его и потомъ обѣщаетъ возвратить на томъ условіи, если ты вѣрно угадаешь, какое у него мнѣніе насчетъ возвращенія дитяти. Что сказалъ бы —онъ думаетъ?—

Покупатель. Трудно отвѣчать на твой вопросъ; теряюсь, чтó бы мнѣ сказать, чтобы взять дитя. Но ты, ради Зевса, отвѣть за меня и спаси мнѣ сына, а то крокодилъ не будетъ дожидаться, съѣстъ его.—

Хризиппъ. Небось! И другому, гораздо болѣе удивительному, я научу тебя.—

Покупатель. Чему?—

Хризиппъ.—Пожинающему, господствующему, во всемъ Электрѣ и прикровенному.—[33])

Покупатель. Кто это такой прикровенный или Электра?—

Хризиппъ. Та самая Электра славная, дочь Агамемнона, которая одно и то же и знала, и не знала. Когда явился передъ ней неузнаваемый еще Орестъ, то она знаетъ, что Орестъ—братъ ея, но что этотъ ли именно Орестъ, не знаетъ. [34]) А вотъ послушай прикровенный и вполнѣ дивный силлогизмъ. Отвѣть мнѣ: отца своего ты знаешь?—

Покупатель. Еще бы!—

Хризиппъ. Что же? Если я, поставивъ предъ тобой кого нибудь закрытымъ, спрошу: знаешь ты этого? Что скажешь?—

Покупатель. Конечно не знаю.—

Хризиппъ. Но этотъ былъ твой отецъ; стало быть, если этого не знаешь, то ясно, что и отца своего не знаешь.—

Покупатель. Нѣтъ, не правда; я открою его, и

---

[33]) Всѣ эти слова—названія силлогизмовъ стоическихъ.

[34]) Когда Орестъ, воспитанный у Фокидскаго царя Строфія, куда отвезла его сестра Электра, для спасенія отъ Эгиста и матери своей, вышедшей за него замужъ, явился съ своимъ другомъ Пиладомъ во дворецъ Эгиста.

узнаю истину. Однако, какой конецъ твоей мудрости? Или что будешь дѣлать, достигнувъ высшей степени этой силы?—

Хризиппъ. Займусь тогда первыми естественными обязанностями, то есть, матеріальнымъ обезпеченіемъ, здоровьемъ и тому подобнымъ. А прежде необходимо много поработать, изощряя глаза мелкоисписанными рукописями, собирая схоліи, начиняясь соллецизмами и нелѣпыми рѣченіями; [35]) и главное, нельзя быть мудрецомъ, если три раза сряду не выпьешь чемерицы.—

Покупатель Благородно и чрезвычайно отважно. [36]) А какъ, примѣрно, по части Гниѳонства [37]) и благодѣтельнаго одолженія (вѣдь сверхъ того и эти черты проглядываютъ въ тебѣ), когда герой выпилъ уже чемерицу и укрѣпился для дѣятельности?

Хризиппъ. Да, да. Одному непремѣнно мудрецу слѣдовало бы давать взаймы, такъ какъ собственно его дѣло—умозаключенія, а заимодавство и счисленіе процентовъ близки, кажется, къ умозаключенію; [38]) одному любителю науки принадлежало бы какъ то, такъ и другое. И не только подобно другимъ, брать простые проценты, но и проценты на проценты.—Какъ будто ты незнаешь, что проценты одни—первые, другіе—вторые, ихъ потомки. Видишь наконецъ, на чемъ утверждается и самый силлогизмъ: возьметъ ли онъ первый процентъ и второй; но вѣдь онъ возьметъ первый, слѣд. и второй.—

Покупатель. Итакъ то же нужно сказать о вознагражденіяхъ, которыя получаешь за мудрость отъ мо-

---

35) Мудрому необходимо все это, чтобы казаться мистичнѣе и удивлять простыхъ смертныхъ.

[36]) Благородно—незаботиться о благосостояніи кармана и благоутробія, а отважны подвиги корпѣнія и, главное, пріемы чемерицы, если не въ собственномъ значеніи разъѣдающей травы, то возбуждающихъ чиханіе обстоятельствъ

[37]) Гниѳонъ—скаредный ростовщикъ, современный Лукіану, благодѣтель бѣдныхъ и богатыхъ по имени.

[38]) Сравненіе основано на двоякомъ значеніи συλλογίζομαι —считать и умозаключать.

лодыхъ людей, и видно, одинъ любитель науки получитъ награду за добродѣтель?—[39])

Хризиппъ. Понимаешь. Я не ради себя беру, а ради самого дающаго, такъ какъ одинъ—*расточатель*, а другой—*хвататель*, [40]) я упражняю себя быть хвателемъ, а ученикъ—расточателемъ.—

Покупатель. Но сейчасъ ты говорилъ наоборотъ,—что молодой человѣкъ хвататель, а ты, одинъ богатый, расточатель.—

Хризиппъ. О ты, трунишь! Берегись же, чтобы я не подстрѣлилъ тебя бездоказательнымъ силлогизмомъ.—

Покупатель. И что страшнаго отъ этой стрѣлы?—

Хризиппъ. Недоумѣніе, молчаніе и искалѣченіе мысли. Что же важнѣе всего, если захочу, сдѣлаю тебя камнемъ.—

Покупатель. Камнемъ? Ты, любезнѣйшій, не Персей, [41]) кажется мнѣ.—

Хризиппъ. Такъ. Камень—тѣло?—

Покупатель. Да.—

Хризиппъ. Ну, животное—не тѣло?—

Покупатель. Тѣло.

Хризиппъ. А ты—животное?—

Покупатель. Кажется, по крайней мѣрѣ.—

Хризиппъ. Итакъ ты—камень, потому что тѣло.—

Покупатель. Ничуть нѣтъ. Но освободи меня, ради Зевса, и снова сдѣлай человѣкомъ.—

Хризиппъ. Нетрудно; опять будь человѣкомъ. Скажи мнѣ: всякое тѣло—животное?

---

39) Αρετη не только добродѣтель, благодѣяніе, но и доблесть и дѣятельность. Здѣсь соединено все это, потому что покупатель не совсѣмъ безъ толку.

40) Слова не новыя русскія, но естественно образованныя и другими не вполнѣ замѣнимыя, тѣмъ болѣе что ниже этого юноша является хвателемъ мудрости и денегъ взаймы, а философъ расточателемъ того и другаго, и притомъ не привативно, но поссессивно.

41) Персей, посредствомъ окаменяющей головы Медузы, освободилъ Андромаху, отданную на съѣденіе морскому чудовищу.

Покупатель. Нѣтъ.—
Хризиппъ. Что же? камень животное?—
Покупатель. Нѣтъ.—
Хризиппъ. А ты—тѣло?—
Покупатель. Да.—
Хризиппъ. Будучи тѣломъ, ты животное?—
Покупатель. Такъ.—
Хризиппъ. Итакъ ты не камень, потому именно что животное.—

Покупатель. Спасибо на этомъ; а-то члены мои, какъ члены Ніобы, [12]) лишались жизни и были тверды. Но все-таки куплю тебя.—Сколько за него?—

Гермесъ. Двѣнадцать минъ.—
Покупатель. Получи.—
Гермесъ. Одинъ ты купилъ его?—
Покупатель. О нѣтъ! Всѣ эти, которыхъ видишь.—
Гермесъ. Много же васъ, да и плечисты и пожинающаго силлогизма достойны.

Зевсъ. Не медли, кличь иного.—

Гермесъ. Кличу тебя Перипатетика, красиваго и богатаго. Ну-те, покупайте умнѣйшаго и все вообще знающаго!—

Покупатель. Какой онъ такой?—
Гермесъ. Умѣренный, справедливый, искусной жизни [13]) и, главное, двоякій.—
Покупатель. Какъ это?—
Гермесъ. Одинъ, внѣшній—видимый, а другой онъ, внутренній,—въ умѣ у него; поэтому, если купишь, не забывай звать его то *эсотерикомъ*, то *экзотерикомъ*.—

---

[12]) Ніоба за гордость своею красотою была наказана Латоною истребленіемъ всѣхъ ея дѣтей и превращеніемъ ея самой въ камень.

[13]) Намекается на сочиненіе Аристотеля «О нравственности или Этикѣ», которое заключаетъ не только философское разсужденіе о добрѣ и злѣ, но относится также и къ *частой жизни* и трактуетъ о добродѣтели и счастіи. Послѣдователь Аристотеля,

Покупатель. Что-жъ онъ болѣе всего знаетъ?—

Гермесъ. Что три блага: въ душѣ, въ тѣлѣ и внѣ.—

Покупатель. Онъ умствуетъ о человѣческомъ. Сколько стоитъ?—

Гермесъ. Двадцать минъ.—

Покупатель. Дорого.—

Гермесъ. Нѣтъ, милостивецъ, вѣдь онъ и самъ имѣетъ, кажется, деньги, потому едвали бы ты купилъ его дешевле. Еще же скоро обогатишься отъ него познаніями, сколько времени живетъ комаръ, насколько глубины море освѣщается солнцемъ и какая душа звѣздъ.—[44])

Покупатель. Удивительная проницательность!—

Гермесъ. А что, если бы ты услыхалъ гораздо проницательнѣе этого: о родотворномъ сѣмени, о рожденіи и образованіи зародышей? [45]) И что человѣкъ—существо смѣющееся, оселъ, напротивъ, не смѣющееся, не изобрѣтающее и не мореходствующее?—

Покупатель. Ты аттестуешь его въ очень важныхъ и полезныхъ наукахъ: покупаю его за двадцать.—

Гермесъ. Хорошо. Какой тамъ послѣдній у насъ остается? Скептикъ этотъ. Ты, Пирръ, подходи и продавайся поскорѣй. Уже большинство потихоньку уходитъ и продажа будетъ среди немногихъ. Однако кто купитъ и этого?—

Покупатель. Я. Но прежде скажи: что ты знаешь?—

Философъ. Ничего.—

Покупатель. Какъ такъ?—

Теофрастъ, въ сочиненіи «Характеристики» своими сарказмами, направленными противъ человѣческихъ недостатковъ, хотѣлъ преимущественно преподать своимъ читателямъ наставленія въ *хорошемъ образѣ жизни*, а не собственно въ нравственности и добродѣтели.

[44]) Аристотель въ естественныхъ наукахъ сдѣлалъ открытія, которыя и въ наше время признаются за истину.

[45]) У Аристотеля было стремленіе дополнить недостатокъ свѣдѣній въ анатоміи человѣка изслѣдованіемъ надъ внутреннимъ организмомъ человѣка.

Философъ. Такъ; мнѣ кажется, что совершенно ничего нѣтъ.—

Покупатель. Стало быть, и мы не кто нибудь?—

Философъ. Этого также не знаю.

Покупатель. И того, что ты кто нибудь?—

Философъ. Этого гораздо еще болѣе не знаю.—

Покупатель. О невѣдѣніе! Съ какого цѣлію у тебя вѣсы эти?—

Философъ. Я взвѣшиваю на нихъ слова и сравниваю, и если вижу въ точности равными по вѣсу, тогда ужъ, тогда не знаю болѣе истиннаго.—

Покупатель. Изъ прочаго же что бы ты хорошо дѣлалъ?—

Философъ. Все, кромѣ преслѣдованія бѣглой рабыни.—

Покупатель. Почему же этого не можешь?—

Философъ. Потому что не догоню, добрякъ.—

Покупатель. Можно повѣрить, потому что лѣнивъ и неповоротливъ. Но какой же конецъ твоего знанія?—

Философъ. Незнаніе, ничего невидѣніе и ничего неслышаніе.

Покупатель. Итакъ ты и глухъ вмѣстѣ, и слѣпъ —говоришь?—

Философъ. И неразборчивъ къ тому же и безсознателенъ, [46]) вообще ни въ чемъ не отличаюсь отъ червяка.—

Покупатель. За это надо купить тебя. Чего стоющимъ долженъ объявиться этотъ?—

Гермесъ. Аттической мины.—

Покупатель. Получай. Что скажешь, братъ,—я купилъ тебя?—

Философъ. Сомнительно.—

Покупатель. Нѣтъ, не сомнительно. Я купилъ тебя и деньги заплатилъ.—

---

[46]) Покупателю нравится, что онъ не разборчивъ на пищу, содержаніе, и безсознателенъ къ холоду, жару и прочимъ лишеніямъ. А философъ, какъ скептикъ, хочетъ сказать, что онъ ни-

Философъ. Размышляю объ этомъ и взвѣшиваю
Покупатель. Что ты себѣ тамъ хочешь, а иди
мной, какъ должно моему слугѣ.—
Философъ. Кто знаетъ, правду ли ты говоришь?
Покупатель. Глашатай знаетъ, мина и сви[детели].—
Философъ. Развѣ при насъ есть кто-нибудь?—
Покупатель. Да теперь съ тобой нечего толкова[ть],
а вотъ какъ запрячу тебя въ пытку, то увѣрю чѣмъ [ни]
будь похуже, что я господинъ.—
Философъ. Думаю объ этомъ.—
Покупатель. Думай—не думай, клянусь Зевсом[ъ],
а я уже сдѣлался господиномъ.—
Гермесъ. Перестань упираться и иди за покуп[а]телемъ. А васъ на завтра вызываемъ. Теперь буде[мъ]
продавать простолюдиновъ, сидя—работающія и приказ[]ныя [47]) жизни.—

М. Лисицынъ.

чего не разбираетъ въ явленіяхъ, не можетъ дать рѣшительнаго сужденія, *сомнѣвается* во всемъ и не имѣетъ никакого познанія, или сознанія.

[47]) Ἀγοραῖος=forensis—судебный, писецъ въ судѣ, *приказный*.

Счетъ, представленный Гермесомъ Зевсу за проданныхъ философовъ:

Сократъ	2750	русскихъ рублей.
Аристотель . . .	440	— — —
Хризиппъ. . . .	264	— — —
Пиѳагоръ. . . .	220	— — —
Эпикуръ	44	— — —
Пиррь	22	— — —
Діогенъ.	6	копѣекъ, также русскихъ.
Итого . .	3740	руб. 6 коп.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. **А. Хованскимъ.**

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ВЫПУСКЪ II.

1877.

Воронежъ.
Въ Типографіяхъ В. И. Исаева
и
Губернскаго Правленія.

СОДЕРЖАНІЕ II ВЫПУСКА.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

По поводу нѣсколькихъ запросовъ, сдѣланныхъ Редакціи новыми нашими подписчиками,—почему, напр., запаздываютъ выходомъ книжки „Филологическихъ Записокъ“ и не высылаются во—время,—спѣшимъ заявить всѣмъ, что изданіе наше не ежемѣсячное, оно выходитъ безсрочными выпусками, именно шесть разъ въ годъ. Обязательныхъ сроковъ для выпуска книжекъ Редакція никакихъ не принимаетъ на себя, такъ какъ изданіе ученыхъ трудовъ требуетъ особенной заботливости и осмотрительности въ обработкѣ статей, которыя нерѣдко посылаются авторамъ, по ихъ желанію, въ корректурныхъ оттискахъ для окончательнаго просмотра, особенно такія, которыя, по разнообразію шрифта съ разными акцентами и другими надстрочными знаками, какъ необходимыми принадлежностями многихъ такихъ ученыхъ работъ, не могутъ не затруднять и самый наборъ, а потому и поспѣшность въ печатаніи тутъ совершенно не умѣстна. Не смотря на то, подписчики, незнакомые съ такими сложными работами, вполнѣ могутъ быть увѣрены, что они получатъ опредѣленное количество выпусковъ въ годъ, но повторяемъ, что дѣло не въ срочномъ выходѣ ихъ, а въ внутреннемъ достоинствѣ, о чемъ Редакція болѣе всего заботится.

МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПѢСНЯ,

по списку XVI в.

ТЕКСТЪ И ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Йиречекъ, извѣстный авторъ „Исторіи народа Болгарскаго“ и мн. др., въ краткомъ отчетѣ о 2 и 3 вып. I-го т. „Архива“ Ягича (Čas. M. Kr. Č. 1876), по поводу статьи самого проф. Ягича „Дунавъ—Дунай въ Славянской народной поэзіи“, напоминаетъ о томъ, что, сколько извѣстно, до сихъ поръ никто необратилъ вниманія на единственный въ своемъ родѣ памятникъ Русскаго языка и народной словесности. Двадцать лѣтъ тому напечатана „Jana Blahoslawa Grammatika Česká“ (Wydali Ign. Hradil a Josef Jireček. We Wídni. 1857), оконченная въ 1571 г. и изданная по рукописи XVI в., гдѣ (стр. 341), какъ образецъ „Словенскаго“ нарѣчія, приведена нижеслѣдующая пѣсня, вѣроятно—изъ Заднѣстровья.

Píseň słowenská od Benátek, kdež hojně jest Słowáků neb Charwatů, přinesená od Nikodema *).

---

*) «Словенская пѣсня изъ Венеціи, гдѣ много Словаковъ или Хорватовъ, принесенная Никодимомъ» (Вацетинскимъ).

Нѣкоторые, говоритъ Благославъ, выраженіе «Словенская рѣчь» принимаютъ за общее и согласно съ этимъ «Словенскій языкъ» дѣлятъ на Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ, Русь и проч. (340). По мнѣнію самого Благослава, вотъ «важнѣйшіе діалекты въ нашемъ языкѣ:

Первая и главная—рѣчь Чешская, къ коей принадлежатъ Моравляне и отчасти Слезаки.

Вторая—Словенская, къ коей примыкаетъ способъ говорить различныхъ Хорватовъ отъ Угорской земли къ Константинополю

Dunaju, Dunaju, čemu smuten tečeš?
Na werši [1]) Dunaju try roty tu stojů,
Perwša rota Turecká,
Druhá rota Tatarská,
Treta rota Wołoská,
W tureckým rotě šablami šermujú,
W tatarským rotě strylkami strýlajů,
Woloským rotě Štefan wyjwoda.
W Štefanowy rotě dywoňka płačet,
I płačuci powídała: Štefane, Štefane,
Štefan wyjwoda, albo mě půjmi, albo me líši,
A što mi rečet Štefan wyjwoda?
Krásná dywonice, půjmił bych tě dywoňko,
Nerownáj mi jes, líšił bych tě, milenka mi jes.
Što mi rekła dywonka: Pusty mne Štefane,
Skoču já w Dunaj, w Dunaj hłuboký,
Ach kdo mne dopłynet', jeho já budu.
Něchto mě dopłynuł krasnu dywoňku.
Dopłynuł, dywoňko, Štefan wojwoda,
I wzal dywoňku zabił [2]) ji u ručku:
Dywoňko, dušenko, milenka mi budeš.
Amen.

Въ слѣдующемъ чтеніи мои поправки отмѣчены **особымъ** шрифтомъ; *и*=среднее Мр.; *і*=Вр. *и*; *ɩ*=h.

1) Дунаю, Дунаю, чему смутен течеш?
На версі Дунаю три роти ту стоя:
Перв**ш**а рота Турецка,
Друга рота Татарска,

и оттуда къ Венеціи, частью даже за Средиземнымъ моремъ въ Афракѣ.

Третья рѣчь—Польская, къ коей отчасти можетъ быть причтена рѣчь Силезская, потомъ—Іусская, Мазовецкая, Московская и нѣкоторая часть Татаръ (337).

Впрочемъ Благославъ знаетъ, что Словенскій діалектъ, въ его смыслѣ, не представляетъ полнаго единства (341).

[1]) Na brěhu.

[2]) Ujał.

5) Трета рота Волоска.
В Турецкий *мі* роті шаблям*и* шерм*у*ю,
В Татарский *мі* роті стри*л*кам*и* стриляю,
В Волоский *мі* роті Штефан в*о*ɛвода,
В Штефановий роті [а v. та] дивонька плачет,
10) [А v. та дивонька плачет] и плач*у*чи повідала: [3])
„Штефане, Штефане, Штефан в*о*ɛвода!
„Альбо ме пуйм*и*, альбо ме *л*иш*и*!"
А што мі речет Штефан в*о*ɛвода?
„Красна дивонице, пуйм*ил* бих те, дивонько,
15) „[Пуймил бих те дивонько], неровная [4]) мі ес,
„*Л*иш*ил* бих те [дивонько], миленька мі ɛс".
Шт*о* мі ревла дивонька? „Пусти м'не Штефане,
„Скочу я *у* Дунай, *у* Дунай глубокий,
„*А хто* м'не доплинет, его я буду".
20) Н*е* хто мі доплинул красну дивоньку,
Доплинул дивоньк*у* Штефан в*о*ɛвода,
І взял дивоньку за біл*ую* ручку:
„Дивонько, душенько, м*и*ленька мі будеш".

ПРИМѢЧАНІЯ:

I. Относительно языка.

—е. *čemu* съ *е* могло въ XVI в. быть и тамъ, гдѣ теперь ч*о*му. j*e*ho, а не jоhо еще и теперь во многихъ мѣстностяхъ Галиціи и Буковины. См. напр. Žeg. Pauli I, 85; Голов. Пѣсни въ Чт. 1876. I, 547.

—*и*. try, pusty какъ будьто указываютъ на мр. среднее *и*, которое въ это время уже существовало. Поэтому я рѣшаюсь поставить это *и* и въ šablam*i*, strylkam*i*, pŭjm*i*, l*i*ši, pŭjm*il*, lіš*il*, milenka. Болѣе всего возможно сомнѣніе относительно мі (вм. ожидаемаго ми), ибо при

[3]) Быть можетъ «й плачучи повида» т. «повидат» (какъ напр. у Лемковъ).

[4]) Или «неровня».

дат. *мі*, *mi*, повидимому, встрѣчается и *ми* со средн. *и* (Żeg. Pauli II, 20—1, гдѣ дат. my и mi, ti). Въ Буковинѣ *ми*, ти (дат.), однако, если это не ошибка, и мі (Купчанко, П. Буков. нар. во 2-мъ т. Зап. Ю. З. отд. Геогр. Об. 419). Ср. въ Вост. Мр. оконч. дат. ед.—ові вм. ожидаемаго—ов*и*.

—о. На основаніи «w štefanow*y* rotě», читаю—*uй* (изъ ôй) вм. у въ ст. 6—8. На такое же измѣненіе указываетъ wyjwoda (3) при wojwoda; однако во всѣхъ четырехъ случаяхъ ради размѣра предпочитаю обычное и нынѣ воєвода.

Pŭjmi, pŭjmil могутъ быть не чехизмы, такъ какъ неговоря уже о нынѣшнихъ Мр. *у*, *уо* изъ *о*, эти или близкіе къ нимъ звуки могли быть въ XVI вѣкѣ слышны въ бо́льшемъ числѣ югозападныхъ Мр. говоровъ, чѣмъ теперь.

—ѣ. Вм. осн. *ѣ* стоятъ: а) ě: w rotě, 3, что сомнительно въ виду конечнаго і въ «na werši; б) i, í: na werši, powídała, zabił ji u (очевидно непонятое и искаженное вм. za biłuju); в) y, ý: strylkami, strýlaju и 8 разъ въ dywoňka и проч.; р*и* изъ р*ѣ* вѣроятно, но д*и* изъ дѣ сомнительно, хотя я и нерѣшаюсь поправить на *дi*. Быть можетъ слышалось *i* несмягчающее предыдущей зубной. И теперь есть Мр. говоры, въ коихъ записывателямъ слышится и *е*, и *i* острое, и *и* (изъ ѣ), о чемъ напр. въ моихъ Зам. о Мр. нар. 103, 123, 132. Въ томъ же селѣ Озятахъ Кобр. у. Гродн. г. и тѣмъ же записано: дывчи́нонько и д*и*вчиноньк*о*, дывчина и дивчина (Сб. пам. нар. тв. Югозап. кр. I, 72—3, 75). Тѣмъ менѣе точности можно ожидать отъ человѣка, быть можетъ, впервые услышавшаго въ Венеціи (чистую ли?) русскую рѣчь и имѣвшаго лишь смутное понятіе о различіи въ произношеніи *i* и *у*.

—*є* изъ я. mě, tě (вм. мя, тя) и теперь напр. въ Галиц. окр. Стрыя. Въ Буковинѣ мя, тя (Купчанко l. c. pass.), хотя тамъ же *я* (изъ ѧ) нерѣдко=е, є, і. Въ 12 стихѣ можно бы ожидать для размѣра мене вм. *мє*.

—*м'не* изъ мене (родит. при глаголѣ съ д*о*-, хотя въ слѣдующихъ стихахъ при томъ же глаг.—винительный). Опущеніе *е*, какъ въ Чеш. род. mne, Поль. mnie, Сѣв.

вр. у мня (Барс. Причит. 57). Ср. также въ Буковинѣ в'на при вона.

—л на концѣ въ pŭjmił и проч. въ XVI в. могло слышаться и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь *-в*.

—jes вм. *есь*. -ский, а не -ський. См. мое соч. „Два изслѣд." 127; Житецкаго Оч. звук. ист. мар. нар. 339. Въ Буковинѣ (Купчанко l. c.)—*ес* (*есь* 418 быть можетъ по ошибкѣ), *ский*, *цкий* и другіе замѣчательные случаи отвердѣнія з, с, ц (напр. яса вм. *ся* (род.), озмеш), которые вызываютъ предположеніе, что въ 22 стих. могло стоять не взял v. взяв, а вз*ал*, какъ у Благослава.

—što (а не що) обычно въ стар. Мр. памятникахъ и нѣкоторыхъ нынѣшнихъ говорахъ, напр. Заблудовскомъ, Бѣльскомъ; š*ta* съ *а* есть сербизмъ?

—шт изъ ст въ Штефан есть въ Буковинѣ (Купчанко, l. c. 411). Хотя шт существуетъ въ Чеш. Štěpán и предполагается Польскимъ Szczepan, но могло возникнуть въ Мр. и безъ посторонняго вліянія. Ср. Мр. штовхати, штурхати.

—stoj*и* въ 3 л. мн.—форма сомнительная. По словенски stoja, въ Буковинѣ похваля, погудя (Голов. Пѣсн. въ Чт. 76 г. I, 536—др.); любя, нося, робя и даже журя се (Купчанко 438), мандруя (вм. ют, ib. 431), вiростя (вм. в*и*ростут 442). Формы 3 л. мн. ч. шерму*ю*, стриля*ю* (безъ -т) могутъ быть вѣрны: Ср. въ Буковинѣ (Купч. l. c.) прийду 454, пишу 580, хотя тамъ же здоймут, дают, пишут. Въ виду płačet, rečet, -ть въ dopłynet' сомнительно: -т (а не ть) въ 3-мъ л. ед. и мн. идетъ полосою, начиная съ Бѣлостоцкаго у. черезъ у. Пружан., Бѣльскій, Брест., Кобрин., русскія мѣстности Сѣдлецкой губ., часть Волынской (?), Подольскую въ Галицію и Буковину.

—treta вм. -тя. Такъ теперь около Калуши въ Галиціи (Рус. Днѣстр. 41, ib. третому, трет*е*, а не -т*є*, 37—8) и въ Буковинѣ.

—něchto въ ст. 20—ошибочно вм. не хто, т. е. не кто либо другой, а именно онъ. Ср. напр. у Квитки: „птичі пачики васпівали своіх пісенёк... а не хто вже виспівувать, як соловейко; не хто, як упователно Илько Налюн-

ня; сотник зирв! аж то ввійшов не хто, як Григорович; т
усе-ж то лепорт, не що більше.

—Чехизмы, внесенные вѣроятно записывателемъ:

на verši вм. версі;

płačuci вм, -чи:

milenka, dywonka, dušenko вм. -енька, -онька
-енько; Ср. Чеш. milenka, dušinka.

ach kdo вм. а хто;

обозначеніе долготъ

—dyw-o n-ice. Это образованіе въ Мр. мнѣ невстрѣчалось. См. однако Mikl. Gr. II, 141. Вр. раз-дѣв-оня изнѣженный мальчикъ.

—Изъ ст. 2, 5, 9 видно, что *рота* жен. род.; поэтому въ ст. 6—8 ошибочно стоитъ w tureckym, w tatarskym, wołoskym rotě вм. в турецьки(й) м (и)... роті. Тоже *ми* или *мі* стоитъ правильно въ ст. 13 и 17.

—Въ ст. 20 вм. nechto me dopłynuł ставлю *ми* или *мі*, такъ какъ *мє* показывало бы, что говоритъ сама дѣвица, тогда какъ рѣчь ея уже кончена и говоритъ пѣвецъ.

О значеніи дательнаго мі (или *ми*) въ ст. 6—8, 13, 17, 20 и другихъ подобныхъ дат. личныхъ мѣстоименій см. Бусл. Гр. § 203, пр. 8, гдѣ говорится только о *ти*, *тебѣ* „придающихъ старинной рѣчи особенную искренность и наивность разговорнаго начала"; Mikl. Gr. IV, 601—2, гдѣ разсматривается dativus ethicus, основанный на dat. commodi.

Нашъ частный случай могъ бы быть названъ дательнымъ поэтическимъ. Онъ выражаетъ сознаніе живости, с какою пѣвецъ или разскащикъ представляетъ себѣ то, о чемъ говоритъ; интересъ, какой принимаетъ въ этомъ он самъ (ми), или вмѣстѣ съ слушателями (намъ); или—како онъ предполагаетъ во 2-мъ лицѣ (ти, Мр. тобі, вамъ), как отраженіе интереса 1-го лица.

а) *Ми*. „что *ми* шумить, что *ми* звенить давеча ра предъ зорями?"—Игорь плъкы заворочаеть, жаль бо е мила брата Всеволода, Слов. о Пол. Игор. Поправка *дав че* вм. *давеча* (Бусл. Русс. Христ. 98) ненужна, такъ ка *давѣ-ча*, только что, недавно, сегодня, относитъ къ неда

нему прошедшему иллюзію воображенія, выраженную настоящими временами и дательнымъ *ми*. „Нелгалъ бо *ми* (т. е. не „*мнѣ*“, а „*вѣдь*“ v. „*я знаю*“) Ростиславъ князь: „луче бо ми (=мнѣ) смьрть, ни Кур'ское княженіе“, Дан. Заточн. сп. Унд. Бусл. Хр. 621, ср. 677.

Тоже мі (Головацкій пишетъ ми) до нынѣ обычно въ Галицкихъ пѣсняхъ болѣе высокаго строя, какъ колядки:.. яворови східці, ходит мі по них молода княгиня, Голов. Пѣс. II, 4; з-за там-той гори з-за високоі выходит мі там золотий крижик, а під тим крижком сам милий господь, ib. 7; ей в полі... там же мі йоре золотий плужок, ib. 8; виділи мі то панскіи слузи ib. 12.

Въ Серб.: Висока јела до неба, Широке гране подвила, Све равно поље прекрила, у пољу *ми* је виноград, у винограду джардини... Кар. Пјесм. I, 333; Пиле су *ми* винце до три јетрвице... ib. 429; И ту наппе (наћоше) протопоп—Нећелька, ће *ми* служи боже летурђије Пјев,Црног. 118; Вино пију до три побратима На обали Саве и Дунава. Једно *ми* је краљевићу Марко, А друго је Іанко од Сибиња... Ib. 129 и мн. др.

Еще чаще въ Болгарскихъ пѣсняхъ:

Оро *ми* играле триста самовили, Миладин. 2; Сънцето *ми* є на за'од, Самовила є зад гора, ib. 4; Шетал Марко низ гора зелена, Што *ми* шетал три дни и три нокя... ib. 8; *Ми* помина Марко Кралевике, *Ми* помина низ Клисура града ib. 231; Дзид ми дзидале девет майстори ib. 253 et pass.

Поль. «to mi chłopiec!»; Gruntuj że mi, gruntuj mój warkocku do dna... народ. пѣс.

Луж. см. Mikl. IV, 602.

б) *Намъ*. Ст. 13, А што мі речет... ср. со слѣдующимъ.

Та вже-ж до тебе в рік [5]) Біг приходит,
В рік Біг приходит, три товариші:
Первий товариш—ясне соінько,

---

[5]) То есть въ годъ, въ праздникъ

Другий товариш—та білий місець,
Третий товариш—та дробен дождик.
А що нам рече первий товариш?
—Ой як я зійду разом з зорсми,
Та врадує *се* весь мир на земли,
(Русалка Днѣстр. 38—9);
Ой из за гори, з-за зеленоі
Выходит же *нам* чорна хмаронька,
Але не є-ж то чорна хмаронька,
Але но є-ж то наперед овець,
Наперед овець красний молодець
Ib. 51.

в) *ти*. „Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои *ти* готови... а мои *ти* Куряни свѣдоми къмети“ Сл. о П. И. Дубенскій переводитъ: а мои *тебѣ* кони готовы... а мои-*то* Куряне лихіе наѣздники (Р. Д. III, 33). Первое (тебѣ) недаетъ удовлетворительнаго смысла, ибо кони были не Игорю, а Всеволодовымъ Курянамъ; второе (*-то*) предполагаетъ въ XII в. на Югѣ употребленіе мѣстоименія указательнаго въ качествѣ члена, какъ нынѣ въ Сѣр. вр. (мои-тѣ, мои-ти), что нетолько недоказано, но и маловѣроятно. Принимая *ти* за дат. поэтическій, я перевожу: „а мои *вѣдь* (см. ниже объ этой частицѣ)“, или „а мои, *ты знаешь*, готовы... а мои (*ты знаешь*) Куряне извѣстные молодцы [6]) (удальцы, на гласу јунаци).

---

[6]) *Съвѣдомъ* См. Mikl. Lex. Каково бы нибыло болѣе древнее значеніе слова *къметь* и независимо отъ его значенія въ ст. Чеш., ст. и нов. Поль., Литов. (изъ Поль. или стар. Русск. kumetys), и Серб., въ Русск. XII в. оно имѣло значеніе мужа (какъ воина, взрослаго человѣка). Какъ Чеш., Слов chlap въ «ty si...» знач. молодецъ (ein tüchtiger, braver kerl) и какъ мжжьство, virtus—отъ мужь, vir, такъ *къметьство*—не только collect. (Новг. I, 19), но и abstract. удальство: тогда же Угре на фарехъ и на скокахъ играхуть на Ярославли дворѣ многое множество (т е. джигитовали). Кіяне же дивяхуться Угромъ множеству, и кметьству (въ подл -ьства) ихъ, и комонемъ ихъ, Ип. 56, 20. Такимъ образомъ и *комоньство*—добро-

„Нъ уже, княже, Игорю утрьпѣ солнцю свѣтъ.... Донъ *ти*, княже, кличеть и зоветь князи на побѣду", Сл. о П. И. Дуб. (Дост. III, 169) передъ *ти* некстати подразумѣваетъ *къ* (но *къ* ти вм. къ тобѣ невозможно) и переводитъ: „*тебя*, князь, Донъ кличетъ" (такъ и у Малашева 94). Слѣдуетъ: „Донъ (*ты вѣдь слышишь*), князь, кличетъ (быть можетъ о воинственномъ кликѣ Половцевъ)....

„Тяжко *ти* головѣ(ы) кромѣ плечю (род. пад. дв. ч.), зло *ти* тѣлу кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря" ib. Дуб. (ib. 251): „тяжело *тебѣ* головѣ... худо *тебѣ* тѣлу"; подобно этому и у Бусл. И. Хр. 597, и у Малашева 98; между тѣмъ *ти* обращено не къ предмету рѣчи, а къ слушателю: „тяжело *вѣдь* (ср. Вр. обл. *знаш*), худо *вѣдь* тѣлу безъ головы; *такъ* Русской землѣ...

Единъ же... рече посмихаяся Исакію: „оно ти сѣдить вранъ черный; иди, ими и, Лавр. 84. Этотъ примѣръ для объясненія „мои-*ти* готови" въ Сл. о П. Иг. Малашева. М. 1871, 105; тамъ же: „Приде ему (Яросл.) вѣсть... отъ сестры его Передъславы: „си (=свой, т. е. твой? или=се, вотъ?) отець-ти умерлъ, а Святополкъ сѣдить ти Кыевѣ" Л. 61. Ср. ib. 59, 4, гдѣ однако возможенъ и дат. принадлежности.

Она же (вълхва) реста: „сице нама бози молвять: не быти намъ живы(мъ) отъ тебе". И рече има Янъ: „то-*ти* вама право повѣдали". Лавр. [1], 76, гдѣ *ти* становится уже несогласуемою частицею, какъ и въ двухъ слѣдующихъ примѣрахъ.

Некленитеся Богомъ, ни хреститеся, *нѣту*-бо-*ти* нужа никоеяже, Мономах. Л. 102. Ср. Вр. нѣту-ти, нѣтуть.

та, достоинство, удаль коня: «конь же его (Андрея), язвенъ велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андреи, жалуя комоньства его, повелѣ и погрести надъ Стыремъ, ib. 47, 20. Такъ и въ ст.-Поль. komunny—не только конный, но и доброконный: «Turcy najznaczniejszą w ludziach co komunniejszych klęskę odnieśli, 1620 г. Pam. o wyprawie Chocimskiej ed. Ž. Pauli, 156.

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како-*ти* есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ, id. Л. 101.

Оже имешь княжити во Краковѣ, то-*ть* мы готовѣ (=и) твои, Ип.[1] 217. Княже мой господине! аще т(и) есмь на рати не хоробръ, но на словехъ ти есмь крѣпокъ, Дан. Заточ. Бусл. И. Хр. 619.

Кому ти ес(ть) Переславль, а мнѣ Гореславль, ib. 621.

Ино бо ес(ть) лодія, а иное корабль; ино ти конь, а иное лошакъ; а инъ ти есть уменъ, а инъ безуменъ, ib. 625.

Излишество въ употребленіи этой частицы въ нѣкоторыхъ Вр. говорахъ служитъ предметомъ насмѣшки: „у насъ-ти въ Ростовѣ-ти луку-ти, чесноку-ти! А навозъ-ти всё конёвій", Яросл. (Даль).

Въ Мр. вост., какъ и въ нѣкоторыхъ Вр. говорахъ въ подобномъ смыслѣ только *тобі*, *тебѣ*: що в Бога день -тобі, говóрять: ось той недуж, той умірае, а той умер, Кв.

Въ Серб. пѣсняхъ: льепо ти je низ полье гледати жуту дуньу медjу листовима, ка'но Мару медjу дjеверима, Кар. I, 48; льепо ти je погледати, како свати китом сjеде, ib. 66; обычно: „Ал' ето-ти..." v. Ево *тебе* коньа и дjевоjке, ib. 223—4.

Въ Поль. простонародномъ въ смыслѣ *вѣдь*: A miałam ći miałam złoty pierśćionecek... (Kozłowski, Lud. Pieśni z Mazowsza, 33); Wźion ći jum za rącki, wźion ći jum za bocki, Oj wrzućiuł ci jom, wrzuciuł w ten Dunaj głębocki. Gruntuj ze mi, gruntuj, mój warkocku, do dna; Iescem ći jo jesce ty śmirći niegodna, ib. 34 et pass.

Въ Чеш. ti, -t' Zikm. Skl. § 76.

г) *Вы* (дат.), *вамъ*.

Устрѣтоша... мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: „потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича (вин. мн.) и волость ихъ отъимемъ; иже-ли непоидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ". И рѣхъ: „аще вы ся и гнѣваете, немогу *вы* я ити, ни креста переступити, Моном. Л. 100, т. е. вы знаете, вамъ извѣстно, что я немогу.

Въ Буковинѣ *вам* въ смыслѣ представьте себѣ, можете

себѣ представить: Парубки посідают собі на гарні коники, та гайда зустрічати... А брат *вам* уберетця въ кармазин.. тай стане собі кінець суток (Федькович, Пов.; языкъ украинизованъ). Дяків такого понасходилося, та як *вам* разом усіма заспівают, то аж якось страхъ слухати, id.; Вийшла одна (в церкви), неступає *вам* здрібна, ні!... вийшла друга, так *вам* и надюндюжилася, ніби хтось такого діла уже й невидів... вийшла четверта, та *вам* на парубків моргає, аж таки проситця id.; Василь мій так таки *вам* затужив, що аж неможу вам сказати ib.

Для сравненія—о частицѣ *вѣдь*. Вр. *вѣдь*, какъ и Чеш. vědě, věd', Слов. ved', возникло не изъ повелительнаго (= ст.-Сл. вѣждь, Русск. стар. *вѣжь*, и, судя по Галиц. повідж,—вѣджь), какъ у Бусл. Гр. § 201, пр. 15, и какъ думаетъ Миклошичъ, опираясь на ошибочную аналогію съ *глядь*, *знай* (Gr. [2]. III, 316), а изъ 1 л. ед. изъявительнаго *вѣдѣ* [Mikl. Lex.; Gr. [1]. III § 688; [2]. p. 125; въ ст.-Русск. „княже, невѣдѣ, могу ли ся, Лавр. 53, т. е. незнаю, смогу ли, въ силахъ ли; азъ свѣде (=ѣ), Ип. [1]. 30, 9; оже въѣдемъ въ нѣ (въ полкъ Кіевскій), то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біють, Ип. 55, 24; нельзѣ речи: „невѣдѣ, у кого есмь купилъ, Русск. Правд. Син. Р. Дост. I, 36]. Согласно съ этимъ *вѣдь* по значенію (не по образованію) соотвѣтствуетъ Хорут. vem, ven-dar, Поль. wiem, bo-wiem, albo-wiem (Mikl. Gr. IV, 154). Здѣсь объ немъ упоминается не ради обычнаго и въ литер. яз. значенія слегка противительнаго („вѣдь я ему уже далъ! чего же ему еще?“ ich habe im *ja* gegeben) и винословнаго („не трогай его: вѣдь онъ не свой братъ“), а ради плеонастическаго употребленія въ народнопоэтическихъ произведеніяхъ:

> Вынималъ онъ изъ налушна тугой лукъ,
> Вынималъ онъ *вѣдь* стрѣлку каленую,
> Кир. Пѣс. 1, 24;
> Поворачивалъ же старой-отъ добра коня
> Во дороженьку *вить* ѣхать, гдѣ убиту быть,
> ib. 87.
> А и всѣ на пиру-ту да напивалисе,

А и всѣ на чесномъ да наѣдалисе,
Да и всѣ на чесномъ *видь* приросхвастались.
Да иной-от-то хвасталъ широкимъ дворомъ,
А другой-от-то *видъ* хвасталъ золотой казной...
Только глупой-отъ *видъ* хвасталъ молодой женой,
ib. 3, 42.

(Смерть) Со синя-*ли* моря шла да *все* голодная,
Со чиста-*ли* поля шла да *вѣдь* холодная,
Барс. Причит. 2.

Ты послушай же спорядная сусѣдушка,
Што *вѣдь* я скажу, кручинная головушка, ib. 12.
Приукрылся нонь надежная головушка
Во матушку *вѣдь* онъ во сыру землю,
Въ погреба *вѣдь* онъ да во глубокіи, ib. 18.

Въ этомъ смыслѣ *вѣдь* близко подходитъ къ вр. частицѣ *ли* (не вопросительной, см. выше) и къ сѣв.-вр. члену.

II. Размѣръ пѣсни о Стефанѣ до нынѣ обыченъ въ мр. пѣсняхъ. Нормальное число слоговъ въ стихѣ—12. Обычное мѣсто отдыха (Серб. одмор)—по серединѣ стиха. Само собою, что, какъ и вообще въ Славянскомъ стихосложеніи, отдыхъ есть цезура, совпадающая съ синтаксическимъ дѣленіемъ, т. е. раздѣляющая или два (рѣдко больше) предложенія или двѣ относительно самостоятельныя части одного предложенія: съ одной стороны обращеніе (Дунаю, Дунаю), съ другой—предложеніе; съ одной—сказуемое съ подлежащими, съ другой—объектъ со своими опредѣленіями или неопредѣленное съ дополненіями и т. д. Ни количество тоническихъ удареній, (т. е. удареній отдѣльныхъ словъ), ни ихъ мѣсто неопредѣлено: въ полустишіи ихъ можетъ быть отъ одного до четырехъ. Говорить здѣсь о ямбахъ, хореяхъ и проч. хотя бы и тоническихъ, нѣтъ другого основанія, кромѣ школярской рутины. Единственный метръ есть именно полустишіе. Размѣръ народной пѣсни первоначально возникаетъ вмѣстѣ съ напѣвомъ, почему синтактическое дѣленіе стиха совпадаетъ съ естественнымъ дѣленіемъ напѣва. Въ пѣніи тоническое удареніе незамѣтно

или малозамѣтно, такъ что отъ пѣнія легко сдѣлать ошибочное заключеніе къ ударенію въ просторѣчіи. Этимъ объясняется то, что и при русскомъ, подвижномъ удареніи, и при польскомъ, падающемъ на предпослѣдній слогъ, размѣръ пѣсни можетъ оставаться тотъ-же.

Изъ примѣровъ, какъ слѣдующіе, въ коихъ я отмѣчаю вост. мр. тоническое удареніе лишь многосложныхъ словъ и главныя слова полустишій, можно убѣдиться, что при совершенной правильности размѣра рѣдкій стихъ въ тоническомъ отношеніи похожъ на другой:

Ой самá я, *самá*, || як *билúна* в-пóлі...

З-ким вірно *люблю́ся*, || не наговорю́ся,
Прийду́ *до-дóмоньку*, || заплáчу, утру́ся..

Якъ ми любúлися, || як голубів *пáра*,
Тепéр *розійшлúся*, || як чóрная *хмáра*.

Общая, дѣйствительно весьма распространенная черта этихъ и имъ подобныхъ примѣровъ, именно тоническое удареніе на предпослѣднемъ слогѣ втораго полустишія, недолжна быть возводима въ законъ разсматриваемаго размѣра и недаетъ еще права думать, что въ говорѣ, къ коему относится наша пѣсня (Дунаю...) произносилось въ просторѣчіи тéчеш, стóят, повідáла, лúши, мі́—єс, дівóньку, а не течéш, стоя́т, повíдала, лишú, мі—єс, дíвоньку.

Изъ вышеупомянутой музыкальности размѣра вытекаетъ и то, что его правильности могутъ невредить извѣстныя отступленія отъ нормальнаго количества слоговъ. Въ слѣдующемъ примѣрѣ каждое полустишіе занимаетъ 2 такта въ $\frac{3}{4}$, но въ 3-мъ полустишіи 8 слоговъ, въ остальныхъ по 6-ти:

Ой сама я, сама || пшениченьку жала,
Як прийшла я до домоньку || нема-ж мого пана.

Въ слѣдующемъ тоже, при полустишіи=двумъ тактамъ въ $\frac{4}{4}$:

Ой Боже-ж мій Боже, ‖ на що я вродився?
Гей, гей, гей ‖ на що я вродився?
І кінь ворон, и сам молод, ‖ а ще й не 'женився,
Гей и проч.

Неслѣдуетъ думать, чтобы нормою было здѣсь чередованіе перваго полустишія шестисложнаго съ 3-мъ о 8-и слогахъ, ибо безъ нарушенія правильности размѣра и въ 1-мъ можетъ быть 8, и въ 3-мъ 6 слоговъ:

Купиж мені (моя) мати и проч. [7])

Подобнымъ образомъ можетъ и недоставать слоговъ до господствующаго ихъ количества, напр.

Ой ти дуб, ‖ я береза,
Ой ти пъяний, ‖ я твереза.

Поэтому опасно было бы исправлять такіе стихи, какъ

Альбо *ме* пуйми, ‖ альбо *ме* лиши

въ „альбо мене...“ и проч.

Это свойство народнаго пѣсеннаго размѣра можетъ быть перенесено и въ размѣры стиховъ непредназначаемыхъ для пѣнія: равенство времени занимаемаго полустишіемъ можетъ быть выражено и въ простомъ чтеніи при помощи ускореній и паузъ, безъ несвойственнаго большинству новыхъ русскихъ говоровъ различенія долготы и краткости слоговъ въ отдѣльныхъ словахъ.

III. Нѣчто о началахъ пѣсень и проч. (по поводу ст. 1—9 пѣсни „Дунаю“...).

Безъ притязанія на полноту отмѣчу нѣсколько пріемовъ.

1. Пѣсня можетъ начинаться безъ приступа, прямо съ

---

[7]) Если бы стихосложіе было построено на различеніи долгихъ и краткихъ слоговъ, то невозможно было бы то явленіе, что, при оставленіи въ 6-ти сложномъ полустишіи тѣхъ же словъ, оно посредствомъ вставки новаго слова можетъ быть превращено въ 8-ми сложное, безъ нарушенія правильности размѣра: «Ой Боже-ж мій Боже»=«Ой Боже-ж мій, милий Боже» (Ср. Срез. Мысли объ и. р. яз. 107—8).

событія или рѣчи дѣйствующаго лица: „Ей зажуритця, заклопочетця Хмельницького стара́я голова“...; „Оженила мати неволею сина“...; „Як приїхав мій миленький с поля“...; „Що ти, милий, думаєш—гадаєш? Либонь мене покинути маєш“... Такъ нерѣдко начинаются Вр. былины [„Былъ жилъ Добрыня у дядюшки“, какъ сказка „жилъ-былъ N“; „Сѣдлатъ Добрыня добра коня“...; „Добрынюшкѣ матушка говорила...], Серб. и Болг. юнацкія пѣсни [Кньигу пише Жура Вукашине... Пије вино Српски цар Стеване...; Кад се жени Српски цар Стјепане; Болг. Седнал Марко с майка да вечерат...; Стоян на майка думаше...; Шедба шете Марко Прилепчанец].

Сюда же относятся и начала съ краткаго и сухого обозначенія мѣста и времени: „Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ“... „Въ старину было стародавнюю, Кир. Пѣс. 4, 1.

Менѣе непосредственны начала, указывающія на возбужденное состояніе самого пѣвца, на то что онъ пораженъ удивленіемъ [Серб. „Мили Боже! Чуда великога!...; Гледах чуда прије невиђена...; „Стан'те, браћо да ви чудо кажем...; Болг. Де сѫ је чуло видело, син боща на сѫд да кара, Милад. 137; Мр. А в неділеньку рано стала нам ся новина... Рус. Дн. 26; Stała nam sie nowina: Pani pana zabiła]. Обращеніе мысли къ главному дѣйствующему лицу пѣсни выражается въ началахъ, особенно свойственныхъ Болгарскимъ пѣснямъ, состоящихъ въ воззваніи къ этому лицу: „Море, Стоєне, Стоєне!“ и за тѣмъ пѣсня о болѣзни и смерти Стояна, Милад. 113; „Мори Недо, бѣла Недо, Бѣлъ трандафил неразпукнат, Неразпукнат, неразпъфтен!“ и за тѣмъ о похищеніи и самоубійствѣ Неды. Рѣдко встрѣчается нѣчто подобное въ В.-Русск.: „Ой ты гой еси охотничекъ, Суровенъ (=ецъ) богатъ самъ Суздалецъ! Ѣздилъ ты ровно три года, Неубилъ ни гуся ни лебедя“... (Кир. 3, 107). Въ Мр. сюда относится начало думы объ угнетеніи Украйны жидами и о возстаніи: „Зе́мле Польска, Украіно Подольска! Та вже тому не річок і не два минає, Як у християнській землі добра немає... Ант. и Драг. И. Пѣс. II, 25. Сюда же быть можетъ припѣвы, какъ „Гей Марусенько, чорная галко, пишна панянко“...

За такою видимою простотою скрывается значительная степень сложности и отвлеченности мысли. Пѣсня является обособленнымъ, самостоятельнымъ цѣлымъ, освобожденнымъ отъ связи съ предшествующими рядами мыслей, которыя будучи несущественны по отношенію къ содержанію пѣсни, тѣмъ не менѣе одни могли бы объяснить, какъ мысль пѣвца перешла отъ близкаго къ далекому, какъ онъ вздумалъ пѣть теперь, о томъ, что „сів Христос та вечеряти" или что „вино пиjу Новак и Радивоj". Пользуясь народнымъ выраженіемъ „нова́ пісня тчетця", можно сказать, что въ этомъ видѣ пѣсня—готовая ткань, безъ слѣдовъ тѣхъ нитей, которыми она была прикрѣплена къ станку, когда ткалась. Готовая, она развертывается по желанію слушателя („Кто бы намъ сказалъ нро старое, Про старое, про бывалое, Про того Илью про Муромца?" Кир. Пѣс. 1, 1, ib. 3, 4, 19, 20), которое опять таки несвязано съ непосредственно окружающею дѣйствительностью, отъ которой неизбѣжно начинается всякая мысль.

2. Слѣдующія начала колядокъ замѣчательны именно тѣмъ, что въ нихъ непосредственное воспріятіе является исходною точкою мысли. На эту непосредственность указываютъ мѣстоименія и нарѣчія указательныя, между тѣмъ какъ дат. *мі*, *намъ*, по выше сказанному, свидѣтельствуютъ о „волшебной силѣ пѣснопѣнья":

—З-за *там-той* гори з-за високоі
Виходит *мі* (нам) *там* золотий хрест,
Голов. Пѣс. II, 6:
—З-за *'ной* (=оной) *мі* гори з-за високоі,
Відки (=відти) *мі* виходит тонойкій голос,
Тонойкій голос, топори дзвенят ib. 7;
—З-за *оной* гори з-за високоі
Відки *мі* виходит овец керделец,
Наперед овец білий молодец... ib. 59;
—*На 'них* луках, *на 'них* широкіх
Ген там Волосі церков мурують, ib. 12.
—А *там* на лукахъ на барз широкіх
Там же *мі* горит терновий огник,
Кол' огня ходит широкій танец ib. 57.

Можно думать, что въ нѣторыхъ случаяхъ широкій кругозоръ, дѣйствительно представлявшійся съ горы глазу пѣвца, окрылялъ воображеніе:

Ей *долов мі*, *долов далеко*
Там же *мі* ріля та й не йорана ib. 9;
Долов мі, *долов там* церква камяна,
Сідит у ні... ib. 41;
Ей по-під Бескид, по-під зелений
Синя мгла, гей синя мгла
По полонині полегла!
Там тади лежит давна [8]) стежейка,
Тов стежейков ишли... ib. 42.

Исскуственность и условность извѣстнаго способа изображенія въ народной поэзіи и вообще—явленіе вторичное, предполагающее въ прошедшемъ его полную необходимость и точное соотвѣтствіе съ настроеніемъ минуты. При томъ нельзя положить рѣзкой границы между созданіемъ и воспроизведеніемъ. Поэтому, допуская, что приурочиваніе готоваго содержанія пѣсни къ наличной обстановкѣ пѣвца, списываемой съ натуры, могло стать пріемомъ традиціоннымъ, можно признать, что, когда въ пѣснѣ говорится о непосредственномъ воспріятіи, то первоначально это воспріятіе въ самомъ дѣлѣ служило мостомъ для мысли пѣвца. Прежде чѣмъ мысль привыкла начинать съ идеальной дали [Далече далеченько во чистомъ полѣ. Еще подалѣ во раздольицѣ Выѣзжалъ *туто* удалъ молодецъ, Кир. Пѣс. 1, 6, 18, 23, 30, 92; Какъ изъ далеча изъ чиста поля Изъ раздольица изъ широкова Выѣзжаетъ тутъ старый казакъ ib. 93; Изъ за горъ было высокіихъ Не ясенъ соколъ тутъ вылетывалъ,... Выѣзжалъ тутъ доброй молодецъ ib. 3, 100; Мр. „Из за гори“...] глазу необходима была эта даль для того чтобы мысль могла вывести изъ нея свои созданія. Въ этой дали для начала нужно было различить свѣтлую точку:

---

[8]) То есть я думаю, не «давняя», а согласно съ Скр. давиjаиc, давиштhа, «далекая».

Што се бјели у гори зеленој!
Ал' је снијег, ал' су лабудови?

(начало знаменитой пѣсни о Хасанагиницѣ, Кар. III, 527);

Що бѣлеи, що лелеи
На вѫрхъ бѣла Бѣлашица?
Да̀ ли *ми* сѐ соспи снеги,
Ели сет бѣли лебеде? Милад. 19.

Ухо для начала должно было въ тишинѣ уловить звукъ:

Що е плюскот во гора зелена?
Али ми је змія присойница? ib. 299.

3. Между внѣшней исходною точкою мысли и главнымъ ея предметомъ, кромѣ сопоставленія въ пространствѣ и времени, можетъ возникнуть болѣе тѣсная связь сходства и противоположности, отношеніе знака (символа) къ значенію. Какъ въ отдѣльномъ этимологически-ясномъ словѣ знакъ (представленіе) необходимо предшествуетъ значенію, такъ и въ развитомъ сравненіи первоначальный порядокъ образа и значенія—тотъ же, а извращеніе его (когда говорится сначала о предметѣ, потомъ о томъ съ чѣмъ онъ сравнивается), какъ всякая инверсія, есть позднѣйшее усложненіе мысли.

Столь любимыя, особенно въ мр. пѣсняхъ, начала съ символа, который можетъ находиться въ трояком отношеніи къ означаемому [9]), первоначально вытекаютъ не изъ какихъ либо артистическихъ соображеній, не изъ умысла дѣйствовать на слушателя, а изъ внутренней потребности пѣвца: это разбѣгъ, дѣлаемый мыслью для того, чтобы перейти къ предмету, недоступному сразу. Первоначально и здѣсь пѣвецъ начинаетъ съ того, что теперь онъ видитъ и слышитъ; толкованіе воспринятаго совершается подъ вліяніемъ съ одной стороны—господствующаго настроенія, съ другой—преданія.

---

[9]) то есть въ отношеніи сходства полнаго (положительное сравненіе), неполнаго (между прочимъ отрицательное сравненіе: «А; но это не А а Б») и, что менѣе извѣстно, противоположности, предполагающей сравненіе. Второе менѣе свойственно Мр. пѣснѣ, чѣмъ Вр., Серб., Болг.

Та вилетіла галка з зеленого гайка,
Сіла-пала галка на зеленій сосні.
Вітеръ повіває, сосонку хитає...

Все это передъ глазами; но *хитатись*=*хилитись* имѣетъ уже традиціонное значеніе, а если нѣтъ, то такое значеніе могло создаться въ эту минуту, одновременно съ обращеніемъ пѣвца къ самому себѣ:

„Не хилися сосно, бо й так мені тошно“...

(См. мою ст. Мысль и языкъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. 62 г. отд. отт. 179—80; „О связи нѣкоторыхъ представленій“ въ Филол. Зап. 64 г. 10).

Лишь позднѣе, подъ вліяніемъ привычки къ такому пріему можетъ появиться намѣренное его употребленіе (напр. для заполненія первой половины двустишія, или ради риѳмы) и разработка, напр. варьированье начальнаго символа черезъ всю пѣсню, или ея часть:

Нехилися, сосно, бо й так мені тошно,
Нехилися, гілко, бо й так мені гірко.
Нехилися низько: нема роду близько...

Исподоволь становится возможной та отдаленность и случайность связи между символомъ и значеніемъ, которая въ глазахъ самого народа становится образомъ безсмыслицы:

В огороді бузина, а въ Києві дядько;
Тим я тебе полюбила, що на г. г.

4. Къ упомянутому подъ 2 пріему примыкаютъ пѣсенныя начала, изображающія дѣйствія пѣвца, приводящія его къ возможности наблюдать или представлять себѣ то, что составляетъ содержаніе пѣсни:

Ой вийду я на могилу,
Подивлюся у долину:
Ідут Ляхи на три шляхи
А козаки на чотири...
А татари на всё поле...

Рус. Днѣстр. 16—7.

„Ой пійду я, пійду не берегом, лугом“.—

такъ могло быть выражено дѣйствительное намѣреніе; но *луг* въ мр. есть не только обычная риѳма (какъ и въ Серб. пѣсняхъ), но и символъ по отношенію къ *друг*, и

подъ вліяніемъ господствующаго настроенія мысль пѣвца направлятся въ эту сторону:

„Та чи не зострінусь з несуженим другом“.

Вотъ она входитъ въ лѣсъ; ей кажется, что она встрѣтилась съ другомъ и привѣтствуетъ она вмѣстѣ и лѣсъ и его:

(„Ой) Здоровъ, здоров луже (мій) несужений друже!“

—Та здорова, дівчино, що любилися дуже.

И такимъ образомъ, подымаясь изъ элементарныхъ душевныхъ движеній, ростетъ и закругляется пѣсня.

Подобныя начала характеристичны для заговоровъ и причитаній надъ мертвыми (преимущественно Врусск.), о коихъ я по этому поводу замѣчу слѣдующее.

а) Оставаясь при мнѣніи, что заговоры *вообще* суть обломки языческихъ молитвъ (Аѳ. Поэт. В. I, 43, 414), что чѣмъ болѣе заговоръ подходитъ къ молитвѣ, тѣмъ онъ первобытнѣе, мы впадаемъ въ ошибку. Моимъ слушателямъ извѣстно, что такъ я думалъ и до появленія въ печати соч. Н. Крушевскаго „Заговоры, какъ видъ Русск. народ. поэзіи“ (Варш. Ун. Из. 76, № 3), гдѣ высказана эта мысль.

Въ молитвѣ человѣкъ обращается къ существу, которое, по его мнѣнію, на столько человѣкообразно, что можетъ исполнить просьбу, или нѣтъ, что оно доступно похвалѣ и благодарности или порицанію и мести. [10]) Конечно, хотя въ заговорахъ почти нѣтъ слѣдовъ благодаренія, но часть ихъ подходитъ подъ понятіе молитвы въ обширномъ смыслѣ, заключая въ себѣ привѣтствіе (напр. „добрий вечір тобі місяцю, милий князю...“), изображеніе могущества божества, упрекъ, просьбу, угрозу. Тѣмъ не менѣе значительная часть заговоровъ имѣетъ съ молитвою лишь то

---

[10]) Замѣчательны въ Серб. и Болгар. пѣсняхъ обращенія къ ружью, саблѣ, коню съ просьбой выручить. Между прочимъ ср. «Пушко—шарко, и отац и мајко и проч. Vienac Kaćić-Miošiću 17; ib. 41; Сабља-ле моя сестрице! Миладин. 257 и друг.

общее, что вытекаетъ изъ желанія, чтобы нѣчто совершилось. Нельзя сказать что они вообще отличаются отъ языческой молитвы тѣмъ, что „принадлежа къ эпохѣ болѣе грубаго представленія о *божествѣ*, имѣютъ, по мнѣнію говорящаго, принудительное вліяніе (О. Миллеръ, Оп. ист. об. Русс. сл. [2] 1, 84), ибо, во-первыхъ въ языческой молитвѣ врядъ ли можно разграничить принудительность и непринудительность; во-вторыхъ, въ заговорѣ можетъ вовсе незаключаться представленія о божествѣ. Опредѣленіе заговора, какъ выраженнаго словами пожеланія, которое непремѣнно должно исполниться (Крушевскій l. c. 23) слишкомъ широко. Оно неуказываетъ на исходную точку развитія заговоровъ, какъ *особой формы пожеланія*, присоединяетъ къ нимъ напр. простыя проклятія и ругательства, подъ условіемъ вѣры въ то, что они сбываются, и, какъ увидимъ, существенные элементы причитаній по мертвымъ. Мнѣ кажется, основную форму заговора лучше опредѣлить такъ: это—„словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ,, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее“:

„Въ печи огонь горитъ... и тлитъ дрова; такъ бы тлѣло и горѣло сердце у N“ (Майковъ, Вр. заклинанія. Зап. И. Р. Геогр. Об. по Этн. II 1869. 426);

«Limus ut hic durescit et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni, sic—nostro Daphnis amore (Virg. Ecl. VIII, 80),

какъ говоритъ женщина, приближая къ огню два изображенія привораживаемаго: одно изъ илу, другое изъ воску.

Возникновеніе заговоровъ связано съ созданіемъ категоріи причины изъ отношеній «cum hoc» и «post hoc», въ частности изъ отношеній сходства. Вѣра въ возможность достиженія внѣшней цѣли посредствомъ субъективнаго процесса сравненія и изображенія предполагаетъ низкую степень различимости изображаемаго (внѣшняго, объективнаго) и изображенія (слова и личнаго дѣйствія вообще); ср. Крушев. l. c. 24—9. Въ частности, для возникновенія вышеприведенныхъ „присушекъ“ необходимо, чтобы любовь

представлялась дѣйствіемъ внутренняго огня; но вовсе не необходимо, чтобы внѣшній огонь, напоминающій объ этомъ внутреннемъ, сознательно представлялся божественною причиною личныхъ состояній, объясняемыхъ внутреннимъ огнемъ. Подведеніе частнаго явленія подъ общую міровую причину [напр. N (Илья=стрѣляющее Божество) отстрѣливаетъ уроки, пригоры, притки (вообще); пусть и въ этомъ случаѣ будетъ тоже] есть лишь одна изъ возможностей.

Двухчленность заговора, мнѣ кажется, лежитъ и въ основаніи другихъ его формъ, лишь по видимому болѣе простыхъ, а въ сущности относящихся къ первообразной приблизительно такъ, какъ опущеніе субъекта или предиката къ двухчленному предложенію. Въ заговорѣ, съ одной стороны, можетъ остаться одно примѣненіе, одно пожеланіе, одна молитва; съ другой можетъ быть на лицо одно изображеніе символа (будетъ ли это явленіе, имѣющее божественный характеръ, облеченное въ человѣкоподобный образъ, или нѣтъ), при которомъ примѣненіе лишь подразумѣвается [11]).

Въ значительномъ числѣ наличныхъ заговоровъ замѣтно, какъ въ нихъ, съ одной стороны, желаніе, заранѣе опредѣленное лишь въ самомъ общемъ, спеціализуется подъ вліяніемъ случайныхъ воспріятій, съ другой—въ этихъ воспріятіяхъ усматриваются тѣ или другія стороны подъ вліяніемъ господствующаго настроенія. Напр. *приколъ* неимѣетъ отношенія къ пчеловодству и въ другое время ни его видъ, ни имя невозбудили бы въ человѣкѣ мысли о пчелахъ; но когда человѣкъ, будучи озабоченъ своею пасѣкой, находитъ эту вещь, онъ говоритъ: „як тоє бидло було припъяте, не-

---

[11]) Напр. «Іїхав Рахайло і Михайло на білому коню, вів три хорти, єден білий, другий червоний, а третій чорний: білий біжит, слёзи лиже; чорний біжіт, кров лиже, а червоний біжит, більмо лиже» (тричі сплюнути), Гінокъ Русинамъ на обжинок 267; Ефименко въ Чт. О. И. и Др. 1874, I, № 29. По практикуемому способу объясненія это значило бы: вѣтры—псы, сопровождающіе небесныя грозовыя божества, слизываютъ тучи и открываютъ солнце; а такъ какъ глазъ солнцеподобенъ, то пусть въ этомъ случаѣ сойдетъ съ него бѣльмо.

могло піити від того міста нігде; так би мої матки немогли вийти (одійти?) від пасіки, від мене Р. Б. (Труды Этн. Эксп. въ Юго-Зап. кр. Чубин. I, 74). Лишь послѣ того, какъ случайно (хотя быть можетъ не безъ вліянія миѳической связи пчелы и быка, коня, О миѳ. знач. нѣкотор. обр. 209 сл.) образовалось сочетаніе мысли о конскомъ приколь-нѣ и сидѣньи матокъ въ пасѣкѣ, появленіе мысли о послѣднемъ, какъ желанномъ, вызоветъ въ сознаніе и первое. Но тотъ разъ приколъ былъ на лицо, а теперь его нѣтъ; остается поискать нарочно. Съ теченіемъ времени возникаетъ требованіе: когда хочешь заговаривать матокъ, чтобъ сидѣли, найди „приколень що коня припинають", выйми его изъ земли и говори такъ: „якъ тее бидло було припъяте...." (ib. 74).

Дѣйствіе, сопровождающее здѣсь заговоръ, представляетъ простѣйшую форму *чаръ*. Чары, это—первоначально—дѣятельное умышленное изображеніе перваго члена заранѣе готовой ассоціаціи (именно того, съ чѣмъ было сравнено желанное), имѣющее цѣлью вызвать появленіе второго члена, т. е. сравниваемаго и желаннаго. Достигаемое этимъ болѣе живое представленіе желаемаго, при бѣдности содержанія мысли и ея безсиліи отличать субъективное отъ объективнаго, принимается за мѣру, необходимую для появленія желаемаго въ дѣйствительности, за мистическое осуществленіе желаемаго. Чары и первоначально и до нынѣ могутъ неимѣть отношенія къ небеснымъ и мировымъ явленіямъ, и въ этомъ смыслѣ требуетъ ограниченія мнѣніе, что древнѣйшіе обычаи (Gebräuche) оказываются простыми изображеніями небесныхъ явленій" (Schwartz, Der Ursprung der Mythol. XVI).

Подобно тому, какъ, по сказанному выше, пѣсня можетъ начинаться со случайно даннаго явленія, которое становится символомъ, а также подобно тому, какъ ругательства получаютъ опредѣленное выраженіе подъ вліяніемъ послѣдняго слова отвѣта [12]); подобно этому и въ заговорахъ

[12]) Напр. «Та я-ж ходив....—А бодай тебе ходило се та те!» или: «Та вже-ж ёго тіточко відтіля випустили. Сам справник

образомъ желаемаго, дающимъ направленіе мысли, можетъ стать какъ чувственное воспріятіе, такъ и слово. Напр. на Благовѣщеніе то, что въ этотъ день празднуется возвѣщеніе *зачатія*, даетъ поводъ пчеловоду говорить: „Повели Господи пчелам *зачати* ім густие меди и проч." (Труды...I Чубин. 71).

Гдѣ нѣтъ мысли о сверхчеловѣческомъ могуществѣ и намѣренной мировой дѣятельности, тамъ, я думаю, нѣтъ мысли о божествѣ; въ противномъ случаѣ понятіе о божествѣ расплывется въ понятіе вещи и явленія. Понятіе о божествѣ не исконно. Заговоры и чары, видимо стоящіе внѣ сферы богопочитанія, хотя бы и воспроизведенные, даже созданные вчера и сегодня, могутъ быть по своему характеру болѣе первобытны, чѣмъ такіе завѣдомо древніе, какъ извѣстный Нѣмецкій заговоръ VIII в. (Бусл. Оч. 250), въ коемъ первый членъ сравненія изображаетъ дѣйствія божествъ, и—чѣмъ подобные этому Русскіе заговоры съ несомнѣнными слѣдами языческихъ божествъ. Принимая все это, я имѣю въ виду поправку слѣдующаго мнѣнія:

„Нѣкоторые заговоры, прежде самого заклинанія или мольбы, предлагаютъ описаніе тѣхъ обрядовыхъ подробностей, съ какими въ древности надо было приступать къ этому священному дѣлу: „вставала я раба божія въ красную утреннюю зорю, умывалась ключевой водой, утиралась бѣлымъ платомъ, пошла изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты въ чистое поле и проч.... По этимъ указаніямъ *надо* было вставать... на зорѣ, выходить въ поле... умываться росою или ключевою водою, символомъ дождя, дарующаго обиліе и щастіе, кланяться на востокъ, гдѣ восходитъ верховное божество свѣта" и проч. (Аѳ. Поэт. В. I, 414—5).

прийіжджав, та випустив!»—А щоб випускала лихая година та нещаслива и вашого справника и старого лисого Макуху (твого батька) зо всім вашим поганим родом и приплодомъ! Випустили? От так ти випускай! (т е вовсе невыпустили) Квитка. Серб. «Нечуо кукавице! (недочекао пролећа) Кад ко послије дугога викања одговори «чујем» или се правда за што да није чуо. Карадж. Пословице 212.

Подобно этому и Крушевскій (l. c. 31) о формулахъ „встану я...“ говоритъ: „это очевидно совѣтъ знахаря, описаніе того обряда, который долженъ былъ предупреждать самый заговоръ, а *слилось оно* съ послѣднимъ позже, когда уже самъ обрядъ несовершался“.

Конечно, когда воспроизведеніе возобладало надъ созданіемъ, когда заговоръ сталъ повторяться буквально, то явилось несоотвѣтствіе словъ „встану я... умоюсь“ и проч. съ дѣйствіями знахаря, который, произнося заговоръ вовсе невстаетъ, неумывается и проч. Такая же неправда—и въ началѣ пѣсни „з-за *'ной* мі гори...“, если пѣсня поется напр. въ хатѣ, откуда никакой горы невидно. Въ обоихъ случаяхъ начала могутъ стать готовыми общими мѣстами, легко прилаживаемыми къ любому, тоже готовому содержанію. Но воспроизведеніе и условность предполагаютъ созданіе и полное соотвѣтствіе слова и мысли. Если въ заговорѣ говорится „встану я и проч.“ то нѣкогда такъ и дѣлалось, при томъ не въ силу совѣта знахаря, а прежде, чѣмъ сложились подобные совѣты. Изображенія дѣйствій невозможныхъ, имѣющія лишь символическое значеніе напр. порученія себя покровительству высшихъ силъ [„оболокусь я оболокомъ, обтычусь частыми звѣздами“ и т. п. Аѳ. Поэт. В. I, 611, въ родѣ того что въ Мр. загов. „Пресвята Богородиця стояла, мені въ поміч ставала“], могутъ разсматриваться какъ позднѣйшія наслоенія. Основная черта этихъ введеній видится мнѣ не въ томъ, что въ нихъ могутъ быть слѣды обрядовъ богопочитанія. Первоначально они—тоже по отношенію къ существенному содержанію заговоровъ, именно къ первому члену заключеннаго въ нихъ сравненія, что начала пѣсень, какъ „Пійду я...“ „Стану я...“, „Сяду я...“ по отношенію къ главнымъ мотивамъ этихъ пѣсень. Это—выраженія сознанія того пути, сначала случайнаго, потомъ намѣреннаго, которымъ человѣкъ приходитъ къ возможности сдѣлать извѣстное наблюденіе, вспомнить, представить себѣ, войти въ извѣстное настроеніе, подвергнуться иллюзіи; это первоначально—воспоминанія обстоятельствъ, при которыхъ соткался заговоръ. Заговоры съ такими введеніями по формѣ древнѣе тѣхъ, которые начинаются внезапно, какъ съ обрыва.

Даже въ заговорахъ явно-божественнаго содержанія вступленіе можетъ неимѣть никакого отношенія къ богопочитанію. Вотъ напр. идетъ раба божія въ скорби и печали, идетъ, плачетъ и никто ее неспроситъ „о чемъ?“ Видится ей, что встрѣчаетъ ее Матерь Божія, распрашиваетъ, утѣшаетъ, обѣщаетъ исцѣленіе отъ самого Христа. Этотъ личный опытъ вспоминается при другомъ горѣ своемъ или чужомъ; образуется умыселъ воспроизвести это воспоминаніе и достигнуть того же результата и возникаетъ заговоръ отъ напастей:

„*Иду я, плачу-ридаю*, Матір Божу совстрічаю. Матір Божа мя питає: „*чего* ти, раба Божа, рожденна, молитвенна, крещенная плачеш-ридаеш?“—Я плачу-ридаю: велику на собі вражду маю, велику напасть, ненависть, остуду-паскуду, пристріт и великий ніжень (? нежить? нежит?) на собі маю, та незнаю, де відблагаю.—Йди ти до ріки Ярдані! Сам Христос тя сціляє, очищає й заступає“.

„Відблагай від напасти, ненависти, остуди-паскуди, пристріту і великого ніжню“ (Подоль. губ. по р. Смотричу. Записано студ. Ив. Стефановскимъ).

Изъ этого примѣра видно также, что молитва и въ заговорѣ, въ коемъ изображаются дѣйствія божествъ, можетъ имѣть второстепенное значеніе. Заговоръ могъ бы быть и безъ послѣдней части („відблагай...“)

Замѣчаемый въ пѣсенныхъ началахъ переходъ отъ изображенія дѣйствительной обстановки къ идеализованной, [13]) обыченъ и въ заговорахъ: „встану я... пойду... подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ луну господню къ *тому* (извѣстному, т. е. живо воображаемому, традиціонному) синему морю Океяну. У того у синяго моря лежитъ бѣлъ алатръ камень...“ (Гуляевъ, Очерки Южн. Сиб. 47).

б) Плачи по мертвымъ (причети, заплачки). Въ богатомъ матеріалѣ, собранномъ у Барсова (Причитанья Сѣв.

---

[13]) Ой пійду я, пійду по-*надъ Дунаями*,
По над Дунаями вода слоянами...
Ой там козаченьчо коня напуває,
Коня із припоя (?), сам заплакав стоя.

рая, М. 1872) и разсѣянномъ по другимъ изданіямъ можю различить два взгляда на значеніе причитанія по мертвымъ.

Конечно, въ незапамятное время замѣчено то свойство лова и поэзіи, что они, сообщая мысли опредѣленныя очертанія, даютъ исходъ душевному волненію (см. въ моей ст. Мысль и языкъ, Жур. Мин. Нар. Пр. 1862, 165 отд. пт.). Ср. Серб. *разговарати*, развлекать, ободрять („пјевај... ге ме разговарај") и Мр. пѣсню:

...„Нікуди піти поговорити,
На серцю печаль розвеселити".
—Йой жінко моя, дружино моя!
Ой єсть у полі та дві тополі,
Третя билина (то вся родина):
Туди пійдемо, поговоримо,
Печаль на серцю розвеселимо.
—Чоловіче мій, дружино моя!
Вже-ж я ходила і говорила:
До мене тополя непромовила
Та на серцю печаль тай нерозвеселила
(Метл. 247).

Надобно понимать буквально, что человѣкъ опытомъ доходитъ до отрицанія возможности найти собесѣдованіе и утѣшеніе внѣ человѣческаго общества. Въ весьма здравомыслящихъ простолюдинахъ до нынѣ таится мысль о человѣчности не только души животнаго, но мертвой природы. Я живо помню старика солдата, который каждый вечеръ заправляя свѣчу въ ночникъ, бесѣдовалъ съ нею: „чого ж ти не гориш? Гори-ж, гори!". Не риторическая прикраса въ пѣсняхъ жалоба на долю землѣ, ночи, зорѣ (звѣздѣ).

Согласно съ этимъ одно практическое значеніе обращенія къ мертвымъ и причитанья—то, что легче причитать, хотя бы и нескладно, чѣмъ потомъ вспоминать молча:

„Попусти, да ты, обиднушка, жалкой голосъ,
„Хоть неумильное [14]) складное причитаньице,

ибо

[14]) Неумѣлое.

„Молча схватишься, голубонько, наплачешся,
„Спамятуешь свѣта-братца, натоскуешся
(Барс. 192).

Плакальщица настаиваетъ на томъ, что „изъ мертва живой нестанется“ (Барс. 33, 41; ср. 48, 5—6; 60, 61; 69, 53—7, 73 и проч.), что мертвый неслышитъ, неговоритъ (93, 156 и проч.), что

„Хоть говорю я, бѣдна сирота,
Свою мысель потѣшаюци;
Хоть и плачу, бѣдна сирота,
Свое сердчё надсажаюци...
Несплывать камню поверхъ воды,
Небывать кормильцу батюшку
Въ своёмъ домѣ (Барс. 59).

Но, какъ вообще отрицаніе раждается изъ утвержденія, такъ и отрицаніе возможности бесѣдовать съ мертвымъ, возвратить его къ жизни является въ плачахъ такимъ же эмпирическимъ заключеніемъ, какъ въ вышеприведенной пѣснѣ мысль о безотвѣтности и безчувствіи внѣшней природы. Этому заключенію въ самихъ плачахъ предпоставляется твердая вѣра въ возможность возврата, основанная на томъ болѣе древнемъ воззрѣніи, по которому умереть значитъ лишь *переставиться*, т. е. перемѣститься, измѣниться (см. Mikl. Lex. прѣставитисѧ; ср. „не нами установлено (т. е. обычай) не нами и переставится“ т. е. измѣнится (Даль, Посл. 311).

Съ этой точки значеніе плача какъ облегченія души— лишь второстепенное, а въ своей исключительности лишь позднѣйшее; главное же въ томъ, чтобы „*воскликать*“ мертваго, „*звать*“ его, „*будить*“ (ср. между проч. Лит. П. Форт. и Мил. 122, 128, 130), „*просить*“ его вернуться;—въ обращеніи къ вѣтрамъ чтобы они раскрыли могилу (Барс. 28, 35, 55—6, 68, 70—1, 163), къ водамъ, чтобы размыли ее (ib. 68), къ ангеламъ, чтобы вложили въ мертваго душу (ib. 58, 68, 70—1, Рыбн. IV, 125), что можетъ находиться въ связи съ вѣрованьемъ въ двойника, какъ причину жизни и смерти (ср. мою ст. о Долѣ, въ Тр. М. Арх. Об. т. I, 171,

77 сл.) [15]). Около кликанья мертвыхъ издревле группи-/ются въ причитаньяхъ другіе мотивы, отчасти болѣе жи-/чіе, напр. куда ты ушолъ? зачѣмъ ты насъ оставилъ? не-/взсердился ли на насъ (Барс. 184, 192, къ чему примы-/ветъ оправданіе передъ усопшимъ, напр. Барс. 90—2)? /пожелалъ ли повидаться съ преждеусопшими (Карадж. /Јесм. I, 90)? передай имъ то и то (Кар. ib. 91; Медаковитј, /Живот и обич. Црногор. 59—60; Барс. 197, съ чѣмъ ср. /русск. и серб. разсказы объ обманщикѣ, приносящемъ вѣ-/сти съ того свѣта и принимающемъ туда порученія и по-/сылки); ты былъ такой-сякой (величанье покойника, напр. /Барс. 106 и др., мотивъ, которымъ пользуются комическія /пѣсни: „Ти-ж було селом идеш, ти-ж було въ дуду ревеш...); /безъ тебя намъ тяжело (изображеніе участи вдовы, сиротъ, /родныхъ, ихъ горя, pass.); прійди хоть въ гости (Барс. 19, /5, 218; къ обѣду 96, 101 и проч.; къ ночлегу ib. 308); /откуда, и когда и подъ какимъ видомъ тебя ожидать? и /многое другое въ высокой степени важное для исторіи вѣ-/рованій и быта.

Вѣрованье въ практическую надобность плача лишь /подтверждается другимъ, что плачь дѣтей при смерти роди-/телей возвращаетъ (*завертає*) ихъ съ того свѣта *для му-/ченія*, почему, чтобы они недолго мучились „при *конані*", /запрещается дѣтямъ сильно плакать, какъ потому же не слѣ-/дуетъ жалѣть рѣжемой скотины или птицы (Шейковскій, Бытъ /Подолянъ 2, 8). Здѣсь, впрочемъ, сказывается уже *ослабленіе* /вѣры въ возможность воротить умершаго: если нельзя его /воротить *совсѣмъ и надолго*, то нѣзачѣмъ и тревожить по-/напрасну. Въ самомъ запрещеніи есть неясность, объясняе-/мая, быть можетъ, нерѣшительностью теоретическаго основа-/нія: „синові тяжко, як мати по ёму тужить, а матері ве-/село лежать, як діти плачуть по ій" (Зап. о Южн. Рус. /II, 43). [16]) Догадка, что наемъ постороннихъ плакальщицъ

---

[15]) О такомъ назначеніи причитаній—въ ненапечатанномъ соч. студ. Любарскаго «О причитаньяхъ» (по поводу сб. Барсова).

[16]) По Болг. пѣснѣ (Милад. 266) плачъ матери по сыну,

вытекаетъ изъ стремленія примирить это запрещеніе (какъ явленіе относительно новое?) съ тѣмъ что обычай требовалъ плача (Котлярев. О погреб. обр. 215), мало вѣроятна. Наёмъ или приглашеніе и здѣсь предполагаетъ, во-первыхъ, образованіе класса умѣлыхъ лицъ (ср. пѣвцовъ—слѣпцовъ, знахарей), во-вторыхъ признаніе важности обряда, желаніе родныхъ исполнить его какъ можно лучше, при неумѣньи самихъ сдѣлать это. Для сѣвера есть прямыя указанія, что причитать обязаны именно ближайшіе родственники; племянница говоритъ:

„Какъ народъ да того люди сдивовалися,
„Обо мнѣ баютъ спорядныи сусѣдушки:
„Што тоскуе по желанномъ она дядюшкѣ?
„Кажись въ живности божоныи родители?
„Недивуйте того добры многи людушки:
„То не дядюшко вѣдь былъ, да второй батюшко,
Барс. 217.

Сказанное здѣсь о причитаньяхъ клонилось къ слѣдующему: съ вышеупомянутыми приступами къ пѣснямъ и заговорамъ вполнѣ аналогичны въ причитаньяхъ переходы ко главнымъ ихъ мотивамъ, въ частности—изображенія того, какъ плакальщица дошла до „восkликанья“. [17]) Здѣсь я думаю, врядъ ли кто усмотритъ совѣты знахаря.

Я путемъ иду широкоей дороженькой,
Не ручей да бѣжитъ быстра эта риченька,
Это я бѣдна слезами обливаюся;
И не горькая осина разстонулася,
Это зла моя кручина расходилася.
Тутъ зайду да я, горюшица побѣдная,
По дорожкѣ на искать-гору высокую,
Край пути да на могилушку умершую,
Припаду да я ко матушкѣ сырой землѣ
Я ко этой, побѣдна, къ муравой травѣ,
Воскликать стану, горюша, умильнешенько...

впрочемъ, какъ видно изъ самой пѣсни, обычный, *грѣшитъ* мертвую душу и причиняетъ то, что ее изгоняютъ изъ рая.

[17]) Ненапечатанное соч. студ. Конорова «о причитаньяхъ».

Затѣмъ самое восклицанье, или, если угодно заклинанье, весьма отличное и, какъ извѣстно, отличаемое отъ заговора:

Ой развѣйся, буря-падара!
Разнеси ты пѣски жолтыи! и проч.

(Барс. 35; ср. 19, ст. 14—8 по отношенію къ ст. 19—21; 58, ст. 1—18 по отношенію къ 19 сл.; 70, ст. 1—14 по отношенію къ 15 сл.; 74—5, ст. 1—14 по отношенію къ 15 сл.; 88—9, ст. 1—41 по отношенію къ къ 42 сл. и др.). Обстоятельность нѣкоторыхъ изъ этихъ вступленій совершенно въ духѣ Вр. пѣсни, которая очень любитъ изображенія второстепенныхъ обстоятельствъ, уже невозможныя въ сжатой Мр. пѣснѣ. Ср. напр. у Барс. 199—200 на тему „весною" „спамятуешь братца. натоскуешься" болѣе 40 стиховъ: станешь собираться на гульбище, наберешь воды, умоешься, утрешься, возьмешь ключи и т. д. одѣнешься и тутъ вспомнишь, что у тебя нѣтъ „повозничка". Подобный мотивъ въ Мр. свадебной пѣснѣ—въ 8-ми стихахъ о 12—13 слогахъ (у Метл. 153-4—16 полустишій).

5. Пѣсня XVI в., давшая поводъ къ настоящимъ замѣткамъ, по началу (ст. 1—8) такъ сходна со слѣдующею, что единство происхожденія начала той и другой кажется несомнѣннымъ:

1. Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ!
Ой что же ты, тихой Донъ, мутнехонекъ течешь?
—Ахъ какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи?
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
5. Посередъ меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ,
По верхъ меня, Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла, то Донскіе казаки,
Другая рота шла, то знамена пронесли,
А третья рота шла, то дѣвица съ молодцомъ.
10. Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
„Неплачь, неплачь, дѣвица, неплачь красная моя!
„Что выдамъ тебя дѣвица, я за вѣрнаго слугу:
„Слугѣ будешь ладушка, мнѣ—миленькой дружокъ;
„Подъ слугу будешь постелю слать, со мной вмѣстѣ спать".

15. Что возгорить дѣвица удалому молодцу:
„Кому буду ладушка, тому—миленькой дружокъ:
„Подъ слугу буду постелю слать, съ слугой
вмѣстѣ спать".
Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйну голову
20. И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.
(Сахар. Сказ. Р. Н. III, 237).

Въ этой пѣснѣ мутное теченіе рѣки, обычный символъ смуты, печали, [18]) болѣе оправдывается главнымъ содержаніемъ (ст. 10 сл.), чѣмъ въ Мр. о Стефанѣ, развѣ считать въ послѣдней достаточною причиною „смутнаго" теченія Дуная то, что на верху его—три роты, въ томъ числѣ Турки и Татары. Въ Вр. пѣснѣ „*по верхъ* Дона" понятно, такъ какъ передъ тѣмъ—о днѣ и серединѣ его; въ Мр. „*на версі* Дунаю" въ томъ значеніи, которое выше въ *поверх*, немотивировано; въ значеніи na břehu, которое приписываетъ этому Благославъ или Никодимъ, *на версі* могло бы стоять, такъ какъ берегъ носитъ обычный эпитетъ *крутою,* и на оборотъ *гора* значитъ также берегъ и материкъ, а *верх*—гора, однако *верхъ* въ значеніи берега мнѣ невстрѣчалось. О значеніи „вершина, истокъ рѣки" здѣсь врядъ ли можно думать. Въ Мр. пѣснѣ ст. 3—8 кажутся болѣе исправными, несмотря на то что размѣръ ст. 3—5 испорченъ, чѣмъ соотвѣтственные стихи 7—9 Вр. пѣсни, по буквальному смыслу коей выходитъ, что третій отрядъ составляла дѣ-

---

[18]) Ср. въ Сл. о Пол. Иг. «Се вѣтри .. земля тутнеть, *рѣкы мутно текуть*, пороси поля покрывають . ; *Половци идуть* отъ Дона... » Относительно *пороси*, ср Мр.

Порох, порох по дорозі,
Туман поле покриває,
Мати сина прогоняє...

Такъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ читать вм. сомнительнаго «*торох*... по дорозі» которое некстати заставляетъ думать о торохтѣньи порожнихъ возовъ.

ица съ молодцомъ. Слово *рота*, [19]), а равно и свойства языка Мр. пѣсни, время и мѣсто, когда она записана, могли бы заставить думать скорѣе о движеніи разсматриваемаю начала съ запада на востокъ, чѣмъ на оборотъ.

Однако основныя черты этого начала кажутся несравненно болѣе древними, чѣмъ заимствованіе, что въ Мр. п. XVI в. (на версі Дунаю... шаблями шермуют... стрилками стриляют... дивонька плачетъ) видится мнѣ въ началѣ плача Ярославны: „копія поють на Дунаи; Ярославнинъ гласъ слышить"...., съ чѣмъ ср. радостное: „Дѣвици поють на Дунаи, вьються голоси чрезъ море до Кыева; Игорь ѣдеть по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощей". Въ слѣдующей Бр. пѣснѣ вм. рота стоитъ туземное *полкъ*:

Въ чистомъ поли не дымъ, не вада,
Горы, далины и сыра земля,
А на далинахъ чатыри палка:
(У)въ адномъ палку шабли зіяюць, [20])
А въ другомъ палку галовки лѣтаюцъ,
Въ трейцемъ палку *ацецъ тужывъ.*

Эти стихи кажутся мнѣ подлинными; слѣдующіе 12 испорчены и быть можетъ окажутся поддѣльными, какъ и нѣкоторыя другія пѣсни въ томъ же Сборникѣ. Сб. пам. нар. творч. Свз. кр. 42.

Это и подобныя начала могутъ быть опредѣлены такъ: указаніе мѣстности дѣйствительной (см. выше подъ 2) или идеальной разростается такъ, что почти или вполнѣ сравнивается по объему съ главнымъ содержаніемъ, даже переростаетъ его; широкая рама сама становится картиною, при чемъ и объемлющая даль и объемлемое собраны въ три, рѣже—четыре дѣленія.

Доріжка, доріжка; та широка,
Та широка і далека!

---

[19]) Сибир. свадебная: На лугѣ, лугѣ Стояли три роты, Три роты военны. Посередь роты ходитъ Господинъ нашъ полковникъ... Гуляев. Этн. Оч. Юж. Сиб. 14.

[20]) Sic, т. е. сіяютъ. Таже форма съ *з* у Шейна. Бр. п. 294.

Як на тій доріжці да жовтиі пісочки,
А на тих пісочкахъ стоять три садочки:
Що в первому садочку соловейки свищуть,
Що в другому садочку зозуленька кує,
А в третёму садочку мати з сином стояла,
Мати з сином стояла, мати сина питала:
„Ой сину мій, сину, хто-ж тобі вірнійший:
„Чи жінка, чи теща, чи мати рідная?

Отвѣтъ сына (6 стиховъ) и есть цѣль пѣсни (Метл 242). Характеръ третьяго (материнская и сыновняя любовь) какъ бы прообразуется первымъ и вторымъ (соловей и кукушка). Ср. Шейнъ Бр. п. № 554.

Oj Цетињо, водо поносита!
Ти се синотј *) криво кунијаше,
Да на тебе нидје брода нема,
А ја јутрос и подоцне подјох,
И на тебе до три брода надјох:
На једноме китјени сватови,
На другоме момак и дјевојка,
А на третјем братац и сестрица.
Сеја брату зарукавлье везе,
Братац сеји мор-доламу шије;
Сеја брату тихо говораше:
„Удри, браца, пуце низ њедарца,
„Да неможе ни јабука протји,
„А камо ли тудјег брата рука".
Братац сеји тихо одговара:
„Сејо моја, ти си јоште луда:
„Кад ту додје тудјег брата рука,
„Сама тје се пуца распињати"

(Кар. Пјес. I, 316; ср. относительно тройственности ib. № 462).

---

*) Здѣсь и далѣе вездѣ вм. Серб. ђ, ћ, по недостатку шрифта, ставится дј, тј. Прим. Ред.

Взаимная родственная любовь разговаривающихъ гармонируетъ съ тѣмъ, что и на двухъ другихъ бродахъ (или ладьяхъ? См. Кар. Рјечн) пара любовниковъ и сваты.

Въ слѣдующей изящной веснянкѣ—какъ бы четыре попарно противополаемые связанные между собою медальона: съ одной стороны весна и лѣто, съ другой разлука и бракъ съ нелюбомъ, все изображенное въ своихъ начальныхъ моментахъ:

Розлилися води
На чотырі броди:
У першому броді
Соловейко щебетав,
Зелени сади розвивав; [21])
У другому броді
Зозулька ковала, .

[21]) Одинъ изъ множества случаевъ cum hoc, ergo propter hoc, какъ и повѣрье, что жаворонокъ приноситъ весну (для ускоренія чего къ 9 марта, дню 40 мучен., пекутъ изъ тѣста жаворонковъ); что птицы, прилетающія весною, отмыкаютъ врей (О миѳ. зн. нѣкот. обр. 100; Аѳ. II. В. III, 689—90); что (Литов.) весна приходитъ, когда трясогузка сожжетъ кудель, т. е., когда перестаютъ прясть по вечерамъ (jau uždègs kèle kodelį, вотъ прійдетъ весна, Ness. Wb. kèle). Ср. «мале соловъя сади розвиває», Метл. 361. Такимъ образомъ отъ соловья зависитъ разсвѣтъ:

Ой без малого соловейка і *світ несвітає*,
А без мого миленького *гуляння немає*.
Якъ вилетить соловейко, то й *світа раніше*,
А як вийде мій миленькой,—*гулять веселіше*
Метл. 5—6.

Какъ безъ соловья нѣтъ пѣнья птицъ (потому что остальныя противъ него—ничто), такъ безъ милаго нѣтъ радости:

Нема въ саду соловейка, нема й щебетання;
Нема мого миленького, небуде й гуляння.
Ой як в саду соловейки, щебече раненько;
Як мій милий біля мене, гулять веселенько,
Метл 38—9.

Літечко казала; [22])
У третёму броді
Коничок заржав:

Соловей будитъ:
«Нещебечіт, соловейки, рано на зорі,
Та незбудит миленького в конорі»...
Сваты спугнули соловья;
Растужилась, расплакалась красная дѣвица:
«Кто на мѣсто соловья въ саду?»
Спроговорилъ удалый молодецъ:
«Я у тебя соловей во саду,
«Я у тебя молодой въ зеленомъ,
«Я тебя стану споутру рано будить».
(Перм. Сб. I, 489).

Поэтому «Соловей *Буди-мировичъ*» значитъ собственно сынъ соловья..

Соловей—утѣшитель. Онъ утѣшаетъ перепелку «що рано з вирію вилетіла» (Метл. 211; Славитј тје ти попјевати те те веселит', Кар. Пјес. I, 82; ср. ib. 482). Однако есть горе, которое только усиливается отъ противоположности съ пѣньемъ соловья:

Соловейко рабенькій,
Нещебечи въ слинѣ,
Незадавай жалю мнѣ,
Бо я въ чужой сторонѣ (Сб. пр. н. тв. въ
Ой ти соловей, рання пташечко!
Ти нещебечи рано на зорі,
Да необтруси раннёі роси;
Нехай обтрусить моя матюнка
До мене йдучи, одвідуючи,
Моего життя розпитуючи (Метл. 245—6),

т. е. не ты меня утѣшишь, а только мать своимъ посѣщеніемъ.

И такъ *веселая* пѣсня соловья (Сл. о П. «Соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають», хотя «уныло соловьино жупляньице, Барс. Прич. 126) связана съразсвѣтомъ, весною, гуляньемъ, любовью.

[22]) Несмотря на обычное общеславянское и литовское сближеніе кукованья и плача—горя, кукушка здѣсь, какъ вѣстница лѣта, образъ развѣ свѣтлой грусти. Ср. слова обращенныя къ далекому милому:

Він дороженьку почув; [23])
А в четвертім броді
Тамъ дівчина плаче
За нелюба ідучи,
Своє лихо чуючи (ср. Ž. P. I, 44).

Такъ сказать, сила пѣсни падаетъ на четвертый образъ. Ср. Шейна Бр. п. № 584.

6. Не самъ пѣвецъ видитъ поле, море, „всі краі", а птица съ высоты полета или съ высокаго сѣдалища. Эта широкая сцена нерѣдко, какъ и выше (5), представляетъ тройственное дѣленіе.

Щедровка.

Ой вірле, вірле, сивий соколе!
Щедрий святий вечір божий!
Високо сідиш, *далеко видиш.*
Сідай собі на сивім морі:
На сивім морі корабель на воді,
В тім кораблейку трое (троі?) воротци;
В перших воротейках місячок світит,
В других воротейках сонейко сходит,
В третіх воротейках сам Господь ходит...

Онъ отпираетъ рай и впускаетъ души, кромѣ одной, неуважавшей старшихъ родныхъ. Заключеніе „бувай же здоровъ пане Василейку" и пр. показываетъ, что цѣль пѣсни есть косвенная похвала хозяину и его дому, въ коемъ такой души нѣтъ (Голов. Пѣс. II, 156). Въ Зап. о Ю. Р.

Нехай тобі *зозуленька*, мені соловейко;
Нехай тобі там *тихенько*, мені веселенько,
Нехай тобі зозуленька для куваньнячка,
Нехай мені соловейко для щебетанньячка, Метл. 40.

[23]) Почуялъ дорогу—разлуку. Ср.
Ой кінь ірже—трава въяне:
Він дороженьку чує, Метл. 18,
т. е. такъ ржетъ, что отъ жалю—жару вянетъ трава. Волосъ тоже трава, а потому «може він таку пісню знає (т. е. такую печальную), що як би заспівав, то й волос би завъяв», Зап. о Ю. Р. I, 146.

II, 242 тотъ же мотивъ (Матерь Божія беретъ у сына ключи, чтобы отомкнуть рай и пекло и выпустить грѣшныя души, кромѣ той

Що отця й матір та налаяла,
Не налаяла, а подумала), но безъ введенія.

Колядка паннѣ.

А в ліску, ліску, на жовтім піску
Ой дай Боже!
Росте деревце тонко, високо.
Тонко, високо, в корінь глубоко,
В корінь глубоко, листомъ широко;
На тім деревці гуси-лебеді,
Ой сидят, сидят, *далеко видят.*
Ой видят же в'ни чистоє поле,
Чистоє поле, синєє море:
На синім морі корабель пливе,
А в томъ кораблі кречна панночка.

Она хвалится завидному жениху, поповичу, большою роднею и большимъ приданымъ (парть), которое за нею ему дадутъ (Голов. Пѣс. II, 89).

Над річкою, над бистрою
Там журавка купалася,
На бережку сушилася [24]),
На всі краі дивилася:

---

[24]) На берегу, т. е. на крутомъ, высокомъ, откуда далеко видно. *Сушилася* символически риемуется съ *дивилася.* Это начало уже приготовляетъ слушателя къ печальному содержанію пѣсни, ибо *сухота*—печаль, а *сушиться*—*журиться*:

На морю вутка купалася,
На биражочку сушилася;
Я-ж маладзенька журилася (стужилася),
Шейнъ Бр. п. №№ 174, 237—9.

Самое слово *журавка* напоминаетъ *журіння*, *журбу.* Когда весною кто увидитъ впервые ключь *журавлей* и скажетъ «ось журавлі!» то будетъ весь годъ *журиться*; а если ска-

Що йдуть ляхи на три шляхи [25]),
По переду отаман йде,
В лівій руці коня веде,
А у правій шаблю держе;
На тій шаблі сердце стремить,
З того сердця річка тече,
Над річкою ворон *кряче*, [26])
А по сину мати *плаче*.
—Неплач, мамо, нежурися;
Уже твій сын оженився,
Поняв собі паняночку—
В чистім полі земляночку
І без дверець, і без віконець:
Нікуди вітру провівати,
Ясному сонцю проглядати. Метл. 447.

Ср. въ Русал. Днѣстр. 17, съ началомъ другаго типа (выше, 4):

Ой вийду я на могилу,
Подивлюся у долину,
Долів, долів, долинами
Іідуть Турки с Татарами;
Меже ними віз кований,
А в тім возі Михай лежит
Порубаний, постріляний.
Капле кровця у кирницю,
З кирниченьки річка тече,
А над річкоў ворон краче;
Михаєва мати плаче.
—Неплач, мати, нежурися:
Не дўже *мя* порубано,
Не дуже *мя* постріляно:

жетъ «ось летять веселики», то весь годъ пройдетъ ему благополучно и весело (Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskigo. Warsz. 1853, 172).

[25]) Ср. выше три роты.

[26]) Символъ печали и переходъ къ главному содержанію.

Головонька на четверо,
А серденько на шестеро,
А рученьки на штученьки,
А ніжечки на гешечки,
Біле тило—як мак міло!

Зажуритця соколонько:
„Бідна-ж моя головонько,
„Що я рано з виръя вийшов:
„Що по горах сніги лежять,
„По долинах води стоять,
(а между тѣмъ „чуда великога!")
„По підгіръю маки цвітуть.
(Это)
„Битим шляхом козаки йдуть„.

Затѣмъ мотивъ съ частью начала другой извѣстной пѣсни „Гомін, гомін по діброві":

Туманъ поле покриває,
Мати сына підмовляє:
„Вернись, синку, до домоньку...

Въ третьемъ варіантѣ подобный мотивъ вставленъ въ широкую рамку не пространства, а времени. Пѣвецъ отъ личныхъ своихъ воспоминаній черезъ связующій символъ печали (туманъ) переходитъ къ пѣснѣ объ отцѣ прогоняющемъ сына, матери удерживающей сына, сестрахъ снаряжающихъ брата въ походъ и напрасно ожидающихъ его возврата:

Ой колись була роскіш-воля,
А тепренька неволенька.
Ой болить сердце й головонька,
Що чужа-дальня сторононька.
Ой туман поле покриває,
Й а батько сина проганяє....
(Укр. пісні, Спб. 1863, 41).

Птица на лету слышитъ то, что составляетъ содержаніе пѣсни:

Воркуй, воркуй, голубчикъ,
Воркуй, сизенькой!
Дворомъ летитъ воркуетъ,
Шатромъ летитъ слушаетъ,
А кто въ шатрѣ говоритъ.

(Смыслъ разговора—любовь брата и сестры между собой и родителей къ нимъ. Терещ. Б. Р. Н. IV, 6).

Серб. Соко' лети високо,
Крила носи широко,
На десно се окрену,
Граду врата угледа,
Ал' на врата дјевојка...

(ея красота и что ей сказалъ молодецъ, Кар. Пјес. I, 412).

О јаворе, зелени јаворе!
Лепо л' ти се са тебе видјаше,
Кад Бетјир-бег девојку водјаше...

(Девери убили жениха и „облюбили" невѣсту), ib. 583; ср. ib. 74, № 125.

Лепо ти је родио јаблане [27])
Све бисером и драгим каменом,
Али га је соко окрунио, [28])
Долетјутји јутром и вечером,
Долетјутји, у гору гледетји,
Гди два брата итар ловак лове...

---

[27]) Пирамидальный тополь.

[28])) Обломалъ, оббилъ. Ср. Мр. колядки, гдѣ райскіе птицы обтрушиваютъ съ дерева золотую рясу.

[Одному при раздѣлѣ добычи—серна, другому золотокосая дѣвица, Кар. Пjес. I, 309. Весьма древній мотивъ: женихъ—ловец, „хитар лов“—невѣста. Ср. Мр. колядку (величанье) о ловахъ и дѣлежѣ двухъ братьевъ:

Ой тобі, брате, куна в дереві,
А мені брате, дівка в теремі].

Нѣсколько отличны отъ вышеприведенныхъ начала, въ родѣ того, что звѣзда денница видитъ то, что составляетъ содержаніе пѣсни. Кар. Пjес. II, 626, съ чѣмъ относительно начала ср. Рыбн. II, 245.

Еще далѣе—начала тоже изъ далека, гдѣ содержаніе вложено въ уста животныхъ (коней: Кар. I, 430-1; туры и турица видятъ „плачь стѣны городовой, Рыбн, I, 177; II, 39—40, 352) и неодушевленныхъ (на пр. росы, Кар. I, 489).

7. Уже въ иныхъ началахъ съ птичьяго полета и т. п. можно замѣтить не столько разбѣгъ мысли въ ширь, какъ такой пріемъ, что мысль, остановившись на чемъ либо одномъ, внутри его находитъ все новое и новое, пока не дойдетъ до главнаго, или, если нѣтъ главнаго, то до какого либо конца. Это—какъ бы „einschachtelung“ [29]) или, скорѣе, движеніе по спирали къ центру. Такъ въ Литов. пѣс.: „Летитъ ястребъ черезъ озеро, а въ томъ озерѣ крутится виръ; у того вира рутяный садочокъ; въ томъ садочкѣ плачетъ дѣвица (о своемъ сиротствѣ, но солнце ей мать, мѣсяцъ отецъ и проч. что похоже на величанье дѣвицы) Ness. L. Volksl. 58—9. Ср. Юшкевичъ, Лит. нар. п. № 1, въ XII т. З. И. А. Н. [30])

---

[29]) Ср. извѣстный сказочный мотивъ: «На островѣ на буянѣ есть дубъ, подъ тѣмъ дубомъ зарытъ сундукъ желѣзной, въ томъ сундукѣ коробка, въ коробкѣ заяцъ, въ зайцѣ утка, въ уткѣ яйцо, въ томъ яйцѣ змѣева смерть.

[30]) Впрочемъ, въ Лит. пѣсняхъ, несмотря на сходство съ Русск. въ расположеніи содержанія и въ символикѣ, подобныя начала издалека, кажется, рѣдки.

А в чистім полі, близько дороги
Стоіт грушечка підмурована;
З тоі грушечки впала росиця,
Впала росиця на муравицю,
А з муравиці стала кирниця,
А в ті кирниці Господь ся купле

Купаясь, заспорилъ со св. Петромъ, что больше: земля, или небо. Рѣшеніе этого вопроса и есть видимая цѣль пѣсни. Голов. Пѣс. II, 32—3.

Ой зашуміла зелен-діброва.
„Ой чо-ж ти шумиш, ой чо-ж ти звіниш?“
—Ой шумью, шумью, бо в собі чую,
Бо в собі чую дивное звіря,
Дивное звіря, тура-оленя,
Шо на головці девять ріжечків,
А на десятім терем збудован,
А в тім теремі кречна панночка,
В'на собі ходит, усе шенкує... и проч.

(Голов. ib. 54; Русал. Днѣстр. 37; Žeg. Paul. I, 165).

Многія пѣсни, частью, какъ вышеприведенная, сохранившія значеніе величаній, частью уже необращаемыя ни къ кому въ частности, построены въ такомъ же широкомъ стилѣ. Похвала человѣку состоитъ въ томъ, что онъ отождествляется съ богами (respect. сравнивается съ ними, при чемъ, конечно, возможны различныя степени ясности божественнаго характера предметовъ, съ коими сравнивается человѣкъ: мѣсяцъ—хозяинъ, солнце—хозяйка, звѣзды ихъ дѣти), принимаетъ ихъ у себя какъ гостей, находится съ ними въ родствѣ (въ Мр.; въ Серб. напр. Кар. Пјес. I, 154—5), приводится въ какую либо связь съ міровыми явленіями и силами, напр. когда говорится, что міровое дерево ему корысть, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, небесное (солнце—олень, см. мое соч. О миѳ. зн. нѣкр. обр. 35—9; Аѳ. Поэт. В. I, 638—9) является подножіемъ его терема или города. Приведенная l. c. у меня и у Аѳ. Серб. пѣсня тоже родъ апоѳеозы молодца и дѣвицы:

Што се сија крај-горе зелене?
Да л'је сунце, да л'је мјесечина?
Ни т'је сунце, ни т'је мјесечина,
Ветј два златна рога од јелена,
У њима су два града градјена:
У једном је кујунджија Іанко,
У другоме Іања хитропрелља...

Они задаютъ другъ другу трудныя задачи и на этой ихъ хитрости—мудрости имъ честь и хвала.

Врядъ ли дорого купленныя или вынужденныя похвалы, достававшіяся могущественнымъ владыкамъ земли, могли быть художественнѣе этихъ даровыхъ, или, какъ мр. колядки и щедровки и т. п., оплачиваемыхъ „ґрудочкою кашки, кільцем ковбаски".

Јабука се вјетру моли,
Да јој гране необломи:
„Да мој вјетре, неломи ме,
„Неломи ме, некрши ме!
„Ја сам теби род родила:
„Сваку грану дв'је јабуке,
„А на врху [31]) и четири.
На врх соко' гн'јездо вије,
На корјен ми [32]) змаје сједи,
Змај соколу поручује:
„Ако пуштих жива огња,
Гн'јездо тју ту попалити
„Титје тју ти пофатати".
Соко' змају одговора:
„Мој' су титји полетари;

---

[31]) Это слово даетъ поводъ пѣвцу лично отъ себя, а не отъ лица яблони, перейти къ тому, что на вершинѣ, что у корня.

[32]) *Ми* относится къ пѣвцу (dat. eth.) и не служитъ доказательствомъ, что это рѣчь яблони, какъ у Караджича.

„Брзо тје ми полетјети
„Пут онога славна мјеста,
„Добре гласе однијети,
„Да смо сви здраво и весело“.
(Кар. Пѣс. I, 488).

„Можно бы подумать, замѣчаетъ Караджичь, что пѣвецъ *прибавилъ* послѣдніе три стиха „друштва ради“, т. е. что они также несущественны, какъ напр. въ заключеніи мр. думъ прибавки „на многа літа“, „всім послухáющим“, „сёму домодержавцю“. Мнѣ, напротивъ, кажется, что вся пѣсня, сходная съ мр. колядками о райскомъ деревѣ, относится къ разряду величаній и вся направлена къ послѣднему стиху: птенцы того славнаго сокола, который вьетъ гнѣздо на вершинѣ мірового дерева (Сканд. Yggdrasil, Аѳ. Поэт. В. II, 280) приносятъ намъ „добре гласе“. Ср.

....долетјеше сиви соколи,
Донијеше доматјину киту маслине:
Честито ти, доматјине, у двор веселје,
Кар. ib. 10.

Пребываніе у мірового дерева или на немъ имѣетъ смыслъ безопасности и благополучія. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующей Болг. пѣснѣ.

Будинская Яна такъ хороша, что изъ за нее весь Будинъ бьется; её посватали два царя, а третій хочетъ похитить. Яна бѣжитъ отъ него въ лѣсъ,

Найде дре'о кипаро'о:
Во корен-от змех му лежит
На върво'и славей пеит.
Ми се скрила Будин-Яна
Зме'о-тому под криля-та.

Царь посылаетъ за нею пословъ. Тѣ вырубили весь лѣсъ, кромѣ того дерева, подъ которымъ скрылась Яна, и ненашли ее. Милад. № 167.

Изникнало едно дърво,
Едно дърво дафиново
Колку вишно, толку лично; [33])

---

33) Прекрасное.

Корен-от му по 'съ (вся) земя,
Гранки-те му—слано море,
Вършен-от му въ сино небе,
На вършен-от ми си има
Вишни сарай [34]) варакліи, [35])
Покрива му гивгирліа, [36])
Скала-та [37]) му бѣлъ карагрошъ,
Пармаджи-те [38]) ялдезліи. [39])
Тамо седе Мавро-Яни...
Съ негова-та първа любов
Първа любов Ангелина,
Съ балдаза [40]) му Магделина;
Піатъ, ядатъ, аинк чинат [41]).

Это благополучіе уничтожается приходомъ Турокъ. Мавро-Яни съ семействомъ успѣваетъ бѣжать. ib. № 177. [Неясна мнѣ ib. № 165. По видимому это величаніе мальчику].

Тотъ же смыслъ благополучія имѣетъ пребываніе подъ міровымъ яворомъ въ слѣдующей Бр. свадебной пѣснѣ.

Хто там в нас въ церами цихо гаворицъ?
—Систра брата навучаицъ:
„Паѣдзиш ты, брахалька, жанициcя...
„Нястаняви коника подъ рабинай:
„Рабина—дзерива нящасливая:
„З-подъ камля рабину вадой мыицъ,
„Пасирод рабины черви точуцъ,
„А з макушки рабины (у?) птицы клююцъ.
„Станави коничка подъ ягорой:

---

[34]) Дворецъ.
[35]) Золотистый.
[36]) Сводчатый?
[37]) Лѣстница.
[38]) Перила.
[39]) Золотыя, позолоченыя.
[40]) Своячиница.
[41]) Веселятся.

„Ягора [42])—дзерива *щаслиеая:*
„З-под камля ягора сытой мыиць,
„Пасирод ягора пчолки бруюць, [43])
„А з (на?) макушки салавьи пяюць.
Шейнъ Бр. п. 472-3 и 480-1.

Въ волочобной пѣснѣ (на свѣтлый праздникъ) честь и хвала дѣвицѣ, что у нея кубокъ и перстень изъ золотой рясы мирового дерева:

В чистом полѣ стаяла бироза,
Стаяла бироза тонка—высока,
Да-на той бирозѣ широка лисщця,
А на том лисщци дробная роса (раса?).
Хтож тую росу обивацъ будзе?
Подбирала росу красная панна,
Красная панна, молода Ганна.
Яна падбирала, в рукавец клала,
Да з рукавца брала, злотничкам давала.
„Ты злотничку, ты работничку!
„Ты скуй же мнѣ три надобнички (надобочки?)

и проч. ib 101, съ чѣмъ ср. Галицкія и Польскія колядки паннѣ о золотой рясѣ, которую оббиваютъ райскія птицы и которая паннѣ на пользу, напр. Рус. Днѣстр. 41—2; Ž. P. I, 8 и въ Сборн. Я. Ѳ. Головацкаго.

Въ волочобныхъ же пѣсняхв молодца величаютъ тѣмъ, что онъ ѣдетъ на охоту, видитъ сокола (орла)—на яворѣ („яворъ", „древцо тонко-высоко, Тонко-высоко, лисщцем широко), хочетъ его застрѣлить каленой (ошиб. 109 „*каменной*" (!) стрѣлой), а соколъ обѣщаетъ въ пригодѣ стать, перенести его съ невѣстой черезъ быструю рѣку, широкое море (Шейнъ, Бр. п. 102-3, 108-10).

---

[42]) Варіантъ—ягоро. Быть можетъ это остатокъ конечнаго глухого звука, подавшій поводъ къ переходу этого слова въ женскій родъ.

[43]) Быстро летаютъ, роятъся? у Даля «вода бруитъ», сильно стремится, струится русломъ.

8. Въ заключеніе—нѣсколько словъ о многостропотномъ Словѣ о полку Игоревѣ.

„Начяти же ся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню". Если подъ *былина* понимать здѣсь не эпическую пѣсню (Безсон. въ 7 в. Пѣс. Кир. 76 и другіе), а совершившееся событіе (Дубен.; „по былинамъ"=„по историческій, положительной колеѣ фактовъ" Бусл. Оч. I, 395); то мысль такова: хотя о походѣ Игоревѣ и прилично было бы („не лѣполи"=лѣпо) говорить „старыми словесы", но эта „пѣснь" (далѣе „повѣсть") будетъ придерживаться событій, будетъ болѣе исторична чѣмъ „старыя словеса и замышленіе Бояново". Разница между этимъ замышленіемъ и пріемами, которыхъ предполагаетъ держаться авторъ, видится въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, „Слово" есть повѣсть *о* полку Игоревѣ, о событіи, а не о личности; между тѣмъ Боянъ (въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его пр. Буслаевъ, а не кн. Вяземскій) творилъ пѣсни именно князьямъ („аще *кому* хотяше пѣснь творити"...), въ томъ смыслѣ, мнѣ кажется, въ какомъ теперь въ колядкахъ славятся хозяева. Въ Сл. о полку Игоревѣ славленье играетъ дѣйствительно второстепенную роль:

„Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а по тъмь молодымъ пѣти: Слава... здрави князи и дружина"...

Во-вторыхъ, авторъ Слова ненамѣренъ слѣдовать болѣе частнымъ пріемамъ Бояна: Его „слово" не есть пѣснь, сопровождаемая рокотаньемъ струнъ, а „повѣсть": Въ *началѣ* пѣсни („аще кому *хотяшетъ* пѣснь *творити*") Боянъ „растѣкашеться мыслью" и проч., а авторъ Слова этого нехочетъ или неможетъ дѣлать.

Что такое „растѣканіе", объ этомъ наиболѣе убѣдительное до сихъ поръ мнѣніе—въ Оч. Бусл. I, 394—5: „ничего лучшаго нельзя найти въ нашей народной поэзіи для объясненія этого вдохновеннаго полета фантазіи Бояна, какъ извѣстная прелюдія, которою Русскіе пѣвцы до позднѣйшихъ временъ начинаютъ свои пѣсни:

Высота ли, высота поднебесная;
Глубота, глубота—окіянъ море;

Широко раздолье,—по всей землѣ;
Глубоки омуты,—днѣпровскіе;

Точно такъ же, какъ авторъ „Слова" говорилъ о Боянѣ, такъ и теперь можно сказать о народныхъ пѣвцахъ, что они, замышляя повѣсть о Владимірѣ..., или о Соловьѣ Будиміровичѣ, пускаются волкомъ по землѣ, взлетаютъ сизымъ орломъ подъ облаки".

Мнѣ кажется, я непротиворѣчу существенному въ этой мысли, измѣняя или только перифразируя ее такимъ образомъ. Прелюдія „высота-ли" къ былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ (Кир. IV 99, изъ Кирши Дан.) собственно говоритъ: „если ужъ высота, такъ высота поднебесная" и т. д. Хотя она и не чета тѣмъ похожимъ на пародіи географическимъ и этнографическимъ обозрѣніямъ, между прочимъ мокрыхъ подоловъ, которые сведены г. Безсоновымъ (Рыбн. II, XXIX слѣд.), но она дѣйствительно имѣетъ съ ними то общее, что изображаетъ не конкретный случай паренія мысли, а схему многихъ пареній. Если такъ, то, мнѣ кажется, народная пѣсенность даетъ для сравненія многое лучшее, чѣмъ упомянутая прелюдія.

Выраженія Слова о П. И. о Боянѣ: „растѣкашеться мыслію по древу", „скача, славію, по мыслену древу" (т. е. по воображаемому, фантастическому дереву, переходя мыслью отъ его корня до вершины) могутъ быть намекомъ именно на тѣ случаи, когда въ величаньяхъ изображалось міровое древо, между прочимъ и съ поющимъ соловьемъ на вершинѣ, соловьемъ, котораго авторъ „Слова" примѣнилъ къ самому пѣснотворцу. Подобная догадка высказана А. Майковымъ (Стихотв. III 230), который однако читаетъ „мысью" вм. „мыслію" и неимѣетъ въ виду значенія миѳологическаго дерева въ величаньяхъ.

Выраженіе „летая орломъ подъ облакы" безъ всякой миѳологичности, но съ тѣмъ же примѣненіемъ къ пѣвцу, который самъ паритъ тамъ, гдѣ его мысль, можетъ относиться къ пѣсеннымъ началамъ съ ширянья и буянья.

Наконецъ „рища въ трону трояню", если миновать неудачную поправку г. Тихонравова (вм. Трояню—Бояню) и вытекающую изъ нея интерпункцію, и если, какъ это и

дѣлають (Дуб., Бусл.) „рища" относить къ Бояну, можетъ указывать, кто бы ни былъ Троянъ, на пѣсенныя начала, изображающія дальнюю тропу, въ родѣ „Доріжка, доріжка та широка... (см. выше), или въ родѣ тѣхъ запѣвокъ, въ коихъ мысль слѣдить за рѣкой отъ ея истока „из-подъ той березы сподъ накляпины" до моря (Рыбн. IV, 56, Кир. 3, 1; Рыбн. III, 69).

IV. Главное содержаніе пѣсни о Стефанѣ (ст. 9—23) совершенно отлично отъ сходной по началу вр. пѣсни (Сах. III, 237, см. выше). Кажется, что эта послѣдняя имѣетъ предметомъ событіе дѣйствительное отъ начала до конца: дѣвица нехочетъ быть холопской женой и барской полюбовницей, и за то убита. Ср. Шейнъ Р. н. п. I 340-5. Въ Мр. пѣснѣ къ области мало-идеализованной дѣйствительности относится желаніе дѣвицы выяснить свои отношенія къ Волошскому воеводѣ Стефану, его колебаніе между любовью и опасеніемъ неравнаго брака и конечное рѣшеніе.

„Неровня" ср. со слѣдующею Бр. пѣснею, въ которой впрочемъ возбуждаетъ удивленіе упоминаніе Кіевскаго князя, которое что-то ужъ очень архаично:

За горою, за крутою,
Туды ѣхав Кіевски князь.
Тамъ гуляюць три танóчки, [44])
Три таночки, всё дзѣвочки.
„Богъ поможи тремъ таночкамъ,
„Тремъ таночкамъ, всё дзѣвочкамъ,
„Всё дзѣвочкамъ мѣщаночкамъ!"
*Об*мовилася (?) сяляночка:
„На здоровье, Кіевски князь!"
—Взяў бы цябе, няровна мнѣ.
—Въ майго бацьки палѣпши грубы топюць,
Грубы топюць, воду носюць.
Шейнъ Бр. п. 72, № 131.

---

[44]) Хороводы.

Что же до употребленнаго дѣвицей героическаго средства вызвать это рѣшеніе, то оно принадлежитъ къ области традиціоннаго поэтическаго символизма и болѣе древне, чѣмъ приуроченное къ нему событіе. Ср.

....Дав же він (козак) ми кониченька тримати,
А сам пішов дороженькі шукати.
Тримаю коня до темноі ночи,
Виплакала я моі чорні очи.
Ой що коник тупне, то мі серце пукне,
Але я ся бою козака молодого.
Коник най тупче, найдутся на то ліки;
Козак (і)зрадит—не слава на віки.
Ой пущу коня в пустое поле,
Сама я скочу въ глубоке море.
Я молодая въ мору потопаю,
І(а?) все на козака оком ся згледаю [45])
Ой пришов козак коника піймити:
„Дај же ми (ту), Боже, дівчину зловити!
„Ой же бим тя зловив (І), міг бим тя стискати,
„Допіро-м навчив (І) до море скакати....
(Ž. Pauli, P. L. R. II, 20).

Впрочемъ здѣсь символизмъ еще не такъ ясенъ, какъ въ свадебной пѣснѣ:

У неділю рано
Море сі розіграло;
Дівчина потопала,
Свого вітца жидала: [46])
„Татуненьку мій любий!
„Недай ми утонути,
„З тим Дунаём [47]) поплинути“.

Отецъ несмѣетъ, неумѣетъ плавать; тоже и мать; милый смѣетъ и спасаетъ (Ž. P. I, 108; подобная у Метл.

---

[45]) Тонуть по мр. символикѣ значитъ вообще гибнуть, слѣдовательно: «я гибну, но все нетеряю на него надежды».

[46]) Бажала.

[47]) Идеальная обстанавка. Обычное сочетаніе «Дунай—море плисти»; «По над морем—Дунаем»... и проч.

128—9). Паули сравниваетъ эту пѣсню со слѣдующей Сербскою:

Oj шумица трньана
И водица ладjана,
По њоj плови девоjка,
Та неплюви да тоне,
Ветjе плови да види,
Отjе л' маjка жалити.
Маjка иде на броде
Пак се баца каменом:
„Тони, тони, дjаволе;
„Ни си моjа ни била.

Тоже повторяется объ отцѣ и братѣ; за тѣмъ

....Плови до види
Отjе л' драги жалити.
Драги трчи на броде
Па он гаца у воду;
„Оди к мени душице!
„Ти си моjа и била. Кар. I, 204.

Это одинъ изъ многихъ способовъ изображенія мысли, что „милый лучше отца, матери и всего рода“. (См. напр. у Кар. I, №№ 285—300).

Испытаніе такимъ способомъ того, кто больше любитъ и кому сужено, весьма похоже на гаданье. Оно и въ самомъ дѣлѣ является гаданьемъ о замужествѣ посредствомъ пускаемаго на воду вѣнка, символа дѣвицы: „Хто вінок пóйме, Той мене вóзьме“ (Метл. 19, 332; Рус. Днѣстр. 36—7; у Сахар. Ск. Р. н. III, 210 вѣнокъ тонетъ - милый тужитъ; ср. ib. 260, 2). Скоч ть въ Дунай—выйти замужъ:

Паслала мяне маци
На дунай вады браци.
Я вады нибрала,
Коло виру скакала;
У вир ускочила,
Вадой замуцила
И пяском закруцила.
Няжди мене, маци,

К абѣду з вадою,
К вячери з судами,
А жди мяне, маци,
На дзевятое лѣто,
На дзесятую зиму
А у лѣта в чавночку,
А у зиму в вазочку
З бѣленьким сыром,
З маленьким сыном,
З малодым зяцем,
З малым дзицяцем.

Шейнъ Бр. п. 119-20, № 169.

Переплыть Дунай (смотри прекрасную пѣсню у Шейна, Бр. п. 164, № 254, съ которою ср. сказку о младшемъ братѣ, что доскочилъ царевны, а также колядки о взятіи города и панны), спасти утопающую—такіе же символы брака, какъ и переводъ черезъ мостъ, переправа черезъ воду (рѣку, Дунай, море), переносъ черезъ воздушныя пространства, о чемъ въ моей статьѣ „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака". Древности, Арх. Вѣст. М. Арх. Об. 1868, Ноябрь и Декабрь.

А. Потебня.

15 Января, 1877.

ХОДИЛИ-ЛИ СКАНДИНАВСКІЕ ПИЛИГРИМЫ НА ПОКЛОНЕНІЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ЧЕРЕЗЪ РОССІЮ.

(Окончаніе.)

По весьма достовѣрному свидѣтельству Дитмара Мерзебургскаго подъ годомъ 1018: „въ Кіевѣ или Китавѣ, главномъ городѣ въ Россіи, находилось болѣе четырехсотъ церквей и восемь рынковъ. Жители же города и всей страны, число коихъ нельзя опредѣлить, составляющіе гнѣздо бѣглыхъ рабовъ, стекающихся туда со всѣхъ сторонъ и въ особенности изъ бѣгуновъ Датчанъ, до сихъ поръ постоянно давали отпоръ часто на нихъ нападавшимъ Печенѣгамъ и побѣждали другихъ враговъ.“ Таковъ характеръ всей страны отъ Карпатскихъ до Кавказкихъ горъ надъ Чернымъ моремъ въ теченіе многихъ столѣтій до водворенія Русскихъ великихъ князей въ Кіевѣ, и послѣ ихъ удаленія въ Суздаль.—Весь Новороссійскій край еще въ весьма недавнее время представлялъ тотъ же самый характеръ.

Цѣлое сословіе ходуновъ, бурлаковъ необходимо должно существовать на подобныхъ торговыхъ путяхъ, какъ наши судоходныя рѣки.—Вопросъ заключается въ томъ, есть ли какое историческое или даже логическое основаніе, чтобы это сословіе принадлежало какой либо отдѣльной и замкнутой чужеземной національности.—Историческихъ свидѣтельствъ на существованіе какой либо отдѣльной національности положительно нѣтъ; а самая суть дѣла говоритъ, что эти дромиты были на всемъ пути у себя дома и въ ближайшихъ родственныхъ и дружескихъ сношеніяхъ съ племенами, расположенными по всѣмъ путямъ среди Россіи.

Имя Dani и Daci далеко неопредѣленно въ средневѣковыхъ памятникахъ ни въ этнографическомъ, ни даже

въ географическомъ отношеніи, потому что самые строгіе критики постоянно придерживались того мнѣнія, что подъ именемъ Dani, Daci и Danai въ памятникахъ XI столѣтія обозначаютъ племена при-Дунайскія. Если и принять, что имя Дановъ и Даковъ, перешедшее на Данію, обозначало Сѣверныхъ пиратовъ, то и въ этомъ случаѣ на корабляхъ, отправлявшихся съ Сѣвера въ Средиземное море, преобладалъ славянскій, ободритскій, лютитскій элементъ. Весьма можетъ быть, что и Варяги суть не что иное, какъ норренское выраженіе, соотвѣтствующее славянскому имени одного изъ самыхъ воинственныхъ племенъ Славянскимъ Вильцамъ. Оспариваемое, впрочемъ, тождество имени Варяжскаго съ Ворецкимъ едва ли позволяетъ исключительно предполагать норренскую этимологію отъ wara волкъ.

Въ Новгородѣ Варяжская улица называлась также Ворецкой; предположеніе, что названіе Балтійскаго моря Ворецкимъ не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ Варяжскимъ, устраняется употребленіемъ обѣихъ формъ въ Новгородѣ относительно одной и той же улицы.

Противъ славянскаго, пиратскаго элемента вооружалась германская и скандинавская народность. Съ начала IX столѣтія германскій элементъ до конца XII столѣтія борется противъ морскихъ разбойниковъ Славянъ и наконецъ уничтожаетъ Славянскіе, Вендскіе города.—Въ концѣ XII столѣтія, по свидѣтельству Саксо Грамматика, стр. 687, учреждается въ Роскильдѣ церковно-военное общество, называемое имъ „piratica“ для противудѣйствія славянскимъ пиратамъ; этотъ союзъ сильно помогаетъ королю Вольдемару Великому противу Вендовъ. Въ этомъ охранительномъ обществѣ, коего правила излагаетъ Саксо, участвовали въ значительномъ числѣ жители Зеландіи.

Эти пираты были выходцы изъ Россіи, какъ ясно видно изъ названія Austrweg, которымъ обозначался восточный путь, т. е. вся Россія отъ Балтійскаго моря до Чернаго и даже со включеніемъ Геллеспонта; въ изданіяхъ

Сагъ Austrweg переводится partes orientales. Въ нихъ выражено весьма опредѣленно, кто были пираты: Куры и другіе Восточные люди (Antiquites Russes. Copenhagne. 1852. T. II. p. 129). Въ Knytlingasaga: въ § 29 Kurir auk adrir Austrvegsmenn.

Эти слова переведены въ видѣ исключенія, нелишеннаго тенденціозности: „Kurlandis et alii maris Baltici accolis,“ подъ Austrvegsmenn, весьма могли подразумѣваться и новгородскіе молодцы.

Здѣсь приводится нѣсколько выписокъ изъ Сагъ, такъ какъ онѣ въ совокупности своей представляютъ довольно ясный очеркъ взаимныхъ отношеній Скандинавскихъ Норреновъ и Новгородскихъ Руссовъ.

Самая выдающаяся фигура въ исторіи Сѣвера—Олафъ, сынъ Тригвы и Астриды, воспитывается при дворѣ Владиміра и снабжается имъ людьми и кораблями для отыскиванія прежнихъ владѣній Новгорода. Въ 963 году Астрида, беременная Олафомъ, уходитъ вслѣдствіе междоусобія и убійства ея мужа въ Швецію. Захваченный пиратами Олафъ проводитъ дѣтство свое въ рабствѣ въ Эстляндіи. Выкупленный Сигфридомъ, братомъ Астриды, Олафъ воспитывается при дворѣ Владиміра. „Говорятъ, что Олафъ, Триггвіевъ „сынъ, будучи 12 лѣтъ отъ роду, просилъ своего воспи„тателя дать ему военныя суда и войско. Какъ скоро ко„нунгъ согласился на это, то онъ приготовилъ свои суда „и войско и прежде нежели пустился въ путь, спросилъ „у конунга, нѣтъ ли какихъ городовъ, областей, которые „бы прежде находились подъ управленіемъ конунга Гар„довъ, а теперь исторглись изъ-подъ власти его. Конунгъ „сказалъ, что многія и большія государства долго находились подъ властью Холмгарда, но теперь взяли ихъ подъ „свою власть другіе правители и воинственные люди силою „и оружіемъ. Послѣ того, какъ конунгъ разсказалъ это „Олафу со всею отчетливостью, Олафъ въ первый разъ вы„велъ свои военныя суда изъ земли Гардовъ; онъ имѣлъ

„хотя небольшое, но прекрасное войско. Въ то время, былъ „обычай у витязей, что сыновья конунговъ между ними, „начиная рядить войскомъ, были называемы конунгами, „хотя они и не рядили еще областями; поэтому воины да„ли Олафу имя конунга. Вскорѣ оказалось, какія хорошія „способности имѣлъ онъ для управленія войскомъ, хотя „былъ молодъ лѣтами, ибо онъ изъ тѣхъ владѣтелей, ко„торые несправедливо и разбойнически утвердились въ об„ластяхъ, платившихъ дань конунгу Валдамару; однихъ „онъ убилъ, а другихъ выгналъ вонъ; онъ имѣлъ „противъ нихъ многія битвы, во всѣхъ остался побѣди„телемъ и въ первое лѣто возвратилъ тѣ государства и „области, которыя вышли—было изъ-подъ власти конунга „Валдамара. Осенью прибылъ онъ въ Холмгардъ и под„несъ конунгу и его супругѣ многія и рѣдкія драгоцѣн„ности, состоявшія въ золотѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ „и великолѣпныхъ одеждахъ; конунгъ, супруга его и весь „народъ приняли его съ радостью и ласками. Такъ про„текло нѣсколько времени; лѣтомъ Олафъ находился въ „военныхъ походахъ и защищалъ мужественно и храбро „Гардарикію отъ витязей, дѣлавшихъ на нее нападенія, и „покорилъ подъ властъ конунга Валдамара многія крѣпо„сти и провинціи въ Остюрвейгѣ. Зимою очень часто про„живалъ онъ въ Холмгардѣ, будучи уважаемъ конунгомъ „и любимъ его супругою. Въ это время, онъ самъ содер„жалъ большой полкъ на своемъ иждивеніи, которое да„валъ ему конунгъ, и такъ какъ онъ былъ щедръ на „деньги для своихъ воиновъ, то онъ былъ вообще любимъ „ими. Въ это же время случилось, какъ это часто слу„чается, когда иностранцы достигли высокой степени мо„гущества или великой знаменитости, предпочитаются ту„земцамъ, что многіе начали завидовать Олафу въ томъ, „что онъ былъ въ любви у конунга и не менѣе— у су„пруги конунга. Они говорили конунгу, чтобъ онъ не воз„вышалъ такъ много Олафа, потому—говорили они—что

„человѣкъ подобнаго рода весьма опасенъ, если онъ возь-„метъ себѣ въ голову сдѣлать вредъ тебѣ или твоему го-„сударству, особенно, когда онъ превосходитъ другихъ въ „искусствахъ, мужествѣ и силѣ; мы не знаемъ еще, о „чемъ у него идутъ непрерывные разговоры съ твоею су-„пругою. У сильнѣйшихъ конунговъ того времени былъ обы-„чай, что супруга конунга имѣла половину гридней, содер-„жала ихъ на своемъ иждивеніи и получала на то казну „и все, что нужно было. Такъ было и у конунга Валда-„мара: супруга его имѣла не менѣе гридней какъ и самъ онъ, и они очень спорили между собою объ отличныхъ „людяхъ, ибо тотъ и другая хотѣли имѣть ихъ въ своей „службѣ. Теперь случилось такъ, что конунгъ повѣрилъ „совѣтамъ тѣхъ, которые клеветали на Олафа. Конунгъ „сдѣлался нѣсколько суровъ и скрытенъ предъ нимъ, а „Олафъ, замѣтивъ это, открылъ все супругѣ конунга, ска-„завъ притомъ, что онъ хочетъ отправиться въ Сѣверныя „страны, такъ какъ его родственники имѣли тамъ прежде „государство; мнѣ представляется, продолжалъ онъ, весьма „вѣроятнымъ, что мое мужество будетъ имѣть тамъ счаст-„ливый удѣлъ. Супруга конунга пожелала ему счастливаго „пути и сказала, что онъ, гдѣ ни будетъ, останется благо-„роднымъ.“

Разсказъ этотъ объ отношеніяхъ Олафа къ Владиміру и его женѣ и о данныхъ симъ послѣднимъ судахъ и людяхъ Олафу говоритъ самъ за себя объ отношеніяхъ Скандинавовъ къ Россіи въ X столѣтіи. Олафъ, изгнанникъ и иностранецъ при дворѣ Русскаго князя, прямо указываетъ, что въ Россіи не господствовала ни норвежская, ни шведская династія. Разсказъ этотъ въ переводѣ Сабинина (Сборникъ классич. иностран. произв. Чудинова Т. I. Образ. произв. Сканд. поэзіи. Воронежъ 1875.) заимствованъ изъ саги Олафа, написанной на Латинскомъ языкѣ монахомъ Гуннлаугомъ Лейфзономъ, умершимъ въ 1218 году. Латинскій оригиналъ не существуетъ; сохра-

нился норренскій переводъ, приписываемый священнику Styrmer hinn Frodi, умершему въ 1245 году, ему же приписывается переводъ и другой утраченной латинской Саги объ Олафѣ, составленной монахомъ Оддръ Снорразономъ въ XII столѣтіи. Древнія пѣсни скальдовъ объ Олафѣ приводятся въ жизнеописаніи монаха Гуннлауга и въ Flateyarbok. Извлеченія изъ обѣихъ сагъ помѣщены въ первомъ томѣ Копенгагенскаго Сборника, Antiquités Russes.

Восемнадцати лѣтъ Олафъ женится на владѣтельницѣ приморскаго города, вдовѣ Гейрѣ, дочери Вендскаго князя Бурислава. Въ этотъ періодъ его жизни, говоритъ весьма не точно Riant, Олафъ завладѣлъ Борнгольмомъ и постоянно нападалъ на берега Даніи. О походѣ на Борнгольмъ говорится до прибытія его въ Вендскій городъ. Олафъ отправился изъ Россіи на корабляхъ и съ людьми жены Володиміровой, послѣ ссоры съ Владиміромъ, по навѣту приближенныхъ Великаго князя. Въ Сагѣ Гуннлауга весьма опредѣленно сказано, что Олафъ присталъ къ Вендскому берегу послѣ нападенія на Борнгольмъ. Этотъ пунктъ важенъ, какъ опредѣляющій, съ помощію какой силы началъ Олафъ свои дѣйствія на Балтійскомъ морѣ. Въ 986 году, послѣ смерти жены, онъ уходитъ на Нѣмецкое море и направляетъ свои нападенія на Англію, на которую имѣлъ претензію въ качествѣ праправнука Гаральда Гарфагра, на что онъ намѣкалъ, при отъѣздѣ изъ Россіи, женѣ Владиміра, сказавшей ему на это, что все, что онъ сдѣлаетъ, сдѣлано будетъ благородно. Олафъ жегъ Англосаксонскіе города и бралъ съ нихъ дань, между коими и съ Лондона и заключилъ миръ съ Этельредомъ въ 994 году. (Worsaae. Danske Erobring af England 1863. Riant 104).

Отношенія Олафа къ Россіи ясны; не менѣе ясно и то, что базисъ его дѣйствій на Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ было славянское побережье. Олафъ по легендѣ, передаваемой Гуннлаугомъ, ходилъ изъ Россіи въ Константинополь, откуда онъ привелъ епископа Павла, крестившаго

Владиміра.—Такимъ образомъ самое выдающееся лицо въ исторіи Скандинавскаго сѣвора конца X-го столѣтія и начала XI-го проходитъ незамѣченнымъ въ лѣтописи Кіевской. Олафъ можетъ въ нашей исторіи занять мѣсто лишь въ числѣ христіанскихъ безъименныхъ собесѣдниковъ Владиміра изъ числа тѣхъ многихъ Варягоруссовъ христіанъ, жившихъ въ Кіевѣ, по свидѣтельству нашей Лѣтописи, и христіанъ Словено-руссовъ, жившихъ на Балтійскомъ морѣ, по свидѣтельству Германскихъ лѣтописцевъ. Впрочемъ Сага Гуннлауга называетъ Олафа Норреномъ и упоминаетъ о непріятномъ положеніи Олафа при дворѣ Русскаго князя какъ иностранца.

Разговоръ Владиміра съ греческимъ проповѣдникомъ, передаваемый Гуннлаугомъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманіе: „Hoc tempore episcopus Paulus fiducia regis Olavi e Graecia venit, atque regem Waldamarem et Reginam Allogiam, atque totum eorum populum baptizavit et in sancta fide stabilivit. Далѣе Гуннлаугъ, ссылаясь на предъидущія слова, поясняетъ, что это извѣстіе о вліяніи Олафа на крещеніе Владиміра подтверждается весьма опредѣлительно книгой „Imago mundi", въ коей сказано, что Rusci, Polavi, Ungarii, съ варіянтами: Rucii, Polamii и Rutho kolani, были обращены въ христіанство во дни императора Оттона III. Олафъ Тригвазонъ сопровождалъ Оттона въ походѣ на Austrweg и въ это время во многихъ мѣстахъ народъ былъ обращенъ въ христіанство (Ant. Russes T. 1. p. 408). Въ виду полемики, возбужденной скандинавской теоріей, не лишне замѣтить, что Исландецъ, Бенедиктинскій аббатъ Гуннлаугъ отождествляетъ Руссовъ прибалтійскихъ съ Руссами кіевскими. Кромѣ справки въ Космографіи упоминаемой Гуннлаугомъ онъ справлялся по видимому и съ Русскимъ лѣтописцемъ. Фактъ этотъ весьма важный при изслѣдованіи взаимнаго отношенія Сагъ и нашихъ Лѣтописей. Составитель легенды, упоминая о приведенномъ Олафомъ епископѣ Павлѣ, крестившемъ Владиміра,

очевидно введенъ былъ въ заблужденіе нашимъ лѣтописцемъ, приводящимъ слова учителя Павла на вопросъ Владиміра о пищѣ:" Аще ястъ кто и піетъ, то все въ славу Божію, рече учитель нашъ Павелъ."

Составитель Саги не понялъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ Апостолѣ и принялъ „учителя Павла" за епископа Павла, упустивъ изъ виду, что „учитель Павелъ" упоминается по поводу приводимыхъ словъ изъ перваго посланія къ Коринфянамъ (X. 31.: аще убо ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся въ славу Божію творите.—Вопросъ Владиміра, обращенный къ нѣмецкимъ учителямъ, между коими по легендамъ норренскимъ находился и Олафъ Тригвазонъ, имѣетъ весьма важное значеніе.—Слова Св. Апостола въ связи съ предъидущими его словами въ той же главѣ 25: Все, еже на торжищѣ продаемое ядите, ничтоже сумнящеся за совѣсть,—опредѣляютъ значеніе приводимыхъ словъ лѣтописцемъ. Слова Апостола Павла' должны были произвести на язычника Владиміра тоже впечатлѣніе, которое ощущали и древніе Русскіе христіане при мысли объ употребленіи пищи или питья приготовленнаго иновѣрными. Русскіе старовѣры признаютъ даже и нынѣ свои сосуды оскверненными по употребленіи иновѣрными.—Вообще Русскій народъ и доселѣ признаетъ многія мяса нечистыми согласно съ закономъ Моисеевымъ, даже телятина считалась пищей запрещенной, какъ видно изъ упрековъ, дѣлаемыхъ въ Москвѣ Лжедимитрію. Въ исчисленіи нашими пастырями сохранившихся въ Россіи неприличныхъ христіанамъ языческихъ обычаевъ объ употребленія конины въ пищу не упоминается. Варяго-Руссы, судя по Святославу, употребляли въ пищу конину; Литовцы и Шведы, по принятіи христіанства, долго употребляли въ пищу конину и духовенство въ Швеціи долго возставало противъ этого обычая. Это сопоставленіе указываетъ какъ были вѣрны свѣдѣнія, заносимыя въ лѣтопись ея первымъ составителемъ.

Весьма очевидно, что звѣрина, конина и грядина упоминаются въ лѣтописи какъ пища необычная и характеризующая походную жизнь Святослава. Грядина обозначаетъ, кажется, вообще грубое мясо. а грудиной на московскомъ рынкѣ называется свиное мясо.—Существовали-ли какія запрещенія относительно пищи у Русскихъ язычниковъ, намъ неизвѣстно; у Гетовъ, по свидѣтельству Страбона, воспрещалось вообще мясо. Русскіе люди употребляютъ и нынѣ весьма мало мяса въ пищу. Константинъ Порфирогенитъ говоритъ, что Русскіе мало занимаются скотоводствомъ и въ случаѣ надобности покупаютъ скотъ у кочевниковъ. Кромѣ дозволенной конины могли существовать для язычника Владиміра и другія запрещенія относительно пищи, но и этого разногласія между Шведами христіанами и Русскими язычниками достаточно было, чтобы возбудить нежеланіе Владиміра принять христіанство отъ Латинянъ Варяговъ, не смотря на близкія и несомнѣнныя его сношенія съ латинскимъ населеніемъ Балтійскаго поморья. Относительно пищи между Руссами язычниками и Греками христіанами по видимому существовало большее согласіе, чѣмъ съ христіанами Скандинавскими. Одного этого намека достаточно, чтобы указать, какъ мало Варяго-Руссы и Варяги-Норрены были одно и тоже племя или одно и тоже общество.

Древляне, Радимичи, Вятичи и Сѣверяне ѣли по нашей Лѣтописи все нечистое, а Половцы кромѣ того ѣли и мертвечину.—О Брахманахъ и обитателяхъ острововъ приводятся свѣдѣнія по Лѣтописи Георгія Амартола, что они воздерживались отъ мясной пищи и отъ вина. О пищѣ благонравныхъ Полянъ въ нашей Лѣтописи ничего не сказано и потому самому можно быть увѣрену, что пища, употреблявшаяся Русскими язычниками, согласовалась или съ закономъ Брахмановъ и Гетовъ, или съ предписаніями, находящимися въ Пятикнижіи.

Кромѣ всего вышеизложеннаго мѣсто это въ нашей

Лѣтописи важно еще и тѣмъ, что оно указываетъ, на сколько сообщаемыя свѣдѣнія взяты изъ дѣйствительности, а не литературные вымыслы. Въ этомъ мѣстѣ весьма замѣтно, что лѣтописецъ передаетъ бесѣду Владиміра съ Нѣмцами съ крайнею сдержанностію. Изъ приводимыхъ имъ словъ Апостола едва замѣтно, что нѣмецкій миссіонеръ отвѣчаетъ Владиміру, что пощеніе обязательно, но что касательно чистоты пищи слѣдуетъ руководствоваться гражданскими законами, относящимися до съѣстныхъ припасовъ, продаваемыхъ на рынкѣ. Слова эти вѣроятно смущали древняго Русса, смотрѣвшаго совсѣмъ другими глазами на чистую и нечистую пищу. Подобное отношеніе обнаруживается и между Буддистами и Браминами. Samuel Turner говоритъ, что онъ „пилъ чай изъ той же чаши, что и верховный Лама; онъ не замѣчалъ также при многочисленныхъ пріемахъ, бывшихъ въ резиденціи верховнаго Ламы, чтобы кто либо смущался ѣсть или пить приготовленное служителями англійскаго посольства. У Индусовъ, на оборотъ, ограниченія относительно пищи весьма строги. Браминъ не только не станетъ ѣсть за однимъ столомъ съ иновѣрнымъ или съ человѣкомъ, принадлежащимъ другой кастѣ, но даже считаетъ грѣхомъ ѣсть въ ихъ присутствіи. Набожный Индусъ рѣшится скорѣе умереть съ голоду, чѣмъ не соблюсти закона.“

Англійскій капитанъ Самуилъ Turner посѣтилъ Тибетъ въ 1783 году въ качествѣ посланника по случаю извѣстія, полученнаго губернаторомъ Индіи Варренъ-Гастингсомъ о переходѣ души Далай Ламы въ тѣло другаго новорожденнаго ребенка. Въ предисловіи къ своему описанію путешествія и пребыванія при дворѣ Ламы (An account of an Embassy etc., Лондонъ. 1800, in IV, 471 стр. съ рисунками. Извлеченія въ переводѣ на Фран. языкъ въ Biblioth. Britannique, Geneve. an VIII et IX. T XV et XVI.) Англійскій агентъ говоритъ, что до 1774 года онъ не полагаетъ, чтобы было какое либо прямое сообщеніе изъ

Бенгала въ Тибетъ, такъ какъ правительство Бутана не допускало въ свои владѣнія бенгальскихъ торговцевъ, хотя ежегодно изъ Бутана отправляли караванъ въ Ragpore, но индѣйскіе факиры, замѣчаетъ Turner, всегда проникали въ Тибетъ. Первое посольство изъ Тибета къ Варренъ Гастингсу прибыло въ 1775 году, по поводу занятія Англичанами нѣсколькихъ мѣстностей, принадлежащихъ къ владѣніямъ Бутанскаго Раи, обратившагося къ Tesho Lama, бывшему въ то время Регентомъ по случаю малолѣтства Далай Ламы.—Tesho Lama отправилъ къ Варренъ Гастингсу посольство съ письмомъ въ 1775 году. При этомъ посольствѣ состоялъ индустанскій Факиръ Poorungheer Gosein, человѣкъ весьма разумный и ученый, сопровождавшій въ 1779 году Далай Ламу въ Пекинъ. Путешествіе этого Факира издано было въ Лондонѣ.

Варренъ Гастингсъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы послать къ Регенту Tesho Ламѣ посольство, во главѣ коего былъ назначенъ Georges Bogle. Bogle отправился съ подарками и пробылъ шесть мѣсяцевъ въ тогдашней резиденціи Ламы Desherigay. Англійскій посолъ успѣлъ внушить такое довѣріе, что Лама вручилъ ему значительныя суммы для постройки храма и жилаго строенія для тибетскихъ пилигримовъ на Гангѣ въ Бенгалѣ, странѣ особенно любимой Ламой, такъ какъ онъ дважды въ оной возрождался.

Между подарками, присланными Варенъ-Гастингсу въ 1775 году находились золоченые кожанные листы съ клеймами, изображающими русскаго чернаго Орла.

Samuel Turner разсказываетъ, что во время его посольства въ Тибетѣ Регентъ и оберъ-шенкъ сообщали ему нѣкоторыя свѣдѣнія о Русскомъ правительствѣ. Имъ извѣстна была слава царствующій Императрицы, обширность ея владѣнія и торговля Россіи съ Китаемъ черезъ Камчатку. Они говорили, что имъ дѣлаемы были предложенія для устройства прямыхъ торговыхъ сношеній, но они укло-

нились по ихъ нежеланію устраивать новыя сношенія и і
страха ревнивой бдительности Китайцевъ. Англійскому аг
ту сообщали также, что русскіе купцы доходятъ ино
до резиденціи Таранаутъ Ламы, Кхарки, на границѣ Си
ри. Въ этомъ мѣстѣ они имѣютъ агентовъ для довол
распространенной торговли преимущественно мѣхами. Это
же агентъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ Кальку
въ 1783 индѣйскаго Госейна, исходившаго въ теченіи
лѣтъ, не садясь и не ложась, Индѣйскій полуостровъ, х
дившаго въ Бассору и Константинополь, исходившаго Пе
сію, гдѣ и выучился весьма порядочно говоритъ по перси
ски. Этотъ Госейнъ ходилъ по Россіи, былъ въ Москвѣ
прошелъ по самымъ сѣвернымъ странамъ и вернулся в
Калькуту черезъ Сибирь и Пекинъ. Въ Калькутѣ онъ н
силъ халатъ подаренный ему Темо Ламой и разъѣзжал
верхомъ на пѣгой лошади, выведенной имъ изъ Бутан
въ сопровожденіи двухъ Госсейновъ, помогавшихъ ему са
диться и слѣзать съ лошади, чего онъ не могъ дѣлат
безъ ихъ помощи, такъ какъ онъ безпрерывно держал
свои высушенныя руки поднятыми надъ головой.—Онъ увѣ
рялъ, что по окончаніи своего обѣта, на слѣдующій ж
годъ онъ возвратитъ своимъ рукамъ прежнюю жизнь
Отъ индѣйскаго ходебщика, безслѣдно исходившаго Россі
въ концѣ прошлаго столѣтія, возвратимся къ таинственном
ходебщику XI столѣтія.

Конецъ политической жизни Олафа на Сѣверѣ весьм
знаменателенъ. 9 сентября въ 1000 году Олафъ погиб
или пропалъ безъ вѣсти въ морскомъ сраженіи против
короля Датскаго и Шведскаго, соединившихся против
Олафа вслѣдствіе происковъ оскорбленной Сигфриды, вдов
Шведскаго короля Ерика, вышедшей за Датскаго корол
Свейна. Въ это время Олафъ женатъ былъ на сестрѣ Дат-
скаго короля Свейна, Тирѣ, вдовѣ Вендскаго короля.

Снорръ Стурлезонъ, упоминая о составившихся леген-
дахъ послѣ исчезновенія Олафа, говоритъ, что то вѣрно,

о онъ никогда не возвращался въ Норвегію (Heimskrin-a. Olafssaga. CXX. II). 9 сентября въ первомъ году рваго тысячелѣтія нашего лѣтосчисленія Олафъ стоялъ шестидесятью судами между островомъ Рюгеномъ (Балтской Русью) и материкомъ.—Сигвальдъ Ярлъ, морскій збойникъ, предательски державшій сторону Сигфриды, приединившійся къ нему въ роковой день съ десятью кораблями, вышелъ въ море съ своими кораблями и съ шестидесятью кораблями Олафа. Олафъ на кораблѣ Большой мѣй, въ сопровожденіи Журавля и малаго Змѣя, пошелъ ь замкѣ своего флота. Какъ скоро флотъ потерялся изъ иду, короли Шведскій и Датскій выступили изъ своихъ садъ и напали на Олафа. Участіе Вендовъ въ этомъ дѣлѣ было главное; ихъ мелкія суда составляли весь флотъ лафа, самъ же Олафъ былъ на эскардѣ, состоявшей изъ ольшихъ кораблей, равно какъ и предатель Сигвальдъ. то обстоятельство и было причиной пораженія Олафа; одробности эти, сообщенныя Снорро Стурлезономъ въ 122 лавѣ Саги Олафа, весьма важны для морской исторіи ѣвера. Снорро приводитъ стихи Гальдора нехристя, упоминающаго о мелкихъ вендскихъ судахъ. Морскими разойниками были Венды, а потому и плавали они на елкихъ судахъ, способныхъ за отсутствіемъ руля ходить взадъ и впередъ въ самыхъ узкихъ руслахъ.—Это-то общество и составляло варяжскую общину, въ которую стекались всѣ изгнанники изъ Исландіи, Даніи и Норвегіи, но назывались варягами въ исландскихъ сагахъ лишь тѣ, которые уходили въ Константинополь. Въ сагѣ, сгорѣвшей въ 1728 году и записанной по памяти Іанномъ Олафсономъ, разсказывается, что исландецъ Гестъ, по убіеніи Арнгрима, прозваннаго Стуръ, нигдѣ не находя убѣжища отъ преслѣдованія сыномъ убитаго, ушелъ въ Константинополь къ Варягамъ; туда за нимъ также поступившій въ варяги отправился и мститель.—Такимъ образомъ, по свидѣтельству этой не совсѣмъ достовѣрной передачи древней

саги, Варяги въ первый разъ упоминаются въ Констант
нополѣ въ 1011, году за 23 года до перваго упоминан
ихъ въ Геймскринглѣ и у Кедрина.—Въ концѣ Jomsv
kingi saga Эйлифъ, сынъ Торгильда, уходитъ послѣ пор
женія и уничтоженія Ямбурцевъ въ Волинѣ въ Констант
нополь, гдѣ онъ предводительствовалъ дружиной Варяжско
„Eilivus Constantinopolin profectus, cohorti Vaeringoru
praefectus est ibique tandem cecidit. стр. 149 Латинска
изд., стр. 161 Норренскаго: gjordist höfdingi fyrir Vaerin
jalidi. Варягами въ сагахъ назывались лишь тѣ дружин
которыя находились на царской службѣ въ Константинопо
лѣ. Въ исландскихъ сагахъ нерѣдко послѣ убійства люд
уходятъ къ Верингамъ въ Царьградъ. Въ нашихъ Лѣтопи
сяхъ Варягами называются тѣ заморскія дружины, которы
служили въ Россіи. Варяжскія войска называются у нас
и между—литовскими (въ Никон. лѣт. подъ г. 1379). Изъ
этого вполнѣ видно, что въ скандинавскихъ земляхъ для
Скандинавовъ Варяговъ не существовало, и это названіе
дается лишь войску находящемуся въ Константинополѣ и
на зимнихъ квартирахъ въ Малой Азіи.—Слово это, оче-
видное для Норреновъ, иностраннаго происхожденія, для
Англосаксовъ оно было бранное, какъ равно и для запад-
нихъ законодательствъ Европы.

Точно также слѣдуетъ смотрѣть и на викинговъ;
викингами назывались въ литовскихъ земляхъ тѣ люди, за
коими Нѣмецкій Орденъ при водвореніи своемъ признавалъ
право свободнаго владѣнія землей.—Въ пятой главѣ Олафс-
саги Снорра Стурлезона разсказывается, какъ Астрида на
пути къ брату Сигурду, проживавшему въ восточной части
Россіи при дворѣ Владиміра, была захвачена викингами—
то были Эсты, говоритъ Снорро Стурлезонъ.—Въ рабствѣ
у Эстовъ и былъ въ послѣдствіи найденъ Олафъ. О Ва-
рягахъ и викингахъ слѣдуетъ сравнить: „Варяги и Русь"
С. А. Гедеонова, С.-Петербургъ, 1876 г., часть I, глава V.

Гуннлаугъ передаетъ разсказъ, имѣющій характеръ

юлнѣ достовѣрный и идущій очевидно изъ среды главыхъ сообщниковъ Олафа.

„Въ самомъ началѣ сраженія и потомъ между двухъ ттакъ на Великаго Змѣя замѣчено было маленькое весьма ыстрое судно, управляемое Вендами, подходившее къ королевскому кораблю. Олафъ переговорилъ на чужомъ языкѣ ъ гребцами и на вопросы его окружавшихъ далъ уклончиый отвѣтъ. Когда вторично подплыли къ нему незнакомые юди, Олафъ отказалъ предлагаемую ему помощь. Но по кончаніи сраженія, въ то время какъ Датчане провозглашали своими криками побѣду, маленькое судно это поспѣшно удалилось къ материку.— Разсказывали, что король подъ водой сбросилъ свою броню и вплавь достигъ до маленькаго судна, на коемъ находились Астрида и Славенинъ Диксинъ, бывшій министромъ Гейры, первой жены Олафа.“ — Разсказовъ объ исчезновеніи Олафа много. Галфредъ Вандрэдаскольдъ (трудный пѣвецъ), сочинившій пѣснь въ честь Олафа, вскорѣ послѣ сраженія, говоритъ: не знаю, живъ ли конунгъ или странствуетъ по чужимъ землямъ; говорятъ и то и другое. Знаю, что онъ былъ раненъ.— Говорятъ, что онъ живетъ вдали отъ отечества въ земляхъ за моремъ; но отъ этого мнѣ не легче. Астрида разсказывала, что она охраняла Олафа въ теченіе двухъ лѣтъ съ 1000 по 1002 годъ въ Щетинѣ; этотъ городъ названъ по-норренски, совершенно согласно съ славянскимъ именемъ, Burstaborg.—Астрида предлагала ему весь удѣлъ Гейры, но Олафъ отказался и отправился въ видѣ гостя въ Римъ; на дорогѣ, около его собирались люди всякаго званія и языка. Въ Римѣ Олафъ пробылъ съ 1002 по 1003 годъ, живя подъ землею. Съ 1003 по 1004 онъ находился въ Ладогѣ. Съ 1005 Олафъ былъ въ Іерусалимѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ коего ему даны были три крѣпости и два города, т. е. онъ сдѣлался, вѣроятно, начальникомъ Акритовъ, поселенныхъ въ родѣ нашихъ казаковъ на рубежѣ мусульманскаго міра. Во время его на-

чальствованія въ Палестинѣ онъ сдѣлался монахомъ въ 1007 году. Разсказы о немъ ходили не только въ Скандинавскихъ земляхъ, но повторялись и при Англійскомъ дворѣ.

Въ 1005 году паломники принесли королю Этельреду книгу, врученную имъ Олафомъ. Въ этой книгѣ передавались тѣже подробности объ участи Астриды въ спасеніи Олафа. Англійскому королю Эдуарду читали въ день Пасхи это житіе св. Олафа.—Судя по этой англійской легендѣ, передаваемой Гуннлаугомъ, Олафъ умеръ на Востокѣ около 1050 года.

Много содѣйствовало сбивчивости древнихъ сказаній и позднѣйшихъ изслѣдованій—это одновременное явленіе двухъ Олафовъ, перваго сына Тригвы и Олафа Святаго Гаральдіона, также проживавшаго въ Россіи по изгнаніи изъ Норвегіи. Кромѣ того сбивчивости не могло не способствовать ученіе о посмертномъ житіи героевъ. Это объясняетъ упоминаніе и въ нашихъ Лѣтописяхъ о тѣхъ же богатыряхъ въ разныя столѣтія и вѣчность Владиміра - Краснаго солнышка, къ которому приходятъ историческія личности, жившія въ разныя вѣка. Подобная сбивчивость повидимому существовала и для перваго редактора нашей лѣтописи; не смотря на его осторожность, онъ заноситъ въ лѣтопись не историческій походъ Олега на Константинополь на основаніи какого либо легендарнаго разсказа въ родѣ хожденія Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь.

Начало нашей Лѣтописи несомнѣнно составлено по письменнымъ памятникамъ греческимъ.—Слова лѣтописца откуда стала, есть и пошла Русская земля, по правильному замѣчанію Розенкамфа, ничего другаго не могутъ значить, какъ—съ какихъ поръ имя Русь встрѣчается въ Лѣтописяхъ греческихъ. Немыслимо, чтобы человѣкъ живущій среди самаго общества и въ самой странѣ, могъ считать начало этого общества за полтораста или двѣсти лѣтъ назадъ, если это общество не составилось изъ переселенцевъ,

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ памяти народной сохраняются воспоминанія и за двѣсти лѣтъ назадъ. Весьма ясно, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду жизнь письменную. Первый достовѣрный фактъ, по мнѣнію Кіевскаго лѣтописца, былъ походъ Игоревъ. — За строго научно - критическій приступъ первый редакторъ Русской Лѣтописи получилъ полную похвалу отъ Шлецера. Предшествовавшіе факты однако необходимо должны были быть занесены на первыя страницы нашей исторіи и могли быть заимствованы лишь изъ письменныхъ эпическихъ повѣстей латинскихъ или изъ эпическихъ былинъ, сохранявшихся въ памяти русскихъ пѣвцовъ.—До XII столѣтія въ Европѣ существовали лишь двѣ письменности—греческая и латинская. Историческимъ и эпическимъ памятникамъ на народныхъ языкахъ, не исключая древнѣйшихъ бретонскихъ и англосаксонскихъ, предшествовали редакціи латинскія; германскимъ пѣснямъ о Нибелунгахъ и многимъ норренскимъ сагамъ и пѣснямъ также предшествовали латинскія редакціи. Сказанія о Рюрикѣ и Олегѣ должны скрываться въ письменныхъ памятникахъ латинскихъ Сѣверо - Западной Европы, гдѣ ихъ отъискивалъ Крузе, или въ нашихъ былинахъ. Составитель Русской первоначальной Лѣтописи весьма вѣроятно не пользовася другими источниками какъ письменными.—Въ средневѣковыхъ древнѣйшихъ памятникахъ хронологическихъ положительныхъ данныхъ нѣтъ и только на угадъ возможно было согласовать историческія легенды, составлявшіяся въ разныхъ мѣстностяхъ. Что касается до начала династіи Рюриковичей въ Россіи, то она согласно духу времени была, можетъ быть, и намѣренно облечена въ непроницаемый туманъ и намѣренно запутана, какъ сказки объ Александрѣ Македонскомъ, ведущемъ свой родъ отъ Ахиллесса, Юпитера, Аммона, Египетскаго царя Нептанебо, персидской принцессы, жены Македонскаго Филиппа, прибывшей къ мужу беременной Александромъ Великимъ отъ персидскаго принца.—На основаніи этой за-

путанности въ средней Азіи и на самомъ отдаленномъ В
стокѣ, многіе владѣтельные роды ведутъ свое племя о
Александра Великаго.—Понятно, что Лѣтописецъ русск
отвергъ всѣ миѳическія родословныя. Въ Ипатьевской Лѣ
тописи мы имѣемъ указаніе, что въ Россіи велись род
словныя отъ Сварога и Дажьбога, о чемъ свидѣтельствует
пѣвецъ Игоревъ.—Надъ этой родословной шутитъ редак
торъ Ипатьевской Лѣтописи, поставляя Хама прародителем
Сварога, тогда какъ между египетскими династіями Хам
является несравненно позже и принадлежитъ къ историче
ской династіи, тогда какъ Сварогъ принадлежитъ къ дина
стіи боговъ.—Впрочемъ Хамъ отождествляется съ Зоро
астромъ и Зеруаномъ безпредѣльнымъ временемъ; ср. в
указ. къ Зам. на Сл. о Полку Иг. s. v. Хамъ.—

Весьма важныя хожденія, хотя и одиночныя, упоми
наются въ Kristniasaga, составленной Гаукомъ Erlendso
(Ant. Russes т. II. 236 ср., т. I. стр. XXII—XXIV).
Послѣ исчезновенія Олафа въ морскомъ сраженіи при Свол
дрѣ, Торвальдъ, сынъ Кодрановъ и Стефниръ Торгильдсонъ,
по возвращеніи изъ Іерусалима и Константинополя, ходили
по Днѣпру въ Кіевъ (Koenogard обозначаетъ также въ
сагахъ и всю Юго-Западную Россію). Торвальдъ умеръ въ
Россіи близь Полотска, похороненъ на горѣ у храма Іоан-
на Крестителя и причисленъ къ лику Святыхъ. О немъ
упоминается въ стихахъ Бранда странника:

Былъ въ мѣстѣ,
Гдѣ Торвальду
Кодранову сыну
Христосъ далъ покой.
Тутъ похороненъ онъ
На вершинѣ горы
Въ Драфнѣ
У Храма Іоанна.

Оттуда Стефниръ пошелъ къ Сѣверу въ Данію, какъ гово-
ритъ „дѣдушка Ари“ (Ari Thorgilsson hinn frodi).

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этой выпискѣ ясно юбнаруживается, что Riant самъ сознаетъ отсутствіе данныхъ, подтверждающихъ гипотезу о хожденіи Скандинавовъ черезъ Россію; тѣмъ менѣе слѣдовательно существуетъ данныхъ, подтверждающихъ гипотезу о ихъ господствѣ въ Россіи: „La route par ou passerent Thorvald et Stefnir est a p p a r e m m e n t le chemin ordinaire du commerce et des Veringues de Constantinople par Kiew le long du Dniepre de la à Polotsk et plus loin à la mer Baltique, p r o b a b l e m e n t par la Livonie, qui se nommait alors Esthonie jusqu'à l'ile de Bornholm et en Scanie ou peut être oussi par la Poméranie, savoir par Jumne ou Jomsbourg, jusqu'en Selande.“ —Кажется, достаточно ясно выражено, что кромѣ гипотезъ нѣтъ ни одной положительной данной о пути Скандинавскихъ паломниковъ черезъ Россію.—

Графъ Paul de Riant оставляетъ далеко за собой всю скандинавскую школу. Онъ переводитъ вмѣсто „ко многимъ князьямъ Русской земли и во всю Гардарикію“ къ Гардарикскимъ Скандинавскимъ князьямъ.“ (Thorvallds Vídförla Saga ,c. X. стр. 334-337. Hungurvaka, Pals Biskupssaga ok pattr of Thorvalldi Vidförla Hafniae 1778.) „aussi futil fait foringr (chef) et quelque tems après, envoyé en Russie en qualite' de Valldzmadr [plenipotentiaire] vers les p r i n c e s S c a n d i n a v e s de Gardariki.“

Само собой разумѣется, что въ оригиналѣ ни о Норренскихъ, ни о Норманнскихъ, ни о Скандинавскихъ князьяхъ въ Гардарикіи не могло быть и помину. Дѣйствительно, мы находимъ въ обязательно сообщенной намъ Академикомъ Шифнеромъ вышеобозначенной сагѣ о паломничествѣ Торвальда слѣдующее:

„allra mest var han tignadr um Austrveg thangat sendr of Keysaranum, svo sem foringi eda Valldzmadr, skipadr yfir marga konga a Rüslandi oc i öllu Gardariki.“

Въ латинскомъ переводѣ это мѣсто передано такъ:

„Longe autem amplissimo erat ejus gloria per reg
ones orientales, quo legatus est missus ab imperator
ducis sive magistratus dignitate auctus imperioque i
multos reges Russiae et tota Gardarikia."

Смыслъ весьма ясный: Торвальдъ, облеченный импера
торскимъ саномъ, властію Воеводы или Господаря, былъ по
сланъ ко многимъ князьямъ Русской земли и во всю Гар
дарикію. Полномочія его, значитъ, распространялись и отно
сительно каждаго изъ тѣхъ князей земли Русской, къ коим
полномочіе относилось, къ князьямъ не подчиненнымъ Ве
ликому князю и во всю Гардарикію т. е. въ тотъ союзъ кня
зей и дружинъ, который былъ подчиненъ Великому князю

Указанія Константина Багрянородкаго о торговом
пути по Днѣпру относятся къ Руссамъ; указанія о Скан
динавскихъ караванахъ черезъ Россію въ памятникахъ н
существуетъ. Примѣненіе словъ Константина Порфирогенит
къ шведскимъ торговцамъ тѣмъ паче паломникамъ совер
шенно произвольно.

Отношенія Ярослава къ Олафу святому опредѣляются
въ Геймскринглѣ Снорра Стурлезона Antiquités Russes
T. I. Ярославъ поручаетъ Олафу св. управленіе Болгаріей

Король Магнусъ, сынъ Олафа, отправляется въ Шве
цію изъ Новгорода и Ладоги (357). Гаральдъ, сынъ Си
гурда, братъ единоутробный Олафа святаго, послѣ сраже
нія при Stexlastad, въ коемъ былъ убитъ Олафъ святой
отправляется къ Ярославу и назначается начальником
стражи (landvarnarmönnom). Гаральдъ, пробывъ нѣсколь
ко лѣтъ въ Гардарикѣ и много исходя Austrweg, набравъ
себѣ людей, отправился въ Константинополь (стр. 360—
362), откуда послѣ многихъ похожденій и подвиговъ съ
Варягами въ Царьградѣ, Африкѣ и Палестинѣ возвра
щается въ Новгородъ, идетъ въ Ладогу и тамъ, снарядивъ
суда, отправляется въ Швецію (стр. 376). „Insequenti
autem vere Haraldus iter suum Holmgardo ingressus,
Aldegioborgam petiit, ubi comparatis navibus sequenti

aestate ab oriente navigavit, cursu primum in Svedhiam verso, Sigtuna appulit;“—Въ 22 § разсказывается, что Гаральдъ сынъ Сигурда, женатый на Елисаветѣ, дочери Ярослава Новгородскаго, съ свойственникомъ своимъ Свейномъ Ульфсономъ, въ товариществѣ съ набранными дружинами пройдя въ Данію, опустошали все мечемъ и огнемъ и подчинили себѣ всю страну. Въ § 11 (стр. 128) той же Саги объясняется, что Гида (Guda), дочь Гаральда, брата Свейна, была женой Владиміра, отъ коей былъ у Владиміра сынъ Гаральдъ (Мстиславъ).—Въ этомъ же § объясняется свойство Русскихъ князей съ королемъ Англійскимъ Гаральдомъ, отцомъ Владиміровой жены.

Въ X и XI столѣтіи Скандинавскіе конунги являлись, какъ видно, въ Новгородъ и Кіевъ изгнанниками. Такой же характеръ имѣли и посѣщенія балтійскихъ династовъ въ предыдущія столѣтія. Иваръ Widfarne, странникъ, завоевалъ Эстляндію, Курляндію, Саксонію, часть Англіи, завоевалъ и Зеландію, въ коей княжили два брата Рюрикъ и Ельга; онъ выдалъ свою дочь Ауду за перваго. Обвичивъ дочь въ связи съ младшимъ братомъ, возбудилъ ревность этого младшаго брата противъ старшаго и за тѣмъ предалъ Ельгу смерти за убійство зятя. Ауда бѣжала въ Россію съ сыномъ Рюрика, Гаральдомъ Гильдестаномъ и въ Россіи, около начала VIII столѣтія, вышла за тамошняго короля Радбарда, родоначальника Норвежскаго короля Гарфагра въ IX столѣтіи и Олафа Тригвазона. Этотъ Радбардъ, король въ Гардарикіи, родоначальникъ нѣсколькихъ Норренскихъ династій, не встрѣчается однако ни въ ряду королей Англійскихъ, ни Норвежскихъ, ни Датскихъ, хотя родословныя ихъ ведутся съ Іафета. — Иваръ погнался за дочерью въ Россію; подойдя къ Карельскому берегу, онъ вызвалъ своего бывшаго наставника Горда для объясненія; Гордъ не рѣшился идти на корабль; Иваръ, вызвавъ его на поединокъ, сошелъ на берегъ и съ тѣхъ поръ оба пропали

безъ вѣсти. Гаральдъ Гильдестанъ, снабженный Русскимъ королемъ кораблями и людьми, возвращается въ Зеландію, гдѣ и воцаряется. За нимъ владѣли въ Швеціи Сигурдъ, Рингъ и Рангваръ Лодброкъ. Эта династія называлась Иваровой.

Отъ отца Гаральда, короля Англійскаго, возведеннаго Кнутомъ въ Ярлы, идутъ, по свидѣтельству Knytlinga Saga въ томъ же §, многіе знаменитые роды въ Англіи, Даніи, Швеціи и Россіи и датскія королевскія династіи. Даже если принять эти генеалогическія показанія за достовѣрныя, то все-таки нѣтъ никакого основанія приписывать этимъ династіямъ ту или другую народность. Всѣ эти династіи ведутъ свой родъ отъ выходца съ Дона Одина или правильнѣе Водена, человѣка весьма загадочнаго происхожденія. — Торгилъ, сынъ короля Свейна (§ 23.), ушедшій на Востокъ въ Россію (for Austr Gardariki), гдѣ имѣлъ обширный кругъ родственниковъ по своей матери; воспитанный въ Россіи и тамъ же сдѣланный королемъ (Konungs tekinn), онъ отправился въ Данію.

Кнутъ, сынъ Короля Свейна (§ 26.), имѣлъ много воиновъ и хорошую Флотилію (skipakost); онъ производилъ морскіе разбои, hernadi, piratica, въ Россіи (Austrweg, in partibus orientalibus) и побѣдилъ десять королей (konunga). Источникъ разсказа—пѣснь Кальфа Манасона; составитель Саги не опредѣляетъ времени; самый фактъ грабежа было дѣло обычное.

Кнутъ могъ легко производить грабежи по восточному берегу Балтійскаго моря, и ходить по Невѣ и Ладожскому морю. Изъ самаго договора Новгорода съ Ганзою въ концѣ XIII столѣтія отъ имени Ярослава Ярославича видно, что плаваніе по Невѣ подвергалось нападенію пиратовъ; гостямъ нѣмецкимъ и готландскимъ предоставлялось брать съ собой приставовъ отъ Новгорода и въ томъ случаѣ отвѣтственность въ случаѣ грабежа падала на Новгородъ. Гостямъ по этому договору предоставлялось право

задерживать воровъ между Котлинымъ и Ладогой съ представленіемъ въ судъ въ Ладогѣ, а въ случаѣ, если воръ пойманъ между Ладогой и Новгородомъ, то представлять его въ судъ въ Новгородѣ. Извѣстно, что иностранные гости имѣли право ѣздить по всѣмъ владѣніямъ Новгородскимъ, но при поѣздкѣ въ Корѣлу, Новгородъ не принималъ отвѣтственности за то, что можетъ случиться съ гостемъ.

Олафъ Третелій, т. е. дровосѣкъ, сынъ Ингіальда, пораженнаго Иваромъ и сжегшаго себя со всѣмъ семействомъ и дворомъ для избѣжанія мести Ивара за многія убійства. Олафъ Третелій удалился добровольно въ Вермеланцію, предполагаемую нынѣшнюю Далекарлію, подобно тому какъ Олафъ Тригвазонъ и Олафъ святой, не желая оружіемъ отстаивать своихъ правъ. Около него собирались всѣ недовольные Иваромъ.—Олафъ былъ сожженъ своими подданными въ честь Одина. Этотъ Олафъ Дровосѣкъ, кажется, тотъ же что Olo Vegetus, сынъ Фридлейфа, упоминаемый Саксо-Грамматикомъ. Во всякомъ случаѣ Олафъ Третелій и Vegetus современники. Sögubrot называетъ между товарищами Рингона въ Бровалинскомъ сраженіи этого Олафа Ala en froekna.

Вообще въ крайне перепутанныхъ и загадочныхъ Скандинавскихъ легендахъ Олафы занимаютъ самое загадочное мѣсто. Роль ими разыгрываемая должна была быть и была въ дѣйствительности крайне загадочной; Олафъ Третелій и Олафъ Тригвазонъ были таинственные цари, въ неопредѣленныхъ мѣстностяхъ, царями въ родѣ Далай Ламъ Тибетскихъ, Японскихъ Тайкуновъ и Меровинговъ Франціи. При болѣе полномъ и тщательномъ изслѣдованіи непочатой средне вѣковой исторіи весьма можетъ быть окажется, что Скандинавскія легенды объ этихъ обоихъ Олафахъ находятся въ связи съ нашимъ Олегомъ вѣщимъ, Микулой Селяниновичемъ, Гугономъ Константинопольскимъ, принимавшимъ за золотымъ плугомъ въ Царьградѣ Карла Великаго и наградившимъ его западнымъ царствомъ. Этотъ

Олафъ кажется, одинъ изъ представителей таинственнаго морскаго Царя Бретонскихъ романовъ, посѣщаемаго Садкой и спрашивавшаго новгородскаго купца: вѣренъ ли слухъ, что въ Новгородѣ стало желѣзо дороже золота.

Въ этихъ легендахъ проявляется существованіе на сѣверѣ и въ самомъ Царьградѣ царей невидимокъ, игравшихъ значительную роль въ легендарныхъ сказаніяхъ и проходящихъ незамѣченными въ оффиціальныхъ исторіяхъ; существованіе этихъ невидимокъ отвергается само собою, разумѣется, строгой критикой, но тѣмъ не менѣе загадочныя личности эти существовали въ дѣйствительности, какъ напримѣръ, Іоанны пресвитеры; это были дѣйствительные или вымышленные претенденты, выставляемые гонимыми сектами.

Олафы Третелій и Тригвазонъ были представителями древней легенды о странствующемъ героѣ, коего Тацитъ называетъ Улиссомъ-Одиссеемъ.—Въ наше время почти не можетъ быть сомнѣнія, что культъ Одина на Сѣверѣ Европы, основанный на сожженіи Азгарда, греческія легенды о разореніи Трои и странствованія Одиссея, разореніе царства Ревана Рамой на островѣ Цейлонѣ, древней Топробаны, въ отмщеніе за похищеніе жены и обреченіе на вѣчныя странствованія подданныхъ Ревана,—суть варіанты одного и тогоже сказанія. Въ Индіи факиры ведутъ свое начало отъ Ревана. Всѣ эти легенды суть одно и тоже сказаніе или правильнѣе ученіе о необходимости каждому порабощенному или разъединеннымъ племенамъ стремиться къ соединенію и преобладанію. Объединеніемъ для вытѣсненныхъ и разсѣянныхъ племенъ болѣе всего могутъ служить странствованія паломниковъ.

Весьма понятно, что это ученіе получило полное развитіе во время римскаго владычества и было одной изъ главныхъ силъ, которая образовала нынѣ существующія Европейскія государства. Вся готская и скандинавская теоріи ошибочны въ своемъ основаніи: противодѣйствіе Ри-

му могло только организоваться въ земляхъ Славянскихъ и Тюркскихъ. Всѣ Скандинавскія преданія говорятъ о Великой Скиѳіи Svithiod i mikla, раздѣленной на-двое Ураломъ —Одинъ, по Саксу Грамматику, является къ Русскому двору въ разныхъ переодѣваніяхъ, чтобы жениться на дочерѣ Русскаго князя съ цѣлію прижить сына для отмщенія за убіеніе брата его Бальдера. Совѣтъ этотъ данъ былъ богу Одину Финскимъ колдуномъ. Кажется, притча эта, переданная Саксо Граматикомъ, опредѣляетъ отношенія Россіи къ скандинавскому движенію, составляющему всю суть богатой Норренской литературы.—Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Саги составлялись самими участниками въ дѣлахъ—скальдами, миссіонерами и Варягами въ Константинополѣ, Россіи и Исландіи.

Баснословная же часть сагъ и легендъ сохранила намъ ученіе и преданія, дополняющія вѣрную картину древней жизни отъ береговъ Дона до береговъ Эльбы и много способствуетъ уясненію современныхъ стремленій многихъ Европейскихъ народностей.—Въ Индіи, гдѣ племена находятся въ разрозненномъ состояніи, таковыхъ факировъ насчитывалось въ XVII столѣтіи, по свидѣтельству Таверне, 1,200,000 язычниковъ и 800,000 мусульманъ. Въ Бретонскихъ романахъ связь съ отдаленнымъ востокомъ выражается варіянтами: Константинополь, Индія, Топробана какъ цѣль подвига. Въ варьянтахъ пѣсни о Волхвѣ Всеславичѣ находятся Царьградъ и Индія. Чулковъ это весьма хорошо понималъ и указывалъ прямо на Индію, сообщая притомъ и маршрутъ съ помощью заснувшаго непробуднымъ сномъ Французскаго богатыря черезъ Сирію, а оттуда въ союзѣ съ Еруслано́мъ Лазаревичемъ т. е. черезъ Персію.—

Рейнгольдъ Рёрихтъ, признавая хожденія Скандинавовъ въ Царьградъ и Іерусалимъ черезъ Россію фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, ссылается на превосходное изслѣдованіе Павла de Riant. Здѣсь мы встрѣчаемъ Гараль-

да, прожившаго въ Россіи, служившаго въ Константинополѣ и ходившаго по Средиземному морю для преслѣдованія пиратовъ. Гаральдъ во время своего состоянія на службѣ греческой посѣтилъ Іерусалимъ. Мы встрѣчаемъ и Олафа воспитаннаго въ Россіи и уже по смерти своей ходившаго въ Іерусалимъ, но не черезъ Россію, а черезъ Германію и Италію, гдѣ онъ провелъ зиму въ римскихъ катакомбахъ. Riant приводитъ свидѣтельство французскаго хроникера о присутстіи Шведовъ и Руссовъ при осадѣ Антіохіи въ 1098 году, въ тотъ самый годъ, когда король Ейрикъ ходилъ на поклоненіе въ Римъ и Бары. Если Русскіе не отдѣлялись отъ шведской національности, то выходитъ, какъ будто французскіе крестоносцы называли одну часть Шведовъ по финнски (Ruodsi), а другую ихъ обычнымъ именемъ. Единственный, важный фактъ, указываемый Павломъ de Riant о хожденіи Скандинавскихъ пилигримовъ въ Іерусалимъ черезъ Россію--это вторичное хожденіе короля Ейрика; Ейрика встрѣчало по пути въ Россію духовенство съ колокольнымъ звономъ. Слова французскаго изслѣдователя меня крайне поразили своею опредѣлительностію и обстоятельностію. Сомнѣніямъ въ виду таковыхъ опредѣлительныхъ цитатъ, по крайне сомнительному вопросу, уже не было мѣста. Приводимъ его слова (стр. 158, 159):

L'expédition étant prete, le roi fit embarquer sa suite et se dirigea vers la Russie; un vent contraire le força de relâcher à Visby, la capitale déjà célèbre de l'ile de Gotland. „Il y fut reçu en hôte, dit un chroni„queur local, et y vécut en ami, sans chercher, comme „plus d'un de ses successeurs, à s'emparer de l'ile,“ Il resta un mois à Visby et y fondá eme église sous l'invocation pe saint Olaf, apôtre de l'île. Les seigneurs danois voulurent contribuer à cette oeuvre pieuse et laissèrent dans l'île d'abondantes aumónes. De Gotland, Erik aborda en Esthonie, ou il fit, dit-on, plusieurs fondations,

puis se prépara à traverser la Russie, alors divisée, comme nous l'avons dit, en plusieurs petits États gouvernés par des princes scandinaves, entre autres par Thorgil, frére d'Erik, et Mstislav Harald, (сынъ Владиміра святаго), son parent. Sviatopolk, prince de Kieff (Markus Skeggiason le dit formellement) „lui donna de valeureux compagnons exercés à la guerre, pour le guider le long „du chemin.“ Tout le voyage ne fut qu'une longue ovation. Dans chaque ville, les prêtres alaient en procession au-devant du roi avec les saintes reliques; il était reçu au son des cloches et au chant des cantiques. Riant говорить, что скальдъ Markus Skeggjason, цитируемый въ Knytlinga Saga, гл. 79, Eiriks drapa Form. Sögur XI. стр. 313, положительно утверждаетъ, что Ейрикъ ходилъ въ Іерусалимъ черезъ Россію. При повѣркѣ оказывается, что ссылка талантливаго, но въ то время еще юнаго французскаго изслѣдователя произошла отъ страннаго недоразумѣнія вслѣдствіе слишкомъ поспѣшнаго пользованія выписками, изданными въ Копенгагенѣ подъ заглавіемъ Antiquités Russes. Недоразумѣніе не могло бы произойти при пользованіи изданіемъ въ Form. Sögur, такъ какъ въ этомъ изданіи норренскіе тексты изданы отдѣльно отъ латинскихъ. Въ Antiquites Russes извлеченія изъ норренскаго текста Knitlinga Saga напечатаны въ двѣ колонны, а подъ обѣими колоннами напечатанъ латинскій переводъ. Для сбереженія мѣста противъ цитируемыхъ въ норренскомъ текстѣ стиховъ помѣщается во второмъ столбцѣ норренскаго текста латинскій переводъ тѣхъ же стиховъ, а въ латинскомъ переводѣ, помѣщенномъ подъ обоими столбцами, во всю ширину листа, значится въ скобкахъ: vide supra, т. е. принадлежащій сюда латинскій переводъ, помѣщенный выше для сбереженія мѣста во второмъ столбцѣ норренскаго текста. Такимъ образомъ выходитъ въ интересующемъ насъ мѣстѣ, что латинскій переводъ стиховъ Марка Скегіасона, принадлежащій § 70,

помѣщенъ въ слѣдующей немедленно за § 70 выпискѣ изъ норренскаго текста 79 главы,—79 глава трактуетъ о хожденіи въ Іерусалимъ; стихи Марка о хожденіи въ Россію, принадлежащіе къ 70 главѣ, прямо примыкаютъ къ норренской прозѣ 81 главы. Оплошность эта весьма понятна и извинительна, но французскій изслѣдователь увлекся, найдя положительное свидѣтельство о хожденіи Скандинавовъ черезъ Россію: изъ (императора) Гейнриха онъ дѣлаетъ Святополка Кіевскаго и говоритъ, что послѣдній далъ проводниковъ Ейрику.

Строки въ Knytlinga, гдѣ говорится, что Ейрикъ шелъ черезъ Германію, пропущены въ Antiquites Russes, такъ какъ они дѣйствительно до Россіи не относятся. Что касается до Копенгагенскихъ издателей, то слѣдуетъ замѣтить, что они совершенно неправильно помѣстили всю выписку изъ 81 главы; къ Русскимъ древностямъ выписка не относится, такъ какъ въ ней говорится о приходѣ Ейрика въ Константинополь и о кончинѣ его на островѣ Кипрѣ. Весьма понятно, какъ легко было сбиться при подобномъ сочетаніи выписокъ. Для ясности этихъ дополнительныхъ и излишнихъ свѣдѣній объ Ейрикѣ во всякомъ случаѣ правильно было бы по крайнѣй мѣрѣ сохранить указаніе норренскаго повѣтствователя, что Ейрикъ шелъ черезъ Германію и что проводники ему даны были императоромъ Германскимъ.

Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что Саксо Грамматикъ вскользь говоритъ, что Ейрикъ, уходя въ Іерусалимъ, отправился въ Россію: Interea Eriacs petitam navigio Ruscіam terrestri permonsus itinere, magna Orientis parte transcursa Bysantium veniebat (Hist. Dan. Hafniae 1839. ч. 1. XII стр. 610). Кромѣ возможности ошибки въ одной или другой редакціи весьма можетъ быть, что между сагой и Саксо Грамматикомъ разногласія не находится такъ какъ Ruscia можетъ обозначать и Русь Поморскую и Вендскую. Въ Knytlinga Saga исторія Ейрика начинается съ 70 гл.

Ейрикъ послѣ пораженія морскихъ разбойниковъ ходилъ въ Россію (austr i Gardariki), былъ принятъ съ восторгомъ за его участіе въ преслѣдованіи пиратовъ и одаренный щедро Русскими князьями, онъ вернулся оттуда въ Danmörk, по словамъ Марка, а въ прозаическомъ разсказѣ: „Danmörk i riki sit."

Въ главѣ 71 и 72 говорится о добродѣтеляхъ Ейрика, въ главѣ 72 о хожденіи его въ Римъ и Бары. Глава 75 посвящена императору Гейнриху. Въ 76 говорится о войнѣ Ейрика съ Германскимъ императоромъ. Въ 77 о мощахъ Короля Кнута. Въ 78 о плѣненіи сестры императора и о сыновьяхъ Ейрика. Въ 79 главѣ: Regis Eiriki Hierosolymam profectio, Ейрикъ отправляется съ значительными отрядами коннымъ и пѣхотнымъ и въ каждомъ городѣ его встрѣчаетъ духовенство съ мощами. За тѣмъ въ Antiquités Russes пропускъ такъ, что не видно, что дѣло идетъ о Германіи и что проводники даны Ейрику императоромъ Германскимъ. Въ главѣ 79-ой послѣ длинной рѣчи Ейрика разсказывается хожденіе его въ Іерусалимъ черезъ Германію, гдѣ къ нему выходило духовенство съ мощами, и императоръ далъ ему проводниковъ; въ одномъ изъ варьянтовъ сказано даже, что проводники ему сопутствовали до Константинополя. Привожу прозаическій разсказъ и стихи Марка и читатель увидитъ, на чемъ основано достовѣрное свидѣтельство о хожденіи Ейрика черезъ Россію, и кто могъ быть принятъ за Святополка Кіевскаго: „Dum rex Eiricus profectionem magno sumtu adornavit, quod consilium ejus quum fama late divulgaretur, multi proceres, tam indigènae quam exteri, hujus profectionis societatem petierunt. Circa hoc tempus rex Franco-Gallorum (Frakkakonungr) regi Eiriko ante quam domo profisceretur, ampla munera misit. Plurimorum hominum relatio est, tunc pacem inter imperatorem Henricum et Eirikum Danorum regem factam. ut ipsi munera inter se mitterent. Imperator regi Eiriko magnum mili-

tum numernm ex imperio suo misit. Sic Marcus:

Rector Francogalliae [Frakklands styrir] elegantem Bjornis
Fratrem splendidis divitiis donavit;
Ampla munera, a potente imperatore
Missa, clypeorum consumptori placuerunt.
Donicum Sotiae terrae princeps in Caesaris.
Congressum venisset, amicus regum strenuos
Ei comites, ad proelium instructos, dedit,
Qui eum per tolam viae spatium deducerent.

Послѣдніе четыре стиха суть весь источникъ, имѣвшійся въ виду у Павла de Riant для изобрѣтенія хожденія черезъ Россію и проводниковъ данныхъ Святополкомъ.—Riant приплетаетъ свидѣтельство готландскаго хроникера о пребываніи Ейрика въ Визби, хотя вовсе нѣтъ указанія, что свидѣтельство Готландской саги относится къ хожденіямъ въ Римъ или въ Іерусалимъ.—Можно быть увѣреннымъ, что не только ни въ одной сагѣ, но и въ позднѣйшихъ Скандинавскихъ компиляціяхъ ничего похожаго на его разсказъ не найдемъ. Pontopidannus понимаетъ свидѣтельство Марка также точно, какъ оно изложено здѣсь да и невозможно иначе понять. (Gesta et vestigia Danorum extra Daniam. T. I. c. I. continens Danorum in oriente gesta ac vectigia.—sect. I. peregrinatores religiosi § I. Eirikus Bonus]. „Constans quoque fama tradit, eodem tempore pacem inter imperat. Henricum et Eiricum factam mutuis muneribus ultro citroque missis: copias quoque auxiliares ab imperatore Regi missas carmine prodit Encomiastes ejus Marcus etc. His peractis iter splendida comitata ingreditur, copiis pedestribus equestribus permistis, nullam civitalem adiit, quin ab Ecclesiasticorum collegiis in occursum ejus profectis pompa, quam processionem appellant, sanctorum reliquiis obviam prolatis exci-

peretur. Constantinopolem directus etc.

Изъ обзора большаго числа Скандинавскихъ сагъ и собранныхъ выписокъ въ Antiquités Russes нигдѣ не видно факта, опровергающаго показанія Адама Бременскаго, что для паломниковъ пути черезъ Россію не было, но что слухъ о возможности таковаго пути существуетъ. Изъ Скандинавскихъ сагъ одна сага острова Готланда сообщаетъ любопытный фактъ, что черезъ Готландъ и Россію ходили высшія духовныя лица въ Іерусалимъ передъ посвященіемъ ихъ въ епископы. Хожденія этихъ рѣдкихъ паломниковъ не могутъ быть сочтены за признакъ обычнаго, постояннаго пути для паломниковъ.—Обычные пути для паломниковъ были обезпечиваемы съ VIII столѣтія международными договорами и учрежденіями, упоминаемыми въ исторіи и существующими и нынѣ въ Италіи, турецкихъ земляхъ и въ Индіи для пилигримовъ разныхъ вѣроисповѣданій. Самое важное свидѣтельство о хожденіи поморскихъ изгнанниковъ черезъ Россію находится въ Русскомъ документѣ, хотя самый фактъ еще не указываетъ, чтобы Скандинавы имѣли обыкновеніе ходить къ Святымъ мѣстамъ черезъ Россію.

Въ житіи святаго Антонія повѣствуется: „Варяжскіи поклажаи е͗, понеже съ съсоуди латыньскіе соуть, и сего ради Варяжская печера зовется и донынѣ" (Посланіе къ архим. Печерскому Акиндину, въ Памятн. Русск Лит., изд. Вл. Яковлевымъ Спб. 1872, стр. CCXXI).

Сближеніе обоихъ свидѣтельствъ русскаго и готландскаго представляетъ поводъ къ довольно интересному соображенію. Присутствіе Варяговъ въ Кіев пещерахъ обнаружилось находкой латинскихъ сосудовъ, а шведскія духовныя лица находились въ общеніи съ Восточною Церковью, и ходили въ Іерусалимъ для посвященія въ епископы.

Нѣтъ никакого основанія заключать, чтобы Варяги принадлежали къ особому племени: трудно сомнѣваться чтобы Ильменскіе Словѣне, упоминаемые въ нашихъ Лѣ-

тописяхъ отдѣльно отъ русскихъ, не были поселеніемъ балтійскихъ, поморскихъ, латинствовавшихъ Славянъ. Волотово кладбище близь Новгорода прямо на то указываетъ.

Волотове, исполины назвались также и Лютичами и Вильцами. Эгингардъ говоритъ въ своей лѣтописи подъ годомъ 789, что Волотовъ Франки называютъ Вильцами и почти повторяетъ тѣже слова въ 12-й главѣ жизнеописанія Карла Великаго. Эгингардъ упоминаетъ о постоянной враждѣ, существовавшей между Франками и Вильцами, перенесенной обоими племенами или правильнѣе дружинами во Францію и Россію, передававшейся изъ рода въ родъ до нашего времени. Notker Labeo въ парафразѣ Мартіана Капеллы также говоритъ, что Волотове и Вильци обозначаютъ одно и тоже племя; „Aber Welatabi, die in Germania sizzent, tie wir Wilze heizen, die ne scament [не стыдящеся] sih nieht ze chedenne [говорить], daz sie iro parentes mit merem rehte ezen sulin danne die Wurme [Mon. Germ. Hist. II. 138). Адамъ Бременскіи (III. гл. 24.) говоритъ, что Вильцовъ называютъ Лютичами. Эти Волотове тоже что могущественные Славяне Аванджи, о коихъ говоритъ Массуди, и свирѣпые гиганты Аванки, о коихъ часто упоминается въ Бретонскихъ сказаніяхъ. Это названіе Вильцовъ интересно, такъ какъ оно на Вендскомъ языкѣ значитъ не „волки" а великаны; wilkia, по словарю Пфеффингера, составленнаго въ концѣ XVII столѣтія (Eccardus Hist. Stud. Etym. 275. 279.) значитъ великій.—Это сближеніе формъ Wilzi, vuk, волкъ, вилкъ и великъ, поясняетъ болгарскую форму вѫликъ дѫнь, великъ день, пишущуюся съ юсомъ и формы wulke knjezi и Wulki Car, встрѣчаемыя въ письмѣ Лужичанина Френкеля къ Петру Великому въ 1697 году (Ж. М. Н. Пр. 1844 № 7. ст. И. И. Срезневскаго) Wilzi въ передѣлкѣ Орозія Альфредомъ написаны Wylte, что Шлецеръ неправильно (II, 67) перевелъ „язычники," хотя по тексту ясно, что рѣчь идетъ о Вендахъ. Присут-

ствіе латинскаго, варяжскаго элемента въ Новгородѣ, слившагося съ обществомъ, принадлежавшимъ къ Греко-Россійскому исповѣданію, замѣтно изъ Впрашанія Кюрикова, иже въпроша Епископа Ноугородьскаго Нифонта и инѣхъ: „А еже се носили къ варяжскому попу дѣти на молитву? 6 недѣль опитемье, рече, занеже акы двовѣрци суть" Пам. Рос. Словесности XII. вѣка М. 1821 стр. 202).

Кажется, довольно ясно, что подъ Варяжскимъ попомъ, дававшимъ молитву русскимъ новорожденнымъ, не слѣдуетъ подразумѣвать иностранныхъ священниковъ при Готскомъ и Нѣмецкомъ дворахъ, такъ какъ обращеніе къ нимъ Русскихъ людей могло бы быть лишь рѣдкимъ исключеніемъ, не дающимъ повода къ постановкѣ вопроса.

Есть еще одинъ фактъ, на который можно указать въ подтверждение словъ Адама Бременскаго, это то обстоятельство, что въ рѣдкихъ случаяхъ о хожденіи норренскихъ людей черезъ Россію, упоминаемыхъ въ сагахъ, всякій разъ упоминаются люди, возвращавшіеся изъ Іерусалима черезъ Россію.—Дѣйствительно, послѣ Пасхи путь былъ несравненно легче чѣмъ зимой и около весенняго равноденствія. Возвращаясь лѣтомъ, Норренскіе паломники находили въ Константинополѣ Русскихъ людей и даже греческіе караваны (грѣчины), съ коими имъ было удобно идти въ Кіевъ и оттуда въ Смоленскъ, тогда какъ въ февралѣ и мартѣ, не говоря о стужѣ, распутицѣ, у Печенѣговъ и Половцевъ они не могли разсчитывать найти зимою суда, готовыя къ отплытію въ Константинополь. Многіе паломники возвращались изъ Іерусалима чрезъ Константинополь, Болгарію и Венгрію, потому что имъ неудобно было возвращаться тѣмъ путемъ, по коему они совершали грабежи.—Хожденіе черезъ Римъ кромѣ того было условіемъ положительнымъ, тогда какъ возвратный путь зависѣлъ отъ удобства.—Ни разу въ сагахъ не упоминается, чтобы паломники шли черезъ Россію даже на возвратномъ пути. Для высшихъ духовныхъ лицъ, ходив-

шихъ изъ Швеціи въ Іерусалимъ, препятствія могли быть заблаговременно легко устраняемы тѣмъ болѣе, что эти лица были менѣе связываемы условіями времени чѣмъ паломники, спѣшившіе въ Іерусалимъ къ опредѣленному времени.

Трудъ Графа de Riant въ общей сложности превосходный, весьма отчетливый и обильный данными для лучшаго пониманія образованія Русскаго общества въ до-монгольскій періодъ. Ошибки его по вопросу русскому едва ли могутъ быть сочтены за намѣренныя, но несомнѣнно и то, что въ немъ, при составленіи его труда, преобладалъ враждебный для насъ духъ графа Choiseul, который произвелъ ту путаницу, которая повела графа Riant къ предположенію, что Imperator, Keisarinn могъ обозначать Святополка, уже не говоря о томъ, что въ предъидущихъ строкахъ упоминается императоръ Германскій, Гейнрихъ по имени.—При обозрѣніи вопроса о хожденіи Скандинавовъ въ Іерусалимъ черезъ Россію нельзя не пожалѣть, что у насъ такъ мало обращено вниманія на богатые и превосходные матеріалы для исторіи нашего края и племени, накопленные въ Сагахъ—Gylfagining и Heimskringla съ паралельными мѣстами изъ исторіи Саксо Грамматика. Саги, изданныя въ русскомъ переводѣ 16 декабря 1876, суть насущная потребность для разъясненія читающей публики много слишкомъ темныхъ для насъ вопросовъ.—

Слѣдуетъ надѣятся, что редакція Филологическихъ Записокъ не остановится на первомъ томѣ изданныхъ ею памятниковъ Скандинавской литературы.

Кн. Павелъ Вяземскій.

ЗАМѢТКА О СИСТЕМѢ ГЛАСНЫХЪ ВЪ УЧЕБНИКѢ СЛАВЯНСКОЙ ГРАММАТИКИ.

Разбирая „Этимологію древняго Церковно-Славянскаго и Русскаго языка" г. Бѣлявскаго, я разсмотрѣлъ между прочимъ вопросъ о томъ, въ какой системѣ удобнѣе всего изложить въ учебникѣ Славянскаго языка ученіе о гласныхъ звукахъ (Филолог. Записки 1876. Вып. III. Статья „Научный учебникъ грамматики", стр. 18—20). Въ своемъ отвѣтѣ на рецензію г. Поливанова г. Бѣлявскій коснулся и моей системы славянскаго вокализма (ibid., V 12—13, 14—15). Оставаясь при мнѣніи, что система г. Бѣлявскаго требуетъ поправокъ, и въ то же время соглашаясь съ нимъ, что предложенная мною также имѣетъ свои недостатки, я еще разъ пересмотрѣлъ вопросъ. Изложить результатъ этого пересмотра и есть ближайшая задача настоящей замѣтки.

Главный недостатокъ, указанный мною въ § 5 учебника Бѣлявскаго, заключается въ смѣшеніи разныхъ principia divisionis. Мое дѣленіе г. Бѣлявскій находитъ „также не строго логичнымъ." Пересматривая вопросъ, я нашелъ, что смѣшеніе принциповъ дѣленія у г. Бѣлявскаго и нестрогая логичность у меня обусловливается самою сущностью дѣла, т. е. самыми свойствами славянскаго вокализма, и что лучше всего, вмѣсто одного дѣленія, ученикамъ дать три и даже четыре сообразно съ необходимостью и показать имъ, какъ 1) усиливаются гласные звуки, какъ 2) они смягчаютъ предыдущій согласный звукъ, какъ 3) измѣняются сами подъ вліяніемъ предыдущаго j и 4) какъ разлагаются, имѣя послѣ себя другой гласный звукъ.

Въ первомъ отношеніи славянскій вокализмъ нуждает-
ся въ раздѣленіи гласныхъ по разрядамъ:

Разрядъ А: е, о, а, ѧ, ѫ.

Разрядъ I: ь, и, ѣ.

Разрядъ U: ъ, ы, оу.

На возраженія, которыя дѣлаетъ г. Бѣлявскій про-
тивъ такого дѣленія, мы отвѣтимъ ниже.

Во-вторыхъ, смотря по тому, смягчаетъ или не смяг-
чаетъ гласная предыдущую согласную, мы получимъ звуки
твердые и мягкіе:

Твердые: а, о, оу, ъ, ы и ѫ,

Мягкіе: е, и, ь, ѣ и ѧ,

При этомъ можно замѣтить, что смягчаетъ только
разрядъ I, а изъ разряда *A* только звукъ *e*, представля-
ющій изъ себя переходъ отъ *a* къ *i*. Равнымъ образомъ
смягчаетъ и звукъ j, хотя и согласный, но по природѣ
весьма близкій къ гласному *i*.

Здѣсь естественный переходъ къ понятію о гласныхъ
іотированиыхъ. Іотированныя гласныя не суть въ строгомъ
смыслѣ простыя гласныя, а цѣлые слоги съ согласнымъ
элементомъ j: нѣтъ нужды, что русское начертаніе *Я*—
одна буква, ибо въ ней все-таки два звука j и *a*; славян-
ское ѩ столь же мало одинъ звукъ, какъ и латинское ja
въ словѣ jaceo. Все различіе въ томъ, что Римляне не
ставили между j и *a* черточки, какъ составитель славян-
скаго алфавита, и не изображали этого слога одной бук-
вой, какъ въ Русскомъ языкѣ. Поэтому нельзя причислять
такъ называемыя іотированныя гласныя къ мягкимъ, тѣмъ
болѣе еще, что самыя мягкія подвергаются іотаціи; г. Бѣ-
лявскій между тѣмъ это дѣлаетъ (стр. 13 отвѣта рецен-
зенту). Однако, не смотря на такую постановку вопроса,
отдѣлъ о іотаціи гласныхъ, весьма важный для номиналь-
ныхъ и вербальныхъ формъ, долженъ быть внесенъ въ
учебникъ, и ученики должны знать, что j не только смяг-
чаетъ предыдущую согласную, но иногда видоизмѣняетъ и

гу, которая за нимъ слѣдуетъ: j†*о*=ѥ; j†*ы*=*и* или ѭ; †*ъ*=*ь*; j†ѣ=*и*.

На основаніи этого мы должны дать таблицу простыхъ (т. е. неіотированныхъ) и іотированныхъ гласныхъ. Эта таблица та самая, которую я представилъ на стр. 19—20 своей рецензіи. Г. Бѣлявскій находитъ ее неудобною. Согласенъ, что, какъ единственная система, въ которой ученики усвоивали бы славянскій вокализмъ, она не пригодна; но если только имѣть при ней въ виду одну лишь іотацію, то особенной бѣды не будетъ въ томъ, что „звукъ, изображаемый одною и тою же буквой и одинаково выговаривающійся, относится здѣсь и къ простымъ и къ іотированнымъ“, какъ справедливо замѣчаетъ г. Бѣлявскій. Этимъ же объясняется, почему я не выдѣлилъ носовыхъ изъ категоріи простыхъ Съ такими оговорками моя таблица не грѣшитъ противъ логики.

Что касается до разложенія звуковъ, то въ § о зіяніи всѣ звуки можно раздѣлить на такіе, при которыхъ зіяніе устраняется при помощи вставочной согласной (съ-н-ити), и на такіе, которые устраняютъ его сами посредствомъ разложенія (забы-ти, забъв-енъ; жѧ-ти, жьм-ѫ, пѣ-ти, поj-ѫ). Здѣсь же удобнѣе всего объяснить природу ѧ и ѫ.

Итакъ, скажутъ мнѣ, четыре таблицы: это слишкомъ сложно. Но если такъ, то остается слить въ одну первую и четвертую и въ другую вторую и третью, т. е. мы получимъ какъ разъ тѣ двѣ таблицы, противъ которыхъ возражаетъ г. Бѣлявскій. Только во избѣжаніе недоразумѣній онѣ потребуютъ небольшаго измѣненія.

I.

Разрядъ A: е, о, а.
ѧ (ьн), ѫ (он).

Разрядъ I: ь, и (иj, ьj), ѣ (оj, аj).

Разрядъ U: ъ, ы (ъв), оу (ов, ав).

Въ скобкахъ здѣсь обозначены разложенія звуковъ передъ гласными.

II.

	Неіотированныя.	Іотированныя.
Твердыя	а	ꙗ
	о	ѥ
	оу	ю
	ѫ	ѭ
	ы	j † ы = ꙗ.
		j † ы = и.
	ъ	j † ъ = ь.
Мягкія	и	j † и = и
	е	j † е = ѥ
	ѧ	ѩ
	ѣ	j † ѣ = и
	ь	j † ь = ь.

Теперь мнѣ остается отвѣтить на возраженіе, сдѣланное г. Бѣлявскимъ противъ первой таблицы. Выписываю все мѣсто цѣликомъ:

„Эта таблица усиленія гласныхъ безспорно имѣетъ весьма важное значеніе въ сравнительной грамматикѣ, гдѣ обнимается много языковъ, при чемъ они имѣютъ равныя права въ грамматикѣ; но и въ сравнительной грамматикѣ эта таблица допускаетъ много исключеній. Въ отдѣльныхъ же языкахъ то, что въ сравнительной грамматикѣ есть исключеніе, становится иногда закономъ. Такъ, въ указанной таблицѣ не видно самаго обыкновеннаго въ славяно-русской грамматикѣ усиленія *ь* въ *е* (бър-ати, бер-ѫ) и ъ въ о (зъв-ати, зов-ѫ). Общее же правило сравнительной грамматики въ отдѣльномъ языкѣ иногда становится исключеніемъ; такъ усиленіе ь въ ѣ только и встрѣчается въ двухъ, сколько мнѣ извѣстно, словахъ, кои приведены въ Исторической грамматикѣ Буслаева: мьнѣти, мѣнити, свьтити, свѣтъ.“

Въ рецензіи на учебникъ г. Бѣлявскаго я предложилъ эту таблицу безъ разъясненій, которыя, конечно, при ней

юбходимы въ учебникѣ. Эти разъясненія должны заклю-
ться въ слѣдующемъ:

1. Ученики должны видѣть, что въ усиленіи звуковъ
еть извѣстный порядокъ, котораго въ изложеніи г. Бѣляв-
каго нѣтъ, такъ какъ у него звуки взяты совершенно
тдѣльно (см. § 19). Этотъ порядокъ заключается а) въ
юслѣдовательности е, о и а, аналогію чего мы находимъ
і въ Греческомъ я ыкѣ (τρέπω, τρόπος, ἔτραπον) и в) въ
юмъ, что звуки *ı* и *u* въ ослабленной степени суть ь и
ъ, а въ усиленной оj (=ѣ, первая ступень) и аj (вторая
ступень, только передъ гласными), съ одной стороны и ов
(=оу, первая ступень) и ав (вторая ступень только пе-
редъ гласными) съ другой, т. е. усиленіе *ı* и *u* совершает-
ся черезъ присоединеніе къ нимъ спереди *о* и *а*, аналогію
чего мы находимъ опять таки въ Греческомъ языкѣ и не
такъ ясно въ Латинскомъ: ἶμεν, οἶμος, αἰϝων; ῥυτος, ῥοϝή;
uro, aurora и т. п.

2. Ученикамъ должно быть объяснено, что не всѣ
корни усиливаются по всѣмъ степенямъ, т. е. что послѣ-
довательность ь, и, ѣ, напримѣръ, указываетъ на усиленіе
ь въ и, а и въ ѣ, при чемъ нѣтъ необходимости, чтобы
ь, усилившись въ и, непремѣнно потомъ усилилось и въ ѣ.

3. Ученики равнымъ образомъ должны знать, что пе-
реходъ изъ одного разряда въ другой есть исключеніе,
сравнительно весьма рѣдкое. Г. Бѣлявскій приводитъ при-
мѣръ усиленія ъ въ о (зъв-ати, зов-ж), но если мы при-
мемъ въ расчетъ, что корень слова есть зы (санскр. gu,
sonum edere, сравни зычный), то мы увидимъ, что здѣсь
нѣтъ усиленія ъ въ о, а усиленіе ы въ оу, причемъ ы
передъ гласной разлагается въ ъв (ср. забыти, забъвенъ),
а оу въ ов. Другой примѣръ, приведенный г. Бѣляв-
скимъ (бьр-ати, бер-ж) вовсе не есть примѣръ усиленія ь
въ е. Сравнивая бер-ж, съ боръ, съ греч. φέρω, φορος,
лат. fero, fordus, мы видимъ, что е принадлежитъ здѣсь
къ разряду А; ь въ бьр-ати есть ослабленіе этого е, при-

чемъ гласная, попадая изъ разряда А въ разрядъ I, дѣлается способной и къ иному усиленію: бьр-ати, съ-бирати. Такихъ корней сравнительно немного. Напр., корень рек (лат. loqu-or):

Разрядъ А: рекж, рокъ.

Разрядъ I: рьци, нарицати, рѣчь.

Такія исключенія тѣмъ замѣчательнѣе, что ихъ можно подвести подъ общее правило смѣшенія двухъ различныхъ разрядовъ гласныхъ (Compendium Шлейхера. Изд. 2, стр. 125—126. ср. Шерцль. Сравн. Граммат. слав. языковъ I, 276 и др.). Подобно этому мы встрѣчаемъ случаи ослабленія первоначальнаго а въ ъ. Но это опять таки исключенія, а общее правило то, что гласныя при усиленіи слѣдуютъ извѣстному порядку, изъ котораго есть только одно исключеніе, притомъ подводимое подъ общую формулу смѣшенія разрядовъ А и I въ нѣкоторыхъ корняхъ.

In summa summarum я остаюсь при прежнихъ двухъ таблицахъ, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, или предлагаю три дѣленія: 1) три разряда гласныхъ для объясненія усиленія звуковъ, 2) гласныя твердыя и мягкія для смягченія согласныхъ и 3) гласныя іотированныя и неіотированныя для объясненія вліянія j на гласныя.

Н. Карѣевъ.

ПОЧЕМУ ВЪ РОДИТЕЛЬНОМЪ ПАДЕЖѢ ЕДИНСТВЕННАГО ЧИСЛА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ И МѢСТОИМЕНІЙ ОКОНЧАНІЕ **го (аго, ого)** СМѢНИЛОСЬ НА **во (аво ово)**?

Рѣшенію этого вопроса посвящена была въ прошломъ 1875 г. небольшая статья г. Л. Малиновскаго, напечатанная въ Zeitschrift für vergleichenden Sprachforschung Kuhn'a [1]). Смѣна *го* на *во* въ означенной формѣ не есть, какъ извѣстно, исключительная принадлежность Русскаго языка: она имѣетъ мѣсто и въ кашубскомъ нарѣчіи.

Въ виду того обстоятельства, что, за исключеніемъ этой формы, *г* между двумя гласными не смѣняется на *в*, ни въ Русскомъ, ни въ Кашубскомъ (доро*го*—druogo, стро*го*—strogo и т. п.), г. Малиновскій думаетъ, что нельзя на эту смѣну смотрѣть, какъ на чисто звуковое явленіе.

Смѣна эта вызвана, по его мнѣнію, аналогіей, дѣйствіе которой объясняется такъ:

Фамильныя имена на *ов-ъ* (Иванов-ъ и т. п.) имѣютъ родительный падежъ на *ова*; эта форма родительнаго падежа именъ на *овъ* перешла съ теченіемъ времени и въ фамильныя имена на ый, ой (Зеленый, Долгорукій (=—ый), Толстой и т. п.): отъ Зеленый—Зеленаво, отъ Толстой—Толстова, какъ отъ Ивановъ—Иванова и т. д. Утвердившись въ прилагательныхъ, имѣвшихъ фамильное значеніе, форма ова перешла мало по малу и на всѣ другія

---

[1]) 8-er Band, 3-es Heft. Заглавіе статьи: Ueber die Endung des genetiv. sing. masc. neutr. der pronominalen und zusammengesetzen declination im russischen und kaschubischen.

прилагательныя. По аналогіи съ Долгоруков*а* и т. п. явились формы—доброва, виднов*а* и т. д.

Хотя за такимъ объясненіемъ смѣны—*г о* на *в о* и нельзя отрицать извѣстной степени вѣроятности, но признать его рѣшающимъ вопросъ невозможно: оно оставляетъ за собой не мало сомнѣній.

Слѣдующіе вопросы возбуждаются, прежде всего, мнѣніемъ г. Малиновскаго:

1) Почему изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій только русское и кашубское развили у себя формы съ—*в о* вмѣсто *г о*, когда притяжательныя на *о в* не составляютъ ихъ исключительной принадлежности?

Если потому, что въ этихъ именно нарѣчіяхъ по преимуществу господствуютъ фамильныя имена на *в о*, то

2) Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что формы на —*в о* вм.—*г о* свойственны лишь части Русскаго языка? Не только малорусское, но—въ большинствѣ говоровъ—и южно-великорусское сохраняютъ—*г о* [2]). Между тѣмъ последнему на столько же какъ и сѣверно—великорусскому свойственны фамильныя имена на *о в*.

---

[2]) Г. Малиновскій дѣлаетъ большую ошибку, утверждая, что смѣна г на в въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ и мѣстоименій господствуетъ въ акающемъ нарѣчіи («im a mundarten»), въ окающемъ же является будто бы лишь изрѣдка, кое гдѣ. Въ дѣйствительности языкъ представляетъ явленіе совершенно обратное: именно, въ окающемъ нарѣчіи г въ этой формѣ рѣдкость. Какъ видно, г. Малиновскій отожествилъ московскій говоръ и рѣчь образованныхъ людей съ говоромъ всей обширной полосы, лежащей между южными предѣлами сѣверно-великорусскаго и сѣверными границами малорусскаго. Сохраненіе г въ род. падежѣ прилагательныхъ Даль выставляетъ даже въ числѣ признаковъ южно-великорусскаго (Рязанскаго) нарѣчія (См. его статью о нарѣчіяхъ русскаго языка стр. 46 отдѣльнаго оттиска). О рѣдкости случаевъ сохраненія г въ этой формѣ на сѣверѣ можетъ засвидѣтельствовать слѣдующее обстоятельство: я былъ почти во всѣхъ губерніяхъ, входящихъ въ область окающаго нарѣчія и вездѣ встрѣчалъ формы съ—во вм.—го, нигдѣ не встрѣтивъ обратныхъ.

3) Почему именно отъ фамильныхъ именъ должно было пойти дѣйствіе упомянутой выше аналогіи?

4) Почему это ея дѣйствіе обнаружилось такъ поздно? Только въ XV столѣтіи являются въ памятникахъ случаи смѣны *г* на *в* въ именахъ прилагательныхъ [3]).

Я не вижу возможности отвѣтить не эти вопросы такъ, чтобы подкрѣпить мнѣніе г. Малиновскаго.

Поэтому,—не отрицая, какъ уже сказано, за мнѣніемъ этимъ характера вѣроятности,—я не нахожу невѣроятнымъ и противоположнаго ему пониманія явленія, т. е. допускаю, какъ возможность, что—*го* вм. *во* есть явленіе звуковое, возникшее независимо отъ какой бы то ни было аналогіи [4]).

Что смѣна *г* на *в* свойственна только родительному падежу прилагательныхъ и мѣстоименій, въ другихъ же случаяхъ *г* между двумя гласными звуками остается неизмѣннымъ [5]),—это еще не есть рѣшительное доказательство того, что на нее нельзя смотрѣть какъ на явленіе чисто звуковаго характера.

Звуковыя видоизмѣненія условливаются въ языкѣ двоякаго рода причинами: невозможностью для даннаго языка извѣстныхъ звуковыхъ сочетаній и нелюбовью его къ извѣстнаго рода сочетаніямъ.

---

[3]) См. мой очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка. съ XI по XVI ст. с. 137.

[4]) Сверхъ той аналогіи, на которую указалъ г. Малиновскій, можно бы допустить и слѣдующую: кромѣ родительнаго падежа единственнаго числа во всѣхъ остальныхъ падежахъ того же числа прилагательныхъ мужескаго рода является въ суфиксѣ губной звукъ м:—му.—мь (доброму, добрымь, о добромь). Не потому ли и г измѣнилось на в въ родительномъ падежѣ? Т. е. можно бы допустить дѣйствіе аналогіи (вызвавшей не полную ассимиляцію) не со стороны формъ, а со стороны звуковъ. Но и противъ этой мысли вышеприведенныя возраженія явились бы съ тою же силой, какъ и противъ мысли г. Малиновскаго.

[5]) Не всегда однако: есть немногіе случаи смѣны г на в между двумя гласными и внѣ круга этихъ формъ. Такъ въ Онегѣ вм. много говорятъ мново (см. пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. III. стр. 62).

Въ первомъ случаѣ дѣйствіе звуковаго закона всеобще, во второмъ оно можетъ и не быть таковымъ.

Въ послѣднемъ случаѣ то звуковое измѣненіе, которое проявляется въ суффиксахъ, можетъ и не оказаться въ корняхъ словъ

Сохраненіе *г* въ словахъ, подобныхъ—до́рого, стро́го, мно́го, Бога, ногá и т. д. не условлено ли стремленіемъ языка къ охраненію корня отъ такихъ звуковыхъ измѣненій, которыя могли бы дать поводъ къ затемнѣнію его основнаго смысла и смѣшенію его съ другими корнями?

Если смотрѣть на смѣну—*г о* на—*в о* какъ на звуковое явленіе, то нельзя не отмѣтить слѣдующаго факта: смѣна эта имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ *г* не измѣняется въ придыхательное h; наоборотъ—*г* звучитъ именно какъ h тамъ, гдѣ нѣтъ смѣны гортаннаго на губной.

По видимому естественнѣе было бы ожидать смѣны—h о на—в о, чѣмъ—г о на в о, такъ какъ h ближе къ *в*, чѣмъ г къ этому послѣднему: и h и в—придыхательные звуки и между собой иногда, въ качествѣ придыханій, дѣйствительно мѣняются. Но, быть можетъ, именно отсутствіе h и вызвало въ окающемъ нарѣчіи означенную смѣну; т. е. быть можетъ, что, гдѣ не было возможности превратить *г* формы—аго,—ого въ придыхательное h, тамъ на мѣстѣ его явилось придыхательное *г*.

М. Колосовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВРЕМЕНИ НАПИСАНІЯ ПОУЧЕНІЯ ВЛАДИМІРА МОНОМАХА СВОИМЪ ДѢТЯМЪ.

Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ вставлено въ Лаврентіевскій списокъ Лѣтописи между 6604 и 6605 гг. (1096 г.). Покойный М. П. Погодинъ время написанія упомянутаго драгоцѣннаго памятника древнерусской письменности отнесъ на рубежъ XI—XII в.—къ 1099 г. Съ тѣхъ поръ мнѣніе Погодина считается едва ли не общепринятымъ.

Избранный бывшимъ академикомъ историческій путь для изслѣдованія времени, когда написано Поученіе Мономаха, допускаетъ предположенія, которыя, само собою разумѣется, ослабляютъ силу доказательствъ.

Извѣстно, что въ Поученіи историческія событія до 1099 г. очерчены довольно подробно, между тѣмъ какъ о событіяхъ до 1115 г. говорится на нѣскольких строкахъ, съ совершеннымъ пропускомъ событій отъ 1103 до 1106 г. Но основывать доказательства на томъ, что о событіяхъ до 1099 г. написано подробно, а о другихъ вскользь, какъ бы мимоходомъ, не касаясь нѣкотораго промежутка времени совершенно,—по меньшей мѣрѣ, опасно. Мы, отдѣленные вѣками отъ того времени, когда написано Поученіе, не можемъ знать побужденій автора, почему въ одномъ случаѣ онъ говоритъ объ историческихъ дѣяніяхъ подробно, а въ другомъ—только упоминаетъ о нихъ, или, наконецъ, совершенно проходитъ молчаніемъ. Затѣмъ, мы не имѣемъ возможности прослѣдить, въ какихъ рукахъ могло побывать Поученіе до тѣхъ поръ, пока оно попало въ Лаврентіевскій списокъ Лѣтописи. Наконецъ, если возможно

заключеніе, что упоминаніе объ историческихъ обстоятельствахъ послѣ 1099 г. есть позднѣйшая вставка переписчика, то на столько же естественно умозаключить, что неупоминаніе о событіяхъ 1103—1106 г. есть пропускъ того же переписчика. Вообще историческая рамка для изслѣдованія о времени написанія Поученія Владиміра Мономаха непрочна.

Въ самомъ Поученіи есть точное указаніе на то, что Владиміръ Мономахъ писалъ Поученіе дѣтямъ не задолго до своей смерти. „Сѣдя на санехъ, говоритъ онъ, помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади;“ и нѣсколько ниже: „аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються (пусть не сердятся, не гнѣваются), но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ;“ т. е., приближаясь къ могилѣ, стоя у двери гроба (=сѣдя на санехъ), я восхвалилъ Бога за то, что Онъ допустилъ меня дожить до дней старости, и далѣе: если кому не нравится, говоритъ Владиміръ Мономахъ мое поученіе, пусть не сердятся, имѣя въ виду то, что я писалъ эту „безлѣпицу,“ приближаясь къ могилѣ, готовясь въ далекій путь по смерти. Слѣдоват. выраженія: „сѣдя на санехъ“ и „на далечи пути, да на санехъ сѣдя“ нужно понимать не въ смыслѣ одного изъ походовъ, которыми такъ была богата жизнь Мономаха, а въ значеніи старческаго періода жизни князя (род. 1053, ум. 1125 г.), когда онъ, послѣ 70-лѣтней трудовой жизни, чувствовалъ упадокъ силъ и уже готовился къ отшествію въ далекій путь, въ незнаемую область отшедшихъ отцовъ, дабы начать тамъ новую нескончаемую жизнь.

Сани въ быту древнерусскаго языческаго славянства имѣли нѣкоторое религіозное значеніе; въ началѣ христіанства въ Россіи сани употреблялись по традиціи, какъ необходимая принадлежность при погребеніи и во время болѣзни.—У народовъ индоевропейскихъ при погребеніи упо-

треблялась лодка. Воздушная область рисовалалась въ воображеніи древнихъ народовъ моремъ, чрезъ которое должна была переѣхать душа, чтобы вступить въ райскую страну, въ обитель душъ умершихъ предковъ. Для переѣзда—слѣдуя реальному представленію,—нужна лодка или корабль, и вотъ мы видимъ, что громовержецъ Индра плаваетъ по воздушному океану на кораблѣ съ марутами; Одинъ души умершихъ отвозитъ въ валгаллу на золотомъ кораблѣ; по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана (араб. пут. X в.) русскіе купцы, приходившіе въ Болгарію, клали умершаго въ ладью и сожигали. Класть мелкія монеты въ могилу, чтобы заплатить на томъ свѣтѣ перевозчику, было въ общемъ употребленіи у Грековъ, Германцевъ и Славянъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи и до сихъ поръ бытуетъ этотъ обычай. Нужно, однако, замѣтить, что лодка при погребеніи у Русскихъ Славянъ уцѣлѣла по давнишней традиціи, и гробъ, получившій форму лодки, не былъ у Славянъ обязательнымъ предметомъ при погребеніи: Болгары кладутъ покойниковъ прямо въ глубокую и широкую могилу; Черногорцы обставляютъ тѣло покойника не сбитыми досками. Вмѣсто гроба употреблялась также древесная кора; такъ мощи Никиты Переяслав. были найдены въ берести (Милют. Мин., Май). Жизнь на широкой равнинѣ, которую заняли Русскіе Славяне, выдѣлившись изъ общеарійской семьи, должна была видоизмѣнить прежнее умосозерцаніе. Осѣдлый Русскій Славянинъ пересталъ видѣть море; рѣки, по которымъ онъ могъ разъѣзжать въ ладьяхъ, не могли уже вызвать впечатлѣнія прародины, вслѣдствіе котораго у арійца весьма естественно могла родиться мысль объ отправленіи умершихъ по лону моря и далѣе по воздушному океану въ невѣдомую блаженную страну отшедшихъ предковъ. Равнина Россіи, нѣсколько мѣсяцовъ сряду покрытая пеленою снѣга, должна была вызвать въ обитателяхъ ея мысль о переправѣ душъ въ страну предковъ, пользуясь тѣмъ же вещественнымъ средствомъ, какое

употреблялъ каждый при переѣздкѣ съ одного мѣста на другое. Сани такимъ образомъ замѣнили древнюю ладью, не вытѣсняя совершенно изъ употребленія и эту послѣднюю. Несторова лѣтопись указываетъ нѣсколько примѣровъ, что сани составляли необходимую принадлежность при погребеніи; оттуда же видно, что и больныхъ возлагали на сани. Подъ 6562 г. (1054) значится такъ: „Ярославу же приспѣ конець житія, и предасть душу свою въ суботу 1 поста святаго Ѳеодора. Всеволодъ же спрята тѣло отца своего, възложьше на сани везоша и Кыеву.“ Далѣе, подъ 6580 г. (1072) говорится: „Вземше Бориса въ древянѣ рацѣ, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, вземше на рама своя, понесоша... И принесше... въ церковь, отверзоша раку... (Митрополитъ) цѣловавше мощи его, вложиша и въ раку камену. Посемъ же вземше Глѣба въ рацѣ каменѣ, вставиша на сани, и емше за ужа везоша и.“ Наконецъ приводимъ самое знаменательное для нашего вопроса мѣсто Лѣтописи подъ 6582 г. (1074): „Разболѣвшю бо ся ему“ (Ѳеодосію), говоритъ Лѣтописецъ (откуда видно, что игуменъ Ѳеодосій, за три дня до смерти, изложилъ передъ братіею свою послѣднюю волю, будучи на саняхъ),—и „болѣвшю днiй пять, посемъ бывшю вечеру, повелѣ изнести ся на дворъ, братья же вземше и на сани, поставиша и прямо церкви,“ послѣ чего онъ началъ рѣчь свою къ братіи такъ: „братья моя, и отци мои, и чада моя! се азъ отхожю отъ васъ“...

Хотя самый моментъ написанія Поученія нельзя опредѣлить съ совершенною точностію, по отсутствію прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду примѣры Ѳеодосія, изрекавшаго свою волю въ послѣдніе дни жизни, нужно думать, что и Мономахъ написалъ Поученіе, давно, быть можетъ, готовое въ мысли, въ годъ своей смерти, въ 1125 году. Допустимъ даже, что выраженія: сѣдя на санехъ и на

далечи пути Владиміръ употребилъ какъ метафору, такъ какъ видно изъ Лѣтописи, что князей ставили на сани уже по смерти (ослабленный обычай); не смотря на это, нужно заключить, что Мономахъ написалъ Поученіе дѣтямъ послѣ 70-лѣтняго періода жизни. Этотъ жизненный періодъ, вслѣдствіе огромнаго вліянія церковной письменности на умовоззрѣніе грамотныхъ людей, считался въ то время предѣломъ человѣческой жизни, *) послѣ котораго уже начинались трудъ (morbus, νόσος) и болѣзнь.

Таковы данныя для опредѣленія времени, когда написано Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ.

И. Ч—нъ.

---

*) «Дніе лѣтъ нашихъ, въ нихъ же семьдесятъ лѣтъ.» Псал. 89

ЗАМѢТКА

По поводу неправильности чтенія одного мѣста въ Словѣ о Полку Игоревѣ.

Отсутствіе пунктуаціи въ первоначальномъ спискѣ Слова о Полку Игоревѣ дало поводъ и просторъ нашимъ ученымъ къ многоразличнымъ и часто своеобразнымъ толкованіямъ нѣкоторыхъ мѣстъ текста. Къ числу такихъ мѣстъ, подвергшихся сильному искаженію, принадлежитъ слѣдующее мѣсто въ Словѣ; „Всеславъ князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: исъ Кыева дорискаше до куръ, Тмуторокана; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше тому въ Полотьскѣ. Позвониша заутреннюю рано у Святыя Софеи, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.*)“ Такому чтенію слѣдуетъ проф. Тихонравовъ, само собою, руководясь извѣстнаго рода научными соображеніями. У проф. О. Миллера это мѣсто читается съ иной пунктуаціей: „Всеславъ князь людемъ судяаше, княземъ грады рядяаше, а самъ въ ночь влъкомь рыскааше; исъ Кыева дорыскааше до куръ Тмуторокана; великому Хръсови влъкомь путь прерыскааше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Святыя Софія въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.“ **) Въ 1-мъ примѣчаніи къ стр. 332 (по 2 изд. 66 г.) проф. О. Миллеръ между прочимъ говоритъ: „Д о к у р ъ—мѣсто темное. Одни объясняютъ до пѣтуховъ, другіе—до киръ Тмутароканя (г р е ч. к у р ъ

*) Сл. о Пол. Иг., изданное для учащихся Н. Тихонравовымъ, проф. Моск. Ун., изд. 2-е стр. 1868 г.

**) Опытъ Истор. об. рус. Слов. изд. 2-е 1866 г.

=χυρ господинъ)." Пунктуація г. О. Миллера въ цитуемомъ нами мѣстѣ изъ текста Слова тожественна съ пунктуаціей проф. Буслаева.*) Примѣчаніе (13 къ 591 стр.) съ тѣмъ же содержаніемъ, какъ у проф. Миллера, такъ какъ послѣдній заимствовалъ объясненіе у перваго. Въ 15 прим. къ 591 стр. Историч. Хр. г. Буслаевъ говоритъ: „т о м у, т. е. Всеславу... Звонятъ въ Полотскѣ къ заутрени, а Всеславу слышится Кіевскій звонъ: такъ долго онъ не могъ забыть Кіевскаго престола."

Ближе другихъ къ истинному чтенію стоитъ, по нашему мнѣнію, проф. Тихонравовъ; но и имъ принятое чтеніе нельзя признать окончательно установившимся, такъ какъ реченіе „до куръ" ученымъ профессоромъ, на ряду съ другими комментаторами темныхъ мѣстъ Слова, понято не вѣрно. Проф. Тихонравовъ въ словѣ „до куръ" подозрѣваетъ аналогію съ слѣдующими мѣстами Лѣтописи: „якоже бысть убо къ куромъ..." или: „яко бысть въ куры." **) Но такая аналогія въ данномъ случаѣ не имѣетъ мѣста. Правильнѣе всего сопоставить реченіе „до куръ" съ выраженіями самаго же текста Слова. Слово Тмуторокань встрѣчается нѣсколько разъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ: ступаетъ (Олегъ) въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ(и).... Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя"... Но для насъ знаменательнѣе слѣдующее мѣсто въ Словѣ: „дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію, и Посулію и Сурожу, и Корсуню и тебѣ, т ь м у т о р а к а н ь с к ы й б л ъ в а н ъ!.." Куръ тмуторокань и тмутороканскій болванъ одно и то же. Такъ какъ куръ, т. е. пѣтухъ, игралъ важную роль въ миѳологіи, олицетворяя небесную грозу (молнію), свѣтъ, то куръ тмуторокань былъ не что иное

*) См. Истор. Христ. церковно-слов. и древне.-рус. яз. стр 521, Москва, 1861 г.
**) Полн. собр. Рус. Л. II, 72 и 220.

какъ идолъ (болванъ), посвященный великому Хорсови — богу солнца (свѣта). Пѣвецъ Слова вмѣсто града Тмуторокани употребляетъ имя тмутороканскаго болвана, какъ мѣстно-чтимую языческую святыню, многимъ въ то время извѣстную,

Принявъ во вниманіе такое объясненіе, мы избѣгаемъ всякихъ недоразумѣній, и реченіе т о м у не явится излишнимъ необъяснимымъ плеоназмомъ, какимъ оно является у проф. Тихонравова (...великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше т о м у въ Полотскѣ), не говоря уже о той испорченности цитуемаго нами мѣста Слова, которую мы встрѣчаемъ у проф. Буслаева и О. Миллера. Итакъ нужно принять чтеніе выше выписаннаго нами мѣста съ слѣдующей пунктуаціей: „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше д о к у р а Т м у т о р о к а н я в е л и к о м у Х р ъ с о в и, влъкомъ путь прерыскаше тому (т. е. Хорсу) въ Полотьскѣ.“ Далѣе, какъ у проф. Тихонравова. Смыслъ становится весьма яснымъ: Всеславъ въ Словѣ изображается надѣленнымъ какою-то демоническою силою; онъ быстро перелетаетъ съ одного мѣста на другое; днемъ онъ рядитъ-судитъ, а въ ночь рыщетъ волкомъ, достигая до Тмутороканскаго идола въ честь бога Хорса (свѣта). Отправляясь въ Тмуторокань ночью, онъ, до восхода солнечнаго, прежде нежели Хорсъ успѣвалъ перебѣжать свой узаконенный путь, является въ Полотскѣ, или какъ говорится въ Словѣ: „влъкомъ путь прерыскаше тому въ Полотьскѣ.“

Просто и ясно.

И. Ч—н ъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Систематическій сборникъ диктантовъ. —Составили М. Цухановъ и Н. Сергіевичъ. Москва, 1877.

Съ каждымъ днемъ появляются новые и новые учебники. Особенно много появилось ихъ по Русскому языку. Но въ этой массѣ новыхъ изданій иногда трудно бываетъ съ перваго раза отличить хорошій учебникъ отъ дурнаго, особенно когда составители своимъ многословіемъ стараются пустить пыль въ глаза. Поэтому задача педагогической критики—указывать какъ на тѣ изданія, которыя удовлетворяютъ учебнымъ потребностямъ, такъ и на тѣ, которыя являются для достиженія совершенно постороннихъ цѣлей. Учебниковъ этого послѣдняго рода является не мало, и къ нимъ-то мы совершенно вправѣ отнести изданіе, заглавіе котораго мы выписали. Мы не будемъ подробно разбирать недостатки учебника, а укажемъ только на особенно выдающіяся въ немъ несообразности.

Въ началѣ статей для диктанта предлагается образцовый урокъ. Съ какою цѣлью онъ предлагается--понять трудно: всякій, сколько-нибудь понимающій дѣло, учитель знаетъ указываемые тамъ пріемы, а для учениковъ, конечно, онъ не имѣетъ никакого значенія. Урокъ состоитъ изъ вопросовъ учителя и отвѣтовъ ученика. Хотя онъ относится къ такъ называемому первому періоду, т. е. къ самымъ первоначальнымъ упражненіямъ въ письмѣ, но учитель предлагаетъ такіе вопросы, и ученикъ даетъ такіе отвѣты, ка-

кихъ мы вправѣ ожидать отъ преподавателя и ученика, по крайней-мѣрѣ, втораго класса гимназіи. Изъ отвѣтовъ ученика видно, что онъ знаетъ и склоненія, и спряженія, имѣетъ понятіе о частяхъ рѣчи, объ употребленіи буквъ: *ы*, *ю*, *я*, *ь*, *ъ*, о знакахъ препинанія и пр. и пр. Принимая во вниманіе такія познанія ученика, легкіе диктанты, которые предлагаются составителями, являются совершенно не умѣстными и не достигающими дѣли. А какимъ образомъ учитель выучиваетъ учениковъ писать, можно видѣть изъ слѣдующихъ отвѣтовъ:

Ученикъ (читаетъ): маленькаго -- *м,а,л,е,н,ь,к,а,г,о.*

Учитель. Почему надобно писать мал*еньк*аго, а не мал*иньк*аго?

Ученикъ. Потому что тамъ, гдѣ слышится окончаніе: *инька* или *инькій* должно писать: *енька* или *енькій*.

Учитель остается совершенно доволенъ подобнымъ объясненіемъ, и если ученикъ вмѣсто *синька* напишетъ *сенька*, то не вправѣ считать это за ошибку.

Далѣе, учитель спрашиваетъ, почему въ концѣ прилагательнаго пишется „*аго*"? Ученикъ отвѣчаетъ: потому что въ тѣхъ случаяхъ, когда слышно въ окончаніи *ова* или *ева*, надобно писать: *аго* или *яго*.

Учитель удовлетворяется и этимъ отвѣтомъ, и если бы ученикъ вм. Петрова, здорова написалъ Петраго, здораго, то учитель долженъ былъ бы погладить его по головкѣ за такую сообразительность.

Теперь укажу на тѣ несообразности въ примѣрахъ и на ту невыдержанность въ орѳографіи, которыя встрѣчаются въ этомъ изданіи:

1) Наименованія народовъ: Русскіе, Греки, Римляне и т. п. составители пишутъ съ заглавной буквы, а слова „ляхи" „французы" (стр. 21 и 72) почему-то съ малой, строчной. Ужъ не съ заднею ли это какою цѣлью?

2) Слово „царь" иногда пишется составителями съ прописной, иногда съ малой буквы (стр. 74—75).

3) Названія мѣсяцевъ пишутся опять съ прописной буквы, а несчастный **я н в а р ь** — съ малой (78).

4) Названія должностей и званій, какъ-то: **ф е л ь д м а р ш а л ъ** пишутся безъ всякаго основанія съ большой буквы, точно также какъ и слово **г р а ф ъ**.

5) Имена прилагательныя, употребляемыя въ смыслѣ собственныхъ словъ, какъ-то: **П о л т а в с к о е п о л е**, **А у с т е р л и ц к о е с р а ж е н і е** пишутся почему то съ малой, строчной буквы (стр. 67, 79.).

6) Заглавіе литературно-юридическаго памятника, извѣстнаго подъ названіемъ „Русской Правды" совершенно ошибочно пишется такъ: **Р у с с к а я п р а в д а**.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи тѣхъ статей, которыя предлагаются составителями для диктанта. Никто, конечно, не станетъ спорить, что чѣмъ занимательнѣе и разумнѣе содержаніе диктуемыхъ статей, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ относится къ нимъ ученикъ. Не то мы видимъ здѣсь: составители, какъ они сами сознаются въ предисловіи, нарочно искусственно составляли статьи на то или другое правило ороографіи. Отъ этого произошло то, что, стремясь представить какъ можно болѣе случаевъ для ороографіи того или другаго окончанія, приставки, суффикса, они насильственно подбирали выраженія, имѣющія самое пустое содержаніе.

На этотъ ложный педагогическій пріемъ указалъ еще г. Поливановъ въ „**У ч е б н о-в о с п и т а т е л ь н о й Б и б л і о т е к ѣ**". Какое впечатлѣніе произведутъ на умственныя способности учениковъ слѣдующія **ф р а з ы**? „Мои старшіе братья поднялись рано утромъ, но въ классъ *не* пошли, потому что на дворѣ было холодно. Мы приказали нянѣ истопить нашу печку, но она насъ *не* послушалась, а пошла спросить у папеньки, папаша *не* позволилъ топить нянѣ, а приказалъ Ивану. Цѣлый день мы дрожали отъ

холода, *не* занимались играми, *не* учились, а все плакали. Иванъ не умѣетъ топить печи, потому что онъ никогда не занимался этимъ дѣломъ" (стр. 25). Очевидно, составителямъ хотѣлось привести какъ можно больше примѣровъ на употребленіе отрицанія „не", и для достиженія этой цѣли они не задумались злоупотребить интересомъ содержанія статьи. Но, возразятъ, быть можетъ, они: „вѣдь интересъ содержанія имѣетъ здѣсь значеніе второстепенное. Главное здѣсь—частое употребленіе тѣхъ или другихъ орѳографическихъ пріемовъ." Возраженіе основательное, но нисколько не отрицающее необходимости давать ученикамъ живой и интересный матеріалъ для упражненій, а не сухой, безжизненный и пустой. Почти всѣ статьи также безсодержательны, кромѣ весьма немногихъ, заимствованныхъ у извѣстныхъ писателей. И за такой-то матеріалъ, расположенный на 60 страничкахъ (19—79), назначена цѣна 50 копѣекъ; это крайне несообразно!

Быть можетъ, сами сознавая недостатки своего издѣлія, составители вздумали замаскировать ихъ посвященіемъ проф. Ѳ. И. Буслаеву. Смѣемъ надѣяться, что почтенный профессоръ съ негодованіемъ отвергъ бы это посвященіе, если бы только взглянулъ на это изданіе. Страница съ посвященіемъ есть самая лучшая во всей книгѣ.

Н. Баталинъ.

СЛОВАРЬ КЪ ГЕРОДОТУ.

Скиѳія IV, 1—144 и сраженіе при Ѳермопилахъ VII, 201—238. Сост. преподаватель Кіевской первой Гимназіи Г. А. Янчевецкій. Кіевъ 1877.

Пособій къ Геродоту у насъ нѣтъ почти никакихъ и поэтому я съ весьма понятнымъ любопытствомъ началъ разсматривать вышеозначенный словарь г. Янчевецкаго. Жаль только, подумалъ я, принимаясь за просмотръ этого сочиненія, что авторъ не составилъ уже полнаго словаря къ цѣлому сочиненію Геродота; ибо ту часть, къ которой составленъ словарь, можно прочесть съ учениками весьма удобно въ одинъ годъ, много въ полтора; а вѣдь нельзя же изъ года въ годъ читать все одно и тоже. Но, будь этотъ словарь и малъ, если только онъ хорошъ, мы и эту малость примемъ съ благодарностью, какъ δόσις ὀλίγη τε φίλη τε!— Съ такою мыслію принялся я разсматривать трудъ г. Янчевецкаго—просмотрѣлъ словарь до буквы Θ включительно, прочиталъ, съ словаремъ въ рукахъ, изъ Геродота IV кн. гл. 1—35, а изъ VII 201—212, и мысли мои перемѣнились: хорошо, подумалъ я теперь, что г. Янчевецкій ограничился двумя только отрывками и не вздумалъ составить, такимъ же образомъ, словарь ко всѣмъ книгамъ Геродота! Далѣе вышеозначеннаго я уже не разсматривалъ словарь, но и на основаніи этого немногаго я могъ составить себѣ понятіе о характерѣ цѣлаго труда.

Съ перваго взгляда поразила меня небрежность во внѣшнемъ видѣ словаря. Опечатки (въ придыханіяхъ, удареніяхъ и другія) встрѣчаются на всякой страницѣ въ изобиліи; приводить ихъ особо нѣтъ надобности, ихъ сейчасъ замѣтитъ всякій. Но это бы еще ничего, можетъ быть, тутъ виноватъ не на столько авторъ, на сколько типографія. Но трудно понять, какимъ алфавитомъ ру-

ководился г. Янчевецкій при составленіи словаря. Приведемъ нѣкоторые примѣры: ἀλέξεσθαι стоитъ послѣ ἀλέξησις, ἀνάγιεν послѣ ἀνάγνωσις, а послѣ ἀνάγειν слѣдуетъ: ἀ ν α ι δ ε ί η ἀναδιδόναι ἀναδραμεῖν ἀναζευγνύναι ἀναζητέειν ἀνάθημα ἀναιρέειν; далѣе встрѣчается такой порядокъ: Ἄνδρος ἀνδρόκτονος; ἀνδρόφαγος ἀνδροῦσθαι; ἅπας ἀπάπτειν; ἄπεδος, Ἀπατούρια; βασιλεύς βασιλεύειν; βουλή βουλεύειν; γραφή γράφειν; δεξιός δέεσθαι; ἐνδέχεσθαι ἐνδέειν; ἐών=ὤν стоитъ даже между ἐξωθέειν и ἐπαγγέλλειν, то есть, ошиблось въ мѣстѣ на цѣлыхъ д е с я т ь с ъ п о л о в и н о ю столбцевъ! Подобныхъ примѣровъ безпорядка по нѣскольку на каждой страницѣ (повторяю, что я читалъ словарь только до буквы Θ, но и относительно остальной части словаря можно, per analogiam, предположить тоже самое); понятно что отыскиваніе словъ въ такомъ словарѣ для учениковъ не можетъ не быть крайне затруднительнымъ.

Нѣкоторыя слова приведены г. Янчевецкимъ въ формѣ іонической (напр. ἀσφαλείη), а другія въ аттической (напр. περιφάνεια); почему это такъ, извѣстно только ему самому. Кажется, гораздо проще и удобнѣе для учениковъ было бы приводить слова въ той формѣ, въ какой они встрѣчаются у Геродота, т. е. іонической, а тамъ, гдѣ уклоненія болѣе разительныя, прибавлять въ скобкахъ и формы аттическія.

Далѣе, словарь г. Янчевецкаго весьма не полонъ и много словъ, встрѣчающихся въ означенныхъ на заглавномъ листѣ мѣстахъ Геродота, пропущено. Изъ собственныхъ именъ приведены только немногія, а другія опущены, хотя нельзя видѣть никакой причины, почему одно собственное имя упомянуто, а другое оставлено безъ вниманія. Мы думаемъ, что собственныя имена должны войти въ словарь в с ѣ и притомъ съ о б ъ я с н е н і е м ъ: это наше мнѣніе, кажется, хоть отчасти раздѣляетъ и г. Янчевецкій: онъ дѣйствительно объясняетъ тѣ собственныя имена, кото-

ıя счелъ нужнымъ принять въ свой словарь, напр. Ἄβρα (у г. Янчевецкаго Ἀβδηρά!) Ἀγβάτανα (у г. Янчецкаго Ἀγβ. и Εχβ.) Αἴγινα (должно быть Αἰγίνη), Αἰ.ις, Ἀθηναίη и др. Почему же не всѣ собств. имена иняты въ словарь? Или остальныя не требуютъ развѣ ъясненiя и понятны сами собою? Едва ли! Почему не иведено и объяснено напр. слово Κάρνεια, когда есть .πατούρια, съ подробнымъ объясненiемъ? Скорѣе можно ыю уже пропустить слово какъ напр. Ἀθηναίη, Ἀφροτη, которыя уже скорѣе извѣстны ученику.—Но не толь) собств. имена пропущены, но и многихъ другихъ словъ ı не находимъ въ словарѣ г. Янчевецкаго. Такъ напр. ѣтъ словъ: σῶστρον, ἀφανίζω, κατόσον, (откуда долженъ іеникъ догадаться, что это = аттич. καθ' ὅσον; но можетъ ять впрочемъ, г. Янчевецкiй читаетъ κατ' ὅσον), παλάη, τὰ γενέσια, σκυθιστί, ὕειν, προσθήκη, ἱστιητόριον др.—У словъ же, вошедшихъ въ словарь, приведены ьсто не всѣ, а иногда даже совсѣмъ невѣрныя наченiя. Вотъ нѣкоторые примѣры:

καταπαύειν; перев. у г. Янчевецкаго только „прекращать, оканчивать;" а какъ переведетъ съ имъ значенiемъ ученикъ фразу: καταπαύσαντες τῆς ἀρχῆς οὺς Μήδου (IV. 1)?

ἄρθρον сказано: „членъ IV 2." Но этого мѣста, ь словаремъ г. Янчевецкаго ученикъ не пойметъ и не ереведетъ.

συμβολή—„встрѣча, схватка, сраженiе." Ни одно изъ этихъ значенiй [а другаго у г. Янчевецкаго ѣтъ] не подходитъ къ συμβολή въ IV. 10.

οὔκων—οὔκουν—οὐκ οὖν выражено не совсѣмъ ясно.

τράπεσθαι τῆς ὁδοῦ (IV. 12) въ словарѣ нѣтъ;

φοιβόλαμπτος — „схваченный Фебомъ" не овсѣмъ ясно; не лучше ли будетъ „вдохновенный ебомъ"?

συμφέρειν—слѣдовало прибавить фразу ἄμεινον συνοί-

σεσθαι (IV. 15) „будетъ въ пользу.“

ὁρμᾶν „приводить въ движеніе, возбу дать;“ а какъ перевести ὁ λόγος ὥρμηται λέγεσ [IV. 16]?

ἐπασκέειν „упражняться,“ а какъ перевести τοι δέ κατὰ ταὐτὰ Σκύθησι ἐπασκέουσι (IV. 17)?

συνεχής „безпрерывный, неперестающій значенія „сосѣдній“ (IV. 22) не указано.

διαπρήσσειν „совершать, продолжать н чатое,“ а какъ перевести διαπρήσσονται въ концѣ гл. IV. кн.?

πηγνύειν „втыкать, М. осѣдать,“ Значен „замерзать“ (IV. 28) не указано.

ἀνιέναι „оставлять, бросать, отпускат не указано значенія „переставать“ (IV. 28).

ἔχειν; при этомъ словѣ не приведена фраза ἔχειν γαστρὶ (IV. 30), а также пропущено значеніе „могу (VII, 209, 211)

ἀποσφακελιζεσθαν-- у Геродота [IV. 28] стоит дѣйствит. залогъ ἀποσφακελίζουσι.

δεινός, „сильный IV. 33;“ въ этомъ мѣстѣ Геродота δεινὰ ποιευμένους,—значитъ, г. Янчевецкій тр буетъ, чтобъ ученикъ перевелъ „дѣлая сильное“?!

νίφεσθαι „орошаться дождемъ, IV. 31“ (!! Такъ вотъ это дождь въ глазахъ Геродота похожъ перья!! Странное, однако, должно быть у него бы устройство глазъ!

φέρειν—нѣтъ выраженія „простираться“ (VI 201).

ἀπό—нѣтъ выраженія ἀπὸ δόξης (VII. 203).

ἀπελαύνειν „утѣшать VII. 208. (!). Неужел въ самомъ дѣлѣ такъ!?

ἀνιέναι или ἀνεῖναι [!!].

Но пора перестать. Сказаннаго мною болѣе чѣмъ до статочно, чтобы читатель могъ составить себѣ понятіе

варѣ г. Янчевецкаго. Одно хорошее качество, впро-
ѣ, имѣетъ трудъ г. Янчевецкаго: онъ не великъ, и
него нельзя сказать: μέγα βιβλίον μέγα κακόν.

Сборникъ матеріаловъ для устнаго и
исьменнаго перевода съ Русскаго и Ла-
инскаго языковъ на Греческій. Для четы-
ъ высшихъ классовъ гимназій составили Э. Черный
Н. Баталинъ. Часть I. Синтаксическія фразы. Часть II.
язныя статьи. Москва, 1876.

Г. Черный составилъ себѣ уже нѣкоторую извѣст-
сть своими прекрасными статьями „Объ отношеніи видовъ
усскаго глагола къ греческимъ временамъ," напечатан-
ии въ „Отдѣлѣ классической филологіи" Журнала Ми-
істерства Народнаго Просвѣщенія въ концѣ прошлаго и
ь началѣ нынѣшняго года. Въ этихъ статьяхъ видна
есьма солидная подготовка къ подобнаго рода филологи-
ескимъ работамъ, и чѣмъ больше неурядица царствова-
ı до сихъ поръ, относительно употребленія временъ, во
сѣхъ почти нашихъ учебникахъ по Греческому языку,
ѣмъ болѣе мы должны быть благодарны г. Черному за
о, что онъ первый теоритически указалъ рус-
кимъ филологамъ на сходство глагола русскаго съ грече-
кимъ. Познакомившись съ его статьями, я, конечно, тѣмъ
ь большимъ любопытствомъ взялся за составленный имъ и
. Баталинымъ „Сборникъ матеріаловъ." Вышеупомянутыя
татьи давали мнѣ право ожидать въ „Сборникѣ" уже а
riori трудъ замѣчательный—и ожиданіе не обмануло ме-
я. Вышедшія до сихъ поръ двѣ части Сборника ясно сви-
ѣтельствуютъ о томъ, что составители взялись за дѣло,
ъ которому были подготовлены какъ нельзя лучше, и что,
злвшись за него, они выполнили его весьма добросовѣстно.

Весь сборникъ будетъ состоять изъ четырехъ частей. Первая заключаетъ въ себѣ „Синтаксическія фразы,“ расположенныя по отдѣламъ синтаксиса, и передъ каждымъ отдѣломъ приведены §§ изъ Грамматикъ Курціуса, Григоревскаго и Бѣлицкаго. Что составители не обозначали также и §§ грамматики Кюнера, заслуживаетъ полнаго одобренія; изъ всѣхъ нашихъ учебниковъ по Греч. языку грамматика Кюнера менѣе всего достойна поддержки какимъ бы то ни было образомъ. Было бы, конечно, еще лучше, еслибъ и грамматики Курціуса, Григоревскаго и Бѣлицкаго можно было замѣнить другими, но пока у насъ по греч. Снитаксису нѣтъ другихъ учебниковъ, и поэтому приходится удовольствоваться ими, до появленія чего нибудь лучшаго. Всѣхъ §§ въ той части 114. Вторая часть содержитъ связныя статьи, изъ нихъ 136 взяты изъ греч. писателей, одна изъ Исторіи Россіи С. М. Соловьева (Крещеніе великаго князя Владиміра и русскаго народа), и прибавлено 14 латинскихъ статей, по большей части весьма обширныхъ. Статьи 1—136 расположены въ томъ же порядкѣ, какъ и синтаксическія фразы I-й части, но уже безъ указанія §§, грам., что и было бы излишнимъ. Ко всѣмъ статьямъ, какъ и къ фразамъ I-й части, прибавлены весьма многія примѣчанія. Третья часть, не вышедшая еще изъ печати, и назначающаяся преимущественно для VIII класса гимназій, будетъ содержать связныя статьи на всѣ правила греческаго Синтаксиса; статьи эти, содержанія историческаго, будутъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что эта часть будетъ имѣть видъ христоматіи по древне-греческой исторіи и литературѣ. Четвертую часть, наконецъ, будутъ составлять (пространный судя по плану авторовъ) руско-греческій словарь ко всѣмъ частямъ „Сборника,“ съ прибавленіемъ латинско-греческаго словаря къ латинскимъ статьямъ „Сборника“ и „Правилъ для перевода видовъ русскаго глагола на Греческій языкъ.“

Предъ нами пока только первыя двѣ части, но и по нимъ можно убѣдиться, что весь трудъ будетъ весьма замѣчателенъ. Когда я писалъ свой отзывъ о „Матеріалахъ“ г. Фарника (Филолог. Записки 1876, вып. 6), я не былъ еще знакомъ съ „Сборникомъ“ г. Чернаго и Баталина, поэтому не упомянулъ о немъ, такъ что, пожалуй, могло показаться, будто подъ учебниками негодными для употребленія, я подразумѣваю также и этотъ „Сборникъ“ Ничего подобнаго мнѣ и не приходило на мысль, такъ какъ въ то время я совсѣмъ не былъ знакомъ съ нимъ; теперь же я долженъ сказать, что трудъ гг. Чернаго и Баталина вполнѣ достоинъ такого же отзыва, какой высказанъ былъ мною по поводу „Матеріаловъ“ г. Фарника. Но которая изъ этихъ двухъ книгъ, все-таки, лучше? На это возможно только дать одинъ отвѣтъ: будемъ радоваться, что у насъ есть двѣ такихъ книги! Это и освобождаетъ меня отъ подробнаго отчета о книгѣ Чернаго и Баталина; она во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ полнаго одобренія, въ чемъ убѣдится всякій, кто только возьметъ ее въ руки Кто послѣ Фарника и Чернаго примется еще за составленіе книги для переводовъ для старшихъ классовъ, тотъ долженъ будетъ порядочно поработать, чтобъ только сравняться съ ними —но лучше уже едва ли кто нибудь сдѣлаетъ.

Весь „Сборникъ“ гг. Чернаго и Баталина конечно обойдется нѣсколько дорого. Цѣна первой и второй части вмѣстѣ— 1 р. 50 коп.; какая будетъ цѣна третьей части и словаря, мы не знаемъ, но должно быть тоже не менѣе 1 р. 50 коп. У насъ же случается не рѣдко, что, при рѣшеніи вопроса, ввести ли ту или другую книгу, сначала спрашиваютъ о цѣнѣ, а не о достоинствахъ ея. Такой взглядъ, конечно, нельзя одобрить. Разумѣется, если хорошая книга вмѣстѣ съ тѣмъ и дешева, тѣмъ лучше; но во всякомъ случаѣ лучше заплатить дороже за отличную книгу, чѣмъ дешево купить книгу негодную. По этому мы и не думаемъ, что нѣсколько высокая, сравнительно съ

другими учебниками, цѣна будетъ препятствіемъ для рас пространенія этого „Сборника", такъ какъ онъ вполнѣ со отвѣтствуетъ той цѣли, для которой назначается.

Рязань, 24 Марта 1877.

И. Мейеръ.

Протоколы засѣданій Казанскаго Отдѣла Общества Классической Филологіи и педагогики.

Въ послѣднее время у насъ въ ученомъ и педагогическомъ мірѣ все болѣе и болѣе стали появляться изслѣдованія и разработка филологическихъ и лингвистическихъ знаній и стала сознаваться настоятельная потребность въ изданіи матеріаловъ, какъ пособій для классическаго образованія. Работы ученыхъ пріобрѣтаютъ замѣтное сочувствіе даже и въ средѣ учащихся въ высшихъ заведеніяхъ. Такому явленію нельзя не порадоваться, особенно съ радостію привѣтствуемъ недавнее учрежденіе Филологическихъ Обществъ при Университетахъ Харьковскимъ и Казанскомъ и при Лицеѣ Цесаревича Николая. Въ прошломъ 1876 году, 12 Октября открылъ свою дѣятельность Казанскій Отдѣлъ Классической филологіи и педагогики, протоколы коего находятся передъ нами.

Редакія „Филологическихъ Записокъ" съ особеннымъ вниманіемъ будетъ слѣдить за развитіемъ ученой дѣятельности этихъ Обществъ, сосредоточенной въ корпораціяхъ нашихъ представителей науки, и сообщать своимъ читателямъ отчеты о результатахъ засѣданій по возникающимъ вопросамъ. Что подобныя Общества своею дѣятельностію принесутъ существенную пользу наукѣ и педагогикѣ—говорить нечего, но нужно надѣяться, что такая дѣятельность пробудитъ много и новыхъ силъ.

Познакомимъ теперь нашихъ читателей съ начавшею-

ся дѣятельностію Казанскаго Филологическаго Общества.

Въ 1-мъ собраніи Общества участвовало 19 членовъ подъ предсѣдательствомъ П. Д. Шестакова, во время котораго вновь выбраны два члена. Затѣмъ опредѣленъ былъ характеръ дѣятельности Отдѣла, а именно, на первое время, по всестороннемъ обсужденіи, поставлена цѣлью не столько ученая, сколько педагогическая дѣятельность, что, конечно, и справедливо, потому что ближе къ задачамъ учебныхъ заведеній, а наши учебныя заведенія нуждаются еще во многихъ указаніяхъ по преподаванію. Съ этой цѣлью постановлено засѣданіемъ пригласить преподавателей учеб. заведеній Каз. Учеб. Округа къ участію въ трудахъ Отдѣла Общества въ качествѣ членовъ-сотрудниковъ. Общество проситъ доставлять ему

1) Запросы или заявленія о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ преподавателями древнихъ языковъ при преподаваніи грамматики и при переводахъ и объясненіяхъ классиковъ, съ присовокупленіемъ, по возможности, и своихъ соображеній; 2) отвѣты на вопросы, предлагаемые отдѣломъ и печатаемые во всеобщее свѣдѣніе въ циркулярѣ по Округу и 3) рефераты, преимущественно касающіеся преподаванія древнихъ языковъ, въ которыхъ обсуждались бы вопросы по преподаванію грамматики и по переводамъ съ древнихъ языковъ на Русскій и на оборотъ. При этомъ заявлено желаніе получить свѣдѣнія о томъ, дѣлается ли при преподаваніи древнихъ языковъ сличеніе съ Русскимъ и церковнославянскимъ, и если дѣлается, то какъ и въ чемъ именно.

Слушали слѣдующаго содержанія предложеніе г. предсѣдателя: „Въ виду того, что при чтеніи греческихъ авторовъ учащіеся встрѣчаютъ большое затрудненіе въ слѣдствіе недостатка въ греко-русскомъ словарѣ, какъ доступномъ по цѣнѣ, такъ и пригодномъ для чтенія авторовъ, я просилъ бы гг. членовъ, не найдетъ ли кто изъ нихъ возможнымъ взять на себя трудъ составленія такого слова-

ря, который могъ бы служить пособіемъ для чтенія всѣхъ греческихъ авторовъ, переводимыхъ въ гимназіи, и замѣнилъ бы отдѣльныя изданія греческихъ классиковъ, снабженныя словарями и часто недоступныя по цѣнѣ нашему учащемуся юношеству. Съ этою цѣлію я просилъ бы кого либо изъ гг. членовъ принять на себя трудъ составить къ слѣдующему засѣданію примѣрную програму подобнаго словаря". На это предложеніе И. Н. Рѣдниковъ выразилъ желаніе представить къ слѣдующему засѣданію програму подобнаго греко-рускаго словаря.

Дѣйствительный членъ П. П. Гвоздевъ изъявилъ желаніе приготовить къ слѣдующему засѣданію, имѣющему быть 16 ноября, рефератъ относительно нѣкоторыхъ синтаксическихъ особенностей латинской грамматики. Равнымъ образомъ и дѣйствительный членъ архимандритъ Сергій принялъ на себя трудъ представить свои соображенія относительно нѣкоторыхъ недостатковъ методы въ нашихъ учебникахъ по древнимъ языкамъ.

На 2-мъ засѣданіи, 16 Ноября, слушали рефератъ дѣйствительнаго члена П. П. Гвоздева о нѣкоторыхъ особенностяхъ латинскаго синтаксиса. Жаль, что протоколъ не передаетъ ничего объ этомъ рефератѣ. Затѣмъ

Слушали мнѣніе и програму для составленія грекорусскаго словаря, необходимаго для чтенія греческихъ авторовъ въ гимназіяхъ, дѣйствительнаго члена И. Н. Рѣдникова, слѣдующаго содержанія:

„Самое большое затрудненіе, какое ученики гимназіи встрѣчаютъ при переводахъ греческихъ авторовъ, это недостатокъ въ греко-русскомъ словарѣ, какъ пригодномъ для перевода того или другаго автора, такъ и доступномъ по цѣнѣ. Правда, у насъ есть изданія нѣкоторыхъ греческихъ классиковъ, снабженныя плохими словарями, скорѣе вокабулами; но издатели ихъ (бр. Салаевы и Кремеръ) имѣли въ виду какую-то другую цѣль, пожалуй спекулятивную, а ничуть не пользу учащихся. Это видно изъ то-

го, что всѣ три сочиненія Ксенофонта: Anabasis, Cyropaedia и Memorabilia снабжены однимъ и тѣмъ же словаремъ; тоже нужно сказать и про творенія Гомера и Софокла. Въ названныхъ словаряхъ—вокубалахъ идетъ простой перечень словъ безъ всякаго указанія книги и главы, гдѣ извѣстное слово должно перевести такъ, а не иначе. Но при всемъ томъ учащіеся, не смотря на сравнительно высокую цѣну этихъ Салаевскихъ изданій, волей—неволей должны пріобрѣтать ихъ, такъ какъ словарь Синайскаго и единственно хорошій въ русской печати словарь Коссовича имъ вовсе не доступны. Послѣдняго словаря даже совсѣмъ уже нѣтъ въ продажѣ. Вотъ, принимая все это во вниманіе, и слѣдовало бы составить такой греческо-русскій словарь, который могъ бы не только замѣнить названныя вокабулы Кремера, но и оказывать учащимся существенную пользу. Чтобы достичь послѣдняго, необходимо при составленіи подобнаго словаря, по моему крайнему разумѣнію, имѣть въ виду слѣдующее: 1) въ словарь должны войти всѣ греческіе авторы, читаемые въ гимназіи, а именно: Ксенофонтъ (Киропедія, Анабазисъ и Меморабиліи), Геродотъ, Ѳукидидъ, Демосѳенъ (Олинѳскія рѣчи, О мирѣ и 1-ая Филиппика), Платонъ (Апол., Критонъ и Федонъ), Гомеръ, Эсхилъ, Софоклъ и Еврипидъ; 2) должны войти собственныя имена; 3) слова, однозвучныя съ латинскими, должны быть снабжены и латинскими названіями; 4) болѣе трудныя изреченія того или другаго писателя, а равно и многіе греческіе идіотизмы должны быть приведены цѣлыми предложеніями съ указаніемъ мѣстъ и автора; 5) равнымъ образомъ и другія слова не безполезно снабдить указаніемъ мѣстъ и авторовъ, гдѣ они встрѣчаются; и наконецъ 6) указать корень и образованіе извѣстнаго слова. Всего лучше это можетъ явствовать изъ слѣдующаго прилагаемаго образца подобнаго словаря:

Αγύλατὲω (ὄγος—ἐλαυνω) piaculum exigo, изгоняю что нибудь нечистое, запечатлѣнное проклятіемъ, очищаю,

Her. V, 72. Soph. O. R. 402;

Ἄγαλμα, ατος, τὸ, res, qua quis gaudet (ἀγάλλεται), украшеніе, изображеніе, жертва, радость, утѣшеніе; βασιλῆι κεῖται ἄγαλμα Il. IV, 144) служитъ для царя украшеніемъ (ornamentum); ἄγαλμα Θεῶ θελκτήριον (Од. III, 439 и VIII, 509) даръ, donum, ἀνάθημα (?) (деревянный конь); Eur. Suppl. 367, 1154. Iph T. 273; Soph. Ant. 1115: ἀγάλματα—deliciae. и пр.

Въ заключеніе рѣшаюсь заявить собранію, что я началъ уже словарь въ томъ видѣ, какъ мною высказано о семъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просилъ бы гг. членовъ оказать мнѣ въ этомъ дѣлѣ свое просвѣщенное вниманіе, раздѣливши трудъ мой или по крайней мѣрѣ не отказывая въ просмотрѣ моей работы и въ указаніяхъ.

Въ этомъ же засѣданіи обращаетъ на себя вниманіе рефератъ г. предсѣдателя П. Д. Шестакова слѣд содержанія, который мы приведемъ нѣсколько въ сокращенномъ видѣ: „Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, говоритъ г. Предсѣдатель, при переводѣ древнихъ писателей преподаватели большею частію ограничиваются объясненіями грамматическими, гдѣ нужно историческими и археологическими; но мало обращается вниманія на мысль читаемаго, а на эстетическую и художественную сторону не обращается почти никакого вниманія: одинаково разбирается и самое обыкновенное выраженіе и мѣсто, имѣющее глубокій смыслъ, на примѣръ, въ Иліадѣ мѣсто, гдѣ перечисляются корабли греческіе, и такое мѣсто, какъ прощаніе Гектора съ Андромахой, какъ появленіе Пріама въ палаткѣ Ахиллеса съ просьбою о выдачѣ ему трупа Гектора. А между тѣмъ, мнѣ кажется, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высказывается глубокая мысль, не столько важенъ грамматическій разборъ, сколько разъясненіе этой мысли.

Такъ въ трагедіи Еврипида „Троянки" (Τρῳάδες) на слова Андромахи, что судьба погибшей Поликсены лучше ея участи, хотя она и жива, Гекаба отвѣчаетъ:

Οὐ ταὐτὸν, ὦ παῖ, τὸ βλέπειν τό κατθανεῖν.
Τό μέν γὰρ οὐδέν, τῷ δ' ʼνεισιν ἐλπίδες, т. е.

О нѣтъ, дитя, смерть съ жизнью сравнивать нельзя:
Одна—ничто, въ другой надежды есть

Въ этихъ словахъ нечего обращать вниманія на извѣстное уже ученикамъ употребленіе неопредѣленнаго наклоненія съ членомъ какъ существительнаго, на значенія τὸ—τό, но необходимо, по моему мнѣнію, обратить вниманіе учащихся на то, что здѣсь мысль глубокая, но выражающая языческій взглядъ на смерть, какъ на уничтоженіе, на обращеніе въ ничтожество (οὐδέν). Это взглядъ язычника, которому чуждо свѣтлое міровоззрѣніе христіанина, чающаго послѣ смерти жизни лучшей, блаженной.

Возьмемъ другой примѣръ изъ той же трагедіи. Гекаба, возражая женѣ Менелая Еленѣ (ἦλθ'οὐχὶ μικράν θεόν ἔχων αὐτοῦ μέται) говоритъ:

Κύπριν δ' ἔλεξας, ταῦτα γάρ γέλως πολὺς,
Ἐλθεῖν ἐμῷ ξὺν παιδί Μενέλεω δομους.
Οὐκ καί μένουσ' ἂν ἥσυχὸς ὁ ἐν οὐρανῷ
αὐταῖς Ἀμύκλαις ἤγαγεν πρός Ἴλιον, т. е.

Киприда, говоришь, вѣдь это смѣхъ,—
Съ моимъ пришла къ вамъ сыномъ въ домъ,
Какъ будто не могла, на небѣ оставаясь,
Привесть тебя сюда съ Амиклами самими?

Здѣсь нѣтъ надобности говорить о винительномъ съ неопредѣленнымъ Κύπριν ἐλθεῖν, о выраженіи αὐταῖς Ἀμύκλαις,—достаточно лишь объяснить, что Амиклы городъ въ Лаконіи, резиденція отца Елены; но необходимо обратить вниманіе учениковъ на идею божественнаго могущества, приписываемаго Киприді. „Развѣ, оставаясь спокойно на не-

бѣ, не привела бы она тебя въ Иліонъ и съ самими Амиклами?“ Необходимо сравнить два послѣдніе стиха съ стоящими выше стихами, тоже вложенными въ уста Гекабы, какъ лица, которое по своему положенію было, вѣроятно, болѣе другихъ развито:

> Земли держатель, на землѣ живущій,
> О ты, котораго постигнуть трудно,
> Природы ль ты законъ, иль смертныхъ умъ,
> Зевесъ!

Нельзя не согласиться, что Еврипидъ глубоко вдумывался въ идею о божествѣ, что въ послѣднихъ стихахъ высказалось все то понятіе о Богѣ, которое добылъ себѣ философствующій умъ человѣческій безъ откровенія Божественнаго; а въ первыхъ высказана мысль о божескомъ всемогуществѣ съ такою категоричностью, какой мы у древнихъ, сколько мнѣ помнится, не встрѣчаемъ.

И такъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выражена глубокая мысль, необходимо, мнѣ кажется, обратить вниманіе на эту мысль; въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя отличаются художественностію и патетичностію, грамматическія объясненія еще менѣе у мѣста. При чтеніи такихъ стиховъ, какъ въ Ил. XXIV, ст. 477—479 всякое грамматическое объясненіе, по моему крайнему убѣжденію, болѣе чѣмъ не умѣстно. Когда у человѣка чувствующаго захватываетъ духъ отъ драматизма минуты свиданія царственнаго отца съ убійцею его дѣтей, и какого свиданія! Когда великій Пріамъ хватается съ мольбою за колѣни, цѣлуетъ руки, страшныя, убійственныя руки, погубившія его сыновей; неужели при чтеніи такого мѣста возможны вопросы въ родѣ такихъ, какою формою переводится здѣсь ἐλαϑ? что можно замѣтить о словахъ ’Αχιλλῆος γούνατα, πολέας, что можно сказать по поводу выраженія λάβε γούνατα χερσὶν. Такого рода объясненія при чтеніи въ высшей степени патетическаго

мѣста, могущаго своимъ содержаніемъ увлечь учениковъ, по моему мнѣнію, также неумѣстны.

При чтеніи патетическихъ мѣстъ, если въ нихъ встрѣчаются выраженія, которыя могутъ затруднить учениковъ, лучше объяснить эти выраженія, не приступая еще къ переводу и даже до прочтенія текста, (чтеніе, конечно, должно быть выразительное, осмысленное), съ тою цѣлію, чтобы эти объясненія не уничтожали цѣлостности впечатлѣнія отъ читаемаго мѣста. Такъ, приступая напримѣръ (въ той же трагедіи Еврипида „Троянки)“ къ чтенію въ высшей степени потрясающей сцены прощанія Андромахи съ своимъ сыномъ, малюткою Астіанаксомъ, котораго Греки порѣшили убить, сбросивъ со стѣнъ Пергама, не лишне объяснить выраженія и отдѣльныя слова съ указаніемъ ихъ производства, и за тѣмъ уже переводить всю рѣчь Андромахи и постараться перевести не только вѣрно, но и по возможности изящно, такъ, чтобы у учениковъ осталось полное впечатлѣніе отъ этой рѣчи, написанной съ глубокимъ знаніемъ сердца матери.

Результатъ индифферентнаго отношенія къ мысли и къ художественной сторонѣ читаемаго текста не можетъ быть хорошій: не подробнымъ грамматическимъ разборомъ, не остановкою на формахъ глаголовъ и падежахъ, не тонкостями въ родѣ объясненія по поводу τηλίκου впитывается любовь къ изученію классиковъ, стремленіе продолжать занятіе древними языками; нѣтъ, только глубокою вдумчивостію въ смыслъ, въ духъ читаемаго, только постиженіемъ красотъ и художественности классическихъ произведеній внѣдряется въ душахъ юношей влеченіе къ основательному изученію древнихъ языковъ, обусловливается продолженіе занятія ими. Буква мертвитъ, животворитъ одинъ духъ. Поэтому чтеніе классиковъ въ высшихъ классахъ должно быть чуждо мертвящей стороны, этого буквоѣдства; должно вложить душу живу въ это чтеніе, чтобы юноша увлекался и глубиною мысли, и красотою рѣчи, и вѣрнымъ

пониманіемъ и выраженіемъ психической жизни человѣка Только тогда преподаваніе древнихъ языковъ можно признать живымъ и плодотворнымъ, когда оно заинтересуетъ и расшевелитъ ученика, такъ что онъ самъ внѣ класса будетъ читать произведенія классическихъ писателей, находя въ нихъ отраду и утѣшеніе.“

Изъ этого приведеннаго нами реферата почтеннаго Предсѣдателя видно, что эти замѣчанія и совѣты вызваны практическимъ взглядомъ на дѣло, и вѣроятно, во время присутствованія его на лекціяхъ, при объясненіяхъ греческихъ авторовъ.

На 3-мъ засѣданіи (14 Октября) слушали предложеніе реферата г. Гвоздева, подъ заглавіемъ: „Нѣсколько грамматическихъ замѣтокъ по латинскому Синтаксису,“ но обсужденіе его, вѣроятно, отложено до слѣд. засѣданія.

Пожелаемъ почтенному Обществу широкаго развитія и плодотворной дѣятельности въ будущемъ.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1.) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл. Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библіографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библіографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной миѳологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются въ ВОРОНЕЖѢ. Выходятъ безсрочными выпусками— по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. Подписка принимается:

въ ВОРОНЕЖѢ: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1864 годъ, цѣна **5** р. за 1865 г. **3** р., за 1866 **5** р., за 1867 г. **6** р. за 1868 г. **5** руб. за 1869—1876 г. по **6** р. каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Перев. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ пер. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и П. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ пер.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Макса Мюллера—VII—XII. Перев. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

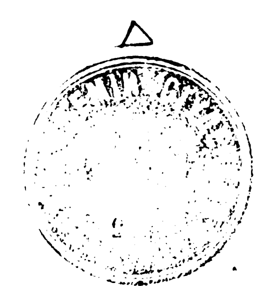
Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна. Выпускъ II, 1871 г. Пер. съ французскаго А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ перес. III вып.— **Искусство въ Греціи**. Ц. 60 к.

О юморѣ въ сравненіи съ сатирой. Ц. 35 коп.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго составляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи**, изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Цѣна 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій.**

Дозволено Цензурой, Москва, 27 Апрѣля 1877 г.

ПУШКИНЪ, КАКЪ ПОЭТЪ ЕВРОПЕЙСКІЙ.

ѣчь профессора Варшавскаго Университета Н. И. Карѣе- произнесенная на пушкинскомъ праздникѣ въ Варшавѣ 4-го іюня 1880 года).

Мм. Гг.!

е стану распространяться о причинѣ нашего сегодняш- дника: каждый русскій пойметъ, почему съ осо- кествомъ празднуется въ Россіи день открытія нашего великаго поэта, который, по собственно-

посвящ
вопросов
нительном

Народу долго будетъ тѣмъ любезенъ,
увства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
елестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ
тъ къ падшимъ призывалъ.

іе нынѣшняго дня тѣ, которые хлопо- — годъ — ть этотъ праздникъ, и тѣ, которые и съѣхались на это торжество въ поняли и всѣ, собравшіеся на вып кина. Россія чествуетъ своего пода, на нашъ національный анъ Европы шлютъ свои при- 18 ихъ не такъ, правда, мно- инять характеръ обще- называютъ извѣстныя четъ ихъ соединиться о поэта? Отвѣтъ мо- шкинъ, и они нахо- Воронежъ ихъ, на сердце, на Въ Типографіяхъ В. И. Ис степени свой, и кетъ, какъ та, Губернскаго Правленія.

что Пушкинъ былъ поэтъ и европейскій, не переставая быть національнымъ.

Три условія опредѣляютъ главнымъ образомъ физіономію каждаго поэта и значеніе его литературной дѣятельности. На первомъ планѣ стоитъ личность поэта, тѣ духовные дары, которыми надѣлила его природа, которые развились въ немъ подъ вліяніемъ его личной судьбы, воспитанія, жизненной обстановки. Эта истина до такой степени проста, что въ біографіи поэта ищутъ ключа для разумѣнія его произведеній, которыя въ тоже время могутъ быть ключемъ для пониманія его нравственной физіономіи. Другое условіе—родная страна поэта, вся окружающая его матеріальная обстановка, всѣ существующія вокругъ него общественныя отношенія, охватывающая его духовная среда: здѣсь, въ природѣ, въ людскихъ отношеніяхъ, нравахъ и обычаяхъ, стремленіяхъ и преданіяхъ родной страны почерпаетъ онъ матеріалъ для своихъ произведеній; здѣсь, въ національномъ духѣ дана ему судьбой та призма, черезъ которую разсматриваетъ онъ явленія изъ жизни чуждыхъ странъ. Но это не все: на поэзіи отражается не одинъ духовный складъ самого поэта, не одинъ характеръ его родины—отражается на ней исторія, та эпоха, тотъ историческій моментъ, въ который живетъ поэтъ. И чтобы быть по истинѣ великимъ, недостаточно имѣть творческій даръ, недостаточно говорить народу знакомыми ему образами: только тогда поэтъ будетъ, какъ Пушкинскій пророкъ, *глаголомъ жечь сердца людей*, когда онъ чутьемъ проникнетъ въ душу каждаго и каждому скажетъ его завѣтную думу. У каждаго времени, у каждой эпохи есть такая дума, болѣе или менѣе объединяющая всѣхъ современниковъ, такое преобладающее чувство, которое является слѣдствіемъ переживанія извѣстнаго историческаго момента. Эта дума охватываетъ душу поэта сильнѣе, чѣмъ иныхъ смертныхъ, и никто не умѣетъ повѣдать ее міру съ такимъ могуществомъ, какъ поэтъ. Отсюда его сила, отсюда его вліяніе на современниковъ: что другой выскажетъ въ видѣ отвлеченной, сухой формулы, то выразитъ поэтъ въ живомъ и яркомъ образѣ. И тотъ именно поэтъ великъ,

который умѣетъ сочетать въ одномъ чудномъ аккордѣ поэтическія свои дарованія съ отраженіемъ въ поэзіи своей и быта родины, и идей вѣка. Такой поэтъ прежде всего— поэтъ національный, и въ то же время онъ можетъ стоять и выше все-таки тѣсныхъ рамокъ національности, когда его народъ живетъ общею жизнью съ другими народами и вмѣстѣ съ ними испытываетъ одинаковую смѣну историческихъ теченій. Россія узнала такого поэта впервые только въ лицѣ Пушкина. Взгляните вглубь его поэзіи:

Тамъ русскій духъ!.. тамъ Русью пахнетъ!

Но какъ несомнѣнно то, что Пушкинъ поэтъ національный, такъ точно несомнѣнно и то, что съ другой стороны, онъ, по собственнымъ словамъ,

Искалъ вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеньи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Вотъ здѣсь-то и сказывается другая заслуга Пушкина: стремясь усвоить себѣ просвѣщеніе вѣка, отражая въ поэзіи своей его идеи, общія всѣмъ европейскимъ странамъ, Пушкинъ былъ поэтъ европейскій. Онъ послѣ Россіи принадлежитъ Европѣ, и въ ней онъ не стоитъ особнякомъ: онъ по праву одинъ изъ той блестящей плеяды европейскихъ поэтовъ, которые были выразителями идей и чувствъ историческаго момента, называемаго переходомъ въ новѣйшее время. Изъ нихъ былъ старшій Байронъ; но онъ былъ только одинадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда Пушкинъ увидѣлъ свѣтъ. Пять мѣсяцевъ отдѣляютъ день рожденія Мицкевича отъ дня рожденія нашего поэта. Ровесникомъ обоихъ былъ и Гейне. Викторъ Гюго моложе ихъ года на три. Вотъ сверстники его, но эти сверстники были и братья по духу, которымъ дышала ихъ эпоха. Непохожи другъ на друга эти братья, и въ этомъ несходствѣ заключается оригинальность и самобытность каждаго; они принадлежатъ несходнымъ націямъ, оставаясь каждый поэтомъ національнымъ;

они воспитались и жили при различныхъ условіяхъ,—все это правда, но есть между ними нѣчто общее, что ихъ роднитъ въ глазахъ потомства. Они не стоятъ, подобно своимъ предшественникамъ, на отвлеченно-космополитической почвѣ ложнаго классицизма XVIII вѣка. Каждый изъ нихъ является самостоятельнымъ творцомъ съ своей собственной манерой, а не подражателемъ чуждымъ образцамъ, подобно классикамъ минувшаго столѣтія. Они всѣ явились съ новымъ словомъ, и всѣхъ ихъ съ злобнымъ шипѣніемъ встрѣтили старыя литературныя школы, отживавшія свое время, и всѣ общественные слои, которые видѣли въ сохраненіи ихъ традицій спасеніе отъ всякихъ золъ. За то ихъ всѣхъ привѣтствовало съ восторгомъ, съ энтузіазмомъ все молодое, все живое, не скованное условными правилами школьной мудрости, не изуродованное пошлостью жизни. Они всѣ, наконецъ, явились выразителями новыхъ идей, и было же, значитъ, нѣчто такое и въ Байронѣ, напр., и въ Мицкевичѣ, что заставило Пушкина въ извѣстную пору жизни бредить первымъ и что влекло его къ личному общенію со вторымъ. Мрачный геній гордаго британскаго поэта, типическаго представителя англо-саксонской расы, привлекалъ Пушкина своимъ развитымъ индивидуализмомъ, своимъ стремленіемъ къ свободѣ личности отъ всѣхъ стѣсненій, налагаемыхъ жизнью, и намъ извѣстно, что у Пушкина была пора, когда онъ могъ говорить словами автора Донъ-Жуана:

> Теперь однимъ желаньемъ я сгораю
> Вести войну хоть на словахъ пока,
> Бой противъ всѣхъ, кто нашу мысль стѣсняетъ.

Съ Мицкевичемъ равнымъ образомъ сближали Пушкина извѣстные идеалы, но эти идеалы были иного рода, болѣе свойственные мягкой, славянской натурѣ Мицкевича. Самъ Пушкинъ признается въ этомъ, такъ вспоминая время дружбы съ нимъ:

> Мы жадно слушали поэта. Съ нимъ
> Дѣлились мы и чистыми мечтами,

И пѣснями. (Онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

Но тѣ же идеи о свободѣ личности и братствѣ народовъ проводилъ и Гейне, и теперь еще ими одушевленъ старикъ В. Гюго, одинъ оставшійся въ живыхъ изъ всей нашей плеяды.

Да, въ началѣ нынѣшняго вѣка совершался важный литературный переворотъ во всѣхъ странахъ Европы, и Пушкинъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей этого переворота; условныя формы классической школы замѣнились живыми образами родной дѣйствительности, и дидактическія разсужденія на отвлеченныя темы—художественными отзывами на вѣчные, волнующіе душу вопросы и на задачи, поставленныя переживаемой эпохой. Послѣ этого переворота поэтъ и его читатели стояли уже на одной почвѣ, дышали однимъ воздухомъ; поэтъ жилъ теперь жизнью общества; онъ былъ теперь плотью отъ плоти и костью отъ костей его, и общество находило что-то свое въ его поэзіи, свою мысль и свое чувство; они говорили на одномъ языкѣ; они должны были понимать другъ друга. Притомъ поэзія заговорила о чемъ-то новомъ, но такомъ, которое всякій человѣкъ находилъ уже существующимъ въ глубинѣ своей души. Впечатлѣніе было сильное: поэта слушали, за нимъ шли, ему покланялись. Теперь такъ не умѣютъ покланяться поэтамъ. Новая поэзія была первымъ голосомъ самосознанія въ области искусства, первою художественною проповѣдью благородныхъ, гуманныхъ, либеральныхъ идей вѣка. Тема была богатая, неисчерпаемая: ее уже давно разрабатывали философы и моралисты, политики и публицисты, но они разрабатывали ее отвлеченно, строя свои системы, составляя кодексы, сочиняя разные проекты, проводя ее въ своихъ памфлетахъ. Велика была эта работа мысли, работа, ставившая личный разумъ верховнымъ критеріемъ истины, работа, искавшая основъ морали не въ правилахъ, предписан-

ныхъ извнѣ, а въ природѣ самой нравственной личности, работа, противопоставлявшая права отдѣльнаго человѣка правамъ государства, общества, традиціи, работа, подготовившая протестъ противъ всякаго рабства и идеальное стремленіе къ лучшему порядку на землѣ. Теперь за тему взялась поэзія и создала цѣлый міръ представленій, въ которыхъ идея воплощалась въ формѣ художественныхъ образовъ. Эпосъ и драма полны были героями, которые держатъ высоко знамя своего *я* въ борьбѣ со всѣмъ, чѣмъ стѣснено это *я*, что стоитъ поперекъ его пути, а лирика нерѣдко служила выраженіемъ стремленія ко всему возвышенному, разумному, свободному, да и не въ одной сатирѣ умѣла эта поэзія задѣть отрицательную сторону жизни. Чуткое сердце человѣка узнавало вездѣ, во всякой формѣ, подъ всякимъ видомъ освободительную мысль, даже когда она доходила до мрачной односторонности одинокаго байроновскаго отчаянія, даже когда на нее надѣвала уродливую маску растрепанная муза Виктора Гюго, даже, наконецъ, когда причудливый Гейне выворачивалъ ее совсѣмъ наизнанку, чтобы посмѣяться надъ удивленнымъ читателемъ, не ожидавшимъ такого фокуса. Этой освободительной тенденціи нельзя было не проникнуть въ поэзію начала XIX вѣка: ее завѣщало пушкинскимъ современникамъ все литературное развитіе великаго XVIII вѣка: вѣдь и Пушкинъ росъ на почвѣ его традиціи, читая въ раннемъ возрастѣ Вольтера, Руссо, Гельвеція, потомъ увлекаясь музой Шенье—школьные товарищи не даромъ же называли его французомъ. Но все громадное значеніе французской литературы XVIII вѣка заключается именно въ ея освободительномъ, просвѣтительномъ, преобразовательномъ направленіи: она была протестомъ противъ созданныхъ исторіей уродливостей жизни и проповѣдью лучшаго общественнаго строя, какъ современная ей нѣмецкая литература протестомъ противъ пошлой прозы будничнаго прозябанія и проповѣдью поэтическихъ идеаловъ: вѣдь и все значеніе Байрона въ томъ, что онъ былъ олицетвореніемъ этихъ двухъ протестовъ.

Мы долго не понимали однако того, что дѣлалось на Западѣ, хотя съ Петра мы были постоянно въ общеніи

ъ нимъ: мы заимствовали оттуда всю нашу старую піитику і подражали чуть не всѣмъ европейскимъ писателямъ, но юнимать мы часто ихъ не понимали. Какъ близорукъ былъ, шпр., Сумароковъ, можно видѣть изъ того, что онъ серьезю воображалъ себя россійскимъ Вольтеромъ. Западные литераторы для нашихъ въ XVIII вѣкѣ были учители, наши смотрѣли на себя, какъ на учениковъ, обязанныхъ слѣпо повиноваться ихъ предписаніямъ. Само собою разумѣется, что они не могли понимать своихъ учителей какъ слѣдуетъ: ни по умственному, ни по общественному развитію русскіе люди того времени не доросли еще до правильнаго ихъ пониманія; такъ что Сумароковъ въ дѣятельности Вольтера цѣнилъ выше всего то, что менѣе всего имѣло цѣны. Иначе и быть не могло. Чтобы изъ учениковъ превратиться въ младшихъ братьевъ, не подражающихъ старшимъ, а въ силу естественной необходимости повторяющихъ уже ранѣе пережитое старшими, наши писатели должны были имѣть вокругъ себя иное общество. Такое общество стало складываться у насъ къ тому только времени, когда Пушкинъ выступилъ на свое поэтическое поприще: сближеніе съ Европой дѣлало свое дѣло, и мы, усвоивъ формы, начинали осваиваться и съ ихъ содержаніемъ; преобразовательная дѣятельность Александра, патріотическая борьба съ Наполеономъ въ союзѣ съ другими народами Европы, надежда на то, что Россія, освободивши себя и Европу отъ деспотизма Наполеона, начнетъ свое внутреннее перерожденіе на началахъ либеральныхъ идей вѣка, долговременное пребываніе нашихъ войскъ за границей,—все это двинуло русское общество сильно впередъ. Въ немъ началась работа мысли въ новомъ направленіи, именно въ томъ, въ какомъ работала новая Европа. Началась разработка общественныхъ вопросовъ. Изъ этого общества и вышелъ Пушкинъ. Онъ уже не могъ быть подражателемъ, ибо подражательная литература—удѣлъ обществъ, погруженныхъ въ глубокій сонъ. Гдѣ движется общественная жизнь, тамъ она, а не чужіе образцы для подражанія возбуждаютъ поэта къ дѣятельности, и она же доставляетъ ему матеріалъ, такъ что пора заимствованій уже должна пройти. Такая жизнь втягиваетъ въ себя

поэта: онъ не можетъ сторониться отъ нея, обходить живую дѣйствительность, не можетъ смотрѣть на себя иначе, какъ на общественнаго дѣятеля: для Байрона, напр., это безусловно вѣрно; онъ доказалъ это и въ Италіи, гдѣ дружилъ съ патріотами, и въ Греціи, за свободу которой поѣхалъ драться съ оружіемъ въ рукахъ; для общественной дѣятельности Пушкина не было подходящей арены, тѣмъ не менѣе для него задача поэзіи была не въ развлеченіи праздной скуки, не въ томъ, чтобъ быть „какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“: онъ видѣлъ въ ней органъ для голоса общественной совѣсти. Поэтъ въ его глазахъ былъ тотъ пророкъ, которому Богъ далъ заповѣдь такую:

> Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
> Исполнись волею моей,
> И, обходя моря и земли,
> Глаголомъ жги сердца людей...

Признаніемъ этого открывается новый періодъ въ исторіи нашей литературы, періодъ все бóльшаго и бóльшаго сближенія ея съ жизнью. Поэзія русская до Пушкина.... Но пусть лучше скажетъ намъ Бѣлинскій, чѣмъ она была, тѣмъ болѣе, что, говоря о нашемъ великомъ поэтѣ, было бы грѣшно ни разу не упомянуть о великомъ критикѣ, лучшемъ до сихъ поръ истолкователѣ поэзіи Пушкина. „Поэзія русская до Пушкина была отголоскомъ, выраженіемъ младенчества русскаго общества. И потому это была поэзія до наивности невинная: она гремѣла одами на иллюминаціи, писала нѣжные стишки къ милымъ и была совершенно счастлива этими идиллическими занятіями. Дѣйствительностью ея была мечта, а потому ея дѣйствительность была самая аркадская, въ которой невинное блеяніе барашковъ, воркованье голубковъ, поцѣлуи пастушковъ и пастушекъ и сладкія слезы чувствительныхъ душъ прерывались только не менѣе невинными возгласами: „пою“ или: „о ты, священна добродѣтель!“ и т. д. Даже романтизмъ того времени былъ такъ наивно-невиненъ, что искалъ эффектовъ на кладбищахъ и пересказывалъ съ восторгомъ старыя бабьи сказки

о мертвецахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, колдуньяхъ, о дѣвѣ, за ропотъ на судьбу заживо увезенной мертвымъ женихомъ въ могилу, и тому подобные невинные пустяки. Въ трагедіи тогдашняя поэзія очень пристойно выплясывала чинный менуэтъ, дѣлая изъ Донского какого-то крикуна въ римской тогѣ. Въ комедіи она преслѣдовала именно тѣ пороки и недостатки общества, которыхъ въ обществѣ не было, и не дотрогивалась именно до тѣхъ, которыми оно было полно,—такъ что комедіи Фонъ-Визина являются въ этомъ отношеніи какими-то исключеніями изъ общаго правила. Въ сатирѣ тогдашняя поэзія нападала скорѣе на пороки древнегреческаго и римскаго или старо-французскаго общества, чѣмъ русскаго". (Бѣлинскій, VIII, стр. 443; изд. 3).

Какъ не похожа наша современная литература на это изображеніе, и начало этого несходства было положено именно Пушкинымъ. Невинная наивность исчезла изъ нашей поэзіи, какъ исчезаетъ она у ребенка при переходѣ его въ тотъ возрастъ, когда начинаетъ дѣйствовать мысль. Вотъ почему Пушкинъ, жившій въ эту переходную пору нашей общественности, могъ пріобрѣсти такое значеніе въ нашей исторіи: мы догнали немного Европу, и нашъ поэтъ изъ знакомства съ ея литературой вынесъ не желаніе подражать тому или другому писателю, а стремленіе творить въ ея духѣ, не обезличивая себя и не отрекаясь отъ своей національности. Онъ такъ-же самостоятельно отнесся къ своимъ предшественникамъ въ родной и иностранной литературахъ, какъ Байронъ, Мицкевичъ, В. Гюго и Гейне, и въ томъ же личномъ вдохновеніи, озаренномъ просвѣщеніемъ вѣка, находилъ, какъ и они, лучшіе перлы своей поэзіи. До Пушкина мы либо подражали, либо переводили; иностранцы переводили изрѣдка кое-что и изъ нашей литературы, но больше ради курьеза. Серьезно же насъ стали переводить съ Пушкина. Что это значитъ, какъ не то, что Пушкинъ былъ первый русскій писатель, заинтересовавшій западъ настолько, что люди, принадлежащіе разнымъ національностямъ, стали читать его какъ своего писателя? Но это было возможно только при одномъ условіи, именно при

соединенія самобытности и національности поэта съ отраженіемъ въ его произведеніяхъ европейской мысли. Такъ это и было. Пушкинъ, дѣйствительно, поэтъ европейскій, родной каждому образованному человѣку; у него люди разныхъ націй найдутъ выраженіе тѣхъ же идей, которыя высказывали и ихъ поэты. Какъ Петръ Великій, преобразовавъ Россію внутри, въ тоже время вдвинулъ ее въ европейское общество, такъ и Пушкинъ своей поэтической реформой пріобщилъ нашу литературу къ обще-европейской. Давно уже было прорублено Петромъ окно въ Европу, но долго мы передавали черезъ него чужимъ народамъ только произведенія рукъ своихъ, произведенія своей мысли мы оставляли для домашняго обихода: могучее слово Пушкина первое понесло черезъ это окно въ Европу продукты нашего ума. Можно-ли, слѣдовательно, удивляться участію иностранцевъ въ русскомъ національномъ праздникѣ, въ чествованіи памяти поэта, который одновременно и въ одномъ духѣ съ ихъ родными поэтами подымалъ голосъ за побѣду истины надъ ложью, добра надъ зломъ, свѣта надъ тьмою и умѣлъ говорить такимъ властительнымъ языкомъ:

Да здравствуютъ музы! Да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,—
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума!
Да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!

Н. Карѣевъ.

КЪ ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНІИ ПОДЛЕЖАЩАГО ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ.

Учитель Корочанской Александровской Прогимназіи (Курской губерніи) А. А. Дмитревскій напечаталъ въ *Филологическихъ Запискахъ* двѣ статьи о составѣ предложенія *), а вслѣдъ за тѣмъ началъ тамъ же помѣщать „Опытъ учебника русскаго синтаксиса". Обѣ предшествовавшія этому статьи доставлены авторомъ, въ видѣ особыхъ оттисковъ, во Второе отдѣленіе Академіи Наукъ съ просьбой разсмотрѣть ихъ и дать о мысляхъ г. Дмитревскаго свой отзывъ.

Нельзя не радоваться, когда преподаватели отечественнаго языка, не довольствуясь старою рутиной, подвергаютъ серьёзной повѣркѣ установившіеся взгляды, и результаты такого пересмотра излагаютъ въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому мы съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили трудъ г. Дмитревскаго и охотно приняли на себя исполненіе его желанія. Къ сожалѣнію, однако, мы должны тутъ же прибавить, что удовольствію, съ какимъ мы приступили къ чтенію его брошюръ, нѣсколько повредила излишняя увѣренность автора. Особенно поразила насъ въ этомъ отношеніи вторая статья, составляющая отвѣтъ на основательныя замѣчанія г. Миловидова, напечатанныя въ томъ же изданіи по поводу первой статьи.

Въ чемъ же заключаются новыя мысли, проводимыя г. Дмитревскимъ съ такою настойчивастью? Съ одной стороны, онъ присоединяется къ тѣмъ педагогамъ, которые, будучи сбиты съ толку неудачнымъ опредѣленіемъ подлежащаго („то, о чемъ говорится"), считаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможнымъ принимать за него имя сущ. въ косвенныхъ

*) «Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ» въ 1878 году и «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго» въ 1879.

падежахъ; съ другой, встрѣчая въ рѣчи множество безличныхъ предложеній, изъ которыхъ иные даже не носятъ на себѣ никакого признака подлежащаго (напр. нельзя, пошелъ, угостили), г. Дмитревскій пришелъ къ убѣжденію, что подлежащее не можетъ считаться однимъ изъ главныхъ членовъ предложенія, а должно быть низведено въ разрядъ второстепенныхъ, и именно *дополненій*. Это, по мнѣнію автора брошюръ,—главное дополненіе сказуемаго, но не болѣе. Въ подкрѣпленіе своей мысли, желая всячески унизить роль подлежащаго, онъ старается какъ можно выше поставить безличное предложеніе, входитъ въ весьма произвольныя толкованія о постепенномъ развитіи человѣческой рѣчи и между прочимъ оспариваетъ неопровержимое замѣчаніе г. Буслаева, что такъ называемый безличный глаголъ имѣетъ грамматическое подлежащее либо въ своемъ личномъ окончаніи (темнѣ*етъ*, смеркае*тся*), либо, какъ въ другихъ языкахъ,—въ неопредѣленномъ мѣстоименіи (il pleut, man sagt). Г. Дмитревскій не признаетъ существеннымъ даже того возраженія, что каждый глаголъ въ личной формѣ уже самъ по себѣ заключаетъ или соединяетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ сказуемымъ, и подлежащее, такъ какъ личныя окончанія первоначально были мѣстоименіями. Чтобы опрокинуть эту неоспоримую истину, онъ прибѣгаетъ къ странному предположенію, что мѣстоименные суффиксы глагола присоединились къ нему не въ прямой, а въ косвенной формѣ, т. е., что напр. въ формѣ: ѣ*мъ* или да*мъ* окончаніе *м* означаетъ не *я*, а *мнѣ* или *меня*!

Для каждаго, кто посмотритъ на дѣло безъ предубѣжденія, совершенно ясно, что не только когда въ безличномъ предложеніи сказуемое выражено своею главною формой—глаголомъ, но и тогда, когда выразителемъ его служитъ прилагательное въ среднемъ родѣ, напр. *должно, тепло*, *холодно*, самое окончаніе формы этого сказуемаго уже указываетъ на какой-то предполагаемый въ умѣ, хотя и не высказываемый, и даже опредѣленно не мыслимый, субъектъ. Когда мы говоримъ: *свѣтаетъ, морозило,* то въ сущности логическимъ субъектомъ служатъ предметныя понятія *свѣтъ*, *морозъ,* которыя, будучи представляемы дѣятелями, получили

въ языкѣ форму глаголовъ *); грамматическими же субъектами такихъ сказуемыхъ служитъ то нѣчто, которое выражается въ окончаніяхъ безличныхъ глаголовъ. Важныя недоразумѣнія въ наблюденіяхъ надъ языкомъ происходятъ отъ смѣшенія логическихъ началъ съ грамматическими. По логическому смыслу предложенія, понятіе, выраженное подлежащимъ, можетъ дѣйствительно гораздо менѣе значить нежели то, которое заключается наприм. въ косвенномъ дополненіи, но грамматика имѣетъ свои законы и требованія. Г. Дмитревскій самъ сознаетъ разницу обѣихъ точекъ зрѣнія **), и однакожъ онъ между прочимъ такъ разсуждаетъ: „Скажетъ ли г. Миловидовъ, что въ предложеніяхъ: *собака лаетъ на вора, птица летитъ отъ охотника, ученики шумятъ безъ учителя,* собака, птица, ученики есть единственные виновники, творцы дѣйствія сказуемаго и что это дѣйствіе явилось благодаря единственно желанію первой полаять, второй полетать, третьихъ пошумѣть? И воръ вѣдь не меньше, если не больше собаки, виновникъ лая; охотникъ, а не одно желаніе птицы, причина ея полета; не хорошо, что шумятъ ученики, да и учитель не безвиненъ если оставилъ учениковъ однихъ“ и т. д. Не очевидно ли изъ этого примѣра, что авторъ смѣшиваетъ житейскія условія и логическія отношенія съ грамматическими?

Когда безличное сказуемое заключается въ словѣ, не представляющемъ никакихъ признаковъ подлежащаго, напр. *нельзя, пора,* то понятно, что тутъ опущенъ глаголъ *есть,* который необходимо является въ прошедшемъ и будущемъ времени (было, будетъ). Такого опущенія не допускаетъ г. Дмитревскій и вообще, когда сказуемымъ служитъ имя безъ глагола: по его мнѣнію, имя въ такомъ случаѣ получаетъ „вербальную форму или спрягаемость и само въ себѣ заключаетъ уже признакъ настоящаго времени“. Ему не при-

---

*) Это всего яснѣе изъ сравненія такихъ безличныхъ глаголовъ, какъ il pleut, il neige, es regnet, es schneit, съ русскими выраженіями: дождь идетъ, снѣгъ идетъ.

**) См. его статью «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго», стр. 6—9.

ходитъ на мысль, что еслибъ имя само въ себѣ вмѣщало понятіе настоящаго, то оно не могло бы уже терпѣть при себѣ глагола ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ времени. Можно ли, не грѣша противъ здраваго смысла, отрицать, что когда мы говоримъ напр. *земля планета*, то мы въ умѣ своемъ соединяемъ эти два понятія не высказываемымъ утвержденіемъ *есть*? По мнѣнію г. Дмитревскаго, выраженія: *земля планета* и *земля есть планета* не однозначащи: любопытно было бы услышать, въ чемъ же собственно заключается полагаемая между ними разница? Возставая противъ рутинныхъ объясненій, авторъ не замѣчаетъ, что самъ подчиняется предубѣжденію, которое съ недавняго времени стало распространяться въ преподаваніи русскаго языка, именно взгляду, будто никакого способа выраженія нельзя объяснить подразумѣваемыми словами. Конечно, нельзя утверждать, будто для пополненія того или другого идіотизма необходимо подставить именно такое-то слово, но неоспоримо, что въ русскомъ предложеніи очень часто встрѣчается недосказанная мысль. Вслѣдствіе разныхъ особенностей языка, а также и по самому характеру русскаго ума, наша народная рѣчь особенно богата эллиптическими оборотами. Примѣровъ можно найти множество въ пословицахъ, въ басняхъ Крылова, въ комедіяхъ Островскаго и проч.

Одно изъ главныхъ основаній для признанія подлежащаго дополненіемъ г. Дмитревскій видитъ въ томъ, что именительный падежъ, наравнѣ съ другими падежами, принадлежитъ къ склоненію, слѣдовательно онъ, будто бы и въ синтаксическомъ отношеніи, однороденъ съ ними. До какого абсурда такой взглядъ доводитъ наконецъ автора, становится всего виднѣе въ его опытѣ синтаксиса, гдѣ отношеніе сказуемаго къ подлежащему оказывается вмѣстѣ и управленіемъ и согласованіемъ. Въ параграфѣ озаглавленномъ: *Управленіе словъ,* говорится, что подлежащимъ управляетъ сказуемое, а въ слѣдующемъ за тѣмъ пораграфѣ о *согласованіи* замѣчено: „Подлежащее, находясь подъ управленіемъ сказуемаго, часто и само оказываетъ на него вліяніе, выражающееся въ согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ“.

'акимъ образомъ выходитъ, что сказуемое и управляетъ подежащимъ, и согласуется съ нимъ: именительный падежъ ричисленъ къ управляемымъ.

Къ утвержденію г. Дмитревскаго въ его взглядѣ на одлежащее способствовало наблюденіе, что когда оно выажено не словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ, то это предоженіе безспорно (?) признается дополнительнымъ. Напр. ъ стихѣ Крылова:

„Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ“, второе редложеніе считается дополнительнымъ; оно отвѣчаетъ на опросъ: что извѣстно? и замѣняетъ именительный падежъ, ъ которомъ могло бы стоять существительное *диковинность* ли *рѣдкость* (слоновъ). Слѣдовательно и это существ. имя, ли простое подлежащее не что иное, какъ дополненіе ска-уемаго.

Повидимому, выводъ получился совершенно правильный, ю дѣло въ томъ, что какъ скоро подлежащее замѣнено предложеніемъ, то это послѣднее не можетъ быть соединено ъ другимъ (сказуемымъ) иначе, какъ посредствомъ союза, ъ настоящемъ случаѣ союза *что*, и вотъ причина, почему подлежащее обратилось въ придаточное предложеніе; но это предложеніе служитъ не дополненіемъ сказуемому *извѣстно*, ı опредѣленіемъ или поясненіемъ, развитіемъ подразумѣваемаго подлежащаго заключающагося въ указательномъ мѣстоименіи *то*. Здѣсь имѣется случай, очень близкій къ тому, который самъ г. Дмитревскій приводитъ въ доказательство, что сказуемое, какъ слово, не можетъ быть замѣняемо придаточнымъ сказуемымъ предложеніемъ. Именно, тутъ онъ опирается на слова г. Буслаева: „Въ предложеніи: *Истинно благотворительный человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія,* придаточное служитъ опредѣленіемъ не цѣлому сказуемому *есть тотъ* и не глаголу *есть,* а подразумѣваемому слову *человѣкъ* при опредѣлительномъ *тотъ,* т. е. тотъ человѣкъ, который и т. д.“ Такимъ же образомъ и придаточное предложеніе, которое становится на мѣсто подлежащаго, служитъ, по крайней мѣрѣ иногда, опредѣленіемъ опущеннаго, или и прямо выраженнаго подлежащаго *то*. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ осо-

бенной категоріей придаточнаго предложенія, на которую въ нашемъ синтаксисѣ еще не было обращено достаточнаго вниманія, но которая требовала бы подробнаго изслѣдованія. Когда мы говоримъ: „*До какой степени это важно*, видно изъ того, что оно стало извѣстно", или: „Желательно, *чтобъ онъ пришелъ*", или: „*Что онъ боленъ*, это доказывается его отсутствіемъ", неужели подчеркнутыя предложенія суть дополненія сказуемыхъ: видно, желательно, доказывается? Нѣтъ, эти предложенія служатъ опредѣлительными, а иногда, можетъ быть, и дополнительными или обстоятельственными словами подлежащаго *то* или *это*, высказаннаго или подразумѣваемаго, точно такъ же какъ въ первомъ примѣрѣ выраженіе: „что оно стало извѣстно" составляетъ опредѣленіе слова *того*. Это опредѣленіе, присоединяемое къ опредѣляемому посредствомъ союза *что*, конечно не подходитъ подъ тѣ виды опредѣленія, которыми до сихъ поръ ограничивалось понятіе этого члена предложенія, но едвали можно во многихъ случаяхъ подвести такое поясненіе указательнаго мѣстоименія подъ какую-либо другую категорію. Мы приходимъ къ заключенію, что когда подлежащее состоитъ изъ цѣлаго предложенія, то въ синтаксическомъ разборѣ и надобно говорить о немъ какъ о *подлежащемъ, выраженномъ въ формѣ придаточнаго предложенія такого-то*.

Сказаннаго повидимому достаточно, чтобы убѣдить всякаго въ несостоятельности теоріи, которою г. Дмитревскій думаетъ вытѣснить утвержденное вѣками пониманіе подлежащаго. Очень жаль, что нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія, разсѣянныя въ его статьяхъ, заслоняются такимъ крупнымъ парадоксомъ, который неминуемо подрываетъ довѣріе ко всему его труду.

Я. Гротъ.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Языкъ русскій.

57. Общія историческія соображенія и отзывы о русскомъ языкѣ появляются довольно рано [155]), но собственныя изслѣдованія начинаются не ранѣе сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, пожалуй даже позднѣе... Всматриваясь пристальнѣе въ движеніе русской филологіи, нельзя не видѣть, что и въ отношеніи историческаго изученія русскаго языка—первый шагъ или починъ былъ сдѣланъ Востоковымъ; но не его „Русскою Грамматикою" [156]), а извѣстнымъ уже намъ „Разсужденіемъ о Славянскомъ языкѣ", которое можетъ быть разсматриваемо, какъ образецъ приложенія историческаго метода къ объясненію стараго языка и его явленій.

Казалось бы, что послѣ того, какъ Востоковъ на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ—установилъ періоды исторіи церковно-славянскаго языка и показалъ, что явленія его должны быть изучаемы не иначе, какъ въ ихъ историческомъ измѣненіи, начиная съ старѣйшихъ, болѣе правильныхъ формъ, сохранившихся въ древнѣйшихъ памятникахъ, и постепенно идя къ позднѣйшимъ,—казалось бы, говорю, этотъ истинно научный методъ найдетъ немедленное дальнѣйшее примѣненіе и усердныхъ продолжателей..., случилось иначе: прошли цѣлые десятки лѣтъ, прежде чѣмъ онъ былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству. Не только практическіе грамматисты, но и лица, бравшіяся за ученое изслѣдованіе отечественнаго языка—оставались или вовсе чужды историческаго метода, или отвѣчали его требованіямъ случайно. Къ послѣднимъ принадлежатъ такіе труды, какъ „Словарь Церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ" [157]) и знаменитыя

въ свое время (нынѣ, впрочемъ, несправедливо забытыя) „Филологическія Наблюденія надъ составомъ русскаго языка" о. пр. Павскаго" [158]).

[155]) Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя, болѣе замѣчательныя: С. Бандтке: „Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ Россійскимъ", переводъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1815, № 21 и 22, с. 23—35, 118—124; К. Калайдовича: „О бѣлорусскомъ нарѣчіи" въ Сбор. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества любит. Россійской Словесности", 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; О. М. Бодянскаго: „Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ Сѣверныхъ и Южныхъ Руссовъ" въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1835, № 3, 472—491.

[156]) „Русская граматика А. Востокова: по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная, Спб. 1831, 8°, XXIV+408 стр. Было нѣсколько изданій.

[157]) „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, Спб. 1847, 4°, т. I—XXII+415; т. 2 с. 471; т. 3,—стр. 589; т. 4, с. 487; второе изданіе (безъ перемѣнъ), Спб. 1867—8, 8°. Превосходная рецен. этого Словаря написана И. И. Срезневскимъ въ Журналѣ Минис Нар. Просв, 1848. № 3, с. 167—188; № 6, с. 217—251; № 12, с. 161—181. Здѣсь дано мѣсто и оцѣнкѣ иныхъ Словарей, какъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, такъ и русскаго языка.

[158]) Было два изданія: въ 1841—2, Спб въ трехъ книгахъ и въ 1850, Спб. въ четырехъ

книгахъ. Изъ рецензій вниманія заслуживаютъ двѣ: пр. Буслаева, въ Отечеств. Зап. 1852, № 4, стр. 49 - 76 и № 5, с. 21—48 и С. Лебедева, въ Современникѣ 1851, № 8, с. 25 - 44. Рец. Надеждина, пом. въ „Отеч. Запискахъ", 1844, № 6, с. 33—48 и № 8, с. 17—32—стоитъ не на исторической почвѣ; о рецензіи И. Давыдова, Москвитянинъ 1843 ч. I, с. 521 sq. II, с. 195 sq; III, с. 178 sq.—можно сказать: „охота смертная, да участь горькая".. Весьма важны замѣчанія на нѣкоторыя стороны труда Павскаго, сдѣланныя О. Бётлингомъ, въ его: „Beiträge zur russischen Grammatik, помѣщ. въ Mélanges russes", т. II. Spb. 1854, с. 26—104: по русски въ Запискахъ Академіи Наукъ по 1 и 3-му отд. Спб. 1853, т. I, с. 58—124.

58. Изъ этого времени, однако—заслуживаютъ пол- о вниманія попытки Максимовича [159]) и Надеждина [160]), гавшихся установить на основаніи данныхъ отношенія ıка русскаго къ прочимъ славянскимъ Въ статьѣ На- ьдина, писанной по поводу выхода въ свѣтъ Копитаро- „Русскаго глоссатора къ Гесихію" [161]). и вполнѣ из- стной понынѣ только въ нѣмецкомъ текстѣ—весьма за- чательна попытка привести въ связь историческое дви- ніе народа съ постепеннымъ развитіемъ книжнаго языка. правленіе церковныхъ книгъ было, по мнѣнію Надеждина ничѣмъ инымъ, какъ борьбой между книжнымъ церков- мъ языкомъ и русскою народною рѣчью, которая брала взяла перевѣсъ надъ старинными формами.

[159]) Первоначально въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838, № 3, стр, 531 sq. и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Историко-критическое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ". Спб. 1838; потомъ въ Ис-

торіи древней русской Словесности, Кіевъ, 18
кн. I, с. 96—207; см. Собраніе сочиненій
III, Кіевъ 1880, стр, 3—84 и 398—461

[160]) Первоначально въ „Энциклопедич. Л
сиконѣ“, изд. Плюшаромъ, т. IX, ст „В
кая Россія“, с. 273—6; потомъ въ „Jahrbüc
der Literatur“ 1841, томъ 95, стр. 18
240. Часть сей статьи въ переводѣ въ Ж
Минист. Нар. Пр. 1857, № 2, с. 302 - 1

[161]) B. Kopitar: Hesychii Glossogra
discipulus et epiglossistes Rusus, Vind. 18
Статья въ Jahrbücher d. Liter. есть име
рецензія сего изданія.

59. Историческое изученіе русскаго языка начал
у насъ подъ вліяніемъ „Нѣмецкой Грамматики“ Як. Гри
ма, произведенія основавшаго историческое языкознан
Впервые это изученіе въ скромныхъ размѣрахъ проявило
у насъ въ замѣчательной по своему времени книгѣ Ѳ.
Буслаева: „О преподаваніи отечественнаго языка“ [162]), к
торой вся 2-ая часть посвящена разсмотрѣнію данны
исторіи русскаго языка или вѣрнѣе—исторической грам
тики и стилистики его. Во многихъ частяхъ книга полез
и поучительна еще и теперь, Въ отношеніи стилистики о
представляетъ богатый подборъ фактовъ, извлеченныхъ и
извѣстныхъ въ то время памятниковъ нашей древней сл
весности, причемъ многое, темное и загадочное, въ послѣ
нихъ получаетъ мѣткое объясненіе. Образцовый трудъ
Каткова: „объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго язы
ка“ [163]), хотя въ точномъ смыслѣ и принадлежитъ бол
къ области сравнительнаго языковѣдѣнія, чѣмъ историч
скаго, но своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ историче
скимъ даннымъ—занимаетъ очень видное мѣсто и въ по
слѣднемъ. Оригинальное явленіе въ исторіи русскаго истори
ческаго языкознанія представляетъ трудъ Константина Ак

юва: „Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и рус-
іго языка“ [164]). Здѣсь сдѣланъ довольно подробный раз-
ръ данныхъ языка, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ
оканчивая XVII вѣкомъ, съ цѣлью установить и объ-
нить отношенія между народнымъ языкомъ и церковно-
ьвянскимъ .. Опредѣляя свою задачу изслѣдованіемъ сти-
стической стороны предмета, Аксаковъ не входитъ въ
ализъ историческихъ измѣненій въ звукахъ, формахъ и
нтаксисѣ: онъ довольствуется общими философскими раз-
жденіями о формахъ древне-русскаго языка, разсужденіями
праздными и для науки непригодными.

[162]) Первое полнѣйшее и лучшее изданіе въ Москвѣ, 1844, 8⁰, ч. I, с. V+335; II, с. III+375; второе изданіе, безъ нужды оскопленное авторомъ—въ одномъ томѣ, Ibid. 1867, стр. 472.

[163]) Москва 1845, 8⁰, с. 257.

[164]) Москва, 1846, 8⁰, стр. 517 и 4 неп. второе изданіе, въ Полн. Собраніи сочиненій К. С. Аксакова, т. II, М. 1875, стр. 25—388.

60. Въ 1848 году появился замѣчательный во мно-
гихъ отношеніяхъ трудъ М. А. Максимовича: „Начатки
русской филологіи“, книга I, [165]) заключающая въ себѣ
изслѣдованія объ отношеніи русской рѣчи къ западно-сла-
вянской. Кромѣ „Введенія“, въ которомъ разсматриваются
системы славянскихъ нарѣчій и степени сродства между
ними, въ книгѣ мы находимъ изслѣдованіе о тк. нзв.
Полногласіи и критическій разборъ примѣтъ, которыя
русскую рѣчь соединяютъ съ юго-западною. Книга Макси-
мовча, заканчивая его прежнія изслѣдованія о предметѣ—
только отчасти можетъ быть отнесена къ историческому
языкознанію, такъ какъ она идетъ отъ современнаго со-
стоянія языка и на немъ опирается; тѣмъ не менѣе она
не должна быть забыта здѣсь: въ ней, говоря словами

Бодянскаго— всюду проглядываетъ паблюдательный бо никъ-филологъ, подмѣчающій часто такія—по видимо мелочи, которыя потомъ обращаются въ основу вес важныхъ явленій.

Историческое вліяніе Польши на языкъ русскій служило предметомъ особой монографіи г. С. Лебедева [16 Рѣшеніе его любопытно, но едва ли оно было удовлетво тельно даже и въ свое время: авторъ едва-ли былъ з комъ съ научной разработкой предмета: изъ богатой по ской литературы предмета ему извѣстно очень немно почти что ничего. Кромѣ того—сочиненіе имѣетъ тенден озный характеръ, написано на тему о полной умственной литературной независимости Руси отъ Польши...

[165]) Кіевъ, 1848, 8°, с. 211, и въ III „Собранія сочиненій, К. 1880, с. 25—15 Къ сожалѣнію вторая книга „Начатковъ" содержавшая въ себѣ изслѣдованія о звука русской рѣчи—исчезла, пока, безслѣдно. Что о была написана и даже процензирована ценз ромъ—намъ извѣстно изъ частнаго письма а тора къ намъ.. Упоминаемая въ нѣкоторыхъ к талогахъ книга Максимовича: „Русская Рѣчь в сравненіи съ западно-славянскою" Кіевъ 1845- въ свѣтъ не была выпущена и вся (за вычето вводной статьи „о значеніи и происхожденіи сло ва") вошла въ „Начатки".

[166]) „Историко-критическое разсужденіе о сте пени вліянія Польши на языкъ и устройств училищъ въ Россіи. Спб. 1848, 8°, стр. 84.

61. Настоящее, строго методическое изученіе исторі русскаго языка, начинается съ книги И. И. Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка" [167]). Трудъ этотъ н имѣетъ характера подробнаго, спеціальнаго изслѣдовані предмета, а скорѣе представляетъ сжатое извлеченіе изъ

такого изслѣдованія, но извлеченіе, передающее не одни общіе выводы, а и выборъ изъ историческихъ данныхъ. Во вступленіи къ труду Срезневскій разсматриваетъ общіе законы историческаго движенія или развитія языка и примѣняетъ ихъ къ исторіи языка русскаго: насколько позволяли историческія и сравнительныя данныя авторъ обозначаетъ черты древняго первобытнаго русскаго народнаго языка въ его составѣ, строѣ и степени развитія формъ, преимущественно со стороны тѣхъ немногихъ отличій, которыми разнился древній народный русскій языкъ отъ старославянскаго (церковнаго). Время XIII—XIV вв. было — по мнѣнію Срезневскаго — какъ для народнаго русскаго языка, такъ и для нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій, временемъ рѣшительнаго перехода къ новому строю, высказавшему рѣзко всѣ свои особенности въ XV - XVI в. Тогда же (т. е. XIII—XIV вв.) образовались мѣстныя отдѣльныя нарѣчія — Великорусское и Малорусское. Затѣмъ авторъ переходитъ къ исторіи языка книжнаго, показываетъ, что хотя онъ и отличался отъ народнаго всегда, но до XIV в. отличія одного отъ другаго заключались болѣе въ привычкахъ слога (мысль эта была въ первый разъ высказана еще г. Катковымъ), чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Рѣзкимъ образомъ книжный языкъ началъ отдѣляться отъ народнаго въ тоже время XIII—XIV в., когда народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XIV в. отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять... Въ заключеніе авторъ касается вопроса о сооотношеніи исторіи русскаго языка съ исторіей русской литературы, но—къ великому сожалѣнію — очень кратко, почти исключительно со стороны ритма и слога. Книгу заключаютъ „дополнительныя Примѣчанія“ (с. 129—210), представляющія

весьма важный и любопытный разборъ иностранныхъ словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и образцы переходнаго состоянія западныхъ славянскихъ нарѣчій и русскаго языка изъ памятниковъ XIII—XIV в. съ важными филологическими объясненіями или вѣрнѣе — указаніями постепенныхъ отклоненій отъ древняго строя. Изслѣдованіе Срезневскаго стоитъ на положительной, твердой почвѣ историческихъ и сравнительныхъ данныхъ: первыя онъ заимствуетъ изъ памятниковъ книжнаго старо-славянскаго языка, переписанныхъ на Руси въ XI—XIV в., съ русскими отклоненіями изъ памятниковъ народнаго русскаго языка XII—XIV в., на которыхъ совсѣмъ, или почти совсѣмъ не налегло вліяніе книжное, и изъ данныхъ новаго народнаго языка въ его мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, сохранившихъ во многомъ черты глубокой древности, вторыя—онъ беретъ изъ памятниковъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, преимущественно чешскаго и сербскаго, какъ болѣе древнихъ... Уже изъ этого сжатаго обозрѣнія труда г. Срезневскаго можно видѣть важность его какъ для филологической науки, такъ и для науки исторіи русской литературы: имъ положены основанія собственной исторіи русскаго языка, столь тѣсно связанной съ исторіей письменности.

[167]) Сначала въ Актѣ Импер. С.-Петербургскаго Университета 1849 г.— безъ приложеній, потомъ отдѣльно, Спб. 1850, 8°, с. 210. Изъ рецензій, какъ на единственную, имѣющую ученый характеръ, можно указать на ст. профес. Ѳ. И. Буслаева въ Отечеств. Запискахъ 1850, № 10, стр. 13—58. Рецензія И. И. Давыдова (Отчеты 2-го Отд. Акад. А. 1852 г. с. 320—329) не стоитъ истертаго гроша.

62. Вліяніе „Мыслей“ Срезневскаго незамедлило сказаться въ наукѣ: дальнѣйшему развитію положеній, высказанныхъ въ этой книгѣ, былъ посвященъ трудъ П. А Лав-

ровскаго „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ [168]), въ которомъ, за историко-филологическимъ введеніемъ, посвященнымъ разсмотрѣнію вопроса о первоначальномъ единствѣ русскаго языка и позднѣйшемъ раздѣленіи его на два нарѣчія, — изслѣдуются отличительныя свойства его въ древнемъ его строѣ, равно принадлежащія всѣмъ областямъ Государства Русскаго, затѣмъ — представляется характеристика стариннаго языка русскаго, образовавшагося послѣ забвенія древнихъ формъ изъ замѣны ихъ новыми, наконецъ — опредѣляются тѣ особенности языка русскихъ сѣверныхъ лѣтописей, которыя отличаютъ его, какъ нарѣчіе мѣстное. Трудъ г. Лавровскаго представляетъ превосходный пополнительный комментарій къ „Мыслямъ“ г. Срезневскаго; наиболѣе самостоятельная часть его касается синтаксическихъ особенностей древняго языка.. Къ тому же роду изслѣдованій относятся и два другіе мемуара, П. А. Лавровскаго: „Замѣчанія объ особенности словообразованія и значенія словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ“ [169]) и „О русскомъ полногласіи“ [170]).

Странности языка „Договоровъ Русскихъ съ Греками“ уже давно обратили вниманіе ученыхъ; установилось убѣжденіе, что „Договоры“ переведены съ греческаго. Подробному филологическому доказательству сей темы посвященъ трудъ Н. А. Лавровскаго [171]). Онъ видитъ въ Договорахъ византійское вліяніе и во внѣшней формѣ, въ построеніи періодовъ и отдѣльныхъ предложеній, въ синтаксическихъ особенностяхъ, въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Объ этомъ трудѣ г. Н. Лавровскаго мы еще распространимся впослѣдствіи. Въ 1855 г. проф. Буслаевъ издалъ рядъ филологическихъ характеристикъ нѣкоторыхъ рукописей синодальной библіотеки, подъ заглавіемъ: „Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ Славянскихъ“ [172]), къ нимъ пр. Срезневскій прибавилъ нѣкоторыя пополненія [173]).

[168]) Спб. 1852, 8°, с. 160 и 2 неп. Рецензія (Корелкина) въ Отеч. Зап. 1843, № 2, с. 27—30.

[169]) Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. II, 1853, с. 273—291, и Историческія чтенія о языкѣ и словесности, Спб. 1854, с. 195—219.

[170]) Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. V, Спб. 1859, с. 191—240.

[171]) „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками". Спб. 1853, 8°, с. 159.

[172]) Въ книгѣ: „Матерьялы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ", изготовл. къ столѣтнему юбилею Московскаго Университета. М. 1855, in f° с. 1—58.

[174]) „Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т III, Спб. 1856, с. 167—171.

63. 1856 г. появилась достопамятная „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ" [174]) М. П. Погодина, достопамятная не своими учеными достоинствами (ихъ въ ней почти нѣтъ), а тѣмъ возбужденіемъ, которое она вызвала въ филологической литературѣ. Погодинъ утверждалъ тождество языка русскаго со старославянскимъ или происхожденіе перваго отъ послѣдняго, утверждалъ, что до татарскаго времени не существовало ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія, что Великороссіяне—древнѣйшіе поселенцы полянской земли.... Указываемъ важнѣйшія статьи сюда относящіяся или вызванныя филологическими положеніями Записки Погодина:

а) М. А. Максимовича: „Филологическія письма", въ Русской Бесѣдѣ. 1856, кн. 3-я. стр. 78—139. Въ высокой степени интересная и содержательная статья. [175])

б) М. П. Погодина: „Отвѣтъ на „филологическія

письма М. А. Максимовича", въ Русской Бесѣдѣ 1856, кн. 4-я, с. 124—141.

в) М. А. Максимовича: „Отвѣтныя письма М. П. Погодину", въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 2, с. 80—104 [176]);

г) М. П. Погодина: „Отвѣтъ на два послѣднія письма М. А. Максимовича", въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 3, с. 97—107.

д) П. А. Лавровскаго: „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями", въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1859, № 6, стр. 225—266. Изслѣдованіе очень важное, разсматривающее предметъ исторически.

е) П. А. Лавровскаго: „Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчіи Малорусскомъ" въ журн. „Основа" 1861, № 8, стр. 14—40.

ж) П. А. Лавровскаго: „По вопросу о Южно-Русскомъ языкѣ" въ жур. „Основа" 1861, кн. 11—12, стр. 72—83.

з) М. А. Максимовича: „Новыя письма къ М. П. Погодину „О старобытности малороссійскаго нарѣчія" и въ газетѣ „День" 1863, № 8, 10, 15, и 16 и отдѣльно М. 1863, in 16°, с. 70. [177]) Необходимое дополненіе къ статьѣ „Филологическія письма".

Сказать, что полемика о старобытности южно-русскаго языка—привела къ опредѣленному рѣшенію вопроса тѣмъ менѣе можно, что этого рѣшенія—нѣтъ и понынѣ, послѣ открытія новыхъ данныхъ, послѣ серьезныхъ изслѣдованій гг. Потебни, Житецкаго и др. но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не занести ее въ лѣтописи русской исторической филологіи, хотя бы и потому, что чрезъ нее многіе частные вопросы получили свое освѣщеніе, что она собрала матерьялъ по исторіи языка въ знатномъ количествѣ.

[174]) Въ „Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ" т. V, Спб. 1856 стр. 70—92 и „Историче-

скія чтенія о языкѣ и Словесности" Спб. 1857, с. 8 - 40; статья перепеч. также въ „Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи" Погодина, т VII, 1856, стр. 410 - 442.

[175]) См. также „Собраніе сочиненій" М. Максимовича, т. III, К. 1880, стр. 183—243.

[176]) См. также Ibidem 247—272.

[177]) И въ „Собр. сочиненій" т. III, 273—311.

64. Въ 1858 году появился „Опытъ исторической грамматики русскаго языка" написан. проф. Буслаевымъ [178]). Каковы бы ни были недостатки этого труда, замѣченные въ свое время критикой—нельзя не усвоить ему не только важнаго значенія вообще, но и значенія труда, дѣлающаго своего рода эпоху, не замѣненнаго пока ничѣмъ лучшимъ, обильнаго матерьяломъ, тщательно извлеченнымъ изъ огромнаго количества памятниковъ, труда—вліяніе котораго чувствуется чуть ли ни въ каждомъ изслѣдованіи, посвященномъ русскому историческому языкознанію или касающемся его вопросовъ. Второй томъ, содержащій синтаксисъ —работа совершенно новая и самостоятельная, ибо авторъ на семъ полѣ не имѣлъ предшественниковъ.

Объ „Исторической Хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ"—того же автора—мы имѣли случай распространяться выше. на стр. 79

Весьма удачный опытъ приложенія филологической критики текста къ рѣшенію одного историко-литературнаго вопроса представляетъ мемуаръ П. С. Билярскаго: „Замѣчанія о языкѣ сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи" [179]). Разности словоупотребленія (=слога) въ обоихъ произведеніяхъ ведутъ къ заключенію, что авторы ихъ различны. Работа—небольшая, но отчетливая!

[178]) Москва, 1858, 8°, ч. I, с. XL+244; ч. II, с. 428. Второе (1863), третье и четвер-

тое, (М. 1875)—изданія вышли уже подъ заглавіемъ: „Историческая грамматика русскаго языка“, но безъ важнаго „Предисловія“ перваго изданія, заключающаго, въ себѣ библіографическій перечень пособій. Рецензій труда было очень много, но вниманія заслуживаютъ только слѣдующія: К. Аксакова, въ Русской Бесѣдѣ 1859, т. V и IV, а равно и въ его „Филологическихъ Сочиненіяхъ (2-й томъ Полн. Соб.) 1875, с. 439—650; П. А. Лавровскаго: „Записка о 2-мъ изданіи I части Исторической Грамматики Ѳ. И. Буслаева Спб. 1865 г. с. 52, какъ 3-е „Приложеніе“ къ VIII т. „Записокъ Академіи Наукъ“; Майкова въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1859, № 10, с. 1—48; № 11, с. 1—50; № 12, с. 1—68; Гатталы въ Časopis'ѣ česk. Musea, 1862 I, 84—89; II, 133—160 и IV, с. 323—344 и отдѣльно Р. 1862 стр. 56; а равно и въ статьѣ: „Výsledky historickéh o jazykozpytu a mluvnice ruská“, въ Časop. česk. Mus. 1864, sv. II, 187—212 и III, 227—249, и отдѣльно. Колосова: „Замѣтки о звукахъ рускаго и старославянскаго языковъ (по поводу 3-го изд. Историч. Грамматики Буслаева и т. д. въ „Филологическихъ Запискахъ 1872, годъ XI, с. 1—29 и отдѣльно, Воронежъ. 1872, 8°. с. 29.

[179]) Записки Академіи Наукъ 1862, т. II, стр 109—120.

65. Самыми важными трудами послѣдняго времени въ области историческаго русскаго языкознанія должно признать изслѣдованія проф. А. А. Потебни:

а) „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка: 1—о полногласіи и 2 — о звуковыхъ особенностяхъ рус-

скихъ нарѣчій. Воронежъ 1866, с. 156, 8°.

б) „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи". Воронежъ 1871, с. 134, 8°.

в) „Къ исторіи звуковъ русскаго языка" Воронежъ 1876, с. VI+с. 243 и II т. Варш. 1880, с. 31+70+25.

г) „Изъ записокъ по русской грамматикѣ: I—Введеніе, Воронежъ 1874, с. 157; II—Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ. Харьк. 1874, 8°, с. 538 [180]).

„Изслѣдованіе о полногласіи" дѣлаетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими трудами: оно не только значительно увеличиваетъ матерьялъ вопроса, расширяетъ и исправляетъ прежнія рѣшенія, но, опираясь на данныхъ сравнительнаго языкознанія, пытается объяснить, почему полногласіе овладѣло не всѣмъ запасомъ словъ, гдѣ могло бы повидимому появиться, а только частью его, почему оно не явилось въ такихъ, напримѣръ, словахъ, какъ слава, трава, дремать и т. д.

Статья „О звуковыхъ особеностяхъ русскихъ нарѣчій" самостоятельнымъ путемъ рѣшаетъ важный вопросъ о ходѣ раздѣленія русскаго языка, времени этого явленія и характеристическихъ признакахъ нарѣчій по отношенію, впрочемъ, только къ звукамъ.

Дальнѣйшему развитію тѣхъ же вопросовъ посвящены и „Замѣтки" и ст. „Къ Исторіи звуковъ" (№ б и в). Послѣдній трудъ снова пересматриваетъ вопросъ о нарѣчіяхъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и „полногласіи".

„Записки по русской грамматикѣ"—имѣютъ особый для насъ интересъ во 2-й своей части. Такого стройнаго, методическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго историческимъ и сравнительнымъ матерьяломъ изслѣдованія надъ синтаксисомъ русскаго языка въ его древнемъ и новомъ видѣ—еще не было въ нашей филологической литературѣ.

[180]) За вычетомъ послѣдняго тома, представляющаго отдѣльный оттискъ изъ „Записокъ

Харьковскаго Университета", всѣ предыдущіе —оттиски изъ „Филологическихъ Записокъ", изд. г. Хованскимъ въ Воронежѣ 1864—76 гг., а II т. „Къ исторіи звуковъ"—оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника" 1879. Оцѣнку сихъ трудовъ И. И. Срезневскимъ см. въ „Запискахъ Академіи Наукъ" т. XXVII, Спб. 1876, с. 78—121.

66. Трудъ проф. М. А. Колосова: „Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол." Варш. 1872, 8°, с. 190—имѣетъ своею задачею опредѣлить особенности звуковъ и формъ русскаго языка изъ столѣтія въ столѣтіе, отъ первыхъ памятниковъ письменности до XVI в. Это - систематическій и надобно сказать —очень тщательно и добросовѣстно выполненный—сводъ данныхъ, находящихся въ памятникахъ, и лингвистическое объясненіе ихъ... Между прочимъ—авторъ имѣлъ въ виду и потребности филологической критики, желалъ дать возможность опредѣлять время памятниковъ письменности на основаніи филологическихъ признаковъ. Можно, конечно, и не находить вполнѣ удобнымъ расчлененія языка памятниковъ по столѣтіямъ; правильнѣе было-бы—на нашъ взглядъ —періоды развитія языка (или измѣненій въ немъ) опредѣлять иными стадіями, чѣмъ столѣтіями, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство нисколько не уменьшитъ важности данныхъ, собранныхъ г. Колосовымъ—для филологической критики текстовъ. Книга его въ этомъ отношеніи—доселѣ единственная. Нужно умѣть только пользоваться ею... Пользуясь ею не должно напр. забывать, что авторъ работалъ почти исключительно по печатнымъ матерьяламъ, стало быть во многихъ случаяхъ былъ въ зависимости отъ исправности изданія, отъ умѣнія издателей правильно прочесть и издать тексты. Что неправильности въ чтеніяхъ и изданіяхъ существуютъ—въ томъ, кажется—не можетъ быть сомнѣнія.

Какъ „дополненіе“ къ „Очерку исторіи звуковъ и формъ“ должно разсматривать изслѣдованіе того же автора подъ заглавіемъ: „Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка“, Варш. 1876, 8", с. 43. Такими загадочными звуками въ исторіи русскаго языка пр. Колосовъ называетъ звукъ ы и ѣ. Изслѣдованіе имѣетъ полемическій характеръ, тонъ его не вездѣ отвѣчаетъ достоинству ученаго спора, но фактическія замѣчанія автора представляются основательными и заслуживающими полнаго вниманія, хотя авторъ и не приходитъ къ твердымъ положительнымъ,—а только къ вѣроятнымъ предположительнымъ заключеніямъ.

67. Обойденный пр. Колосовымъ вопросъ о времени раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія подвергнутъ былъ спеціальному разсмотрѣнію г. П. Житецкимъ, хотя только съ одной стороны, со стороны—малорусскаго нарѣчія. Сочиненіе Житецкаго носитъ названіе: „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“, Кіевъ 1876, 8", с. 376. Для рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и сущности малорусскаго нарѣчія, г. Житецкій считаетъ необходимымъ итти путемъ исторіи: сначала онъ предлагаетъ теоретическую попытку разграничить древнерусскій языкъ отъ старославянскаго и обоихъ ихъ отъ нарѣчій велико-и малорусскаго. Это приводитъ его къ вопросу о праязыкѣ вообще, праязыкѣ славянскомъ, праязыкѣ русскомъ и отношеніяхъ послѣдняго къ древне-русскому. Темные вопросы рѣшаются г. Житецкимъ путемъ болѣе теоретическимъ, чѣмъ опытнымъ: а потому при всемъ интересѣ и остроуміи его рѣшеній, они не вездѣ имѣютъ строго научный опредѣленный характеръ и ничего не прибавляютъ къ ученымъ достоинствамъ сочиненія. Иное выходитъ, когда авторъ выбирается изъ лабиринта праязычныхъ теорій на путь историческихъ фактовъ: здѣсь онъ идетъ твердою поступью и приходитъ иногда къ выводамъ не только новымъ, но и вѣрнымъ или очень вѣроятнымъ. Во многихъ пунктахъ критика разойдется съ авторомъ:

она можетъ указать не мало положеній, принятыхъ имъ на вѣру, исторически недоказанныхъ и необоснованныхъ (таково напр. одно изъ основныхъ его положеній, что движеніе звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ началось съ паденія глухихъ гласныхъ, что это послѣднее можетъ быть доказано въ древнѣйшихъ памятникахъ даже палеографически и т. д), но сколько бы ни нашлось такихъ частныхъ недостатковъ въ его трудѣ,—они маловажны сравнительно съ положительными его достоинствами. Разсмотрѣніе исторіи звуковъ малорусскаго языка, наполняющее болѣе двухъ-третей книги, сдѣлано очень тщательно. Все изслѣдованіе Житецкаго исполнено въ шлейхеровскомъ, болѣе физіологическомъ, чѣмъ историческомъ направленіи; но безотрадно—суровый формализмъ натуралиста-учителя—у ученика смягченъ и оживленъ: съ разсмотрѣніемъ внѣшней звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія г. Житецкій соединяетъ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ не только по исторіи русской вѣтви славянскихъ нарѣчій (гл. IV: общіе выводы), но и вообще по славянской древности и языку (ib. и отчасти гл. I). Такое стремленіе связать исторію языка съ исторіею народа—заслуживаетъ признанія, хотя какъ всякаго рода первыя попытки—оно имѣетъ предположительный, теоретическій характеръ, заключаетъ въ себѣ не только много спорнаго, но и прямо неудачнаго. Весьма важны обильныя приложенія образцовъ малорусскаго нарѣчія и говоровъ съ объяснительными примѣчаніями автора. Вообще, несмотря на то, что трудъ г. Житецкаго и не вездѣ имѣетъ строго историческій характеръ и держится почвы положительнаго знанія, онъ и по обширности изслѣдуемыхъ вопросовъ и задачъ, по добросовѣстному и такъ сказать любовному отношенію къ дѣлу, и по очень многимъ удачнымъ частнымъ рѣшеніямъ, представляетъ весьма замѣчательную и не мало въ научномъ отношеніи полезную работу. Обстоятельныя рецензіи труда г. Житецкаго принадлежатъ: В. В. Ягичу въ Archiv für slav.

Phil. II, с. 348—363 и А. А. Потебнѣ въ Отчетѣ о двадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, Спб. 1878, с. 764—839.

68. Разработкѣ особыхъ отдѣловъ и частныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка, каковы: системы древняго правописанія, исторія отдѣльныхъ звуковъ и формъ языка, исторія словъ или лексиконъ, областныя видоизмѣненія языка какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексикальномъ отношеніи и пр.—посвящено не мало трудовъ и между ними нѣсколько очень замѣчательныхъ. Важность системъ древняго правописанія, необходимость строго отличать пріемы его—ясны для каждаго, кто занимался вопросами развитія звуковъ и формъ языка и филологической критикой... Къ сожалѣнію этотъ важный предметъ вызвалъ доселѣ лишь два небольшихъ труда, скорѣе очерка, чѣмъ изслѣдованій въ строгомъ смыслѣ: одинъ изъ нихъ принадлежитъ Н. А. Лавровскому и находится въ его сочиненіи „О древне-русскихъ училищахъ“ [181]); другой—И. И. Срезневскому [182]). Оба очень важны, но столь кратки, что нельзя не пожелать болѣе подробныхъ. Для Н. А. Лавровскаго вопросъ о древнемъ правописаніи имѣлъ не столько критико-филологическій характеръ, сколько педагогическій, какъ часть старорусскаго „обученія письму“, очеркъ же Срезневскаго есть только начало труда, продолженію и развитію котораго онъ имѣлъ намѣреніе посвятить одинъ отдѣлъ составляемой имъ „славяно-русской палеографіи“.

Кочубинскому принадлежитъ небольшое, но весьма тщательное изслѣдованіе о томъ, „какъ долго жилъ русскій Супинъ“ [183]).

Гатталѣ—о нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ русскаго письма и звукословія [184])..

[181]) Лавровскій Н. А.: „О древне-русскихъ училищахъ“ Хар. 1854, 8°, стр. 132—171, гл. „Обученіе письму“.

[182]) Срезневскій: „О русскомъ правописаніи“ письмо первое, Спб. 1867, ст. 32, и въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1867, ч. CXXXIV, с. 449—480.

[183]) Кочубинскій: „Какъ долго жилъ русскій Супинъ“ Ворон. 1872, 8°, с. 12, отд. отт. изъ „Филолог. Записокъ“ 1872, годъ XI, вып. IV, 1—12.

[184]) Hattala: „Výsledky historického jazykozpytu a mluvnice ruska“ въ Časop. Česk. Musea, 1864, 187—212 и 227—249 и отдѣльно, 8°, с. 48.

69. Историческій Словарь русскаго языка—[о]на изъ самыхъ существенныхъ, настоятельно необходи[м]ѣйшихъ потребностей русской историко-литературной на[у]ки: безъ него объясненія и критика памятниковъ пись[м]енности—не пріобрѣтетъ должныхъ, достовѣрно прочныхъ [о]снованій... Къ сожалѣнію, такой словарь есть еще пол[н]ая дезидерата нашей науки. Есть въ литературѣ нѣкото[р]ыя подготовительныя къ нему работы, заключающіяся или [в]ъ словарныхъ указателяхъ и глоссаріяхъ къ древнимъ [п]амятникамъ или въ объясненіяхъ группъ отдѣльныхъ словъ; [н]о все это труды—частнаго характера. Занимался такимъ [с]равнительно-историческимъ словаремъ, какъ извѣстно—[в]ъ послѣднее время своей жизни—С. Б. Линде; но [и]зданный (П. А. Мухановымъ) отрывокъ изъ сего тру[д]а, начало на букву К [186])—не оправдалъ надеждъ и [з]аставилъ даже сомнѣваться въ значительности и важно[с]ти матерьяла, собраннаго знаменитымъ польскимъ лек[с]икографомъ... Столь же мало отвѣчалъ требованіямъ ис[т]орическаго словаря и изданный въ 1847 г. вто[р]ымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ: „Словарь церковно-[с]лавянскаго и русскаго языка (см. выше, число 57 in notis)“. Полный, строго историческій словарь древняго рус-

скаго языка по памятникамъ—извѣстно—былъ составленъ пок. И. И. Срезневскимъ: матерьялъ былъ весь собранъ и въ главныхъ статьяхъ даже приведенъ въ порядокъ. Окончательно обработанными мы видѣли въ 1874 году нѣсколько первыхъ тетрадей [187]... Пожелаемъ, чтобы это „наслѣдіе„ нашего знаменитаго ученаго—неукоснительно и въ достойномъ видѣ стало общимъ достояніемъ науки..

Должно также остановиться и на „Толковомъ Словарѣ живаго Велико-русскаго языка“ [188])“, составл. В. И. Далемъ, потому что при всемъ такъ сказать—**современномъ характерѣ** своемъ, опъ имѣетъ немалое значеніе и для литературы, и для русскаго историческаго языкознанія. Не входя въ разсужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ единичная личность, какъ бы ни были обширны ея знанія и таланты—можетъ быть носителемъ всего запаса языка народа, а слѣдовательно въ какой мѣрѣ выполнима идея Даля составить Словарь на основаніи лишь личнаго единичнаго опыта,—остановимся на томъ, что „Толковый Словарь“ представляетъ въ наличности. Значеніе словъ объясняется въ немъ не сухими, произвольными и безплодными опредѣленіями, какъ во многихъ объяснительныхъ словаряхъ, а значительнымъ количествомъ синонимовъ и что еще важнѣе—многочисленными примѣрами, взятыми прямо изъ народной рѣчи, преимущественно—пословицами и поговорками. При каждомъ словѣ сначала объясняется широкое значеніе его, затѣмъ значенія частныя, подчиненныя, сродныя и противуположныя. Разсматривая „Толковый Словарь“ съ точки зрѣнія требованій филологической науки, нельзя не замѣтить въ немъ весьма важныхъ недостатковъ: онъ страдаетъ многими невѣрностями въ словопроизводствахъ, онъ нерѣдко сводитъ совершенно различныя слова къ одному корню, нерѣдко предлагаетъ и такіе своеобразныя грамматическія опредѣленія, которыя мало отвѣчаютъ современной наукѣ; очень слаба въ немъ также и обработка исторической стороны языка... Но эти, хотя и очень

существенные, недостатки выкупаются другими качествами и достоинствами: а) „Толковый Словарь“ представляетъ доселѣ самый полный сборникъ словъ живаго велико-русскаго языка въ его различныхъ развѣтвленіяхъ. Для утвержденія или опредѣленія историческаго значенія словъ, а потому и для занятій исторіей языка вообще—этотъ трудъ предлагаетъ пособіе и необходимое и почти всегда надежное, потому что весь основной матерьялъ его добытъ трудомъ личныхъ усилій и опытности автора, или—будучи взятъ изъ другихъ—критически провѣренъ имъ на народномъ употребленіи. Есть въ Словарѣ—слова составленныя, образованныя самимъ лексикографомъ, но они допущены лишь въ объясненіяхъ, а не въ основномъ текстѣ; б) Словарь Даля имѣетъ важное значеніе, какъ источникъ историческій: онъ представляетъ итоги внутренней исторіи русскаго народа, выводъ, до котораго дошла она въ своемъ развитіи... Онъ столько же важенъ въ этомъ смыслѣ и для исторіи, сколько и для народности или этнографіи: стоитъ замѣнить словарное расположеніе предметнымъ, и изслѣдователь получитъ въ немъ изображеніе современной жизни русскаго народа, живую картину его современнаго нравственнаго бытія и дѣятельности, его нуждъ и потребностей, его мыслей, наивныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ; в) наконецъ,—Словарь Даля можетъ имѣть немаловажное значеніе для дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго литературнаго языка и русской литературы вообще: предлагая собою чистый источникъ народной рѣчи, онъ можетъ оживить поблекшую прозу русскаго современнаго литературнаго языка и до нѣкоторой степени возвратить ей образность и свѣжесть, которыя все болѣе и болѣе становятся однимъ преданіемъ...

[185]) Въ „Матерьялахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики“ помѣщены, въ томѣ I, Спб. 1854: а) Н. Г.

Чернышевскаго: „Опытъ Словаря къ Ипатьевской лѣтописи, стр. 512 — 576; б) Протопопова: „Сборникъ словъ изъ Яренскихъ столбцовъ“, стр. 120—144, 198—209; въ томѣ II, Спб. 1856; в) П. А. Лавровскаго: „выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ с. 1—33; г) А. Н. Пыпина: „Словарь къ Новгородской первой лѣтописи“. стр. 33—126; д) П. А. Лавровскаго: „Замѣчательныя слова изъ Переяславской лѣтописи“, стр. с. 126—128; Ст. Погодина: „Опытъ Историч. объясненія древнихъ словъ“ въ „Извѣстіяхъ II отд.“ II, 328—341 и въ „Историч чтеніяхъ о яз. и словесн.“ т. I, 1854, с. 230—249: Кромѣ сего въ указателяхъ при разныхъ изданіяхъ памятниковъ, въ Предисловіяхъ къ нимъ (напр. въ изд. „Псковской лѣтописи“ Погодина М. 1837 и разныхъ изд. О. М. Бодянскаго); сюда же отчасти относится и кн. Н. Я. Аристова: „О промышленности въ древней Руси“. Спб. 1866. Изъ рецензіи Срезневскаго (въ Отчетѣ о восьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1866, с. 14—16) извѣстно, что г. Носовичъ составилъ весьма важный объяснительный словарь стараго дѣловаго языка западной Руси по „Актамъ“, относящимся къ исторіи Западной Руси“; но сей трудъ—сколько знаемъ—доселѣ неизданъ. Другія попытки въ этомъ родѣ принадлежатъ: г. Новицкому (Справочный Словарь юридическихъ терминовъ древняго актоваго языка юго-западной Россіи“, Кіевъ. 1871, 8о, 31 стр. и въ Университ. Извѣстіяхъ того же года. Трудъ не филологическаго, а указательнаго характера!) и Горбачевскимъ, въ его изд.: „Словарь

древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго", Вил. 1874. Матерьялъ хорошій, но обработка очень недостаточная и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніи, см. рец. Н. П. Барсова въ „Восьмнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова", Спб. 1876, стр. 36—53.

[186]) Линде: „Матерьялы для сравнительнаго русскаго словаря", Варш. 1845, 4°, с. XII+24.

[187]) Планъ изданія этого Словаря изложенъ пок. Срезневскимъ. „О трудахъ перваго археологическаго съѣзда, М. 1871, I, стр. CXXXIV—CXXXVIII.

[188]) Толковый Словарь живаго Велико-русскаго языка. М. 1863—68, 4о, 4 тома. стр. LIV+2388 (въ цѣломъ) и много листовъ „Приложеній", содержащихъ дополненія. Разборъ, написанный Я. К. Гротомъ— въ „Филологическихъ Разысканіяхъ" послѣдняго (изд. 2-е) Спб. 1876, I: стр. 1—60; ср. мою замѣтку въ „Бесѣдахъ Общ. Любителей Россійской Словесности", II, 1868, М., с. 91—4. Для исторіи Словаря см. ст. А. Н. Пыпина: „По поводу толковаго Словаря Даля" въ Вѣстникѣ Европы 1873, № 12, с. 883—903.

70. Какъ существенная часть исторіи русскаго языка, какъ одинъ изъ важныхъ отдѣловъ историческаго словаря русской рѣчи—должны быть названы „иноземныя слова въ языкѣ русскомъ". Предметъ сей стоитъ съ исторіей языка и литературы въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда: нигдѣ вліяніе чуждыхъ образованностей на народную жизнь не выступаетъ столь рѣшительно, какъ въ заимствованіяхъ чуждыхъ словъ. Нужно только умѣнье правильно опредѣ-

лять время сихъ заимствованій и степень необходимости или случайности ихъ... Понятно, какое важное подспорье для своихъ рѣшеній получаютъ въ историко-филологическомъ изслѣдованіи чужеземныхъ словъ — наука исторіи литературы, которая стремится къ той же цѣли раскрытія состоянія общественной образованности въ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, и наука исторіи языка, преслѣдующая между прочимъ отчасти ту же задачу по отношенію къ языку При филологической критикѣ, при опредѣленіи источниковъ, мѣста и времени происхожденія письменныхъ памятниковъ —разборъ иноземныхъ словъ приводитъ нерѣдко къ весьма важнымъ заключеніямъ...

По разбору иностранныхъ словъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ (см. выше, подъ числами 47, 53) и русскомъ языкѣ въ особенности сдѣлано уже немало: есть спеціальныя изслѣдованія древнихъ словарныхъ заимствованій, отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ группъ словъ, есть цѣлые словари иноземныхъ, преимущественно восточныхъ — словъ, вошедшихъ какъ въ общій русскій языкъ, такъ и въ областныя его части; но за вычетомъ очень немногихъ спеціальныхъ указаній—большинству сихъ трудовъ недостаетъ прочной исторической основы и пріемовъ историческаго изслѣдованія, отчего и самыя сближенія нерѣдко страдаютъ произволомъ, а выводы шаткостью Самыя важныя, хотя и отрывочныя замѣтки объ отдѣльныхъ словахъ принадлежатъ Срезневскому, Буслаеву, Гроту и отчасти Шлейхеру [189]). Менѣе обстоятельны и менѣе обработаны сближенія русскихъ словъ съ восточными, сѣверными, финскими, предложенныя Эрдманомъ, Григорьевымъ, Казембекомъ, Шегреномъ, Березинымъ, Бобровниковымъ, Ковалевскимъ, Петровымъ, Сабининымъ, Бутковымъ [19]) и др ; но и здѣсь находится очень немало годнаго матерьяла, которымъ наука воспользуется при будущемъ разборѣ дѣла....

[189]) а) Срезневскій въ кн. „Мысли объ исторіи русскаго языка“, Спб. 1850,. стр. 129

sq.; б) Буслаевъ: „Иностранныя слова въ славянскихъ нарѣчіяхъ“, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 8, стр. 540—560 и отд. от. s. t. 21 стр; в) Гротъ: „Областныя великорусскія слова финнскаго происхожденія“ въ кн. „Матер. для сравнит. и объяснит. Словаря“ т. I, с. 65 sq. и въ кн. „Филологическія Разысканія“ Спб. 1876, т. I, с. 470—4; г) его-же: „Областныя великорусскія слова, сходныя съ скандинавскими“ въ „Матерьялахъ для срав. и об. Слов.“ I, 38 sq и въ „Филол. Разысканіяхъ I, 456—69; д) его-же: „Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ“, Матер. I, 113 sq. III, 348 sq.; „Филол. разысканія“ I, 475—482; е) его-же: „Слова, взятыя съ польскаго, или чрезъ посредство польскаго“ въ „Филол. Разыск.“ I. 483—6; ж) Шлейхеръ „Краткій очеркъ доисторич. жизни сѣверо-восточнаго отд. индо-германск. языковъ, Спб. 1865, стр. 4—8.

[190]. 1) Эрдманнъ. „Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій“. Казань. 1828, 8⁰, 23 и въ „Трудахъ и Лѣтоп. Общ. Ист. и древн.“ 1830. ч. V, стр. 215—245.

2) Григорьевъ В. В. „Областныя великорусскія слова восточнаго происхожденія“, въ изд. „Матерьялы для сравн. Словаря“, т. I, 14 sq. 68 sq.

3) Казембекъ. „Объясненіе русскихъ словъ сходныхъ съ восточными“ въ изд. „Матерьялы“ etc. I, 22 sq, 71 sq. 385 sq.

4) Шегренъ. „Матерьялы для сравненія областныхъ великорусскихъ словъ со словами

языковъ сѣверныхъ и восточныхъ" въ кн „Ма терьялы для ср Словаря", т. I, 145 sq.

5) Березинъ. „Замѣчанія о восточныхъ сло вахъ въ областномъ великорусскомъ языкѣ" в изд. „Матерьялы для словаря" I, 186 sq 323 sq.

6) Березинъ. „Нѣсколько замѣчаній об опредѣленіи иностранныхъ словъ въ русском языкѣ" въ журн. „Москвитянинъ" 1852, № 8 с. 106—9.

7) Бобровниковъ. „Областныя велико русскія слова, заимствов отъ Монголовъ и Кал мыковъ", въ изд. „Матерьялы для ср. Словаря." I, 193 sq.

8) Ковалевскій. „Списокъ словъ велико русскихъ, заимствованныхъ изъ монгольскаго" въ кн. „Матерьялы для ср. Словаря" I, 377 sq

9) Петровъ. „Списокъ нѣк. великорусскихъ словъ, сродныхъ или сходныхъ съ восточными" въ кн. „Матерьялы для ср. Словаря" I, 81

10) Сабининъ. „Матерьялы для сравненія русскаго языка съ скандинавскимъ" въ кн. Ма терьялы для срав. Словаря II, 129 sq.

11) Бутковъ: „О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ". Спб. 1842, 8°, с. 65 и въ „Трудахъ Россійской Академіи" 1842, ч. V.

Упомяну еще о весьма странномъ ученомъ произведеніи проф. Мухлинскаго: „Zródłosłow-nik wyrazów, które przeszły do naszej mówy z języków wschodnich" Spb. 1858, 8°, с. 158. Здѣсь уже все идетъ съ Востока.

71. Значеніе областныхъ нарѣчій для исторіи языка давно сознано: съ одной стороны въ нихъ нерѣдко находимъ такія грамматическія свойства, которыя, уцѣлѣвъ с

глубокой древности, объясняютъ очень многое темное въ формальномъ строѣ различныхъ историческихъ измѣненій языка; съ другой—областной языкъ сохранилъ еще во многихъ случаяхъ и древнія слова и свѣжія образныя знаменованія словъ. знаменованія древнія, а потому важныя при объясненіи древности вообще и внутренней бытовой стороны исторіи языка [191]). Труды по областнымъ нарѣчіямъ начались еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, собирались матерьялы словарные и грамматическіе разными лицами, между прочимъ Макаровымъ, Шаховскимъ, Дмитрюковымъ, Фортунатовымъ, Суровцовымъ [192]) и въ особенности П. И. Кеппеномъ [193]). Были попытки приложенія данныхъ областнаго языка къ разъясненію темныхъ терминовъ въ древне-русскихъ памятникахъ [194])—и попытки небезуспѣшныя! Въ особенности оживился интересъ къ собиранію данныхъ областнаго языка съ того времени, какъ бывшая „Россійская Академія" преобразовалась во „Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ" и трудами по составленію Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка была приведена къ мысли о необходимости составленія такого же Словаря областнаго языка. Составленные по вызову II отдѣленія Академіи Наукъ—различными лицами по большей части преподавателями гимназій, училищъ и учениками—Сборники областныхъ словъ, сведенные въ одно—явились въ 1852 г. въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря", а вь 1858 г. появилось полновѣсное „Дополненіе" къ нему [195]). Оба изданія имѣютъ несомнѣнно важное ученое значеніе по богатству собраннаго матерьяла; но послѣднему недостаетъ полной ученой достовѣрности; ибо къ истинному народному въ немъ нерѣдко примѣшивается измышленное, и иногда завѣдомо намѣренно измышленное, или же дурно записанное, а потому—сомнительное. Только при умѣніи отдѣлять истину отъ лжи—возможно пользоваться сими областными словарями надлежащимъ образомъ. Немаловажное значеніе при такой кри-

тической провѣркѣ можетъ имѣть „Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка“ Даля. Гораздо болѣе тщательности въ обработкѣ представляетъ „Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія“ [196]), составленный Носовичемъ и даже скромный „Словарь малороссійскихъ идіомовъ“, собранный Н. Закревскимъ [197]). Трудъ Носовича—въ своемъ родѣ образцовый: „бѣлорусскіе слова объясняются переводомъ на русскій письменный языкъ или описаніями. Отмѣчены и оттѣнки значенія словъ. Къ объясненіямъ словъ приложены почти постоянно примѣры ихъ употребленія изъ живой рѣчи, изъ пословицъ и поговорокъ, изъ пѣсенъ, сказокъ, прибаутокъ... Матерьялъ драгоцѣнный, въ значительной части новый. Все приведенное на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, при соблюденіи однообразнаго, вообще хорошо выработаннаго правописанія, обозначено удареніями и другими знаками. Словарь Носовича важенъ и тѣмъ, что только при помощи его „можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ Бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчіи сохранилось очень много древняго, важнаго для исторіи русскаго языка“ (слова И. И. Срезневскаго).

Менѣе обширенъ, по матерьялу и даже филологической обработкѣ недостаточенъ трудъ Закревскаго, но какъ первый систематическій опытъ, исполненный, притомъ, со вниманіемъ къ исторической сторонѣ предмета—онъ вполнѣ заслуживаетъ добраго признанія.

Изслѣдованіе филологическое и этнографическое областныхъ нарѣчій только-что начинается. Правда, существуютъ уже съ довольно давняго времени попытки объясненія свойствъ русскихъ областныхъ нарѣчій: для области великорусской—Даля; [198]) малорусской Головацкаго и отчасти Срезневскаго [199]), для Бѣлорусской—Калайдовича и Голотузова [200]), но эти попытки настолько отрывочны, слабы или преслѣдуютъ иныя (гео=и этнографическія) не филологическія цѣли, что проф. М. П. Петровскій, пред-

;тавивъ прекрасный очеркъ діалектологическихъ развѣтвле-
:ій славянскихъ нарѣчій [201]), остановился предъ вопросомъ
› нарѣчіяхъ русскихъ — и не пошелъ далѣе, за неимѣніемъ,
конечно, разработанныхъ матерьяловъ

Изъ трудовъ послѣдняго времени — важнѣйшіе прина-
длежатъ проф. Колосову, таковы: его наблюденія надъ фак-
:ами областнаго сѣверно-великорусскаго языка, изложенныя
въ его Отчетахъ II отд. Академіи Наукъ и въ особой
спеціальной статьѣ, а равно и въ обширномъ сочиненіи
„Обзоръ звуковъ и формальныхъ особенностей нарѣчій ве-
ликорусскаго языка“ [202]). Послѣдній трудъ представляетъ
систематическую попытку свести въ одно отдѣльныя данныя
по областнымъ нарѣчіямъ, уже существующія въ русской
наукѣ. Г. Колосовъ разсматриваетъ предметъ съ строго фор-
мальной, физіологической стороны. Наличный матерьялъ имъ
принятъ во вниманіе весь, или почти что весь. онъ обра-
ботанъ весьма тщательно; но, конечно, не такъ, чтобы сдѣ-
лать излишнимъ его переизслѣдованіе съ иныхъ точекъ
зрѣнія, исторической и историко-этнографической. Тогда,
быть можетъ, придется употребить и иные пріемы изслѣдо-
ванія и дать иной порядокъ послѣднему. Во всякомъ же
случаѣ — трудъ замѣчательный и очень полезный.

Если мы упомянемъ о статьѣ Лескина „О нарѣчіи
русскихъ пѣсенъ олонецкаго края“ (по пѣснямъ Рыбнико
кова) [203]) и небольшомъ изслѣдованіи Владимірова „О сѣ-
верномъ великорусскомъ нарѣчіи, въ памятникахъ письмен-
ности XVI—XVII в.“ [204]) — то, кажется, будемъ имѣть
все, что существуетъ въ нашей наукѣ по разработкѣ об-
ластныхъ нарѣчій русскаго языка!

[191]) См основательную записку Ѳ. И. Буслаева: „Словарь областныхъ реченій великорусскаго языка“ въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ, I, стр. 167—177.

[192] Перечень сихъ трудовъ въ предисловіи къ „Опыту областнаго великорусскаго Словаря". Спб. 1852, стр. V—XII. Трудъ Макарова „Опытъ простонароднаго Словотолковника," напечатанъ отчасти въ Маякѣ 1844, т. XVIII и вполнѣ въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей" 1846—7, именно: годъ I; кн. 4, с. 37—42; годъ II: кн. 3, с. 24—44; кн. 6, с. 1—24; кн. 7, с. 17—27; кн. 9, с. 1—21; годъ III: кн. 1. с. 1—19; кн. 2, с. 33—38; кн. 3, с. 89—120; кн. 4, с. 143—154; кн. 5, с. 145—159; кн. 9, с. 267—295. Оканчивается буквою Н. Трудъ, какъ все макаровское—заключаетъ въ себѣ много полезнаго, но еще болѣе вздорнаго. Этимологіи—воловыя.

[193]) Köppen: „Über die von P. v. Köppen gesammelten russischen Sprachproben", въ Bulletin de l'Ac. t. III, p. 506—511 и Mélanges russes, 1861, IV, стр. 210—217.

[194]) Напр. въ ст. Суровцева: „Нѣчто о собраніи Областныхъ Словъ" въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета 1839, кн. II, стр. 193—206 и ст. Діева: „Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской" въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1839, № 5, с. 47—80. cf. Соловьева въ „Матер. для ср. Слов. и Граммат." I, с. 107—110.

[195]) a) „Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря", Спб. 1852, 4°, с. XII+275. Рецензіи: Буслаева въ Отечеств. Запискахъ 1852, т. LXXXV, № 11, с. 1—54, перепечат. въ авторовыхъ „Историческихъ очеркахъ рус. нар. литер" т. I, стр. 151—209; В. Даля въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества, 1852, к. V и отдѣльно, и въ „Толковомъ Сло-

варѣ“ (см. ниже), см. замѣтку Я. К. Грота въ „Филологическихъ Разысканіяхъ“ т. I, Спб. 1876, с. 142 sq.; Косвенной рецензіей „Опыта“ можно назвать ст. Лавдовскаго: „Русскій языкъ въ областныхъ нарѣчіяхъ“, Москвитянинъ 1855, № 13—16, с. 47—66. Ср. Соловьева: „Замѣчанія по поводу опыта областн. Великор. Словаря“ въ Матерьялахъ для сравнит. Словаря и Грамм. т. I, с. 107—113. б) „Дополненіе къ Опыту областнаго Великорусскаго Словаря“ Спб. 1858, 4°. стр. 328.

[196]) Носовичъ: „Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія“, Спб. 1870, 4°, с. 756. Рец. Срезневскаго въ XXXIV присужденіи Демидовскихъ наградъ. Спб. 1866, с. 107—116.

[197]) Составляетъ третью часть изданія Закревскаго: „Старосвѣтскій Бандуриста, М. 1860“, отъ стр. 274—624. Можно здѣсь упомянуть, что начало отдѣльнымъ Малорусскимъ Словарямъ было сдѣлано Аѳанасьевымъ—Чужбинскимъ въ „Матерьялахъ для сравнит. и объяснительнаго Словаря и Грамматики“, т. III, 1856, с. 1—176. и Шейковскимъ въ его „Опытѣ Южно-русскаго Словаря“, Кіевъ 1861, 8°, вып. I, с. XVII+224 столб.— Только начало предпріятій—безъ продолженія.

[198]) Даля: „О нарѣчіяхъ Русскаго языка“ Спб. 1852, 8°, 72 с., оттискъ изъ V кн. Вѣстника Русск. Геогр. Общ., перепечатанъ въ предисловіи къ IV вып. „Толковаго Словаря живаго Великорусскаго языка“, стр. XXV—LIV. Это—таже рецензія „Опыта областнаго Словаря“.

[199]) Головацкій: „Розправа о языцѣ южнорусскомъ и его нарѣчіяхъ“, Львовъ. 1849, 8°, с. 56; Срезневскій: „Русь Угорская“. От-

рывокъ изъ „Опыта географіи русскаго языка“, Вѣстникъ Географ. Общества, 1852, ч. IV, с 1—28. Сюда же относится и другая статья Срезневскаго: „Частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ русскаго народнаго языка“ въ Извѣстіяхъ II отдѣл. Ак Наукъ I, с. 185—8. ср его же: „Замѣчанія о матерьялахъ для географіи русскаго языка“, Вѣст. Геогр. Общ. 1851, к. I, с. 1—24.

[200]) Калайдовичъ: „О Бѣлорусскомъ нарѣчіи“ въ изд. „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общ. Любит. Рос. Словесности, 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; Голотузовъ: „Замѣтки, касающіяся бѣлорусскаго нарѣчія“, Митава, 1852, 4°, с. 49. Замѣтки грамматическія и лексикальныя.

[201]) Ученыя Записки Казанскаго Университета 1866, к. с. 388 - 480 и 1867, с. 155 - 191.

[202]) Труды Колосова: а) „Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ областномъ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи“, Спб. 1877, 8°, с. 343, пом. въ Сборникѣ статей II отд. т. XVII, № 3; б) „Матерьялы для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія“ въ № 5 Варшав. Универ. Извѣстій 1874, стр. 1—62 отд. отт.; в) „Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка“ Варшава. 1878, 8°. III+266. Къ слову—о послѣднемъ сочиненіи замѣчу, что немало для себя любопытнаго и важнаго Колосовъ нашелъ бы въ Матерьялахъ Кеппена (отмѣченныхъ нами подъ примѣч. 193), хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

[203]) Leskien: „Über den dialect der russichen Volkslieder des gouvernen. Olonec“. въ

Beiträge z vergleich. Sprachfor. VI, с. 152—187.

[214]) Владиміровъ: „Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII с. Казань. 1878, 8⁰, с. 39.

72. Сводя все сказанное къ одному и принявъ въ разсчетъ недавность времени, съ котораго русской историко-филологической наукѣ стали доступны памятники древне-русскаго языка (говорю о точныхъ, удовлетворяющихъ филолога, изданіяхъ ихъ), и вообще недавность нашихъ занятій исторіей отечественнаго языка, нельзя не признать значительныхъ успѣховъ, но если съ другой стороны—припомнить тѣ требованія и задачи, какія соединяются съ понятіями исторіи русскаго языка и русской историко-филологической критики, то прійдется сказать, что все доселѣ сдѣланное на этомъ полѣ—только хорошее начало. Нетронутыхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ—множество, такъ:

а) въ неясномъ свѣтѣ представляется судьба церковно-славянскаго языка на русской почвѣ и постепенный ростъ его руссификаціи;

б) неприведенъ къ положительному опредѣленному рѣшенію вопросъ объ образованіи мѣстныхъ нарѣчій и появленіи ихъ въ памятникахъ письменности;

в) бѣлыя, ничѣмъ ненаполненныя страницы представляетъ исторія слога;

г) системы древняго правописанія указаны лишь въ очень краткихъ очеркахъ;

д) нѣтъ историческаго словаря русскаго языка, а потому почти отсутствуетъ и самая филологическая критика памятниковъ; нѣтъ, наконецъ

е) историческаго изслѣдованія областныхъ нарѣчій.

А. Котляревскій.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИСЪ

ИМЕНИ., ЗВАТ. И ВИНИТ. ПАДЕЖЕЙ ВЪ САНСКР., ЗЕНДѢ, ГРЕЧ. ЛАТ., НѢМЕЦ., ЛИТ., ЛАТЫШ. И СЛАВ. НАРѢЧІЯХЪ.

III.

Усложненія и специализированія значеній винительнаго.

Во второй главѣ представлены всѣ главныя основныя значенія винительныхъ независимыхъ и зависимыхъ. Факты показываютъ, что употребленіе основныхъ винительныхъ подверглось дальнѣйшимъ усложненіямъ и спеціализированіямъ (ограниченіямъ). Именно, съ одной стороны, такъ какъ въ одномъ и томъ же предложеніи по требованію рѣчи должны являться различные объекты, то отсюда открывается возможность *усложненнаго* употребленія винительныхъ: А) при глаголѣ можетъ быть нѣсколько простыхъ объектовъ (обыкновенно два—*двойные винительные*); В) при нѣкоторыхъ глаголахъ кромѣ простаго объекта можетъ быть еще *второй* объектъ съ предикативнымъ значеніемъ (*вторые винительные*); С) винительные, будучи зависимы (а) или независимы (b) отъ глаголовъ, могутъ становиться въ извѣстныя отношенія къ тому роду объектовъ, которые образуютъ категорію неопредѣленныхъ наклоненій, (*винительные съ неопредѣленнымъ*). Съ другой стороны, винительные объекта, вслѣдствіе присущаго всякому развитію стремленія къ дифференцированью, подвергаются различнымъ видамъ спеціализированія—ограниченія: 1, чрезъ разграниченіе категорій имени и глагола (*устраненіе винительныхъ объекта при именахъ существ. и прилаг.*); 2, чрезъ болѣе строгое разграниченіе глаг. переходныхъ и непереходныхъ (А, *винительные объекта при глаголахъ причинительныхъ* и В,—*сложныхъ съ предлогами*); 3, чрезъ болѣе строгое разграниченіе дѣйствительныхъ глаголовъ отъ среднихъ (media) и страд. (*устраненіе винительныхъ при глаг. среднихъ и страдательныхъ*).

А. Двойные винительные.

Такъ какъ винительный есть падежъ объекта въ широкомъ смыслѣ, а такихъ падежей объекта въ одномъ предложеніи можетъ быть нѣсколько, то отсюда a priori слѣдуетъ неизбѣжность употребленія въ предложеніи нѣсколькихъ винительныхъ. Винительные независимые въ такомъ употребленіи не представляютъ ничего особеннаго: какъ стоящіе внѣ вліянія глагола и близкіе къ роли отдѣльныхъ предложеній, они не имѣютъ близкаго отношенія къ другимъ вин., стоящимъ въ томъ-же предложеніи,—винительнымъ зависимымъ; такъ напр. въ предложеніи „мы преслѣдовали непріятеля день и ночь“ вин. *день и ночь* не имѣютъ никакого отношенія къ вин. *непріятеля*. Другое дѣло, если оба винительные одинаково находятся подъ вліяніемъ глагола; въ такомъ случаѣ, такъ какъ вин. объекта дѣлается постепенно противнемъ подлежащаго соотвѣтственнаго страдательнаго оборота (а подлежащее можетъ быть только одно), то обыкновенно въ болѣе позднихъ языкахъ присутствіе одного изъ нихъ мѣшаетъ присутствію другаго; такъ напр. въ лат. оборотѣ eum sententiam rogat оба вин. суть винительные объекта, но въ русск. оба винительные могутъ являться только въ отдѣльныхъ предложеніяхъ: *онъ спрашиваетъ его*, *онъ спрашиваетъ мнѣніе*; но, если оба объекта должны явиться въ одномъ предложеніи, въ такомъ случаѣ одинъ исключается другимъ: *онъ спрашиваетъ его о мнѣніи* или *онъ спрашиваетъ у него мнѣніе*. Такіе винительные объекта (которыхъ обыкновенно въ одномъ предложеніи бываетъ не болѣе двухъ [1]) называются *двойными винительными*. При перемѣнѣ дѣйствит. обор. въ соотвѣтственный страд. только одинъ изъ винительныхъ дѣлается подлежащимъ, другой же остается винительнымъ объекта [2]).

[1]) Рѣдкій случай *тройнаго* винительнаго обьекта приведенъ выше изъ зенда, см. Вин. завис. 3 а α, стр. 229.

[2]) Въ этомъ заключается существенное различіе двойныхъ винительныхъ отъ *вторыхъ* винительныхъ, которые не имѣютъ значенія простыхъ обьектовъ, а являются съ предикативнымъ зна-

Въ двойныхъ винительныхъ замѣчается два главныхъ вида: 1) оба винительные имѣютъ одинаковое первоначальное значеніе; 2) оба винительные имѣютъ различное первоначальное значеніе, т. е. возводятся къ различнымъ родамъ или видамъ простыхъ винительныхъ.

1. Двойные винительные одного значенія представляютъ собою два сходныхъ винительныхъ объекта, которые различаются между собою тѣмъ, что одинъ опредѣляетъ объектъ болѣе общимъ, другой—болѣе частнымъ образомъ.

a) 2(1Bb1a). *Два винительныхъ цѣли движенія.*

Въ зенд. jaçe thwâ pathãm ǵaçâiti—кто идетъ къ тебѣ на дорогу, s. v. pathan.

Въ греч. ἐπεί μιν ἄχος κραδίην καὶ θυμὸν ἵκανεν—къ нему въ сердце и душу входило горе, B 171; τόν ῥ' ἔβαλε πρῶτος κόρυθος φάλον—онъ первый ударилъ его въ дугу шлема, Δ 459; также E 188, Л 240.

a[2]) Изъ этой же группы двухъ винительныхъ цѣли развивается особый оттѣнокъ значенія, для уясненія котораго хорошо можетъ помочь слѣдующій оборотъ Краледв. рук.: ide má milá na jahody na zelena borka, что значитъ: *идетъ моя милая въ борокъ за ягодами*, т. е. второй предметъ цѣли движенія получаетъ болѣе спеціальное значеніе предмета, къ которому идутъ, чтобы взять его. Такое значеніе получаетъ иногда въ скртѣ и дат. цѣли phalebhjo jâti=phalânj âhartuṅ jâti—онъ идетъ за плодами, собств. къ плодамъ, Hübschm s. 144.

ченіемъ и сообразно съ этимъ при перемѣнѣ дѣйствит. обор. въ страд. вмѣстѣ съ вин. объекта дѣлаются именительными. Полезно было-бы отличать эти два существенно различныхъ вида винительныхъ и самымъ названіемъ: обыкновенно тѣ и другіе называются *двойными винительными*. Терминъ *вторые винительные* заимствованъ мною у проф. Потебни.

Въ скр. tat tvâ jâmi brahmaṇâ—къ тебѣ *къ этому* (т. е. *за этимъ*) я прихожу съ молитвой, R. V. 1, 24, 11; ṛcâ jâmi... avo vareṇjam—съ пѣснью прихожу къ вамъ за высокой защитой, т. е. прошу, S. V. 1, 1, 1, 5, 4; çaraṇaṅ jâmi dâivatâni—я прошу у божествъ защиты, букв. прихожу къ божествамъ къ защитѣ, Коссов. Çaraṇ. 3. [3])

Въ другихъ языкахъ винительный болѣе частной цѣли движенія является или уже съ предлогомъ (πλέων' ες Τεμέζην μετὰ χαλκον—плывя въ Т. за мѣдью, α 184; нѣм. nach Etwas gehen; млр. иду по воду), или вытѣсняется род. (лит. ėjau vandenaczo—пошла за водой, Les. 33, ср. млр. до Дунаю води ходили, Метл. 161).

b и b²) *Двойные вин. при глаг. схватывать, похищать, вырывать* (b); *просить*, *спрашивать* (b²), т. е. 2(1Bb2γ). Какъ мы видѣли выше (стр. 211), глаголы эти по первоначальному своему значенію тожественны съ глаголами движенія къ цѣли; если глаголы съ значеніемъ устремляться къ кому, къ чему (т. е. за чѣмъ) могутъ имѣть при себѣ два вин. цѣли, то эти вин. могутъ оставаться и въ томъ случаѣ, если значеніе этихъ глаголовъ измѣнится въ значеніе схватывать, вырывать, просить и т. п.

Въ скр. b) amušnîtam avasam paṇiṅ gâḥ—вы (два) украли у Пани пищу-коровъ, R. V. 1, 93, 4, [4]); gâṅ doghdhi pajaḥ—букв. корову доитъ молоко, Hübsch. s. 142; avačinoti kusumâni vṛkšân—онъ собираетъ цвѣты съ де-

---

[3]) Вслѣдствіе такого употребленія глаг. jâ получаетъ значеніе *просить* у кого (вин.) что (вин.); ср. подобный же переходъ значенія въ греч. ἵκω, ἱκέτης.

[4]) Сообразно съ такимъ сочиненіемъ глагола muš страд. прич. mušta значитъ не только *украденный*, но и *обокраденный*, Benf. Chr. 100, 19.

ревьевъ, Williams 192, b.—b²) arth—просить съ вин. лица и вещи, Benf. Chr. Gloss. s. v. Chr. 199, 15; sa varaṅ mâm ajâčaṭa—онъ просилъ у меня дара, Kathâsr. 1, 31, a; apr̥ččhaṅ vr̥ttântan sarvam eva tam—они спросили его о всемъ случившемся, Nal. 4, 23; также Çak. 14, 10.

Въ зенд. b) jô mām tat draono zinât—который отнимаетъ у меня это Д. s. v. zi.—b²) tat thwâ per̥eçâ—объ этомъ тебя спрашиваю, vd. 19, 36; также Jaçna 31, 14, a. (на мѣстѣ вин. вещи встрѣчается также abl. или род. Mihirj. 2, Jaçna 28, 1, a, Коссов. 68; а на мѣстѣ вин. лица—дат. Jaçna 29, 8, b; Vend. 19, 14); при ǵudh—просить, спрашивать кого о чемъ, Hübsch. s. 192.

Въ греч. b) ἐξαίνυτο θυμὸν ἀμφοτέρω—у обоихъ отнялъ жизнь, Е 156, также ἄμφω θυμὸν ἀπηύρα, Z 17; также К 495; ἀφαιρεῖσθαι τοὺς ἐνοικοῦντας Ἕλληνας τὴν γῆν—отнять (для себя) у жителей грековъ землю, Anab. 1, 3, 4; ἀποστερέω Курц. § 402; στερέω τινά τινος, но οἰκεῖα στερεῖσθαι—лишаться имущества, Bensl. b²) Νοήμονα ᾔτεε νῆα—просилъ корабля у Н. β 387; ὑμᾶς δὲ βασιλεὺς τὰ ὅπλα ἀπαιτεῖ—царь требуетъ отъ васъ оружіе, Anab. 2, 5, 38; ἡγ' ἐπέεσσιν πόσιν ἐρέεινεν ἕκαστα—она спрашивала мужа обо всемъ, δ 137; ἐρωτάω, Курц. § 402.

Въ лат. b²) въ оффиціальныхъ выраженіяхъ sententiam, testimonium aliquem rogare, Havest 46; въ др.лат. также aliquem aliquid posco, precor, oro, volo, Holtze p. 286—8.

Въ слав. b²) въ серб. Ја ћу вас упитати једну ријеч, Мат. 21, 24, Данич. 408.

c) Греческій представляетъ еще нѣкоторые другіе случаи двойныхъ винительныхъ одного значенія:

c^1)2(1B2α) ὦχρος τέ μιν εἷλε παρειάς—блѣдность схватила его (за) щеки, Γ 38.

c^2)2(3aδ) ποῖόν σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων—какое слово выбѣжало у (отъ) тебя изъ ряда зубовъ, Ξ 83 (частый гомерическій обор.); ср. a (поражать кого въ рядъ зубовъ).

2. **Двойные винительные различнаго значенія.** Какъ мы видѣли при изложеніи значеній вин. завис., глаголы движенія могутъ имѣть при себѣ различные объекты: объектъ можетъ означать предметъ, по которому происходитъ движеніе ($1Ba^2$), къ которому происходитъ движеніе (1Bb) и съ которымъ происходитъ движеніе (2). Эти различные объекты могутъ встрѣчаться при одномъ глаголѣ. Такъ:

a, ($1Ba^2$+1Bb) двигаться по чему къ чему.

b, ($1Ba^2$+2) двигаться по чему съ кѣмъ, чѣмъ; нести, вести кого, что къ чему; ср. напр. въ скр. два вин. при par—переправлять кого (что) чрезъ что и въ латыш. ірбіт мані целю веда—куропатка ведетъ меня по дорогѣ, Спрог. 92, 7.

Но оба эти сочетанія вин. въ простомъ видѣ мало употребительны: обыкновенно они нуждаются въ предлогѣ при глаголѣ или одномъ изъ вин. (а позже и въ двухъ предлогахъ), напр. aliquem aliquid trajicio, traduco и т. п. (ср. ниже 2 B). Гораздо употребительнѣе третій видъ сочетанія тѣхъ же элементовъ:

c, (1Bb+2) двигаться къ чему съ чѣмъ; нести, вести пускать что (кого) куда. Сюда принадлежатъ двойные вин. при глаголахъ (α) *класть, давать, дѣлать кому что*, ср. стр. 190.

Въ скр. etân najasva vinaçaṅ, стр. 191; α) двойные винительные при kar, dhâ при dâ Петербург. слов. [5]); см. также стр. 21.

Въ зендѣ эти двойные вин. составляютъ

---

[5]) Двойные вин. при этихъ глаголахъ являются большею частію въ Ведахъ; въ эпич. же и классич. скртѣ они рѣдки и

обыкновенное явленіе: mašjô mašîm khšudrâo avi frañharezaiti—treibt Päderastie, букв. vir virum semina injicit, s. v. harez+fra, ср. выше стр. 21; vačem baraiti.... ahja zarezdâčâ —несетъ слово въ сердце, обращаетъ рѣчь къ сердцу, Jaçna 31, 12 a и b, также s. v. apaoša, čina;—α) hâirišîs puthré verenavaiñti—кладутъ дѣтей въ женщинъ, т. е. оплодотворяютъ женщинъ s. v. var 2; urvānem méñ gairîm dade—даю мою душу небу s. v. gairja; hazô nivarezajen daêva—причинили насиліе девамъ, s. v. çnud.; другіе примѣры выше, стр. 190 [6].

Въ греч. δύω, ενδύω погружаю, одѣваю кого во что (обыкновенно глаголъ этотъ является въ соединеніи съ предлогомъ, Курц. § 402); также ἕννυμι, ἀμφιέννυμι (кор. vas) надѣваю что на кого (ср. ἕννυμαι τι—одѣваюсь во что), Курц. ib.—α) ἀμείβομαί τινά τι—давать, дарить кому что, Bensl. s. v. При глаголахъ *дѣлать, причинять кому что* преимущественно *дурное* или *хорошее;* въ Гомеридахъ вин. вещи еще не ограничивается значеніемъ *хорошо, дурно* и яв-

являются едвали не исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ вин. сливается съ глаголомъ въ одно слово, напр. tañ namaskṛtja—сдѣлавши ему поклонъ (что namaskṛtja понималось какъ одно слово, очевидно изъ самой формы kṛtja: еслибы эти два слова понимались отдѣльно, то вм. kṛtja было-бы kṛtvâ, Шерцль, Скр. гр. § 190 b), Amb. 9, 18; tasja vâkjañ çraddadhâno—вѣря его слову, Pañč, Benf. 113, 8, sa çraddadhe ča tam—и онъ повѣрилъ ему, Kathâsr. 5, 114. Что эти двойные вин. въ классич. скртѣ были уже архаизмами, очевидно также изъ того, что Саяна приведенный выше ведаическій оборотъ devân čakrima âgaḥ, R. V. 1, 185, 8 (см. Bb1a) комментируетъ, прибавляя при devân предлогъ prati. Въ эпич. и классич. скртѣ на мѣстѣ вин. перваго рода обыкновенно является дат. мѣста, и даже род.

[6]) На мѣстѣ вин. перваго рода, какъ и въ скртѣ, является также дат. и мѣстный.

ляется несомнѣнно объектомъ, напр. μέρμερα... ὅσσα Ἕκτωρ ἔρρεξε διίφιλος υἷας Ἀχαιῶν— ужасныя дѣла (ужасное), которыя причинилъ Г. сынамъ Ах. К 49; τίς νύ σε τοιάδ' ἔρεξε—кто сдѣлалъ тебѣ это, Ѳ. 509; ῥέξῃ κακὸν υἷας Ἀχαιῶν, В 195; κακὰ πολλὰ ἔοργεν Τρῶας— причинилъ многія бѣдствія Троянцамъ, Е 175; также ἀγαθόν, εὖ (собств. ср. р. отъ прил. εὖς) ποιέω; позже вин. вещи или, какъ въ скртѣ, сливается съ глаголомъ въ одно слово, какъ κακουργέω, κακόω, или вытѣсняется нарѣчіемъ, какъ τινα κακῶς ποιέω; вин. же лица сохраняется довольно упорно (однако въ Нов. Зав. уже καλῶς ποιεῖτε τοῖς μισοῦσιν ὑμᾶς—Мат. 5, 44). По аналогіи съ этими винительными лица явились вин. также при ἀδικέω (ср. ἄδικον, ἀδίκως ποιέω), ὑβρίζω и т. п. [7]).

Въ лат. induo (кор. av или u) и по аналогіи съ нимъ exuo;—α) лишь незначительные остатки: pessum do (у Теренція еще раздѣльно, Andr. 208) собств. кладу кого на дно; id operam do, Andr. 157, кладу трудъ въ это; credo вѣрю= скр. çrad-dhâ, собств. кладу довѣріе во что (ср. anim—adverto съ вин.=animum adverto— обращаю духъ къ кому, чему), др.фр. croire Jhesu Christ=credere Jesum Christum, Dietz 3, 105; aliquem manum injicere, Holtze p. 196.

Въ нѣм. α) Etwas preisgeben (т. е. Preis g.) (если это архаизмъ).

cβ) (1Bb1б[1]+2б[1]). При глаголахъ, означающихъ испущеніе звука, какъ мы видѣли выше, можетъ быть какъ вин. предмета, къ которому направляется звукъ (1Bb1б[1]),

---

[7]) Возможно также и другое объясненіе винительныхъ лица при глаголахъ *причинять кому хорошее*, *дурное*: эти винительные могутъ быть винительными коммодальными (см. вин. незав. 3 Aa[2]); я предпочитаю приведенное выше объясненіе, имѣя въ виду аналогію скрта и зенда.

такъ и вин. направляемаго звука (2б[1]); оба эти винительные могутъ являться при одномъ глаголѣ; а такъ какъ съ подобными глаголами близко соприкасаются глаголы *учить*, *показывать* (2б[1]δ), то и при этихъ послѣднихъ также возможны два подобныхъ вин. (β[2]).

Въ скр. очень обыкновенное явленіе, напр. mâtur bhaginîm idaṅ vaĉanam abravît—онъ сказалъ такую рѣчь къ сестрѣ матери, Nal. 17, 17, b; рѣже на мѣстѣ вин. лица встрѣчается также дат. и даже род. β[2]) tvân çikšjâmi tat—я научу тебя этому, Kathâ. 6, 146; также ibid. 2, 79.

Въ зендѣ aomem... amravî humnem, см. выше 3aα; но чаще дат. лица; β[2]) также и при глаг. *учить* чаще дат. лица, напр. Jaçna 29, 1, c. и s. v. vâçtrja.

Въ греч. ἔπος τέ μιν ἄντιον ηὔδα—сказалъ къ нему слово, E 170; ταυτὶ λέγεις σὺ τὸν στρατηγόν; Mathiä 929; болѣе упорно сохранялся двойной вин. въ оборотахъ κακὸν λέγω, ἀγαθὸν λέγω, κακολογέω τινα, Курц. § 402; β[2]) διδάσκω τινά τι, Курц. ibid.

Въ лат. β[2]) aliquem aliquid doceo, Шульцъ-X. § 255, ср. впрочемъ ниже 2A вин. при verba factit.

Въ нѣм. сюда, вѣроятно, относятся въ готск. вин. при thiuth-spillon—говорить, возвѣщать кому хорошее и vaja—merjan—говорить кому vaja (презрительное восклицаніе), напр. thiuthspilloda managein — благовѣствовалъ толпѣ, Лук. 3, 18; vajamaridedun ina—ругались ему. β[2]) ahd. wisan=weisen — показывать кому что, учить кого чему; гот. laisjan=lehren, Grimm, s. 621.

Въ лит. сомнительно, см. 1Bb1б[1]; β[2]) два вин. при mokinti—учить объясняются вѣроятнѣе изъ фактитивнаго значенія, ниже 2Ab[2].

Другіе случаи двойнаго вин. представляютъ болѣе спорадическія явленія:

d[1]) (1Bb2β+3b[2]), ἕλκος, ὅμε οὔτασεν βροτὸς ἀνήρ— рана, которую мнѣ нанесъ смертный мужъ, E 361.

d[2]) (1Bb1б[1]+3aα), говорить кому о чемъ, напр. urvânem jâtem paitigaidhjêiñti—говорятъ къ душѣ о поведеніи (спрашиваютъ), Vend. 19, 96.

d[3]) (1Bb1б[1]+3b[2]), называть кого именемъ, ὅ περ καλοῦμεν ὄνομα ἕκαστον—какимъ именемъ называемъ каждаго, Kratyl. 383, B.

e) (1 или 2+3aδ), глаголы, означающіе *скрываніе* (3aδ) кромѣ вин., означающаго предметъ, отъ котораго происходитъ скрываніе, могутъ имѣть при себѣ другой вин. для означенія предмета, который скрываютъ:

Въ греч. при κεύθω, κρύπτω, ὅσσα πεύθομαι, οὐδέ σε κεύσω—что знаю, не скрою отъ тебя, γ 187.

Въ лат. при celo, lateo, Шульцъ-X. § 255.

Въ нѣм. гот. helan=celare, ahd. pergan =bergen—скрывать что отъ кого, Grimm 622.

f) (3a+3b[2]), οὐδ' αὖ τοσοῦτον ἔχθος ἐχθαίρω σ' ἐγώ— я не такою ненавистью ненавижу тебя, Electra 1034.

Какъ можно видѣть изъ этого изложенія, двойные вин. почти исключительно являются въ болѣе древнихъ формаціяхъ аріоевропейскихъ языковъ; позже они путемъ дифференцированія вытѣсняются.

B. Вторые (предикативные) винительные (параллельные вторымъ именительнымъ).

Въ то время какъ двойные винительные представляютъ лишь сложеніе простыхъ вин. зависимыхъ, въ оборотахъ со вторыми винительными только первые винительные возводятся къ разсмотрѣннымъ вин. завис., вторые же винительные

являются аппозиціями къ нимъ, употребленными предикативно.

Предикативными аппозиціями называются такія опредѣленія, которыя означаютъ признакъ не какъ данный, существующій готовымъ въ опредѣляемомъ, а какъ дающійся, возникающій въ моментъ рѣчи. Такъ напр. Sâvitrîm pitâ adât snušâm—букв. отецъ далъ невѣстку Савитри: если это значитъ, что С. и прежде (чѣмъ была отдана) была невѣсткой, то snušâm—невѣстку есть простая аппозиція; если же С. дѣлается невѣсткой только послѣ того, какъ дается (признакъ возникающій), то snušâm есть предикативная аппозиція (въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ болѣе новыхъ языкахъ необходимо прибавить частицу *какъ* или употребить какую-нибудь замѣну втор. вин.). При перемѣнѣ оборота изъ дѣйствительнаго въ страд. второй вин., какъ аппозиція, долженъ вмѣстѣ съ первымъ вин. переходить въ именительный: Sâvitrî pitrâ dattâ snušâ, Sâv. 4, 27.

Предикативныя аппозиціи (вторые имен. и вин.) являются при глаголахъ, означающихъ: a) дѣйствіе, b) рѣчь, c) душевное явленіе (ощущеніе, мысль, чувство, желаніе) [8].

a) *Давать, посылать, дѣлать, ставить, брать, избирать* кого (что) *чѣмъ* (какъ вообще, такъ и чрезъ какое-нибудь дѣйствіе напр. чрезъ помазаніе и т. п.).

Въ скр. При dâ см. выше; dûtañ mâñ prešâjâm âsa—онъ послалъ меня вѣстникомъ; somânañ svaranañ kṛṇuhi—сдѣлай приготовляющаго сому голосистымъ, R. V. 1, 18, 1 a; devañ patin varaja—избирай бога супругомъ, Nal. 3, 23; vičitravîrjañ râǵânam abhjašiñčañ—я помазалъ В. царемъ, Amb. 1, 6; açobhajanta nagaram patâkâdhvaǵamâlinam—украсили городъ имѣющимъ знамена и вѣнки, Nal. 25, 6

[8]) Миклошичъ опредѣляетъ ихъ какъ глаголы zu Etwas zu Machens, durch die That, durch die Rede, im Gedanken (Vrgl. Gr. 4, 388); какъ показываютъ факты, послѣдній признакъ требуетъ расширенія.

(т. е. городъ сдѣлался имѣющимъ знамена и вѣнки только послѣ украшенія).

Въ зендѣ tûm zemargûzô âkeṙenavô vîçpê daêva—ты всѣхъ девовъ сдѣлалъ скрывшимися подъ землею, Jaçna 9, 46; dâ, dath—дѣлать кого (что) чѣмъ, Hübsch. 194.; въ др. персид. Dârajavum khsajathijam akunaus—сдѣлалъ Дарія царемъ, Schleich, Indg. Chr. s. 151.

Въ греч. δίδωμι, ἵημι, πέμπω, ποιέω, λαμβάνω, αἱρέω, καθίστημι, Курц. § 403; τὸν υἱὸν ἱππέα μὲν ἐδιδάξατο ἀγαθόν—букв. воспиталъ его (въ) хорошаго наѣздника, Menon 93 Д.

Въ лат. do (te isti virum do—я тебя даю ей мужемъ, какъ мужа, Andr. 295), mitto, facio, creo, eligo, sumo, instituo, Шульцъ § 254.

Въ нѣм. senden, bringen, machen, thun преимущественно въ болѣе древнихъ нарѣчіяхъ, Grimm s. 622—629.

Въ лит. на мѣстѣ втор. вин. является замѣна его (обыкновенно твор.); но въ латыш. до сихъ поръ употребляется второй вин. напр. мате мате саву дѣлу *кара-виру* сатайсія—сама мать готовитъ *воина*, т. е. воиномъ, Спрог. 274.

Въ слав. нар. второй вин. является только въ болѣе древнихъ формаціяхъ, а изъ современныхъ нар. удерживается преимущественно въ сербск. Mikl. 388; Потебня, Изъ зап. 2, 230—2, Данич. Синт. 408—410.

аα) Изъ болѣе частныхъ оттѣнковъ слѣдуетъ отмѣтить здѣсь одну особенность при глаг. *дѣлать*. Предметъ, *который* дѣлаютъ *другимъ,* съ другой точки зрѣнія есть матеріалъ, *изъ котораго* дѣлаютъ другой предметъ, такъ что *дѣлать что чѣмъ*=*дѣлать изъ чего что*. Отсюда объясняются нѣкоторые обороты со вторымъ вин., въ которыхъ первый вин. удобнѣе переводить аблятивомъ, а второй оставлять объектомъ.

Въ скр. ahaṅpi se mialoaṇâe titthamittian duvvâkisalâṇitti maṅgalasamâlambhaṇâṇi viraemi=aham api asjâ mṛgaločanâjâs tirthamṛttikâṅ dûrvâkisalajâni iti mangalasamâlambhanâni viracajâmi—я также (с)дѣлаю ей изъ мргалочаны, или священныхъ купалень и вѣтвей дурвы мазь, приносящую счастіе, Çak. 48, 18; такъ какъ avataṅsajâmi значитъ avatansâni kṛṇomi—дѣлаю серьги, то сюда же относятся и такіе обороты: odaṅsaanti daamâṇâ pamadâo sirîsakusumâiṅ=avatansajanti dajamânâḥ pramadâḥ çirîšakusumâni—влюбленныя дѣвушки дѣлаютъ серги изъ цвѣтовъ сириши, Çak. 4, 10.

Въ греч. πράττομαι ἀργύριον τοὺς παρόντας—присутствующихъ дѣлаю для себя деньгами, Курц. § 402; τί οὖν ποιήσω Ἰησοῦν—что же сдѣлаю изъ Іисуса, съ Іисусомъ Мат. 27, 22 (Отсюда грецизмъ въ Остром. Ев.: чьто же сътворю Іисуса, Mikl. s. 389); въ лат. abl. quid igitur faciam Jesu, ср. quid illo facias, Terent. Heaut. 317; quid eo fecisti puero, Delbrück, Ablat. loc. s. 17, Ablativ des Stoffes.

a²) Нѣкоторые изъ относящихся сюда глаголовъ въ оборотахъ съ вторымъ вин. теряютъ свое конкретное значеніе и приближаются къ значенію глаг. считать, думать (ср. ниже c). Наиболѣе сходства въ этомъ отношеніи представляютъ глаголы съ значеніемъ *брать, держать, имѣть*. Такъ скр. grah—брать: te...na došaṅ grahîšjati kulapatiḥ—глава рода не вмѣнитъ тебѣ этого въ вину, Çak. 40, 5; греч. ἔχω, лат. habeo, нѣм. halten, haben, nehmen, лит. laikyti—держать и считать, русск. принимать, ср. вын. 10.

b) *Называть, говорить, (о комъ какъ о....), объявлять, показывать.* При глаголахъ *говорить* и сродныхъ съ ними, какъ мы видѣли выше, возможенъ вин. лица, какъ перваго рода (1Bb1б¹, говорить къ кому, кричать на кого), такъ и третьяго (3aα, говорить о комъ). Если при

вин. перваго рода нужно обозначить самое имя, то при этомъ возможны два случая: это имя или (b¹) остается стоящимъ внѣ граматической связи (я говорю на него „дуракъ“), или, что бываетъ гораздо чаще, на ряду съ другими предикативными аппозиціями дѣлается вторымъ вин. (stultum eum dico). Если предикативная аппозиція является при вин. третьяго р., то оборотъ получаетъ такое значеніе: *я говорю о немъ какъ о глупомъ, какъ о дуракѣ,* т. е. почти тоже, что *я говорю, что онъ глупъ, дуракъ.* Подобное же значеніе предикативная аппозиція имѣетъ и при другихъ сродныхъ глаголахъ, какъ напр. *показывать, объявлять* (ср. вин. завис. 1Bb1б¹).

Въ скр. b¹) именительный, стоящій внѣ граммат. связи, при глаголахъ *называть, говорить*, является довольно часто; при такомъ именительномъ обыкновенно ставится частица iti—такъ, соотвѣтствующая кавычкамъ европ. языковъ, напр. jâm âhuḥ sarvavîǵaprakṛtiḥ—которую называютъ источникомъ всякаго сѣмени, Çak. 3, 3. b) uta naḥ subhagâṅ vočejuḥ—пусть называютъ насъ счастливыми, R. V. 1, 4, 6; это также можетъ значить „пусть они говорятъ, что мы счастливы“; jam âhuh ekapurušaṅ—quem dicunt unicum, Urvaçî 1, 2.

Въ зендѣ b) при mrû aoǵ—называть, Hübschm. 195.

Въ греч. b¹) ὑμεῖς φωνεῖτέ με ὁ διδάσκαλος καὶ ὁ κύριος—вы зовете меня „учитель и господь“, Іоан. 13, 13; b) при глаг. καλέω, ὀνομάζω, ἀποφαίνω. .

Въ лат. nomino, appello, voco, dico, saluto; loquor, Holtze 272.

Въ нѣм. b¹) jus vopeid mik laisareis jah frauja, Іоан. 13, 13, см. въ греч. b) въ

болѣе древнихъ нар. при глаг. звать, называть, говорить, Grimm 622.

Въ лит. b[1]) svėts manę tare valininkelis —свѣтъ называетъ (говоритъ на) меня „своевольникъ", Nesselm. 180. b) на мѣстѣ втораго вин. имени существительнаго является обыкновенно болѣе поздняя замѣна—твор. (Schl. Gr. s. 270); второй вин. именъ прилаг. и причастій употребляется и въ историческое время; такъ „въ литовскомъ переводѣ Библіи второй вин. прилагательныхъ также обыченъ, какъ и въ древнерусскомъ" (Потебня, Изъ зап. 2, 238); sakė tavę szokią, sakė tavę tokią—говорили тебя сякую, такую, т. е. что ты сякая, такая [9]); apsakyk mano tėveliui nuskendusį sunužytį—глаголи моему отцу сынъ утопъшь, т. е. что сыночекъ утопъ, Nesselm. 75, (обыкновенно такое причастіе теряетъ флексію и дѣлается дѣеприч.).

Въ латыш. b) сак ôзолу цѣту кôку—говорятъ дубъ (вин.) крѣпкимъ деревомъ, т. е. называютъ крѣпкимъ, или „говорятъ, что дубъ кр. д.", Спрог. 233; сака мані лêну, рâму—говорятъ меня тихую, скромную, ib. 152; причаст. Biel. § 761, 771.

Въ слав. b[1]) прозваша Ольга вѣщій; zwali go „Piotr" Потебня, Изъ зап. 2, 75; b) какъ и въ рубрикѣ а.

c[1]) *Ощущать (видѣть, слышать кого какимъ, т. что онъ....) замѣчать* (α); *узнавать, сознавать, думать, находить (кого какимъ), считать* [10]) (β); *почи-*

[9]) При этомъ не слѣдуетъ предполагать никакого опущенія, къ справедливо утверждаетъ проф. Потебня (Изъ зап. 2, 238) преки Шлейхеру (Lit. Gr. 263).

[10]) Нѣкоторые изъ относящихся сюда глаголовъ получаъ способность сочиняться со вторымъ вин. только въ переноомъ значеніи, такъ скр. gaṇ, лат. numero, русск. считать

тать (γ). Сообразно съ предикативно-аппозитивнымъ значеніемъ втораго вин. такіе обороты, какъ çrṇomi, bodhami, manje purušaṅ hataṅ не значатъ *я слышу, узнаю, думаю объ убитомъ человѣкѣ,* но *я слышу, узнаю, думаю о человѣкѣ какъ объ убитомъ, т. е. что человѣкъ убитъ.*

Въ скр. α) tuljaṅ hi lakšaje ǵńânan vâhukasja nalasja ča—aequalem conspicio notitiam V—i Nalique, вижу что одинаково значеніе В. и Н. Nal. 19, 31, bhišaktamaṅ tva bhišaǵaṅ çrṇomi—я слышу о тебѣ какъ о цѣлительнѣйшемъ изъ лѣкарей, т. е. что ты...., R. V. 2, 33, 2; na bubodha hataṅ sûtaṅ sa râǵâ—царь не замѣтилъ, что возница убитъ (ср. въ др.-р. видѣвше людье князя бѣжавша), Drâup. 8, 25. β) amanjata nalan prâptam—мьняше Наль пришьдъшь=думала что пришелъ Наль, Nal. 23, 18; taṅ mene nalam—того считала она Налемъ, ib. 5, 12; çaṅkamànâ bhartâran nalan bâhukarûpinam—думая (подозрѣвая), что супругъ Н. принялъ видъ Б.=считая супруга Н. принявшимъ видъ Б. ib. 23, 19; akasmât sahasà prâptaṅ çrîmantan na sma vindati—онъ не находилъ (думалъ, считалъ) славнаго (царя) пришедшимъ безъ причины, ib. 21, 20; maṅ rakkhobhîruaṅ gaṇesi=mâṅ rakšobhîrukaṅ gaṇajasi—ты считаешь меня за труса предъ ракшасами, Çak. 30, 6; γ) tvâm.... dûtaṅ saparjati—почитаетъ тебя какъ посла, R. V. 1, 12, 8.

Въ зендѣ, α) zarathustrem paoirîm vahistem âhuirim çuçruma ṭkaêšem—мы слышали о З., какъ о наилучшемъ послѣдователѣ закона Агуры, s. v. ṭkaêša; vâtem hubaoidhitemem ǵigaurva—я обоняю вѣтеръ какъ благовоннѣй-

---

собственно значатъ *исчислять*; скр. vind, лат. invenio, reperio, нѣм. finden, рус. находить; duco—собств. вести; полагать—собств. класть.

шій, s. v. kudadhaja; iriçtem upabererethwôtarem avazanãn—находятъ мертваго довольно легко несомымъ, т. е. что мертваго легко нести, s. v. upaberethwa. β) man, Hübsch. s. 195.

Въ греч. α) εἶδον αὐτοὺς πελάζοντας—увидѣли, что они приближаются, Курц. § 591; другіе прим. ib. и Havest. s. 157, 158. β) πυνθάνεται Κῦρον προςελαύνοντα—узнаетъ, что Киръ приближается (а не приближающагося К.), Anab. 1, 7, 16; εὑρίσκω ταύτην ἂν μόνην γενομένην τῶν μελλόντων κακῶν ἀποτροπήν—я нахожу это средство противъ предстоящихъ бѣдъ единственно возможнымъ (бывающимъ), Havest, ib. ἡγέομαι, νομίζω. γ) σὲ δ'ἔγωγε νέμω θεόν—я почитаю тебя за бога, Electra 150.

Въ лат. α) рѣдко; обыкновенно только для означенія непосредственнаго воспріятія, напр. audivi te dicentem, Шульцъ-Х. § 387, прим. 13; на мѣстѣ втораго вин. большею частью является i nfin. β) agnosco, cognosco, puto, arbitror,e xistimo, duco, numero, ib. § 254

Въ нѣм. α) saihvan=sehen, hausjan=hören (Ulfil. Лук. 5, 2, 18, 36); β) bigitan—находить, Марк. 7, 30; finden, rahnjan=rechnen.

Въ лит. вмѣсто втораго вин. причастія является уже дѣеприч.; въ болѣе древнемъ: żinojei manę piaujantį—зналъ меня жнущимъ, Мат. 25, 26.

Въ латыш. вм. втораго вин. причастія является обыкновенно дѣеприч. Потебня, Изъ зап. 2, 248; второй же вин. существительныхъ обыченъ и теперь: пазіну Мадіню раганас мейту—признаю Магдалину дочерью вѣдьмы, Спрог. 207, церей мані тâду мулькью—считаетъ меня за такую дуру, ib. 39.

Въ слав. нар. лишь въ болѣе древнихъ фор маціяхъ; изъ современныхъ—въ серб. и споради чески въ другихъ нар., напр. млр. бачиш мен гожу, хорошую, Метл. 46, Пот. 238; на мѣст вин. причастій, какъ въ латышско-литовском, позже являются дѣеприч. Потебня 244—246; примѣры см. Mikl. 388, Данич. 408—410 Потебня 230—250.

c[2]) *Хотѣть кого* (что) *какимъ, чѣмъ*. Аппозиція при объектѣ глаг. *хотѣть* можетъ быть простая и предикатив ная. Въ первомъ случаѣ оборотъ представляетъ обыкновен ное явленіе, напр. na aham iččhâmi bhîšmena gṛhîtâi tvâm—я не хочу тебя похищенной Бхишмой, т. е. кото рую похитилъ Бх. Amb. 3, 6. Во второмъ случаѣ при знакъ, означаемый вторымъ вин., представляется не дан нымъ, а возникающимъ вслѣдствіе желанія, т. е. означаетъ цѣль желанія, напр. dattam âhâram iččhâmi tvajâ—я желаю пищу данною тобою, Коссов. Çaraṇ. 8, т. е. не *данную пищу,* а *пищу, которая должна быть дана, желаю чтобы пища была дана тобою.*

Въ скр. mâm iččhasi ǵîvantîm—желаешь меня живущею, живою, Nal. 17, 29 (тоже, что mâṅ ǵîvitum iččhasi—me vivere cupis, Sâv. 5, 100); iččhasi tvaṅ vinaçjantaṅ râmaṅ—ты хочешь гибнущаго Раму, Sitâ 51, 11, т. е. чтобы Р. погибъ; upadišṭam iha iččhâmi tâpasjam—желаю благочестіе здѣсь изученымъ, т. е. чтобы здѣсь было изучено, Amb. 3, 44 (Bf. 9); ср. также выше dattam âhâram.....

Въ зенд. vaçen zãm raodhajãm—жела ютъ землю увлаженною, т. е. чтобы была увл., s. v. raodhaja; jém âvaçemi îšâkhšathrem—котораго я хочу безграничнымъ владыкой, т. е чтобы онъ былъ б. вл. Jaçna 29, 9, b; akhšafni khšafnîm išemno—das Nächtliche nachtlos wünschend, Hübschm. 196.

Въ лат. hoc factum volo—я хочу это сдѣланнымъ, т. е. чтобы это было сдѣлано; hoc non dictum volo—хочу это не сказаннымъ, т. е. отказываюсь отъ своихъ словъ; patriam exstinctam cupit, Cic. Шульцъ-Х. § 3-8, пр. 3. [11]).

Въ нѣм. готск. ni viljau izvis unvitans—не хочу васъ незнающими, въ греч. οὐ θέλω ὑμᾶς ἀγνοεῖν, 1 Кор. 10, 11.

Въ лит. veliczau atskirtą kuną nů duszelês—я лучше хотѣлъ бы тѣло отдѣлившимся отъ души, т. е. чтобы тѣло отд. отъ д., Nesselm. 84 [12]).

Обороты этого послѣдняго вида не пользуются большимъ распространеніемъ: при глаг. *хотѣть* является обыкновенно вин. съ неопред., такъ какъ для означенія цѣли лѣе умѣстно неопред. наклоненіе, чѣмъ второй вин., ср. *вин. съ неопред.*

Вторые именительные. Если слово, къ которому относится предикативная аппозиція, является подлежащимъ, т. е. стоитъ въ именительномъ пад., въ такомъ случаѣ и предик. аппозиція также должна стоять въ именительномъ. Сюда прежде всего относятся предикативныя аппозиціи при именительныхъ, которыя являются подлежащими въ страд. оборотахъ (А), соотвѣтствующихъ тремъ главнымъ видамъ только-что разсмотрѣнныхъ дѣйствительныхъ

---

[11]) Въ подобныхъ обоpатахъ «esse большею частію опускается» (ib.); но такъ какъ скртъ и зендъ не даютъ никакого права предполагать въ подобныхъ обототахъ опущеніе, то вѣрнѣе сказать, что infinitiv'а вспомогательнаго глаг. обыкновенно це не бываетъ; о болѣе позднемъ появленіи inf. вспом. глаг. ри вторыхъ ср. ниже: *замѣны вторыхъ вин.* и *вин. неопред.*

[12]) En pendant къ такому употребленію втораго вин. въ лит. и латыш. находимъ второй именый при глаг. *хотѣться*: sz velijûs tris nedeles dirbęs—я хочу себя три недѣли работающимъ (какъ *явишися постася* при *явити кого постмшть*), латыш. vêlejûs nepinusi—я желаю себя невившею, т. е. лучше мнѣ было-бы не вить. Потебня, Изъ зап. 2, 77, 78.

оборотовъ (*a*, b и c). Но такъ какъ вообще кругъ оборо-товъ, состоящихъ изъ подл. и сказ., гораздо шире, чѣм кругъ оборотовъ, состоящихъ изъ подлеж. сказ. и прямог объекта, то отсюда уже a priori слѣдуетъ, что и кругъ употребленія предикат. аппозицій при подлежащихъ дол-женъ быть гораздо шире, чѣмъ при вин. объекта. Так. об кромѣ указанныхъ предик. аппозицій въ страд. оборотах сюда относятся также многочисленные случаи, когда в предложеніи кромѣ подл. и сказ. является другой имени-тельный, означающій признакъ, который представляется воз-никающимъ вмѣстѣ съ дѣйствіемъ сказуемаго (В).

Въ скр. Aa) Sâvitrî pitrâ datâ snuâ mama—С. дана мнѣ отцомъ какъ невѣстка Sâv. 4, 27. b) râǵâ dharmo 'bhidhîjate—цар называется справедливостью, Will. 191; çruti hitopadeço 'jam—эта (книга) называется Хито-падесей, Hit. 3; и т. п. B) devatâ pratibhâs me—ты кажешься мнѣ божествомъ, Sitâ 52, 4 (Bf. 80).

Въ греч. и лат. А) извѣстные вторые име при глаголахъ *избираться, называться, ка-заться* и т. п. B) въ греч. сюда относятся вто-рые именительные причастій при глаг., означа-ющихъ ощущеніе, чувство, обнаруженіе и нѣкот другіе, Курц. § 591, 592, 593, 590, напр ὁρῶ ἐξαμαρτάνων—я вижу (себя) ошибающимс =вижу, что ошибаюсь, Хен. Мет. 2, 4.

Въ лето-слав. отрасли оба рода (А и В) вторыхъ именит. очень употребительны (преим-щественно въ болѣе древнихъ формаціяхъ); ср первую половину капитальнаго труда проф. По-тебни „Изъ зап. по р. гр.“ II [13]).

---

[13]) Въ настоящемъ изслѣдованіи относительно вторыхъ имен я ограничиваюсь лишь этими замѣчаніями и примѣрами. Подроб

Замѣны вторыхъ винительныхъ и именительныхъ. Обороты со вторыми вин. и имен. съ точки зрѣнія точности и опредѣленности языка являются далеко неудовлетворительными: они не различаютъ формально очень важныхъ оттѣнковъ, какъ напр. *онъ не замѣтилъ, что возница убитъ* и *онъ не замѣтилъ убитаго возницы; я не хочу тебя, которая была похищена* и *я не хочу, чтобы ты была похищена* (выше c[1] и c[2]). Поэтому совершенно естественно то явленіе, что уже въ древнѣйшемъ языкѣ аріоевроп. отрасли—санскритѣ проявляется замѣтное стремленіе разграничить вторые вин. и имен. отъ простыхъ опредѣленій. Для такого разграниченія представлялись довольно разнообразныя средства, вытекавшія изъ свойствъ оборотовъ со вторыми вин. и имен.

1) Въ противоположность простому опредѣленію, которое означаетъ признакъ, данный въ опредѣляемомъ, и так. обр. составляетъ съ нимъ одно понятіе (ср. *добрый человѣкъ* и *добрякъ)*, предикативныя аппозиціи означаютъ признакъ, возникающій совмѣстно съ дѣйствіемъ сказуемаго, и потому стоятъ гораздо ближе къ сказуемому, чѣмъ къ своему опредѣляемому, отчасти даже составляютъ одно понятіе съ сказуемымъ (ср. εὐθείας ποιεῖτε τὰς τρίβους—правы творите стьза, въ лат. complanate semitas, [14]). Сообразно съ этимъ предикативныя аппозиціи могутъ или вовсе сливаться съ сказуемымъ въ одно слово (*a*), или, теряя согласованіе съ своимъ опредѣляемымъ, являются при сказуемомъ въ видѣ нарѣчій (b) и непрямыхъ объектовъ (b[2]), соединяясь иногда даже съ предлогами (b[3]).

ное изложеніе вторыхъ именительныхъ нарушило бы цѣльность этого изслѣдованія и слишкомъ увеличило бы его объемъ. (Разсмотрѣніе вторыхъ именительныхъ должно войти въ составъ предполагаемаго мною изслѣдованія о типахъ предложенія въ аріоевроп. отрасли и составныхъ его частяхъ, ср. гл. 1 вын. 25).

[14]) Такъ какъ вторые именительные и вин. вслѣдствіе этого составляютъ существенную часть—сказуемыхъ, то глаголы, при которыхъ они являются, въ значительной степени теряютъ свое конкретное значеніе и приближаются къ роли глаголовъ вспомогат.

α) Въ эпическомъ (еще довольно рѣдко) и въ классическомъ (очень часто) скртѣ тема слова, которое должно бы стоять въ качествѣ втораго вин. или имен., принимаетъ окончаніе î и сливается въ одно слово съ сказуемымъ [15]), напр. ijañ kathâ mâm eva lakšîkaroti—эта рѣчь дѣлаетъ меня цѣлью, цѣлитъ въ меня, Çak. 104, 3 снизу; vâsantikâis tarubhir api devasja çâsanañ pramanîkṛtan—даже весенними деревьями приказаніе царя сдѣлано авторитетомъ (т. е. принято во вниманіе), Çak 78, 5; ср. также частое сложеніе añgî-kartum (напр. Benf. 101, 22); adrîkṛta—сдѣлавшійся влажнымъ, Косс. Çaraṇ. 13; bhasmîbhavati—дѣлается пепломъ ib. 6; ekîbhutas, Arg. 3, 29; ср. также нѣкоторые verba denominat. напр. drumâjate—онъ считается за дерево и лат. глаг. calefacio, tepefacio.

b) *нарѣчія на* sât, ças, vat: te pitarañ bhasmasât karišjâmi—отца твоего превращу въ пепелъ, Pañč. Bf. 110, 8; khandaças kṛtaḥ—разорванъ въ куски, ib. 120, 9; khaṇḍaço bhavišjasi—превратишься въ куски, ib. 125, 16. Kar cum vocibus in adverbium vat exeuntibus: putare, aestimare, râǵjañ tṛṇavat krtvâ (Bopp, s. v. kar)—цѣня царство какъ траву. При глаг. man—считать laghu и bahu остаются безъ измѣненія, какъ нарѣчія, напр..... çajanam laghu manjante—низко цѣнятъ ложе (собств. думаютъ легко). Pañč. Bf. 101, 18; bahu man—высоко цѣнить, Kathâ. 5, 27.

b²α) *мѣстный*: asja duškhasja ča utpattâu bhîsmam eva iha manjate—она считаетъ здѣсь причиной несчастія именно Бхишму, Amb. 5, 27; ǵîvatsu gaṇ—считать жи-

---

[15]) Что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ не одно только графическое вліяніе, а дѣйствительное соединеніе въ одно слово, очевидно изъ того, что дѣепричастія такихъ глаголовъ оканчиваются на ja, а не на tva (что бываетъ только въ глаг. сложныхъ, Шерцль, Скр. гр. § 190), напр. aksinî âkulîkṛtja—сдѣлавши глаза мутными, Çak 21, 15, формы на î темнаго происхожденія; не представляютъ ли они именительнаго пад. муж. р. прилагат. на in, застывшаго въ нарѣчіе?

вымъ, собств. въ живыхъ, Hitop. ср. въ греч. λεγόμενος ἐν τοῖς ἀρίστοις Περσῶν—считающійся лучшимъ (храбрѣйшимъ) изъ Персовъ, собств. между лучшими, Anab. 1, 6, 1; mantritve kartum—дѣлать министромъ, Kathâ. 4, 117.

b²β) *творит.* parihâsavigalpitaṅ paramârthena na grhjatâṅ vaćah—рѣчь, сказанная въ шутку, да не будетъ принята, считаема серьезною, Çak. 30, 17; ahiṇṇânasaundalan ṇâtaaṅ paoeṇa adhikarîadu=abhignanaçakuntalaṅ nâtakaṅ prajogeṇa adhikrîjatâm—драма Сякунтала да будетъ сдѣлана предметомъ представленія, ib. 4, 15; въ зенд. ujamna anujamnâis daçta—machet das mangelnde zu nicht mangelnden s. v. anujamna. Этихъ трехъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть, что зачатки столь распространеннаго лето-славянскаго твор. предикативнаго существовали въ скртѣ и зендѣ.

b³) косвенные пад. съ предлогами: tâm.... tvaṅ snušârthaṅ grhâṇa—пріими ее въ невѣстку, собств. для невѣстки, за невѣстку, Sâv. 3, 8; çišjârthe pradadâu—далъ (его) ученикомъ, Amb. 22, 61 (Bf. 62); въ зендѣ: âpem âi anâpem kerenaoiti—воду въ безводность творить, s. v. âi; ср. косвенные пад. съ предл. εἰς, гот. du (=nhd. zu), für, слав. *за*, *въ* на мѣстѣ вторыхъ вин. и имен. [16]).

2) Такъ какъ вторые вин. и имен. имѣютъ предикативное значеніе и так. обр. близки къ роли сказуемыхъ, то для отличія ихъ отъ простыхъ опредѣленій достаточно было прибавить къ нимъ слова, которыя явственно указывали бы ихъ предикативное значеніе, приближая ихъ къ роли полусамостоятельныхъ предложеній; такими словами являются союзы съ значеніемъ *какъ* (а) и причастія глаголовъ, означающихъ бытіе (b)—

---

[16]) Ср. гл. II независим. вин. отношенія B². Къ этому же виду замѣнъ вторыхъ им. и вин. (хотя и съ нѣкоторою особенностью) принадлежатъ германо-лето—славянскіе обороты типа «что за....», см. мою ст. «оборотъ *что за*... и сродные съ нимъ», Филолог. Зап. 1879 г. вып. II.

a) при предикативныхъ аппозиціяхъ въ скртѣ нерѣдко прибавляется союзъ iva—какъ: kṛtakṛtjam iva âtmânañ râvanaḥ samamanjata—Р. считалъ себя достигшимъ цѣли, думалъ о себѣ какъ объ исполнившемъ дѣло, Sîtâ 52, 2 (Bf. 77); anupajuktam iva âtmânan samarthaje—я считаю себя недостойнымъ, Çak. 97, 3; tač citram iva me pratibhâti—это кажется мнѣ чудомъ (безъ iva можно бы перевести: это чудо является мнѣ), Çak. 110, 7 снизу; tištha tvañ sthâvara iva—стой неподвижно, собств. какъ неподвижный, Nal. 14, 6; отсюда iva получаетъ способность сообщать причастіямъ значеніе дѣепричастій напр. prahasan iva pratjâha—улыбаясь отвѣчалъ, Nal. 26, 11). Въ греч. изрѣдка подобнымъ образомъ употребляется ὡς: ποίησόν με ὡς ἕνα τῶν μισθίων σου—сдѣлай меня какъ одного изъ твоихъ наемниковъ, Лук. 15, 19. Въ нѣм. и англ. союзы als, as при вторыхъ вин. и имен. составляютъ обыкновенное явленіе; ср. въ русск. союзъ *какъ* въ такомъ же употребленіи;

b) при вторыхъ вин. и имен. „для болѣе явственнаго выраженія предикативности втораго падежа" (Потебня, Изъ зап. 2, 249) ставится соотвѣтствующій падежъ прич. существитель. глагола, являющійся какъ-бы связкою между первымъ и вторымъ пад. [17]). Въ скртѣ еще не замѣчается этого усложненія; оно является въ греч. и (рѣже) слав.; но

---

[17]) Этимъ исчерпываются, если не ошибаюсь, главные виды попытокъ аріоевроп. языковъ разграничить формально вторые вин. и имен. отъ простыхъ опредѣленій: другія подобныя попытки имѣютъ болѣе частный и случайный характеръ; такъ въ классич. скртѣ отчасти замѣтно стремленіе избѣжать вторыхъ вин. и имен. чрезъ употребленіе оборотовъ совершенно другого рода, напр. вмѣсто *дѣлаютъ возбужденными сердца влюбленныхъ, желаетъ сдѣлать море сладкимъ*, находимъ: *дѣлаютъ возбужденіе сердецъ влюбленныхъ, желаетъ сдѣлать сладость моря*, Vasant. 170, c, Bhartṛh. (2, 6, c. Benf Chr. s. 147 и 152); въ греч. классич. предикативныя аппозиціи различаются отъ простыхъ тѣмъ, что первыя употребляются всегда безъ члена.

особенно употребительно въ лит. Γιγνώσκω ἀγαθοὺς ὄντας τοῖς στρατιώταις τοὺς αγῶνας—я знаю, что состязанія полезны для воиновъ, собств. я знаю о состязаніяхъ, какъ о бывающихъ полезными для в.; οἶδα ἄνθρωπον θνητὸν ὄντα—вѣмь чьловѣкъ съмьртьнъ сѫшть; οἶδα θνητός ὢν—знаю, что я смертенъ, Кюнеръ Греч. гр. § 175, 2; цсл вѣдѣхѫ Христа самого сѫшта—ᾔδεισαν τὸν Χριστὸν αὐτὸν εἶναι, Лука 4, 41 (ср. ниже лит.), Mikl. 394 [18]), вѣдяше духъ Богъ сѫшть, дрр. видячи его болна суща, Ипат. 214,

[18]) Въ объясненіе этого оборота Миклошичъ говоритъ: «Въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто неопред. наклоненія является причастіе, слѣдуетъ дополнять (supplieren) неопред. *бытu*» Mikl. 394. При такомъ объясненіи мы должны предполагать такіе неслыханные болѣе древніе обороты, какъ οἶδα ἄνθρωπον θνητὸν ὄντα εἶναι= вѣмь человѣкъ (а) съмьртьнъ (а) сѫшть (а) быти. Между тѣмъ скртъ и зендъ не только такихъ оборотовъ не представляютъ, но въ нихъ ко вторымъ вин. не прибавляются вовсе ни причастіе, ни inf, существительнаго глагола: въ скртѣ еще нѣтъ того различія, какое является въ лат. оборотахъ: dico, puto te celerem и dico, puto te celerem esse; тому и другому и лат. обороту въ скртѣ соотвѣтствуетъ оборотъ со вторымъ вин. bravîmi manje tvâm âçum. Это указываетъ на то, что обороты со вторыми вин. болѣе первоначальны, чѣмъ ихъ усложненія. Объясненіе Миклошича, проведенное послѣдовательно, повело бы 1) почти къ полному отрицанію вторыхъ вин. и 2) къ предположенію опущенія infin. существ. глагола даже тамъ, гдѣ его еще никто не предполагалъ, и гдѣ такое предположеніе совершенно излишне. Такъ въ оборотахъ: dico, declaro, puto, agnosco (и т. п.) te celerem мы должны бы предполагать опущеніе esse и так. обр. отнести всѣ подобные обороты къ accus. cum infin. 3) Такъ какъ на мѣстѣ перваго вин. при нѣкоторыхъ verba sentiendi можетъ стоять род. и съ этимъ род. должно согласоваться, какъ аппозиція, причастіе то и при род. причастія нужно было бы предполагать опущеніе inf., напр. ἠκούσαμεν αὐτοῦ λέγοντος, Марк. 14, 58=слышахомъ й глаголѭщь, Остром. въ лат. audivimus eum dicentem; въ лит. tu ne girdési seseliû dainojenczû—ты не слышишь сестрицъ дайнующихъ т. е. поющихъ (род. при отрицаніи), Nesselm. 207.

Потебня, Изъ зап. 2, 249, 250; лит. žinojo jį Kristų ėsantį, Лука 4, 41, см. также Потебня ib. 251 и 46. Причастіе часто теряетъ въ лит. согласованіе и дѣлается дѣепричастіемъ jus ką sakot manę ėsant, букв. кого глаголете мене сѫщть, Мат. 16, 15.

Въ лат. почти всегда, въ греч. большею частью на мѣстѣ такого причастія является неопред. накл., т. е. вмѣсто вин. съ прич. является одинъ изъ видовъ вин. съ неопред., къ объясненію которыхъ мы и должны теперь перейти.

СРЕДНЕБОЛГАРСКІЙ СЛУЖЕБНИКЪ 1532 г.

Опытъ палеографико-глоттологическаго изслѣдованія.

(Окончаніе.)

Особенности въ лексическомъ составѣ.

Въ разсматриваемомъ памятникѣ нерѣдко встрѣчаются слова, отличающіяся или оригинальностью своей конструкціи, или отступленіемъ отъ формъ тѣхъ же словъ въ другихъ памятникахъ, часто даже своею неудобопонятностью и т. п. Мы приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ словъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они находятся въ рукописи, съ указаніемъ контекста, содержащаго эти слова. При объясненіи этихъ словъ главнымъ руководствомъ для насъ служилъ

Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ С.П.Б. 1847.

анаѳемиса̀ — проклялъ, произнесъ анаѳему: **са͛м себе анаѳемиса** (72).

архїера́рха: — **иже въ ст҃ы͛ ѡц҃а нашего архїерарха и ч҃юдотворца николы** (150).

бл҃гостинныи — благій: **г҃и въсѣ͛ творче и бл҃ко, источниче бл҃гостинныи** (82).

бытеистѣи: — **и сп҃оби и͛ въврѣмѧ бл҃гоп҃обно, бами пакы̀ быте́истѣи**, т. е. **пакы бытїю**, какъ встрѣчается это сочетаніе словъ въ исправленномъ славянскомъ переводѣ Библіи и богослужебныхъ книгъ. Въ данномъ примѣрѣ обращаетъ на себя вниманіе оригинальность производства отъ существительнаго **бытїе** прилагательнаго **бытеискы(и)**, отъ

котораго родит. (?) падежъ единств. числа ж. р. будетъ бытеистви. Кромѣ того, въ контекстѣ замѣчается неправильная интерпункція: дополненіе отдѣлено запятою отъ дополняемаго.

бωлѣ́ꙁньнїемь (89): — **єлма ниже нашими бл҃гыими, ниже бωлѣꙁньнїемь ближшїими лꙋчшї быхѡ҄.**

въꙁлоу́дова: — **непобнаа въꙁлоудова** (73).

Лудъ — безумный, глупый, шальной. Слов. Берын., Сл. Ак. Наукъ т. II, стр. 266.

въпапра́тѣ — на паперти: **наллїавшесъсѫ. и постави въпапратѣ. итвори ѥреи блвенїє** (144).

дѣтѣли: — **дабеꙁвъсѣкоа непрїюꙁн'ныѧ дѣтѣли пїѫще є (вино) слави тебѣ** (70).

Дѣтель — дѣло, дѣйствіе: всяко озлобленіе претерпѣвая, добрыя дѣтели якоже ѳиміамъ благовоненъ и жертву благопріятну Богу принеслъ еси. Мин. мѣс. Мая 14. Сл. Ак. Наукъ I, 386.

є́лма — примѣры см. выше. Елма—когда уже. Сл. Ак. Наукъ I, 394.

испоганиившꙋсѧ́: — **М отроучищоуѿврьгшꙋ. иистоганившꙋсѧ. и кажщоуса** (83). **испоганитиса** отъ лат. слова paganus (которое сначала имѣло значеніе: деревенскій житель, поселянинъ, мужикъ, впослѣдствіи, когда христіанство сдѣлалось господствующею религіею въ греко-римской имперіи, а язычество пріютилось только въ деревняхъ и вообще захолустьяхъ, стало употребляться въ значеніи язычникъ) значитъ: статъ язычникомъ=сдѣлаться нечистымъ. Въ первомъ изъ этихъ двухъ значеній разсматриваемое слово употреблено въ цитованномъ мѣстѣ нашей рукописи, какъ видно изъ содержаніи молитвы, въ надписаніи которой поставлено это слово. Для опредѣленія его

значенія здѣсь особенно важна слѣдующая фраза: пріими·раба своего къ щедрота твоимъ притѣкающаго.иприеша оубо изъ юности правыа и непороучныактебѣвѣры, стыкрщеніемь. Ѡпашаже ѿ сіе младенство въꙁвращающа же їнѣ.... Въ Россіи слово paganus явилось со времени введенія христіанства и также сначала употреблялось въ значеніи: язычникъ, языческій, принявъ форму поганый, по общему закону, требующему перемѣны гласнаго а на о въ иностранныхъ словахъ, вошедшихъ въ славянскіе языки (ср. σατανᾶς — сотона въ Остр. Ев). Въ настоящее время слово поганый употребляется въ русскихъ говорахъ въ значеніи: — нечистый.

истицанїе — истеченіе: свои тѣло сътвори истицанїе (73).

ласкрьсѣова (73). Слово это употреблено при перечисленіи различныхъ грѣховъ. *Ласкрѣдствовать* есть сокращеніе слова: ласкосердствовать — предаваться нѣгѣ, сластолюбствовать: — Спящіи на одрѣхъ отъ костей слоновыхъ и ласкосердствующіи на постеляхъ своихъ, Амос. 6, 4. Сл. Ак. Наукъ I, 276.

многащи (152) — многажды, много разъ.

мѣниль: — ни мѣниль есмь дан никомꙋ что либо (100).

Мѣниль отъ мѣнити, мьнити — значитъ: вздумалъ, рѣшился.

мѵросажще — обхода црков' мѵросажще (123). мѵросати — мазати мѵромь.

напастованны: — може напасѣованны помощи (148).

Напаствованный: — подверженный несчастіямъ, бѣдамъ: напаствованъ и различно искушенъ бывъ, мучениче Христовъ Евстафіе, и ко свидѣтельства теклъ еси тризнищу. Мин. мѣс. Сент. 20. Сл. Ак. Наукъ II, 328.

нж (74; 89)—но.

обавание: — къ уародѣица и вльхвω и отровнико и тво раціимъ обаванїа съмѣсиса (72—73).

Обаваніе— заговариваніе, колдованіе. Сл. Ак. Н. III, 1.

оновыи (91)—оныхъ.

оцѣстилище (146)—очищилище.

оцѣщеніе (94)—очищеніе.

палежа: — ωгньиаго палежа. и горкаго плѣненїа же и порабощенїа вы'ш'ши (sic) **показавь** (92).

Палежъ—костеръ. Сл. Ак. Н. III, 156.

пастви'ти: — поржученнжж паствж паствити добрѣ (100).

Паствити—пасти стадо. Сл. Ак. Н. III, 162.

побника: — сътвори быти побника истинномоу пастыроу (61).

Подобникъ—поступающій подобно другому. Сл. Ак. Н. III, 267.

попльзнжтіе (75)—поползновеніе.

скровнѣ мѣстѣ:—поставлѣж в'приворѣ на десной странѣ скамь. и вьскровнѣ мѣстѣ (98).

Въ скровнѣ мѣстѣ—въ тайномъ мѣстѣ.

скуптро—скипетръ: **дажь въ десницж емоу скиптро спсенїа** (64).

стемж—носа стемж на главѣ своеи (65).

Стема есть греч. слово στέμμα (или στέλμα) [отъ глаг. στέφω]—velamentum, infula, mitra, corona. Lexic. Hederic. Petropoli. 1834, pag. 952.

трищи—трижды (ср. выше **многащи**): **знаменлеть его трищи** (85).

імѣніє клатвы:—сыи незлобивь, спобивь прѣзрѣти въ пашіи въ тимѣніє клатвы. Ѡпоусти семоу рабꙋ твоемꙋ им, кльншоу дрьзостїѫ (75).

Тимѣніе означаетъ обыкновенно тинистое мѣсто, болото, топь; напр.: углѣбохъ въ тимѣніи глубины, и нѣсть постоянія. Пс. 68, 3. Сл. Ак. Н. III. 280. Какое значеніе имѣетъ это слово въ приведенномъ мѣстѣ разбираемой рукописи, опредѣленно сказать трудно.

ꙋювесть'вное — чувственное, чувствующее:

дшеѫ ꙋмноѫ и ѡбразомь свои бжтвны поуь. въсе ꙋювестьвное създанїє (91).

До сихъ поръ мы анализировали памятникъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію. Теперь отъ анализа перейдемъ къ синтезу и попытаемся полученныя путемъ аналитическимъ данныя обнять въ ихъ общности, въ цѣломъ. Разумѣется, полный и въ собственномъ смыслѣ синтезъ изложенныхъ особенностей памятника представляетъ самый памятникъ. Но можно дать отвлеченный синтезъ характеристическихъ чертъ памятника, подводя отдѣльныя частности подъ нѣкоторыя общія положенія. Такой синтезъ, давая законченное представленіе о памятникѣ, не можетъ, однако же, съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлать это представленіе нагляднымъ. Чтобы достигнуть, по возможности, и той и другой цѣли, мы постараемся синтезировать характеристическія особенности памятника двоякимъ образомъ: 1) in concreto и 2) in abstracto. Взятый наудачу отрывокъ изъ рукописи даетъ наглядное представленіе о ея особенностяхъ, какъ въ отношеніи глоттологическомъ, такъ и въ собственно палеографическомъ отношеніи. Но характеръ всякаго предмета можно понять только посредствомъ опредѣленія

его отношенія къ другимъ предметамъ того же рода, путемъ сравненія съ однородными предметами. Поэтому, чтобы особенности разсмотрѣннаго памятника могли выступить рельефнѣе, мы считаемъ нужнымъ представить переводъ нижеприведеннаго отрывка рукописи на древне-церковнославянскій языкъ, приблизительно къ тому его состоянію, въ какомъ онъ является намъ въ Остроміровомъ Евангеліи.

При этомъ мы приводимъ отрывокъ рукописи такъ, какъ онъ находится въ ней, т. е. съ тѣмъ же переносомъ словъ, съ тѣми же надстрочными знаками и интерпункціей, съ тѣмъ же раздѣленіемъ словъ и пр.

Текстъ рукописи на лиц. и оборот. стор. 108 листа.

а҆п҃лъ къ є҆вреѡ҆м посла́ніе ст҃го

Бра́тїе, ст҃ꙗ ии҆ ѡ҆сщ҃аемїи
ѿ є҆ди́ного въс҃и. є҆жже ра҆ⷣⷱ
вины̀, нестꙑ́дитсꙗ бра́тї
ꙗ тѣⷯ нари́цати. гл҃ꙗ. въ
ꙁвѣ́щѫ ймаⷮвоє̀ брати
моє̆и. посрⷣѣ цр҃кве въспож
та. ҆и пакы̀, а҆́ꙁь бѫдѫ надѣ
ꙗсꙗ на́нь. ҆и пакы̀ сє̈ а҆́ꙁь
и҆дѣ́ти ѧ҆жеми даⷭ б҃ъ. поне́ⷤ
оу҆бодѣ́ти приѡ҆бщи́шѧсꙗ
плъти и҆кръви. и҆тъ҃ при́и
скрьноприча́стисатѣⷨ. да
съ мр҃тїѫ оу҆пра́ꙁниⷮ дръжа́
вѫ и҆́мащагосъмр҃ти, си҆раⷱ́. [26])
дїавола. и҆ и҆ꙁмѣ́нить си́хь.
є҆̈лици стра́хѡⷨ съмр҃ти въ

сегда жити. повинны бѣ
хж работѣ. неѿблгль бѡ ко
гда пріемле. нж ѿсѣменеа
врааамлѣ пріемле. ѿнждѹ
дльжень бѣ по вьсемоу бра
тиоупобити. да мати вьбж
деи вѣрень прьвосщенник
иже къ боуѣже оцѣстити
грѣхы люде. имжекѡ по
страдаса искоушень бывь
може илпаствованны по
мощи.

Переводъ на древне-церковно-славянскій языкъ.
Посл. къ Евреямъ 2 гл. 11—18 ст.

братию, сватаи и освашталмии отъ юдиного вьси, юаже рди винъі нестыдитьса (въ Зографскомъ Евангеліи было бы написано нестыдитъса *) братиж тѣхъ нарицати, глаголж: „възвѣштж (въ Зогр. Ев. было бы възвѣштж) има твою братии моюи, посрѣдѣ црькъве (цръкъве) въспож та". и пакъі: „азъ бждж надѣжса нань". и пакъі: „се азъ и дѣти, иже ми дастъ (далъ юсть) богъ". понеже оубо дѣти приобьштишаса плъти и кръве, и тъ прииcкрьно причастиса тѣмъ, да съмрьтиж оупразнить [оупраздьнить] (въ Зогр. Ев. было бы оупразнитъ или оупраздьнитъ) дрьжавж (дръжавж) имжштааго съмрьти (съмръти) сирѣчь. диавола, и измѣнить сихъ, юлици страхомь съмрьти вьсегда жити (въ новыхъ печатныхъ

*) Какъ здѣсь, такъ и ниже въ другихъ мѣстахъ, за неимѣніемъ глаголитскаго шрифта, не могутъ быть помѣщены приводимыя въ текстѣ слова глаголитскими буквами.

Ред.

изданіяхъ Библіи вмѣсто послѣднихъ двухъ словъ стоятъ слова: чрєꙁ҄ всє житїє) повиньни бѣахѫ работѣ. нє отъ аггелъ бо когда (кѫгда) приємлють (приємлютъ), нъ отъ сѣмєнє авраамлѧ приємлють. отънѫдоужє длъжьнъ бѣ по вьсємоу братии оуподобитисѧ. да милостивъ бѫдєть (въ Зогр. Ев. было бы бѫдєтъ) и вѣрьнъ прьвосвѧщєникъ (прѣвосвѧщєникъ) ижє къ богоу, ієжє очистити грѣхы людьмъ. имьжє бо пострада самъ, искоушєнъ бывъ, можєть (можєтъ) напаствованымъ помошти (въ печатномъ изданіи Библіи вм. слова напаствованымъ поставлено искѹшаємымъ).

Заглавіе этого отрывка, а равно и большая буква к писаны киноварью. Въ заглавіи писецъ не дописалъ словъ: ап҃ла павла. Приведенный отрывокъ ясно и наглядно показываетъ, какими особенностями отличается нашъ памятникъ въ палеографическомъ отношеніи; изъ него отчасти можно видѣть и главнѣйшія глоттологическія его особенности. Но характерныя черты нашего памятника обнаружатся еще сильнѣе, если мы сравнимъ приведенный отрывокъ рукописи съ прилагаемымъ переводомъ на древне-церковно-славянскій языкъ. Въ этомъ переводѣ относительно интерпункціи и раздѣленія словъ мы слѣдуемъ теперь принятому обычаю. Наконецъ, считаемъ нужнымъ прибавить, что въ данномъ случаѣ подъ именемъ древне-церковно-славянскаго языка мы разумѣемъ то нарѣчіе, которое разсматривается въ грамматикахъ старо-славянскаго языка.

Разумѣется, изъ одного и притомъ такого небольшаго отрывка рукописи нельзя видѣть всѣхъ главныхъ особенностей памятника. Этотъ пробѣлъ можетъ быть восполненъ абстрактнымъ синтезомъ, который покажетъ, какое общее впечатлѣніе производитъ на читателя разобранный памятникъ. Обобщая данныя, изложенныя нами при анализѣ рукописи, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Какъ языкъ, такъ и графика рукописи не отличаются тою устойчивостью, послѣдовательностію и строгимъ проведеніемъ опредѣленныхъ началъ (принциповъ), какими характеризуются такъ называемые паннонскіе памятники, а также древнѣйшіе памятники русской редакіи.

Въ разсмотрѣнномъ памятникѣ начертанія буквъ и формы языка употребляются часто смѣшанно. Въ одномъ случаѣ поставлено извѣстное начертаніе для обозначенія какого либо звука, въ другомъ такомъ же случаѣ—иное. Такъ, по видимому, нѣтъ никакого постоянства и правильности въ употребленіи знаковъ носовыхъ гласныхъ, еровъ, іотированныхъ и нейотированныхъ гласныхъ.

Тоже самое нужно сказать и о формахъ языка. Древнія формы употребляются въ перемежку съ позднѣйшими. Часто на одной и той же страницѣ одно и тоже слово написано то въ древней, то въ позднѣйшей формѣ. Вообще главною отличительною чертою, характеризующею разобранный памятникъ, служитъ смѣшеніе, непослѣдовательность въ употребленіи элементовъ графики и формъ языка. Это смѣшеніе объясняется, конечно, тѣмъ, что при списываніи съ оригинала рукописи писецъ находился подъ вліяніемъ живаго, современнаго ему говора. Отсюда отраженія (рефлексы) болѣе древняго состоянія языка не рѣдко уступаютъ мѣсто явленіямъ, принадлежащимъ къ позднѣйшей формаціи языка; наоборотъ, эти послѣднія перемѣшиваются съ остатками древнѣйшаго состоянія языка, съ его, такъ сказать, окаменѣлостями, съ различными рудиментарными принадлежностями, которыя уже не имѣютъ функцій въ живомъ организмѣ языка. Если Максъ Мюллеръ сравниваетъ развитіе языка съ наслоеніемъ земной коры [27]), то памятники письменности, насколько они отражаютъ на себѣ прошлую жизнь языка, можно сравнить съ пластами земной коры, принадлежащими къ различнымъ геологическимъ формаціямъ. Продолжая это сравненіе, мы позволимъ себѣ назвать разобранный нами памятникъ продуктомъ переход-

ной формаціи, потому что въ немъ еще отражается древній слой языка, и въ тоже время въ очень значительной степени даетъ себя чувствовать вліяніе живаго говора, на которомъ говорилъ писецъ. Но такое смѣшеніе было бы не объяснимо, если бы между языкомъ оригинала, съ котораго списана наша рукопись, и языкомъ живымъ, на которомъ говорилъ писецъ, не чувствовалось еще близкаго сходства, связи. Вѣдь смѣшивать можно только вещи сходныя между собою въ какомъ нибудь отношеніи, похожія одна на другую. Такимъ образомъ тотъ періодъ развитія языка, къ которому относится разобранный нами памятникъ, былъ переходнымъ періодомъ, такъ какъ въ это время еще чувствовалась живая связь между древнимъ состояніемъ языка и новымъ его видоизмѣненіемъ т. е. тѣмъ живымъ діалектомъ, на которомъ говорилъ писецъ. Именно, по всѣмъ признакамъ, нашъ памятникъ относится къ средне-болгарскимъ памятникамъ, слѣдовательно къ переходной эпохѣ въ развитіи болгарскаго языка. Мы постараемся доказать это положеніе. Но прежде всего остановимся на самомъ названіи: средне-болгарскій. Билярскій относитъ къ средне-болгарскимъ памятникамъ такія произведенія, которыя, еще не потерявъ свойствъ древняго языка, въ тоже время представляютъ опредѣленныя особенности своего времени и посредствомъ ихъ примыкаютъ къ позднѣйшему состоянію болгарскаго языка [28]). О томъ же названіи Лескинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Я не знаю, что можно возразить противъ выраженія „средне-болгарскій“. Принявъ даже за вѣрное, что древне-церковно-славянскій языкъ не есть „древне-болгарскій“, все-таки выраженіе „средне-болгарскій“ можно употреблять въ противоположенность выраженію „ново-болгарскій“; собственно „древне-болгарскаго“ мы въ такомъ случаѣ не могли бы знать, вслѣдствіе недостатка въ памятникахъ (aus Mangel an Ueberlieferung)“ [29]).

Для доказательства того положенія, что разобранный

памятникъ принадлежитъ къ средне-болгарскимъ, мы возьмемъ только тѣ особенности его, которыя относятся къ области вокализма. [30]).

Прежде всего остановимся на знакахъ ъ и ь, слѣдуя тому порядку, въ какомъ разсматриваетъ элементы средне-болгарскаго вокализма Вилярскій

Въ среднеболгарскихъ памятникахъ ъ и ь часто пропущены въ срединѣ словъ безъ всякой замѣны. Напр. изгнаніє, послати, растлити [31]). Тоже самое замѣчается и въ нашемъ памятникѣ: множство (90), жителства (65), положшаго (61). Далѣе, въ средне-болгарскихъ памятникахъ ъ и ь постоянно смѣшиваются между собою, и очень часто одинъ знакъ ставится вмѣсто другаго какъ въ корняхъ съ однимъ согласнымъ, такъ и въ особенности при сочетаніяхъ л и р съ предшествующимъ согласнымъ [32]). Подобное же смѣшеніе замѣчается и въ нашемъ памятникѣ (см. выше стр. 12. sq.). Это смѣшеніе можно объяснить тѣмъ, что въ средне-болгарскомъ (и въ новомъ болгарскомъ) нарѣчіи древне-славянскія (предполагаемыя древне-болгарскія) краткое у (ъ) и краткое и (ь) частію совсѣмъ не произносились, напр. въ словахъ:

притъть (97), приьтеноу (97),

частію же замѣнялись неопредѣленнымъ гласнымъ, который на письмѣ можно было обозначить какъ тѣмъ, такъ и другимъ знакомъ, напр. въ словахъ:

дьждь (94), лъстїж (82).

Что же касается до смѣшенія знаковъ краткихъ гласныхъ (ъ и ь) при сочетаніяхъ л и р съ предшествующимъ согласнымъ, то оно лучше всего можетъ быть объяснено такимъ образомъ, что въ этихъ случаяхъ л и р имѣютъ вокальный характеръ, т. е. самостоятельно, безъ помощи гласнаго, образуютъ слогъ. Такая вокализація л и р существуетъ въ ново-болгарскомъ и въ нѣкоторыхъ дру-

гихъ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ, также въ чешскомъ. При вокализованныхъ л и р знаки краткихъ гласныхъ ставились для того, чтобы означить, что сочетаніе этихъ согласныхъ съ предшествующимъ согласнымъ составляетъ особый слогъ. Для этой цѣли безразлично могъ быть употребленъ какъ тотъ, такъ и другой знакъ, а потому смѣшеніе ихъ въ такихъ случаяхъ вполнѣ естественно и понятно.

Въ средне-болгарскихъ памятникахъ ь часто уступаетъ свое мѣсто ъ на концѣ словъ, напр. въ словахъ: **весъ, властъ, каменъ** [33]). Такая замѣна имѣетъ мѣсто во многихъ словахъ и въ нашемъ памятникѣ: **аминъ** (74), **ѕдѣсъ** (16). Для обозначенія гласнаго выговора знаковъ ъ и ь въ отличіе отъ безгласнаго въ нашемъ памятникѣ, какъ и въ другихъ средне-болгарскихъ памятникахъ, употребляется особый надстрочный знакъ (̎): **съ̎** (4), **ть̎** (66), ср. въ лѣтописи Манассія **тъ̎**, **къ̎нь**, **съ̎** [34]). Этотъ же знакъ ставится нерѣдко, какъ въ нашемъ памятникѣ, такъ и въ разобранной Билярскимъ лѣтописи Манассія, надъ начертаніями гласныхъ въ односложныхъ словахъ: **є̎** (3), **мы̎** (89). **си̎** (99), **ты̎** (82), **ты̎** [35]), **нж̎** [36]).

Послѣдній изъ представленныхъ признаковъ, конечно, самъ по себѣ не важенъ, но вмѣстѣ съ другими и онъ получаетъ нѣкоторое значеніе. Гораздо болѣе важнымъ основаніемъ для отнесенія разобраннаго памятника къ числу средне-болгарскихъ служитъ употребленіе въ немъ юсовъ смѣшаннымъ образомъ: въ средне-болгарскихъ памятникахъ, какъ извѣстно, знаки носовыхъ гласныхъ (ѧ, ѫ) смѣшиваются между собою [37]). Впрочемъ, по замѣчанію Лескина, о смѣшеніи ихъ можно говорить только выходя изъ предположенія о древне-болгарскомъ нарѣчіи, какъ томъ нарѣчіи, на которомъ написаны древне-церковно-славянскіе памятники; напротивъ, въ средне-болгарскихъ памятникахъ употребленіе юсовъ подчинено особымъ правиламъ, и не представляетъ безпорядочнаго явленія, состоящаго въ томъ,

что писецъ ставилъ извѣстные знаки на удачу, гдѣ попало [38]). Къ числу такихъ правилъ относятся напр. слѣд. обобщенія. Послѣ знаковъ согласныхъ: л, м, н, р, д, т, ζ, к, п въ коренныхъ слогахъ постоянно сохраняется тотъ же юсъ, какой имѣется въ этомъ мѣстѣ въ памятникахъ древне-церковно-славянскаго языка [39]). Это обобщеніе относится собственно къ лѣтописи Манассія, но и въ разобранномъ нами памятникѣ мы не замѣтили случаевъ отступленія отъ этого правила *). Эта правильность доказываетъ, по мнѣнію Биларскаго [40]), что въ означенныхъ случаяхъ юсы были отличаемы одинъ отъ другаго въ произношеніи. Послѣ ж, ш, шт въ лѣтописи Манассія ставится то ж, то ѫ, какъ бы безъ различія, но при болѣе внимательномъ наблюденіи открывается, что въ однихъ случаяхъ предпочтительнѣе является ж, въ другихъ ѫ; напр. въ причастіяхъ послѣ этихъ согласныхъ пишется большею частію ж вм. ѫ [41]). Тоже самое замѣчается и въ нашемъ памятникѣ. Послѣ согласнаго j въ отрывкѣ Тырновскаго Евангелія, опубликованнаго проф. Срезневскимъ [42]) и относящагося къ 1273 году, и въ лѣтописи Манассія, юсы употребляются безъ различія [43]). Тоже нужно сказать и о нашемъ памятникѣ.

Переходимъ теперь къ другой также очень важной примѣтѣ, по которой разобранная рукопись должна быть отнесена къ средне-болгарскимъ памятникамъ. Эта примѣта есть употребленіе ѣ вм. ѧ.

Въ средне-болгарскихъ памятникахъ послѣ согласныхъ буквъ ѧ очень часто замѣняется чрезъ ѣ, но только именно послѣ согласныхъ, что составляетъ особенность болгар-

---

*) А имащаго въ приведенномъ выше большомъ отрывкѣ изъ разбираемой рукописи?

Б.-де-К.

скихъ памятниковъ, которою они отличаются отъ памятниковъ сербской редакціи, въ которыхъ ѣ (или є) замѣняетъ ꙗ всюду, не только послѣ согласныхъ, но и послѣ гласныхъ и даже въ началѣ словъ, напр. ѣко, ѣкисе [44]).

Изъ болгарскихъ памятниковъ только очень немногіе допускаютъ употребленіе ѣ вм. ꙗ послѣ гласныхъ; къ такимъ памятникамъ относится напр. Хиландарскій Паремейникъ Григоровича, принадлежащій ко второй половинѣ XIV столѣтія [45]). Въ разобранной нами рукописи ѣ очень часто ставится вм. ꙗ, но всегда только послѣ согласныхъ; въ началѣ словъ такой замѣны нѣтъ, напр. пишется ꙗко (3, 4, 4, 5, 6, 6, и др.), а не ѣко. Случаи замѣны ꙗ чрезъ ѣ въ нашемъ памятникѣ почти тѣже самые, какіе указаны Билярскимъ относительно лѣтописи Манассія [46]); поэтому было бы излишне исчислять ихъ здѣсь.

Буква є въ нашемъ памятникѣ, также какъ и въ лѣтописи Манассія [47]), имѣетъ два начертанія: є и Є. Первое употребляется въ срединѣ словъ (въ лѣтописи Манассія только послѣ согласныхъ), второе же въ началѣ словъ (а въ лѣтописи Манассія и въ срединѣ послѣ гласныхъ). Относительно этого явленія, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Билярскаго, который говоритъ, что „въ двухъ начертаніяхъ є напрасно было бы искать фонетическаго различія между чистымъ и йотированнымъ є" [48]). Нашъ памятникъ даетъ рѣшительное доказательство въ пользу этого мнѣнія, такъ какъ въ немъ въ срединѣ словъ, какъ послѣ согласныхъ, такъ и послѣ гласныхъ, ставится одно и тоже начертаніе буквы є; между тѣмъ, если бы писецъ хотѣлъ отличить йотированное произношеніе буквы є отъ чистаго, то онъ послѣ гласныхъ въ срединѣ словъ ставилъ бы тоже самое начертаніе буквы є, какое ставитъ въ началѣ, а этого нѣтъ. По нашему мнѣнію, начертаніе Є, поставляемое въ началѣ словъ и отличное отъ начертанія є, поставляемаго въ срединѣ, писецъ употреблялъ для того, чтобы, при писаніи словъ serie continua, показать, что

цалѣе начинается новое слово. Это объясненіе, разумѣется, приложимо только къ нашему памятнику.

Буква ы въ нашемъ памятникѣ иногда, какъ мы видѣли, замѣняется буквою и; оказывается, что эта замѣна является въ тѣхъ же самыхъ словахъ, въ какихъ она замѣчена и Билярскимъ въ лѣтописи Манассія, напр. въ словахъ: нииѣ (7), въꙁсилаⷨє (5) и немн. др. [49]).

Начертанія и и ї оба употребляются, какъ въ лѣтописи Манассія, такъ и въ разобранномъ нами памятникѣ, предъ знаками гласныхъ звуковъ, но послѣднее гораздо чаще употребляется предъ гласными и рѣже предъ согласными [50]).

Наконецъ, признакомъ средне-болгарскаго происхожденія нашего памятника служитъ крайне рѣдкое употребленіе въ немъ йотированныхъ гласныхъ. Такое же отвращеніе къ йотаціи замѣчается въ лѣтописи Манассія и въ нѣкоторыхъ другихъ болѣе древнихъ памятникахъ средне-болгарскихъ [51]). Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы въ нашемъ памятникѣ, какъ и въ лѣтописи Манассія, сочетанія: ѥ, ꙗ, ѭ и др. вовсе не встрѣчались. Напротивъ, они изрѣдка встрѣчаются, и это, по мнѣнію Билярскаго [52]), служитъ доказательствомъ ихъ несовмѣстности съ выговоромъ писца, потому что „еслибы вовсе не было въ памятникѣ сочетаній: ѥ, ꙗ, ѭ, тогда можно бы было подозрѣвать условную систему правописанія, несогласную съ выговоромъ" [53]).

Теперь слѣдовало бы перейти къ морфологіи нашего памятника и сравнить ее съ морфологическими особенностями средне-болгарскихъ памятниковъ, но намъ кажется, что и на основаніи изложенныхъ особенностей вокализма нашего памятника мы имѣемъ полное право признать средне-болгарское происхожденіе разобранной рукописи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]). т. е. Зографскій, безъ сомнѣнія, тотъ самый, въ которомъ найдено извѣстное Зографское глаголическое Евангеліе.

[2]). Мы удерживаемъ правописаніе памятника, но слова этой замѣтки выписаны нами вполнѣ, а не въ сокращеніи, какъ они написаны въ самой рукописи. Что же касается до примѣровъ, которые мы будемъ приводить при разборѣ рукописи, то они выписываются съ возможною точностію.

[3]). Это очевидно недописка; въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ оглавленія поставлено слово „деспота". Такихъ недописокъ не мало въ рукописи.

[4]). Въ текстѣ на листахъ 85—86 помѣщена еще молитва, озаглавленная такъ: „егда хощеть кто огласити ѧзычника".

[5]). Это слово не разобрано; вѣроятно оно есть прилагательное „славянскій".

[6]). Надпись начинается словами: „служебникъ писанный уставомъ . . . ."

[7]). По мнѣнію проф. Срезневскаго, памятникъ этотъ относится по начертаніямъ буквъ къ XIII вѣку.

[8]). Подобный же фактъ замѣчается и въ Супрасльской рукописи. Напр.

им'же, к'нимъ

См. Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi. Edidit F. Miklosich. Vindobonae. 1851. p. 266, 56.

[9]). Monumenta linguae palaeosloven. p. 124: отъ вьсѣкоѧ.

[10]). Kopitar. Glagolita Clozianus. Vindobonae. 1836. p. 13 съмирѣѭштеи.

[11]). Monumenta linguae palaeosl p. 119: **самодръжецъ**, 198: **испръва**, 435, **покръже**.

[12]). Напр. **жрътвьи** (р. 9), **крьстьяномъ** (р. 3), **покръже** (р. 6), **пръвѣе** (р. 13), **совръшенѫ** (р. 11), **съмръти** (р. 8 и 15), **чръмное** (р. 8 и др.).

[13]). Ср. въ Glagolita Clozianus: **силънъ** (р. 6).

[14]). Ср. въ Супр. ркп. **аминъ** (Monum. linguae palaeoslovenicae, pag. 203).

[15]). Эта классификація принадлежитъ И. А. Бодуэну-де-Куртенэ. См. его рецензію на книгу Лескина: Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslawischen) Sprache, Weimar. 1871. Отдѣльный оттискъ стр. 8—9.

[16]). Въ томъ мѣстѣ рукописи, изъ котораго взяты приведенные примѣры, рѣчь идетъ только объ одномъ лицѣ; слѣдовательно, въ этихъ примѣрахъ разумѣются только двѣ, а не многія руки и ноги.

[17]). Съ окончаніемъ **омь** въ означенной формѣ прилагательныя являются и въ нѣкоторыхъ изъ древнихъ памятниковъ, напр. въ Саввиной книгѣ. Ср. добромъ срдцемь и благомъ. Срезневскій. Древніе славянскіе памятники юсоваго письма. СПБ. 1868. стр. 33.

[18]). Ср. въ Супрасльской рукописи форму
мыслаштемъ
(Monumenta linguae palaeoslov. e codice Suprasliensi p. 160).

[19]). Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, стр. 1.

[20]). По общему фонетическому закону въ великорусскомъ языкѣ і (и, ї) предъ j переходитъ въ є. Напр. вм. **шии** имѣется слово **шеи**. Точно также вм. **сии**—**сеи**.

[21]). См. Grammatik der Bulgarischen Sprache von Kyriak Cankof. Wien. 1852. S. 10 und folg.

[22]) Ср. въ Саввиной книгѣ форму
обращъ
(Срезневскій. Древн. Слав. памятн. юсоваго письма, стр. 6).

[23]). Ср. въ Остромировомъ Евангеліи форму
одрьжимъ (**єѵ҃ка ѿ їоанна глава є҃**)

[24]). Этотъ знакъ является въ формѣ 3-го лица sing. и plur. indicat. activi praes. не во всѣхъ древнихъ памятникахъ. Такъ въ Саввиной книгѣ эти формы всегда имѣютъ на концѣ знакъ ъ. См. Древн. слав. памятники юсоваго письма: сивѧетъ (стр 9), погоубитъ (10), оубиѩтъ (23), оставитъ (23), и др

[25]) Ср. въ Остроміровомъ. Евангеліи

окрѣтаѭть | єѵа отъ матѳеа
поноръть | глава ζ.

[26]). Здѣсь мы имѣемъ по всей вѣроятности описку писца, а не фонетическій фактъ, потому что юсы въ нашей рукописи вообще не смѣшиваются съ знаками другихъ гласныхъ. Другой случай подобной описки представляетъ написаніе къ имъ (65) вм. къимѧ.

[27]). Лекціи по наукѣ о языкѣ. Первая серія. СПБ. 1865 стр 50.

[28]). О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассія. Изд. 2-е. СПБ. 1858 стр 22.

[29]. A. Leskien. Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler. Archiv für slavische Philologie herausgegeben von V. Jagić. Zweiter Band. Zweites Heft, Berlin 1877. S. 269. Anmerkung.

[30]). Свѣдѣніями относительно средне-болгарскаго вокализма въ его отношеніи къ ново-болгарскому вокализму мы обязаны частію прекраснымъ лекціямъ И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, частію заимствуемъ ихъ изъ цитованныхъ уже нами сочиненій Билярскаго и Лескина.

[31]). Билярскій О средне-болгарскомъ вокализмѣ стр. 67.

[32]). Ibidem стр. 68.

[33]). Ibidem стр. 69.

[34]). Ibidem стр. 71.

[35]). стр. 45.

[36]). 50, 51, 60, 61 и др.

[37]. A Leskien. Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler, s. 207. Билярскій, стр. 80.

[38]. Leskien, l. c.

[39]. Билярскій, стр. 81.

[40]. l. c.

[41]. Ibidem, стр. 82.

[42]. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № 18 (въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ).

[43]. Leskien S. 276. Билярскій стр. 82.

[44]. Билярскій стр. 109.

[45]. Ibidem стр. 109 примѣч.

[46]. Ibidem стр. 110 и сл.

[47]. Ibidem стр. 115.

[48]. Ibidem стр. 116.

[49] Ср. у Билярскаго стр. 123.

[50]. Ibidem стр. 124.

[51]. Ibidem стр. 126.

[52]. l. c.

[53]. Тамъ же.

В. Плотниковъ.

Поправки. Цифры, указывающія выноски къ примѣчаніямъ Среднебол. служ. съ 22-й по 49 стр., ошибочно поставлены въ текстѣ, вм. общеупотребительныхъ [1]) [2]) и т. д. обозначены двумя скобками ( ). Указываемъ соотвѣтствующія страницы и строки.

Вын. стр,	строк.	вын.	стр.	строк.	вын.	стр.	строк.
(1)(2)—22	6, 17	(9)(10)	—32—	20, 29	(17)	—45—	2
(3)(4)—25—	4, 20	(11)(12)(13)	—34—	24, 26	(18)(19)	—46—	3, 18
(5) —26—	21	(14)	—35—	5	(20)(21)	—47—	4, 22
(6)(7)—27—	18, 22	(15)	—40—	9	(22)(23)(24)	—48—	21, 29
(8) — 9—	24	(16)	—44—	6	(25)	—49—	2

ПРОИЗВОДСТВО СЛОВА „ЧЕЛОВѢКЪ".

Извѣстно три производства слова „человѣкъ": Павскаго, Миклошича и Потебни. Первый производитъ его отъ санскр. слова kula и дѣлитъ такъ: челов—ѣкъ; второй —отъ сан. корня shru (shravami, слышу) и находитъ въ немъ тѣ же части, какъ и Павскій; наконецъ третій, Потебня, дѣлитъ: чел-о—вѣкъ т. е. видитъ въ немъ сложное слово изъ двухъ знаменательныхъ корней: цѣл и вѣк (сила).

Противъ производства Павскаго должны быть сдѣланы слѣдующія возраженія: 1) темнота первичнаго значенія слова челов-ѣкъ. Санскр. суффиксъ êka, въ которомъ видитъ Павскій, а съ нимъ и Миклошичъ, наше ѣкъ значитъ: одинъ, kula—племя. Что же значитъ „человѣкъ"?—Одинъ изъ племени? Но развѣ скр. кула обозначаетъ племя въ значеніи всѣхъ людей, а не части только? Или первобытные предки Славянъ людьми называли только лицъ своего племени? а лицо не ихъ племени какъ они называли?—не человѣкомъ? а откуда это извѣстно? Мы только знаемъ, что словомъ человѣкъ обозначалось и обозначается всякое существо, одаренное словомъ и умомъ, въ противоположность прочимъ животнымъ.—Вотъ нѣмцы весьма основательно производятъ слова mensch и mann отъ того же корня, который заключается въ ихъ же родномъ словѣ meinen—думать. По этому производству mensch и mann имѣютъ полный смыслъ, ясный, солидный: mensch—кто имѣетъ умъ, mann—кто имѣетъ умъ и думаетъ, заботится о семействѣ: женѣ, дѣтяхъ. Но производство Павскаго не даетъ слову человѣкъ такой опредѣленности и ясности. Павскій

тъ слова kula производитъ еще рус. челядь. Правда и это? Вѣдь извѣстно, что суф. ядь—ядо—адо имѣютъ наченіе собирательное: рус. рухлядь; хорут. živad—:ивотныя, живность, zelenjad—овощь. Что же бы значило елядь? Понятно: нѣсколько племенъ; стало быть овсѣмъ не то, чего желалъ Павскій; нѣсколько людей. Iѣсколько людей=человѣк + ядь=человѣчдь. а не чел-ядь Итакъ, если невозможно производить :елядь отъ kula, то значитъ между корнемъ чел въ Iело-вѣкъ и кор. чел въ челядь нѣтъ родства, что ю первому даже взгляду невѣроятно. 2) Производство Павкаго противорѣчитъ законамъ славянской морфологіи. Павкій и Миклошичъ погрѣшаютъ противъ русской и славянской вообще морфологіи, утверждая что въ слав. языахъ есть суф. ѣкъ. Нѣтъ еще другихъ словъ, которыя ы заключали этотъ суффиксъ. Миклошичъ, а съ нимъ мѣстѣ и Будиловичъ, хотя и приводятъ еще слово pisek, ю оно сомнительно.—Если ужъ искать въ слав. языкѣ суффикса, соотвѣтствующаго скр. êka, то не въ ѣкъ, котораго нѣтъ въ славянскомъ языкѣ, а въ якъ: здоров—якъ =одинъ изъ здоровыхъ; больш—акъ=одинъ изъ большихъ, степн—якъ=одинъ изъ степныхъ; листв—якъ =одинъ изъ обитателей въ листвѣ дерева и проч.

По производству Миклошича (см. „Radices" 1845. „Vergl. Gram." 1875 г. II т. 246 стр.) слово человѣкъ тоже не выигрываетъ въ ясности значенія, если сравнить его съ производствомъ Павскаго. Что значитъ человѣкъ, произведенный отъ скр. кор. slru слышать?—Одинъ изъ слышащихъ? Положимъ даже, что слово человѣкъ означало бы, какъ желаетъ Миклошичъ, того, кто позволяетъ себя слышать, а не того, кто самъ слышитъ. Но вѣдь и соловей, корова, волкъ тоже позволяютъ себя слышать. Почему же человѣкъ названъ человѣкомъ по тому же самому признаку, который одинаково принадлежитъ большинству животныхъ? Противъ того,

чтобы производить соловья отъ shru, мы не имѣемъ ничего сказать: соловей поетъ громче и пріятнѣе всѣхъ птицъ и своимъ пѣніемъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность, славу: славій, соловей т. е. по преимуществу слышимый изъ всѣхъ птицъ, или же славная, знаменитая птица. Затѣмъ не говоря уже о томъ, что отъ shru въ славянскомъ языкѣ было бы имя тоже съ суф. икъ, а не ѣкъ, можно возразить Миклошичу: почему санскр. корень shru во всѣхъ словахъ являющійся въ видѣ слу, слов, слы, въ одномъ только словѣ человѣкъ принялъ ни съ того ни съ сего форму чьлу съ весьма сомнительною (если не безпримѣрною) замѣною скр. звука sh славянскими ч=к и не менѣе сомнительнымъ паразитнымъ ь, е? (Микл. хотя пишетъ: чловѣкъ, но безъ ь онъ не можетъ объяснить перехода к въ ч).

Обратимся къ производству г. Потебни. Потебня въ первой половинѣ слова чел—о—вѣкъ видитъ тотъ же корень, который заключается въ цѣл-ый, а во второй половинѣ корень вѣк, находящійся въ словѣ у-вѣч—ь—е, у-вѣч-и-ть. Увѣчить значитъ, по словамъ этого ученаго, лишать силы („Къ Ист. звуковъ русс. языка.") Слѣд. вѣк-ъ=сила. Противъ этого производства опять таки прежде всего говоритъ неясность, темнота первоначальнаго значенія, придаваемаго слову. Почему же это человѣкъ, и здоровый и нездоровый, умный и дуракъ, уродъ, идіотъ и краснорѣчивый силачъ, однимъ словомъ всякій—всякій человѣкъ называется и назывался человѣкомъ, хотя бы онъ и не „обладалъ цѣлыми силами"? Во-вторыхъ, какъ понимать „цѣлыя силы"? Всякое животное можетъ обладать цѣлыми силами: почему же они не называются „человѣками"? Вообще это толкованіе, судя a priori, въ высшей степени невѣроятное. Мы не знаемъ, что собственно значатъ, по точной этимологіи, слово увѣчить и нѣкоторыя другія, приводимыя Потебнею, очевидно родственныя съ увѣчье слова: быть можетъ увѣчить

йствительно по точной этимологіи значитъ лишать ілы (а не уродовать, ломать, какъ понимаемъ мы перь). Но возразимъ противъ приравненія чел корню ѣл: почему въ этомъ одномъ словѣ ѣ ослабилось въ ь и ѣ другіе примѣры, которые бы подтверждали, что цѣл, внающійся скр. kail, лит. kail, дѣйствительно существовалъ бы въ формѣ цьл (цловѣкъ), чьл (чьловѣкъ, челоѣкъ), кромѣ даннаго слова? Примѣровъ этихъ нѣтъ. Это зраженіе въ связи съ предыдущимъ увеличиваетъ невѣроность производства Потебни.

Мы дѣлимъ слово человѣкъ такъ же, какъ и Потеб я: эл—о—вѣкъ; но обѣ половины этого слова производимъ всѣмъ отъ другихъ корней. Чело=frons, а какъ pars о toto: лицо, голова и вѣкъ=voc-s. ϝεπ-ω, сан. ak-ami. Вѣк=вѣт: от—вѣт—ить, вѣщій. *) ос-о- зову; επω—говорю, οψ—лицо; vak-ami—говорю; ѣщаю—говорю будущее, отвѣчаю—говорю на вопросъ -всѣ эти слова происходятъ отъ того же самаго корня, оторый заключается во второй половинѣ слова человѣкъ.— о этому производству чел-о-вѣкъ собственно значитъ: оворящее чело, т. е. говорящее лицо, голова. акимъ образомъ по нашему словопроизводству получается отъ самый результатъ, котораго желали Миклошичъ, удиловичъ, стремившіеся отъискать въ человѣкѣ азваніе, храктеризующее его по главному, отличительному ризнаку. Челядь, по нашему толкованію, есть собраніе ѣсколько лицъ, нѣсколько головъ.

Что вѣк, вѣт по фонетикѣ равно скр. vak, это и оказывать не стоитъ труда. Мы сошлемся на Compendium Шлейхера стр 101, гдѣ приведенъ рядъ примѣовъ подобнаго соотвѣтствія первоначальнаго (Ursprache) санскритскаго *a* славянскому *ѣ*, причемъ предполагается

*) Другіе примѣры на переходъ *к* въ *т*: паук-ъ—пауг-ина; еск-ъ—блест-ѣть; вопрек-и—запрет-и-ть и т. п.

для объясненія, что этотъ *ѣ* есть вторичный звукъ, обра-
зовавшійся на славянской почвѣ изъ *е*, ближайшимъ обра-
зомъ соотвѣтствующимъ звуку первоначальному и санскрит-
скому a: √ s a d=лат. s ē d (sed-ēre), греч. ̔ ε δ (ἑζομαι
κάϑ-ηδ-ρα), ἡ δ (ἧμμαι), слав. с е д (село=с е д-ло) сѣ
(сѣс-ти, сѣлъ=сѣд-лъ); √ s a=лат. s e (se-men), литов.
s e-ti, готс. s a-ia,=слав с ѣ (сѣ-мя); √ v a=слав. в ѣ-тръ,
в ѣ-яти; √ d h a=д ѣ-ти, д ѣ-ло; √ a d=ѣ с-ть вм. ѣ д-ть;
√ r a k=р е к-ж, р ѣ-хъ вм. рѣк-хъ; √ m a r=у-м е р-лъ,
м р ѣ-ти и пр.

Саратовъ, Сент. 6
1880 г.

Василій Добровскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

О нарѣчіи Венеціянскихъ Словенцевъ. Сочиненіе **А. Клодича.** Санктпетербургъ. Типографія Императорской Академіи наукъ. 1878. 8°, 27 стр.

Трудъ этотъ былъ составленъ г. Клодичемъ (въ настоящее время инспекторомъ народныхъ училищъ въ Тріестѣ) еще около 1870 г. первоначально только для Миклошича и вовсе не предназначался для печати. Миклошичъ (Miklocich) пользовался имъ въ своей „Vergleichende Grammatik" (конечно, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя вышли послѣ 1870 г.). Только по предложенію пишущаго эти строки авторъ согласился обнародовать свое сочиненіе. Оно было передано покойному И. И. Срезневскому и помѣщено имъ въ его изданіи—„Фріульскіе Славяне. Статьи И. И. Срезневскаго и приложенія. СПБ. 1878,"—въ которомъ напечатана тоже статья Валенте „О Славянскомъ языкѣ въ Резьянской долинѣ во Фріулѣ" и „Образцы говоровъ Фріульскихъ Славянъ", сообщенные Срезневскому изъ собранныхъ мною матеріаловъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется русское заглавіе отдѣльныхъ оттисковъ какъ разсужденія Клодича, такъ и статьи Валенте, не смотря на то, что самый текстъ въ первомъ — словенскій, во второй же — италіанскій.

Въ теоріи Клодичъ безусловно придерживался Миклошича со всѣми его достоинствами и недостатками. Порядокъ же изложенія заимствованъ взъ Янежича (Slovenska slovnica za domačo in šolsko rabo. Spisal Anton **Janežič**, etc. Četerti popravljeni natis. V Celovcu 1869). И даже все сочиненіе г. Клодича состоитъ изъ перечня

отступленій описываемаго имъ нарѣчія отъ словенскаго языка въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ въ названной книгѣ Янежича.

Не все тутъ схвачено вѣрно, и даже, пожалуй, главныя отличія нарѣчія Венеціанскихъ Словянъ отъ языка Словенцевъ вовсе не замѣчены нашимъ авторомъ; но тѣмъ не менѣе по его изложенію можно составить себѣ довольно ясное понятіе о многихъ характеристическихъ чертахъ описываемаго имъ нарѣчія, хотя формулировка этихъ особенностей далеко не всегда удовлетворительна. Но иначе и быть не могло, если авторъ безусловно придерживался Миклошича и Янежича.

Полной признательности со стороны спеціалистовъ заслуживаетъ г. Клодичъ за приложеніе къ самому сочиненію нѣсколькихъ разсказовъ на описываемомъ имъ нарѣчіи (стр. 25—27). Эти тексты, записанные относительно очень точно, даютъ конкретное представленіе объ этомъ нарѣчіи. Жаль только, что не во всѣхъ словахъ обозначено удареніе, что вовсе не отличены разновидности ударенія и что, наконецъ, вовсе не обозначена долгота и краткость гласныхъ.

Карл Аппель: 1) **Замѣтки о древне-польском языкѣ.**

2) **Къ славянскому народному словопроизводству.**

5) Библіографія. Zarés do Grammatikj Kašébsko-Słovjnskjè Mòvé napisêł é vêdêł Dr. Florjan Cenôva. v Poznanju. 1879.— 8", 44 стр.

(Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника" т. III, годъ 2-й, 1880, стр. 1—35, 86—90, 141—144).

До названныхъ трудовъ г. Аппель напечаталъ только

статью „О говорахъ польскаго языка“ (Русскій Филол Вѣстникъ, т. II, 1879, стр. 47—64), и нельзя отрицать, что онъ весьма удачно началъ свою литературную дѣятельность въ области языковѣдѣнія. Не часто можно встрѣтить такое вѣрное и мѣткое пониманіе явленій языка и такое строго научное къ нимъ отношеніе. Нашъ авторъ сразу сталъ на ту высоту научныхъ воззрѣній, до которой довольно часто не въ состояніи добраться, даже послѣ многолѣтнихъ странствованій по дебрямъ памятниковъ и схоластики, разные маститые ученые съ вѣсомъ и авторитетомъ. Чтеніе написаннаго г. Аппелемъ не наводитъ вовсе скуки и не заставляетъ сожалѣть о потерѣ времени; напротивъ того, оно доставляетъ истинное удовольствіе и побуждаетъ къ мышленію. Г. Аппель очень искусно сопоставляетъ разбираемые факты; формулировка же обобщеній и выводовъ у него вполнѣ научная, иногда почти образцовая. Въ особенности достойна вниманія глава „Нѣкоторые случаи дифференцированія флексій“, а въ ней то, что находится на стр. 27—31. Затѣмъ см. стр. 10[1]), 14[1]), 35, 42, 42,) и т. д.

Не смотря на всѣ достоинства, въ произведеніяхъ г. Аппеля можно замѣтить и нѣкоторые болѣе или менѣе крупные недостатки.

Такъ нпр. онъ слишкомъ много вѣсу придаетъ моей магистерской диссертаціи „О древне-польскомъ языкѣ до XIV[0] столѣтія“, 1870. Сочиненіе это, и въ свое время удовлетворявшее далеко не всѣмъ требованіямъ *положительнаго, не фантастическаго* языковѣдѣнія, теперь уже нѣсколько устарѣло. Въ немъ высказаны разныя положенія и „выводы“, являющіеся не обобщеніями, строго вытекающими изъ фактовъ, и какими-то туманными догадками болѣе или менѣе апріорическаго и догматическаго свойства. Это было обусловлено внѣшними обстоятельствами. Тема эта (собраніе матеріала для исторіи польскаго языка изъ латинскихъ грамотъ) была мнѣ предложена покойнымъ

И. И. Срезневскимъ, не желавшимъ вовсе понимать задачъ и метода настоящаго языковѣдѣнія въ частности же не понимавшимъ пріемовъ и выводовъ моего разсужденія „Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination“ (въ „Beiträge zur vergleichenden sprachforschung“, томъ VI, 1868), и не добивавшимся отъ молодыхъ чернорабочихъ (какими были для него люди, „занимавшіеся подъ его руководствомъ“) ничего другаго кромѣ словаря, да и то обыкновенно словаря съ какимъ нибудь курьезнымъ порядкомъ словъ. Подобная работа не могла удовлетворять ума, хоть сколько нибудь живаго и желающаго понимать настоящіе научные вопросы. Она дѣйствовала на крѣпостнаго почтеннаго палеографа подавляющимъ образомъ и вызывала потребность хоть кое-какъ вознаградить все безсмыслie и чисто механическій трудъ навязанной работы, трудъ, который впрочемъ не былъ бы такъ тяжелымъ, еслибъ „руководившій“ согласился дать хоть какія нибудь указанія относительно пріемовъ, дѣлающихъ возможнымъ самое скорое и цѣлесообразное производство подобныхъ работъ. Отсюда-то и появились въ сочиненіи „О древне-польскомъ языкѣ до XIV стол.“ недостаточно обдуманные выводы, незрѣлыя и чрезвычайно смѣлыя объясненія и обобщенія фактовъ, не дающихъ сами по себѣ никакого права на это, и вообще то странное несоотвѣтствіе, какое замѣчается, съ одной стостороны, между самымъ тщательнымъ, самымъ строгимъ и самымъ добросовѣстнымъ сопоставленіемъ и обработкою всевозможныхъ мелочей изъ грамотъ и другихъ древне-польскихъ памятниковъ, а съ другой стороны, между большою смѣлостью и отчасти фантастичностью общихъ выводовъ. Впрочемъ, не смотря на всю подавленность ума этою египетскою работой, мнѣ все таки удалось сдѣлать нѣсколько совершенно вѣрныхъ и до того неизвѣстныхъ объясненій. Но подъ другими объясненіями я уже вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ названнаго сочиненія не захотѣлъ бы подписаться. Поэтому г. Аппель

напрасно такъ церемонится съ выводами этой книги, и, не соглашаясь въ сущности съ нѣкоторыми изъ нихъ, прибѣгаетъ къ столькимъ оговоркамъ и деликатностямъ (см. нпр. стр. 15).

Теперь перехожу къ частнымъ критическимъ замѣчаніямъ о трудахъ г. Аппеля.

Стр. 2: Авторъ слишкомъ рѣзко оцѣниваетъ грамматическіе труды ксендза Малиновскаго, въ особенности считая труды Сухецкаго „гораздо ближе подходящими подъ уровень современной науки“ (стр. 3). Въ этомъ отношеніи Сухецкій не многимъ лучше Малиновскаго, а иногда даже хуже его.

Стр. 3.[7]): Сколько мнѣ извѣстно по разсказамъ самого Сухецкаго, „Przegląd form gramatycznych języka staropolskiego“ былъ написанъ имъ, Сухецкимъ, и только напечатанъ безъ его участья.

Стр. 4: „Лучшее „вообще“ пособіе къ изученію польскаго яз.“ („Сравн. грам.“ Миклошича) стоитъ собственно гораздо ниже современнаго уровня языковѣдѣнія, а право не многимъ выше трудовъ кс. Малиновскаго и Сухецкаго.

Стр. 6: Трудно говорить о „сохраненіи первоначальной **подвижности** ударенія“ въ полабскомъ и кашубскомъ. *Разнообразіе* ударенія и его (конечно, морфологическая) подвижность — вещи, совершенно различныя.

Стр. 7—8: Сопоставляя, относительно ударенія, слова полабскія съ сербскими, слѣдовало въ сербскомъ кромѣ ударенія отличать тоже временное количество (долготу или краткость) гласныхъ.

Стр. 7: Полаб. górni^{e}t и då'ra наврядъ-ли можно прямо сопоставлять съ серб. *гово̀рити* и *дѐра*.

Стр. 8: Нѣтъ данныхъ для того, чтобы въ полаб. словахъ средн. р. въ родѣ jeutrű, śonű, slüvű и т. п. видѣть, относительно ударенія, непремѣнно аналогію къ zårnű, våknu, selű и т. п.

Стр. 9—10: Сокращеніе польск. im'eć, igrać, iz и т. п. въ m'eć, grać, z и т. п. произошло вѣроятно подъ вліяніемъ не столько неударяемости i, сколько морфологической ассимиляціи (аналогіи) и, можетъ быть, свойственнаго всѣмъ языкамъ фонетическаго стремленія къ исчезновенію начальныхъ гласныхъ и даже цѣлыхъ слоговъ, не поддерживаемыхъ чутьемъ ихъ необходимости для полноты знаменательнаго корня. Ср. нпр. подобнаго рода сокращеніе собственныхъ именъ во всѣхъ языкахъ (Лизавета, Ляксандеръ, Лексѣй и т. п.), сетра или и т. п. вм. осетра въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ, и т. д. Примѣнительно къ названнымъ тремъ словамъ, можно замѣтить слѣдующее: Въ im'eć i igrać начальное i (или ji) не поддерживалось чутьемъ принадлежности къ знаменательному корню, а напротивъ того напоминало очень часто употреблявшійся союзъ i, такъ что стало въ чутьѣ народа какою-то несущественною прибавкой къ главному тѣлу слова, отъ непроизнесенія которой значеніе слова вовсе не измѣняется. Ср. тоже skra вм. iskra (jiskra), mianować (= imionować,—аналогія и смѣшеніе корней), wymienić и т. д. Предлогъ же iz, тоже подъ вліяніемъ подобнаго фактора, смѣшался вполнѣ съ предлогомъ s (съ), т. е. они, путемъ не фонетическаго, а морфологическаго процесса, слились въ одинъ предлогъ z. Ср. тоже анекдотическое сокращеніе русскими чиновниками польскихъ фамилій Pan--czykowski, Pan-kiewicz и имени Pan-kracy въ Czykowski, Kiewicz i Kracy.

Стр. 10 и 11: Процессъ сокращенія alibo въ albo, v'eliki въ v'elki, kaliždy въ kalždy, Infinit ći въ ć, Imperat, i въ 0 (нуль) и т п., на сколько онъ былъ чисто фонетическимъ процессомъ, могъ совершиться только при отсутствіи противодѣйствія подобнымъ звуковымъ процессамъ со стороны прогибитивной морфологической ассимиляціи (аналогіи).

Стр. 11: Сомнительна столь тѣсная связь ударяемо-

сти съ развитіемъ „глухихъ гласныхъ“ ъ, ь въ другіе гласные и ихъ неударяемости съ исчезновеніемъ.

Стр. 14: z-bořić, вѣроятно, древнѣе, а z-buřić появилось, какъ продуктъ лексической ассимиляціи (народнаго словопроизводства) къ слову burza (буря). Ср. тоже чешское bouřiti рядомъ съ bořiti.

Стр. 14—15: Наврядъ ли можно допускать въ польскомъ вліяніе ударенія на замѣну гласнаго e гласнымъ o. Въ то время, когда совершался этотъ процессъ (e=o), въ польскомъ удареніе не было вѣроятно на столько сильнымъ, чтобы производить столь значительныя измѣненія въ вокализмѣ языка. Польскій языкъ, какъ и всѣ вообще сѣверо-западные языки словянскіе, принадлежитъ къ числу языковъ, характеристическую черту которыхъ составляетъ между прочимъ зависимость качества гласныхъ отъ сочетающихся съ ними (а прежде всего слѣдующихъ за ними) согласныхъ, въ противоположность нпр. русскимъ нарѣчіямъ, гдѣ первенствующую роль въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать за удареніемъ, вліяніе котораго только видоизмѣняется (сдерживается) противодѣйствіемъ со стороны вліянія согласныхъ (нпр. мягкихъ или твердыхъ). Стало быть, въ польскомъ v́odę, ńosę, v́osło, čoło ..... появились не по аналогіи съ ńosł, v́ozł, čoła ...., а точно тѣмъ же чисто фонетическимъ путемъ: *o* вм. *e* совпадаетъ здѣсь съ слѣдованіемъ за нимъ твердаго передне-язычнаго согласнаго; между тѣмъ какъ въ русскомъ *o* появляется вм. древнихъ *e* и ĭ (ь) при удареніи и при слѣдующемъ твердомъ согласномъ какого бы то ни было разряда. Вм. ē (ѣ) въ русскомъ *o* фонетически не появилось, тогда какъ въ польскомъ, при слѣдующемъ твердомъ передне-язычномъ согласномъ, вм. ē (ѣ) видимъ *a*. Моя „гипотеза“, по которой *o* вм. *e* предполагаетъ-де предварительное „растяженіе“: *e* въ ē (О древне-польскомъ яз. до XIV° ст., § 85), и съ которою авторъ хочетъ согласить свое объясненіе (переходъ *e* въ *o*

подъ вліяніемъ ударенія), совершенно не выдерживаетъ критики и является простою, ни на чемъ не основанною догадкой, а не научною гипотезой. Точно такъ же болѣе чѣмъ сомнительно предположеніе, что въ польскомъ языкѣ долгота гласныхъ нерѣдко является замѣнителемъ прежняго ударенія.

Стр. 14—15[2]): Объясненіе, почему губные не обусловили въ польскомъ замѣны предшествующаго имъ *е* гласнымъ *о*, слишкомъ искуственно и должно быть замѣнено болѣе простымъ. Вопросъ слѣдуетъ поставить на оборотъ и доискиваться не того, какіе согласные не произвели вліянія въ этомъ отношеніи, а только какіе его произвели? Тогда станетъ яснымъ, что вліяніе это, какъ чисто фонетическое явленіе, было свойственно однимъ только твердымъ передне-язычнымъ.

Стр. 15[1]): Въ словахъ польскаго языка вообще, а въ словѣ Varšava въ особенности нельзя вовсе говорить о „перегласованіи *а* въ *е*". Впрочемъ, это примѣчаніе (15[1]) совсѣмъ туманно и непонятно.—Точно то же относится къ „перегласованію", упомянутому на стр. 16.

Стр. 16: Въ виду выше изложеннаго совершенно нельзя допустить слѣдующаго объясненія: „тѣ же причины которыя обусловили въ извѣстныхъ случаяхъ смѣну *е* на *'о*, вызвали въ случаяхъ тождественныхъ переходъ ê въ 'a; какъ е : 'о=ê : 'а — и это очень естественно: ê какъ „долгій" гласный по отношенію къ *е* и, слѣдовательно, психически, равный по вѣсу гл. о (подъему для е), долженъ—подобно сему послѣднему—„перейти" въ *а*".

Стр. 16—27. Наблюденія по синтаксису не менѣе интересны, нежели фонетическая часть перваго разсужденія г. Аппеля. Въ систематизаціи матеріала замѣтна извѣстная доля схоластики; но отъ нея трудно освободиться даже самымъ свѣтлымъ умамъ, такъ какъ до сихъ поръ никто еще не пробовалъ дѣлать синтаксическія изслѣдованія безъ

схоластической подкладки, состоящей въ смѣшеніи грамматики съ логикою и въ навязываніи языку того, что въ немъ не въ состояніи открыть даже самый строгій анализъ, и что, стало-быть, въ немъ вовсе не полагается.

Стр. 18—19: Слово v́arovać śę, какъ и „стсл." вароѵати сѧ (встрѣчаемое, впрочемъ, только въ позднихъ памятникахъ, писанныхъ кириллицею, хотя и помѣщенное въ будто-бы старословянскомъ словарѣ Миклошича) усвоено изъ германской области и видоизмѣнено подъ вліяніемъ лексической ассимиляціи (народнаго словопроизводства).

Стр. 27—35. Какъ выше замѣчено, самымъ интереснымъ слѣдуетъ признать отдѣлъ III. „Нѣкоторые случаи дифференцированія флексій". Относительно его можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

Стр. 27—28: Выраженіе „по психологическимъ причинамъ" („Когда вм. вин. ед. сущ. одушевленныхъ, по психологическимъ причинамъ, сталъ входить въ употребленіе род. пад.") слишкомъ общее. Причины эти не всѣмъ извѣстны, и поэтому не мѣшало бы назвать ихъ поименно, тѣмъ болѣе, что процессъ этотъ состоитъ въ прямой связи съ морфологическимъ вопросомъ, разсмотрѣніемъ котораго занимается здѣсь нашъ авторъ. А ужъ совершенно туманно и невѣрно, съ легкой руки сочиненія „О древнепольск. яз. до XIV° ст.", считать ê „гласнымъ, психически, равнымъ по вѣсу гл. о (подъему для е)" (стр. 16).

Стр. 29: u въ Loc. и Voc. „гортанныхъ" основъ появилось не потому, что эти основы „потеряли способность сочетаться съ окон. *e* (ѣ, є)", а только вслѣдствіе стремленія къ морфологической ясности и однообразію основы во всѣхъ падежахъ даннаго имени. Съ окончаніемъ *e* было связано значительное измѣненіе послѣдняго согласнаго основы (c, dz, sz или cz, ż, sz вм. k, g, ch), и поэтому оно было замѣнено окончаніемъ u, какъ единствен-

нымъ окончаніемъ тѣхъ же падежей того же рода, сочетающимся съ сохраненнымъ послѣднимъ согласнымъ основы изъ категоріи задне-язычныхъ. Въ русскомъ языкѣ произошло распространеніе на мѣстный падежъ (такъ какъ звательнаго здѣсь не имѣется) основы другихъ падежей (съ сохраненіемъ послѣдняго заднеязычнаго) безъ измѣненія окончанія (берегѣ, духѣ, богѣ, человѣкѣ ....). Ср. рукѣ, ногѣ ...., пеки, бѣги, жги .... Иначе въ малорусскомъ, который въ этомъ отношеніи консервативнѣе великорусскаго.

Стр. 31: Предположеніе, что „Locativ'ы и Dativ'ы (мужескихъ) *a*-основъ въ началѣ праславянской эпохи должны были быть тождественны" — далеко не доказано.

Стр. 33: „Въ польскомъ яз. ок. -ę" (въ Gen. s. f.) „лишилось ринезма (źem'e duše)" не чисто фонетически, но какъ окончаніе, уступившее мѣсто, путемъ морфологической ассимиляціи (аналогіи), окончанію *e* того же падежа отъ рефлексовъ общеаріоевропейскихъ согласныхъ основъ (матєрє, кръвє, камєнє, словєсє ...). Невозможно же говорить о „перегласованіи" въ русскомъ окончанія *я* въ *е* (ѣ); при чемъ принимать окончаніе *я* значитъ смѣшивать буквы и звуки. Сомнительно, чтобы Genitiv'ы źem'e duše „впервые открыли окончанію -е (ѣ) доступъ къ ja-основамъ въ Dativ'ѣ и Locativ'ѣ".

Стр. 34: Въ русскомъ Gen. земли... имѣется результатъ двойнаго ассимилирующаго вліянія формъ (двойной аналогіи): съ одной стороны исконныхъ Gen.-овъ съ ок. -*и* (пути, кости ...), съ другой же Gen.-овъ съ -*ы* (воды, рыбы ....).

Общій недостатокъ перваго, главнаго, разсужденія г. Аппеля слѣдуетъ видѣть въ постановкѣ самой задачи. Матеріалъ, собранный имъ изъ польскихъ памятниковъ, не совсѣмъ вяжется съ тѣми общими вопросами, которыхъ авторъ касается, или по крайней не представляетъ достаточныхъ данныхъ для ихъ удовлетворительнаго рѣшенія. Матеріалъ этотъ представляетъ весьма драгоцѣнный вкладъ

въ общій инвентарій матеріаловъ для исторіи польскаго языка; тамъ ему и мѣсто. При разсмотрѣніи же затронутыхъ г. Аппелемъ вопросовъ должно бы быть изъ него (этого матеріала) взято самое существенное и поставлено на ряду съ такимъ же извлеченіемъ изъ матеріаловъ ко всей исторіи польскаго языка. Въ такомъ видѣ, какъ теперь, работа г. Аппеля должна быть озаглавлена: или „нѣсколько общихъ замѣчаній о развитіи языка въ фонетическомъ, синтаксическомъ и морфологическомъ отношеніи по поводу матеріаловъ, собранныхъ изъ древне-польскихъ памятниковъ“, или же „матеріалы для исторіи польскаго языка, избранные изъ нѣкоторыхъ древне-польскихъ памятниковъ, съ присоединеніемъ общихъ замѣчаній о развитіи языка въ фонет., синтакс. и морфол. отношеніи“. Заглавіе: „Замѣтки о древне-польскомъ языкѣ“ говорятъ слишкомъ мало *). Конечно, это вовсе не умаляетъ замѣчательныхъ достоинствъ сочиненія нашего автора.

Перехожу теперь къ замѣчаніямъ, касающимся двухъ другихъ, болѣе короткихъ, статей г. Аппеля.

Стр. 36—40: „К ъ с л а в я н с к о м у н а р о д н о м у с л о в о п р о и з в о д с т в у“

Стр. 37: Въ бѣлорусскомъ к о л о п н я́ наврядъ ли можно допустить „явленіе фонетическое (metathèsis)“. То же относится и къ слову п а л я р у ш вм. п а р а л ю ш (параличъ).

Стр. 37—38: Объясненіе слова с л ю́ т а (слякоть) приноровленіемъ къ названію мѣсяца (февраля) „лютый“ кажется мнѣ нѣсколько натянутымъ; хотя, конечно, производство этого слова, с л ю т а, отъ √лют—совершенно немыслимо.

Стр. 38: С ѣ к у ц і я и с ѣ к у т о р ъ вм. э к з е к у ц і я и э к з е к у т о р ъ употребляются тоже Великоруссами. Ср. тоже польс. s e k u t n i c a (вѣроятно, вм. *egzekutnica).

*) Еще болѣе это относится къ разсужденію г. Аппеля «О говорахъ польскаго языка» (Русск. Филол. Вѣст. т. II, 3-й 1879, стр. 47—64), которое собственно должно бы быть озаглавлено: «О нѣкоторыхъ явленіяхъ въ говорахъ польскаго языка».

Стр. 39: Развитіе в.луж. bloto (silva) изъ нѣм. Wald, путемъ народнаго словопроизводства, по моему, не вполнѣ убѣдительно.

Стр. 41—44. По поводу кашебской грамматики д-ра Ценовы.

Стр. 42[1]): źągło могло развиться изъ žądło путемъ чисто фонетическимъ. Во многихъ языкахъ сочетанія tl, dl и т. п. становятся со временемъ неудобными и замѣняются сочетаніями kl, gl и т. п. Но это фонетическое стремленіе обыкновенно не на столько сильно, чтобы одолѣть прогибитивную морфологическую ассимиляцію (аналогію), состоящую въ присутствіи чутья родства данной формы съ другими формами, въ которыхъ звуки t или d и l и т. п. являются не въ сочетаніи другъ съ другомъ, а только въ условіяхъ, благопріятствующихъ ихъ сохраненію безъ всякихъ измѣненій.

Оканчиваю эти замѣтки пожеланіемъ, чтобы г Аппель продолжалъ свои интересныя изслѣдованія въ области словянскихъ языковъ и общаго языковѣдѣнія.

Вишневъ (Свенцян. у.)
Іюль 1880 г.

P. S. Уже написавъ свою замѣтку, я получилъ разсужденіе г. Аппеля

„О бѣлорусском нарѣчіи. Замѣтки Карла Аппеля. Особый оттиск из „Русскаго Филологическаго Вѣстника“. Варшава. 1880“ 8", 28 стр.

Это разсужденіе еще лучше выше разобранныхъ, потому что систематичнѣе и всестороннѣе. Въ особенности достойна одобренія полнота собраннаго здѣсь матеріала изъ имѣющихся источниковъ для изученія бѣлорусскаго нарѣчія.

Весьма мѣтко схвачены нѣкоторыя изъ главныхъ чертъ отличія и сходства бѣлорускаго нарѣчія съ великорусскимъ и малорусскимъ.

Главный недостатокъ этого разсужденія состоитъ въ не совсѣмъ точной формулировкѣ нѣкоторыхъ соотвѣтствій звуковъ. Такъ напр., говоря о „смѣнѣ неударенная *е* на *я*" (стр. 2) ср. тоже „передне небное а", стр. 6) и т. п., авторъ какъ будто смѣшиваетъ звуки и буквы. Точно такъ же невѣрную формулировку нужно видѣть въ принятіи суффиксовъ -ніе, -нія (стр. 16) и т. д.

Стр. 2): „Стремленіе къ сохраненію равновѣсія неударенныхъ слоговъ" представляетъ что-то думанное и непонятное. Можетъ быть, со временемъ можно будетъ вывести изъ фактовъ подобное стремленіе, но пока нѣтъ для этого достаточныхъ данныхъ.

Стр. 6—7: По поводу замѣны конечныхъ *о* и *е* гласнымъ *а* (*я*) слѣдовало бы отмѣтить частное смѣшеніе рода женскаго съ среднимъ. Стало-быть, существительныя средняго р. въ им. вин. мн. подчиняются скорѣе вліянію аналогіи жен. р., нежели муж. (стр. 13).

Стр. 11 [1]): Выводъ изъ „отношеній гласныхъ: о : а=а : ы .... (1), е : я=я : и .. (2), откуда" (?) „: а (о) : ы=я (е) : и.... (3)"—не понятенъ.

Стр. 12—13: Какое можетъ имѣть значеніе для опредѣленія времени развитія *ы* изъ *о* „уже послѣ перехода неударяемаго о въ а" слѣдующее соображеніе: „2.. въ говорахъ „акающихъ" измѣненію въ *ы* никогда не подвергается ударенное о"? Развѣ ударенное *а* подобному измѣненію подвергается?

Стр. 22: Instr. s. joju (ёю) могъ развиться изъ jeju подъ вліяніемъ непосредственной аналогіи toju (тою), точно такъ же какъ Dat. joj (ёй) изъ jej подъ вліяніемъ toj (той), и совершенно излишне принимать посредничество „пропорціональной" аналогіи:

„Instr. *ею* : Dat. ёй (изъ ей)=Instr. тою : Dat. той".

Стр. 24: Не совсѣмъ понятно, какимъ образомъ „къ случаямъ вліянія *аналогіи*" могутъ „тѣсно примыкать формы, въ которыхъ, въ большей или меньшей степени, сказалось иностранное вліяніе".

Стр. 25: Для объясненія „сѣдзѣць = сидѣть" (сядзѣла....) и „дзѣця = дитя" совершенно не нужно принимать польскаго вліянія. Это скорѣе древній видъ этихъ словъ, сохранившійся въ бѣлорусскомъ, а измѣненный въ великорусскомъ.

Струвекъ (Любартов. у.)
Августъ 1880 г.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствѣ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библіографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красотъ языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библіографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты; поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной миѳологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ ВОРОНЕЖѢ. Выходятъ безсрочными выпусками — по шести выпусковъ въ годъ.
Цѣна годовому изданію 6 руб. Подписка принимается:

въ ВОРОНЕЖѢ: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ.

Въ Редакціи также можно получать слѣдующія изданія.
Годичное изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1864 г., цѣна 3 р., за 1865 г. 3 р., за 1866 г. 3 р., за 1867 г. 6 р., за 1868 г. 3 р., за 1869—1879 г. по 6 р. каждый.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ Б. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 30 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Максъ-Мюллера. — Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лаврова и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Максъ-Мюллера — VII—XII. Пер. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна. Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Искусство въ Греціи. III вып. Цѣна 60 к.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ, который составляютъ **Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи**, подъ редакціей А. Н. Чудинова. 1876 г. Ц. 2 р. [illegible]

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

Дозволено Цензурою. Москва, 31 Октября 18[illegible] г.

